Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра истории России

На правах рукописи

Накишова Марина Тазабаевна

Петербургские связи князя А.Д. Меншикова: механизмы функционирования социальных сетей

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Редин Дмитрий Алексеевич

Екатеринбург – 2022

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Деловые и личные связи А.Д. Меншикова с комендантом Санкт-Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотовым 42

1.1 Яков Хрисанфович Бахмеотов (1660-е – 1725): историография и источники 42

1.1.1. Обзор историографии 42

1.1.2. Обзор источников 53

1.2. Деятельность Я.Х. Бахмеотова как коменданта Санкт-Петербургской крепости 60

1.3. Деловые связи Я.Х. Бахмеотова и А.Д. Меншикова 80

1.4. Личные связи Я.Х. Бахмеотова и А.Д. Меншикова 100

1.5. Строительство и благоустройство постоялых дворов в Санкт-Петербурге в 1722–1723 гг. 114

Глава 2. Деловые и личные связи А.Д. Меншикова с генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга А.М. Девиером 134

2.1. Антон Мануилович Девиер (1682–1745 гг.): историография и источники 134

2.1.1. Обзор историографии 134

2.1.2. Обзор источников 143

2.2. Деятельность А.М. Девиера как генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга 152

2.3. Деловые связи А.М. Девиера и А.Д. Меншикова 174

2.4. Личные связи А.М. Девиера и А.Д. Меншикова 193

2.5. К вопросу о прочности семейных связей 218

Глава 3. Деловые и личные связи А.Д. Меншикова с кабинет-секретарем Петра I А.В. Макаровым 236

3.1. Алексей Васильевич Макаров (1674/1675–1750 гг.): историография и источники 236

3.1.1. Обзор историографии 236

3.1.2. Обзор источников 249

3.2. Деятельность А.В. Макарова как кабинет-секретаря Петра I 258

3.3. Деловые связи А.В. Макарова и А.Д. Меншикова 284

3.4. Личные связи А.В. Макарова и А.Д. Меншикова 303

3.5. Почепское дело князя А.Д. Меншикова 322
Заключение 350
Список использованных источников и литературы 362
Источники 362
Неопубликованные 362
Опубликованные 366
Литература 368
Приложения 397
№ 1 397
№ 2 398
№ 3 401
№ 4 402
№ 5 403
№ 6 404
№ 7 406
№ 8 409
№ 9 410
№ 10 411

Введение

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков (1673–1729) по праву является одной из наиболее запоминающихся персон петровского царствования и всего XVIII в. в целом. Как не раз отмечали исследователи, Меншиков стал своего рода «прототипом для всех последующих русских временщиков»[1]. Ни один государственный деятель при Петре Великом и затем при последующих правителях не совершил такого головокружительного рывка по карьерной лестнице, не обладал подобным политическим влиянием и могуществом, не был так близок к правителю и, как следствие, не ощутил столь трагичного падения. Бесспорно, его успехи на государственном поприще проистекали из множества взаимосвязанных качеств: врожденного административного таланта, гибкости ума, исполнительности, умения найти выход из самых запутанных политических интриг и т.д. «Счастья баловню безродному», как охарактеризовал его А.С. Пушкин, повезло и с дружескими связями – знакомство с государем Петром, а затем с Екатериной на раннем этапе жизни обеспечило Александру Даниловичу статус и влияние среди государственных деятелей на многие годы вперед.

Вполне очевидно, что деятельность Меншикова не проходила обособленно от общеисторического контекста. Александр Данилович в полной мере был частью тех политических процессов, которые получили развитие в России конца XVII – первой четверти XVIII в. Этот период ознаменовался петровскими преобразованиями, направленными на усовершенствование армии и флота, развитие экономики, упорядочение системы органов власти, развитие культуры и образования. Фактически, реформы Петра I затронули все сферы жизни общества. Несмотря на значительный вклад правителя в государственное строительство и его решающую роль, многочисленные нововведения Петра были невозможны без наличия сподвижников и соратников, способных воплотить идеи государя на

[1] Прозоровская Б.Д. Меншиков // Иоанн Грозный. Петр Великий. Меншиков. Потемкин. Демидовы: Биогр. очерки. М., 2019. С. 201.

практике. Меншиков как ближайший друг и доверенное лицо будущего императора стал одним из главных проводников преобразований.

При этом и князь, и сам государь Петр Алексеевич находились в окружении так называемой политической элиты, дружественной и недружественной проводимым реформам, и, соответственно, были зависимы от бытовавших среди ее представителей настроений. Петровская политическая элита, являющаяся сама по себе интереснейшим объектом для изучения, соединила совершенно непохожих и по-разному талантливых государственных деятелей. В составе ближайшего круга императора мы находим и родовитого графа П.А. Толстого, и никому неизвестного П.И. Ягужинского, впоследствии ставшего генерал-прокурором Сената. Все соратники Петра по мере своих способностей трудились на государственное благо. Однако, их политическая карьера определялась не только силой царского расположения или успешностью их государственной деятельности, но и теми отношениями, которые связывали их самих. Дружба, вражда, соперничество, объединение в политические группировки, патрон-клиентские связи – все это было не чуждо петровским соратникам. Осуществляя государственную деятельность, им приходилось решать управленческие задачи, достигать компромиссов, искать союзников и бороться с противниками так, чтобы не растерять ценный ресурс доверия Петра. Умение лавировать между собственными интересами и государственным благом представляло для государственного деятеля жизненно необходимую способность.

Меншиков, пожалуй, являлся одним из наиболее успешных игроков на политической арене, чьи власть и влияние не терпели конкуренции ни с одним другим петровским сподвижником, а талант выходить с наименьшими потерями из различных конфликтов и судебно-следственных дел поражал даже современников. В ситуации, когда «у каждого против него камень за

пазухой и каждый готов в любую минуту вонзить ему нож в спину»[1], князю помимо прочего необходимо было выстроить крепкие социальные связи, способные обеспечить ему опору в случае борьбы за политические преференции. Должно быть, от эффективности подобных связей зависела как судьба самого Меншикова, так и успехи в реализация реформ, проводимых государем.

Актуальность настоящего исследования проистекает из понимания специфики политической культуры, характерной для Российского государства в исторической ретроспективе. Как известно, политическая антропология, анализируя принципы организации политической жизни в той или иной среде, оперирует понятием традиционной политической культуры (ТПК) – «сложившейся естественным образом системы отношений по поводу власти и управления, регулируемой посредством традиции»[2]. Ей противопоставляется так называемая рациональная политическая культура (РПК), свойственная государствам модерного типа, основанная на законах и механизмах формального институционного взаимодействия. Элементы ТПК, как считает В.В. Бочаров, никогда при этом не исчезают, а уходят на периферию политической жизни, переставая играть решающую роль в системе государственного управления и уступая место регламентированным (официальным) отношениям.

Однако в последние годы исследователи неоднократно поднимали вопрос о несоответствии подобных теоретических представлений конкретной исторической действительности. Можно привести не один пример того, как якобы отжившие элементы ТПК, к которым, несомненно, помимо прочего относятся социальные сети доверия и патрон-клиентские связи, оказывались гораздо влиятельнее и устойчивее, чем казалось на первый взгляд. При этом особенно ярко и явно они проявляли себя в различного рода кризисных

[1] Андреева Е.А. А.Д. Меншиков «полудержавный властелин» или балансирующий на краю пропасти? // Меншиковские чтения: научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 110.
[2] Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 2. СПб., 2007. С. 5.

состояниях и переходных эпохах – современная Россия и постсоветское пространство несомненное тому подтверждение. Соответственно, актуальность изучения элементов ТПК определяется их влиянием и востребованностью в современной политической практике. Достоинство и недостатки такого типа отношений, заложенные в них механизмы, компенсирующие неэффективность и несовершенство официальных институций, и угрозы государственности и законности, также заложенные в них, заслуживают ретроспективного анализа, учета исторического опыта.

Объектом исследования являются социальные сети, охватывающие представителей ближайшего окружения Петра I, в частности та из них, которая сложилась вокруг князя А.Д. Меншикова. Согласно «Социологической энциклопедии», под социальной сетью понимают объединение множества социальных акторов и определенное на нем множество отношений[1]. Другими словами, социальная сеть – это совокупность социальных позиций, социальных акторов, выполняющих разные социальные роли и обладающих различным социальным статусом, и их связей. Соответственно, все личности, с которыми Меншиков контактировал за время своей жизнедеятельности, и связи, которые с ними имел, составляют большую социальную сеть вокруг него. Ее можно рассматривать как самостоятельный объект, так и в рамках более обширных социальных сетей, поскольку у каждого участника сети Меншикова есть «своя» (т.е. образованная вокруг него) социальная сеть, пересекающая с другими. Объединение множества социальных сетей есть общество.

Под **предметом** исследования подразумеваются деловые и личные связи А.Д. Меншикова, сложившиеся между ним и другими должностными лицами в системе управления Санкт-Петербурга (на примере коменданта Санкт-Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотова, генерал-полицмейстера А.М. Девиера и кабинет-секретаря А.В. Макарова). Как известно, социальные связи

[1] Социальная сеть // Аберкромби Н. Социологический словарь. М., 2004. С. 516–517; Социальная сеть // Социологическая энциклопедия [Электронный ресурс].

(взаимодействия) представляют собой различные виды зависимости между людьми, реализуемые через социальные действия и отношения. Выделяют несколько видов социальных связей: 1) контакты, то есть простые, поверхностные связи между двумя людьми, иногда сводящиеся к единичному взаимодействию; 2) действия, под которыми подразумеваются целенаправленные акты, ориентированные на других индивидов; 3) взаимодействия – систематические взаимные действия; 4) отношения или устойчивые связи между людьми на протяжении длительного периода времени, осуществляемые в соответствии с принятыми нормами поведения и развернутой системой социальных ролей. Также по характеру социальные связи делят на два типа – экспрессивные (связи, вызванные эмоциональным расположением друг к другу) и инструментальные (связи, образующиеся в результате сотрудничества по достижению какой-либо цели)[1].

Если следовать за принятым в социологи видовым делением, в настоящем исследовании речь идет по преимуществу о социальных отношениях как видовой категории социальных связей, сложившихся между Меншиковым и Бахмеотовым, Меншиковым и Девиером, Меншиковым и Макаровым. Подразумевается, что их отношения поддерживались на протяжении нескольких лет, а в случае с Девиером и Макаровым на протяжении нескольких десятилетий. Кроме того, мы не можем рассматривать их взаимодействие вне исторического контекста, принятых среди петровской политической элиты норм поведения. Нельзя забывать и о влиянии на действия контрагентов социального статуса каждого из акторов, который во многом определял характер связей, уровень доверия и желания эти связи устанавливать. Однако, обратившись к историческому материалу, мы пришли к выводу об отсутствии необходимости акцентировать внимание на различиях дефиниций «контакты», «действия», «взаимодействия» и «отношения» – в большинстве своем они используются нами как синонимы слова «связи». То

[1] Волков Ю.Г. Социология: учебник для студентов вузов. Ростов н/Д, 2014. 667 с.

же самое можно сказать о делении на «экспрессивные» и «инструментальные» связи. Подобное разделение характера связей, на наш взгляд, не представляется удачным потому, что наличие эмоций в отношении контрагента не исключало важности конкретной цели, для достижения которой связь актуализировалась.

В настоящей работе предлагается иное видовое деление социальных связей – на деловые и личные. К деловым связям относятся те связи, которые сложились между изучаемыми персонами в рамках осуществления ими должностных обязанностей (коменданта, генерал-полицмейстера, кабинет-секретаря, с одной стороны, и генерал-губернатора, президента Военной коллегии и сенатора, с другой). К личным связям определяются сюжеты, связанные с личной жизнью государственных деятелей, выходящие за рамки их служебных обязанностей. Стоит особо подчеркнуть, что четкую грань между деловым и личным провести невозможно. Деловые отношения не могут существовать без влияния личных и наоборот. Подобное деление используется нами в инструментальных целях для более удобной группировки объемного материала.

Следует остановиться на причинах, побудивших взять в качестве предмета исследования связи Меншикова с обозначенными выше персонами – Петербургским комендантом Бахмеотовым, генерал-полицмейстером Девиером и кабинет-секретарем Макаровым. Как не раз отмечали исследователи, социальные контакты князя были крайне обширны. В силу своей вовлеченности в государственное строительство Меншиков поддерживал связи различного характера и продолжительности с военачальниками, дипломатами, должностными лицами центральных и местных государственных институтов, архитекторами, учеными и т.д. Охарактеризовать всю социальную сеть, сложившуюся вокруг князя, в рамках одной научной работы не представляется возможным. Поэтому была выбрана

исследовательская стратегия, применявшаяся историками и кажущаяся нам наиболее удачной – сужение круга изучаемых персон[1].

В основной части исследования рассматриваются петербургские связи Меншикова, под которыми понимаются связи с руководителями органов власти, игравших важную роль в системе управления Санкт-Петербургом. Поскольку подведомственными коменданту, генерал-полицмейстеру, кабинет-секретарю государственными институтами столичная система управления не заканчивалась, еще большее ограничение количества контактов до Бахмеотова, Девиера и Макарова имело свои причины. Во-первых, все три государственных деятеля имели незнатное происхождение, а полученная ими должность в Санкт-Петербурге ознаменовала для них старт на политической арене. Им сразу же приходилось выстраивать отношения с влиятельным генерал-губернатором, входя в его социальную сеть. Более того, их положение отличалось тем, что на начальном этапе политической карьеры все трое были так или иначе зависимы от Меншикова и обладали более скромным влиянием. Они контактировали с князем не в качестве равноправных акторов, а как его подчиненные/агенты/клиенты. Со временем ситуация менялась в зависимости от личных достижений и политических амбиций каждого. Во-вторых, важным аргументом является наличие плотных комплексов исторических источников, прежде всего эпистолярных, отразивших деловые и личные связи Меншикова с представленными государственными деятелями. Это позволяет проследить их взаимоотношения, выявить направления их контактов, в том числе в

[1] Подобная тактика использовалась исследователями в следующих работах: Базарова Т.А. Бумаги вице-канцлера П.П. Шафирова в походной канцелярии А.Д. Меншикова: Археографическое введение // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. С. 35–56; Георгиевский Г.П. Мазепа и Меншиков // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 72–83; Кочегаров К.А. Мазепа и Меншиков: человеческие отношения и политическое сотрудничество // Меншиковские чтения – 2015. СПб., 2015. Вып. 10. С. 68–89; Полонский Д.Г. «Меня здесь приемлют якобы сына Вашего»: письма П.И. Ягужинского А.Д. Меншикову как источник истории отношений политиков Петровской эпохи: (Исследование и публикация) // Вестник РГГУ. 2012. № 21 (101). С. 221–232; Редин Д.А., Серов Д.О. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П.П. Шафирова князю А.Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 471–502; Рогожин А.А. А.Д. Меншиков и его «креатуры»: патронаж в служебной карьере генералитета русской армии начала XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2017. С. 637–643; Савельева Е.А. К вопросу о взаимоотношениях петровских военачальников А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса // Меншиковские чтения – 2008. СПб. 2008. Вып. 6. С. 74–86 и т.д.

динамике. В-третьих, изучаемые нами персоны имели различный статус в политической иерархии, соответственно, у них наблюдалась разная степень зависимости от Меншикова. Поэтому на их примере представляется возможность исследовать три разных механизма взаимодействия с Меншиковым, три разных схемы поведения. Учитывая эти три аргумента, мы исключили других глав государственных органов, занятых в системе управления Санкт-Петербургом[1].

Исходя из вышеизложенного, **целью** исследования является изучение механизмов функционирования деловых и личных связей, сложившихся между князем А.Д. Меншиковым, с одной стороны, и петербургским комендантом Я.Х. Бахмеотовым, генерал-полицмейстером А.М. Девиером и кабинет-секретарем А.В. Макаровым, с другой. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) охарактеризовать деятельность Бахмеотова, Девиера и Макарова на должностях коменданта Санкт-Петербургской крепости, генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга и кабинет-секретаря соответственно;

2) выявить и проанализировать основные направления деловых связей обозначенных лиц с князем Меншиковым;

3) реконструировать векторы развития личных связей между изучаемыми персонами и Меншиковым;

[1] Так, директор Канцелярии городовых дел У.Я. Синявин был оставлен в стороне, поскольку комплекса его писем к Меншикову не сохранилось, а исходящие от князя послания имеются лишь в виде отпусков. Более того, Синявин на момент занятия должности являлся вполне независимым от Меншикова игроком на политической арене, а нас интересовали связи князя с его первоначальными подчиненными/агентами/клиентами. Сообразно последнему положению мы исключили Ф.М. Апраксина, главу Адмиралтейства. Их отношения, надо полагать, развивались не на почве управления столицей, зародились задолго до ее основания. В системе управления Санкт-Петербургом Апраксин принимал опосредованное участие, его власть распространялась только на морское ведомство и подконтрольную ему территорию. Кроме того, не рассматриваются связи Меншикова с обер-комендантом Р.В. Брюсом, который в интересующий нас период участия в управлении Санкт-Петербургом практически не принимал и умер в 1720 г. Его знакомство с князем, равно как и Апраксина, произошло задолго до основания города и имела под собой другую почву. По аналогичным причинам исключены главы Главного магистрата Ю.Ю. Трубецкой и А.Г. Долгоруков. Отметим, что в дальнейшем нам хотелось бы осветить связи Меншикова с данными персонами, но эта задача будет реализована вне настоящей работы.

4) изучить конкретные примеры функционирования социальных связей, сложившихся между Меншиковым и Бахмеотовым, Девиером и Макаровым, в контексте событий эпохи[1].

Мы намеренно не включили в задачи характеристику деятельности Меншикова как генерал-губернатора Ингерманландской (затем – Санкт-Петербургской) губернии, так как настоящее исследование посвящено его социальным связям с конкретными людьми, а не системе управления Санкт-Петербургом. Эти связи, хоть и проистекали из столицы, распространялись намного шире и базировались на большем количестве факторов, чем система управления городом.

В виду особенностей характеристик объекта и предмета исследования, **географические рамки** работы определяются распространенностью социальных связей А.Д. Меншикова. Пространственно раскинутые, в сущности, по всей стране и имевшие наибольшую плотность в ее европейской части, они определяют территориальный контур работы по европейским губерниям России с центром в столичном Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, фактически, является отправной точкой настоящего исследования, так как деловые и личные отношения между изучаемыми нами государственными деятелями зародились под значительным влиянием их участия в системе управления городом. Затем во всех случаях – где-то в большей степени, где-то в меньшей – взаимодействие происходило на более широкой почве, чем решение проблем столицы (в случае с А.В. Макаровым это особенно показательно). Расширение географии социальных связей зависело как от статуса личности в системе государственной иерархии и близости его к монарху, так и от углубления личных взаимоотношений с Меншиковым.

Определение **хронологических рамок** исследования напрямую зависит от хронологической привязки имеющихся в нашем распоряжении

[1] Данные примеры рассмотрены в последнем параграфе в каждой главе.

источниковых комплексов. В общих чертах они определяются периодом с 1704 г. (год назначения Макарова на должность кабинет-секретаря) по 1727 г. (год, когда произошло дело «Девиера–Толстого» и обнаруживаются последние письма Девиера и Макарова к Меншикову в фонде его личной канцелярии). При этом для каждой из глав есть своя хронология в зависимости от того, до какого времени государственный деятель выполнял свои обязанности на должности: 1717–1725 гг. для Я.Х. Бахмеотова, 1718–1727 гг. для А.М. Девиера, 1704–1727 гг. для А.В. Макарова. По ряду причин можно выделить хронологический период, которому уделяется наибольшее внимания в рамках более общего временного контекста – с 1717 г. по 1725 г. Именно в это время актуализируются вопросы управления Санкт-Петербургом как имперской столицей. Параллельно военные потребности государства отходят на второй план (по мере прекращения Северной войны), а гражданские административные преобразования набирают все большую актуальность. Деятельность Бахмеотова, Девиера и Макарова с рубежа 1710-х – 1720-х гг. и до конца петровского правления находилась в своем расцвете. Они достигли наибольшего политического влияния. Вместе с этим в последнее десятилетие царствования Петра наблюдается весьма непростая ситуация в политической карьере Меншикова. Князь, как известно, увяз в различных судебно-следственных процессах, в рамках которых ему были выдвинуты обвинения во взятничестве, казнокрадстве и несправедливых земельных захватах. Для сохранения политических позиций (да и собственной жизни) ему необходимо было опереться на устойчивые социальные связи, посредством которых возможно было получить помощь и поддержку и оказать влияние на решения государя. В такой ситуации петербургские связи, наиболее устойчивые и обеспеченные его статусом как генерал-губернатора, вполне ожидаемо использовались князем для упрочения влияния. В последовавшее после 8 февраля 1725 г. непродолжительное царствование Екатерины I отношения, сложившиеся между изучаемыми нами государственными деятелями и

Меншиковым, продолжали развиваться на тех основаниях, которые были заложены ранее, или вытекали из них.

Степень разработанности темы. Тема настоящего исследования предполагает подробный разбор исторических трудов, посвященных деятельности каждой из изучаемых нами персон, а также обзорных работ, касающихся петровской элиты, функционирования социальных связей. В силу этого анализ историографии, касающейся деятельности Я.Х. Бахмеотова, А.М. Девиера и А.В. Макарова и их взаимоотношений с князем Меншиковым, будет представлен в рамках соответствующих глав. Подобный подход был избран нами потому, что при наличии некоторых общих трудов, в которых упоминаются данные государственные деятели, их биография нашла отражение в совершенно оригинальных комплексах исторических исследований. Здесь остановимся на исследованиях, тематика которых проходит красной линией через все главы.

Говоря об общей для всего диссертационного исследования историографии, нельзя не остановиться на работах, касающихся жизни и деятельности А.Д. Меншикова. В силу величины личности и широты сферы деятельности князя научные труды, в которых так или иначе отразились различные аспекты его жизненного пути, вряд ли уместятся на нескольких страницах. Не имея цели погружаться в подробный экскурс историографического наследия, кратко обозначим биографические очерки, посвященные Меншикову, без которых наше исследование было бы неполным.

Существует несколько специальных биографий Меншикова как в виде самостоятельных исследований, так и в качестве статей и разделов в энциклопедических словарях и сборниках. Небольшие очерки о государственных деятелях эпохи Петра I, в том числе и об Александре Даниловиче вошли в состав «Русских избранников» Г. фон Гельбига, «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» Д.Н. Бантыш-Каменского, «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона»,

«Военного энциклопедического лексикона», исследования о военных и гражданских руководителях Санкт-Петербурга и т.д.[1]. Первая, известная нам, книга, посвященная жизни и деятельности князя, появилась в 1803 г. под названием «Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великого» в трех частях[2]. Затем последовало несколько законченных и незаконченных очерков, по преимуществу раскрывающих различные аспекты жизни князя – его финансовую деятельность, успехи на военном поприще, государственную деятельность и др.[3]. На данный момент наиболее полным и системным исследованием является монография классика советской и российской историографии Н.И. Павленко «Александр Данилович Меншиков»[4], написанная историком в последние десятилетия XX в. Павленко на основании широкого круга источников проследил жизненный путь петровского соратника от его первых шагов на государственном поприще до падения, ссылки и смерти в 1728 г. Заметное место в тексте исследования посвящено проблемам взаимоотношений Меншикова с другими петровскими соратниками. Выход монографии Павленко, к слову, породил долгую дискуссию относительно грамотности или неграмотности князя. Альтернативный Павленко взгляд на то, что Александр Данилович не был

---

[1] Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. СПб., 1840. С. 91–139; Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1855. Ч. 2. С. 46–49; Длуголенский Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга – Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальники. СПб., 2001. С. 9–16; Меншиков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX. С. 102–104; Меншиков, князь Александр Данилович // Военный энциклопедический лексикон: Т.VIII. С. 603–608; Русские избранники и случайные люди. Составил Георг фон-Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II, 1787–1796 // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 22–35 и т.д.

[2] Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великого. Ч. 1–3. М., 1803. 376 с.

[3] Есипов Г.В. Жизнеописание князя А. Д. Меншикова, по новооткрытым бумагам. Главы I–III // Русский архив. 1875. Кн. 7. С. 247–261; Есипов Г.В. Жизнеописание князя А. Д. Меншикова (Шведская война. 1706–1709 годы) // Русский архив. 1875. Кн. 9. С. 49–76; Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова. Сочинение Г.В. Есипова по новооткрытым бумагам (Шведская война 1709–1710 годы. Взятие Выборга. Суд над фельдмаршалом Гольцем) // Русский архив. 1875. Кн. 10. С. 198–212; Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. 380 с.; Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. Ч. 1. СПб., 2005. 248 с.; Прозоровская Б.Д. Меншиков // Иоанн Грозный. Петр Великий. Меншиков. Потемкин. Демидовы: Биогр. очерки. М., 2019. С. 201–291 и т.д.

[4] В более поздних редакциях «Меншиков. Полудержавный властелин». См.: Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2016. 399 с.

безграмотным, принадлежал к числу образованнейших людей и происходил из дворянского рода, поддержал Ю.Н. Беспятых[1].

В последнее время историками все больше актуализируется необходимость обновления биографии князя с учетом новейших историографических наработок и введенных в научных оборот исторических источников[2]. Надо полагать, отчасти подобные выводы сформировались под влиянием регулярно проводимых конференций – Меншиковских чтений, специально посвященных различным аспектам деятельности князя (г. Березово), Петровского конгресса (г. Санкт-Петербург), конференции «Петровское время в лицах», организованной силами Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) и пр. Сборники материалов конференций отразили наиболее актуальные наработки отечественных ученых[3].

Несмотря на наличие некоторого числа специальных трудов, Меншикова как объекта для изучения постигла судьба многих петровских соратников – его личность скрыта за реформаторской деятельностью первого российского императора. Как отмечал Н.И. Павленко, «мера участия Александра Даниловича Меншикова, – а именно он является героем повествования, – в тех делах была неоднозначной (в реформах Петра Великого. – *М.Н.*): в одних он являлся главной фигурой, и его роль была решающей, к другим он не имел никакого отношения или участвовал мимоходом»[4]. Упоминания о князе встречаются в исследованиях, посвященных более широким сюжетам (действиям на полях Северной войны,

---

[1] Беспятых Ю.Н. «…По писмам собственных наших рук…» // Югра: Региональный журнал. 2004. №8. С. 81–86; №9. С. 71–75; Беспятых Ю.Н. А.Д. Меншиков был грамотен! // Там же. 18 марта. №19 (9550). С. 5; Беспятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005. 232 с.; Беспятых Ю.Н. Как ваше слово отзовется?: О рецензии Н.И. Павленко (Наука и жизнь. 2005. №3. С. 69–75) на мою книгу «Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005» // Меншиковские чтения — 2006: Материалы чтений. СПб., 2006. С. 105–124; Беспятых Ю.Н. О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I: (К полемике по поводу грамотности и происхождения А.Д. Меншикова) // Петербургский исторический журнал. 2015. №2 (06). С. 263–284; Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. 2005; №3. С. 69–75; Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. 2005. 8 февраля. №9 (9540). С. 5.

[2] Долгова С.Р. Мой соавтор – Татьяна Лаптева // Окно в Европу: Сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяна Анатольевны Лаптевой (1955 – 2018). М., 2021. С. 463.

[3] См. например: Меншиковские чтения – 2005: сб. науч. ст. СПб., 2005. 128 с.; Петровское время в лицах: краткое содержание докладов научной конференции чтений памяти А. Д. Меншикова. СПб., 2003. 111 с.

[4] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 3.

созданию Санкт-Петербурга, различным реформам, судебно-следственным процессам, культурным преобразованиям), в которые наравне с Меншиковым были вовлечены многие представители ближнего круга Петра. Акцент на роли князя в них, как правило, не делается. Хотя нельзя не отметить, что подобного рода работы позволяют взглянуть на деятельность Меншикова в общеисторическом контексте, объективно оценить его вклад в преобразовательную активность Петра и проследить контакты с другими государственными деятелями[1]. В частности, служба Александра Даниловича на посту генерал-губернатора Санкт-Петербурга рассматривается в исследованиях, касающихся истории имперской столицы. Прежде всего, внимание историков занимают первые годы губернаторства князя, а именно его участие в административном устройстве Ингерманландской губернии и строительстве Санкт-Петербурга[2].

Отношения Меншикова с другими представителями петровской политической элиты нашли отражение в ряде специальных исследований. Часть авторов рассматривает деятельность князя в контексте политических процессов, происходивших в начале XVIII в.: формирования ближайшего круга Петра, выработки реформаторского курса, борьбы за власть и т.д.

---

[1] См., например: Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. М., 2009. 466 с.; Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. 342 с.; Веретенников В. История тайной канцелярии Петровского времени. М., 2014. 224 с.; Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель: исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017. 637 с.; Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенныя по годам. М., 1840. Т. 13. 778 с.; Иванов И.М. Петр Великий: Его жизнь и государственная. Деятельность. СПб., 1898. 95 с.; Корнилович А.О. Нравы русских при Петре Великом. М., 2016. 145 с.; Лиштенан Ф.-Д. Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи. М., 2021. 567 с.; Павленко Н.И. Петр I. М., 2000. 428 с.; Петров П.Н. Петр Великий: Очерк жизни первого императора всероссийском. СПб., 1872. 40 с.; Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. В 6-ти томах. СПб., 1858–1863; Cracraft J. Revolution of Peter the Great. Cambridge, L., 2003. 193 p.; Dixon S. The Modernisation of Russia 1676–1825. Cambridge; N.Y., 1999. 267 p.; Jay O.L. Russia in the Era of Peter the Great. N.J., 1969. 184 p.; Lewitter L. R. Peter the Great and Polish Dissenters // Slavonic and East European Review. L., 1954. Vol. 33. P. 75–101; Moulton J.R. Peter the Great and the Russian Military Campaigns during the Final Years of the Great Northern War, 1719–1721. Lanham (Md.), 2005. 262 p.; Raev M. Political Institutions and Ideas in Imperial Russia. Boulder, Colorado, 1994. 389 p.; Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven, Conn., 1998. 602 p., etc.

[2] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра. Петербург в рус. обществ. сознании нач. XVIII в. СПб., 1999. 341 с.; Андреева Е.А. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах – 2005. СПб., 2005. С. 15–31; Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. СПб., 2003. С. 10–14; Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. 366 с.; Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. 190 с.; Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884. 1110 с. и др.

Исследователи, кроме того, понимают вопрос о роли патрон-клиентских отношений в системе управления Российским государством. Так, частично элементы патрон-клиентских связей в ближайшем окружении Петра разбираются американским историком Э. Зицером. Изучая практики Всешутейшего Собора, особого действа с элементами театрализации и девиантного поведения, историк подчеркивает, что таким образом государь совершал символический разрыв с предыдущим правлением, знаменуя новый этап жизни государства в целом. Развлечения царя, которые на первый взгляд могли показаться пьяным безумством, на самом деле имели глубокий символический смысл: они создавались с целью борьбы против старомосковских дворянских кланов, которых Петр недолюбливал, и ввода представителей новой элиты в ближайший круг через театрализированное принятие личной власти монарха[1].

Функционирование патрон-клиентских связей в рамках борьбы за власть стало предметом исследования П. Бушковича[2]. Его книга «Петр Великий: борьба за власть», пожалуй, до сих пор является редким примером работы англоязычного автора, где проведен настолько комплексный взгляд на политическую борьбу петровского времени и с таким широким привлечением русскоязычных источниковых комплексов. В ней историк прослеживает смену политических группировок элиты, начиная с последних годов царствования Алексея Михайловича до конца петровского правления, хотя нельзя не отметить, что годы после окончания «дела царевича Алексея» (1718 г.) занимают слишком малый объем исследования. Важным плюсом политики Петра Бушкович считает способность царя в поисках соратников и в регулировании расстановки сил между ними находить баланс между представителями старомосковских родов и новыми членами элиты

[1] Зицер Э. Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. 238 с.

[2] Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. 342 с.; Bushkovitch P. Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 50. Berlin. 1995. P. 80–120; Bushkovitch P. Power and the Historian: The Case of Tsarevich Aleksei 1716–1718 and N.G. Ustrialov 1845–1859 // Proceeding of the American Philosophical Society. Vol. 141. No. 2 (Jun., 1997). P. 177–212.

(иностранцами, неродовитым дворянством и членами других социальных групп)[1].

Борьба за власть в петровское и последующие царствования стала предметом еще нескольких исследований. На основе многолетних архивных поисков И.В. Курукин предлагает свою трактовку института фаворитизма как дублирующей системы принятия и исполнения политических решений. В своей работе, посвященной эпохе «дворьских бурь», историк выдвигает важный тезис о естественном наличии неформальных институтов в механизме функционирования любой монархии «старого режима»[2]. Участие Меншикова в борьбе за власть после смерти Петра I также рассматривают Е.В. Анисимов, А.В. Демкин, К.А. Писаренко[3].

В недавнее время свет увидела специальная работа о неформальных связях среди политической элиты, написанная в соавторстве М.А. Киселевым, К.А. Кочегаровым и Я.А. Лазаревым, «Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники: монография», в которой несколько глав (1–3) специально посвящены анализу неформальных связей в системе государственного управления петровского времени[4]. Заметным преимуществом данного издания является привлечение широкого круга новых источников, раннее в оборот не введенных, а также актуальной историографии, рассматривающей различные аспекты государственного управления в России XVIII в. Благодаря обширной источниковой базе исследователям удалось реконструировать в деталях неформальные отношения и практики управления Гетманщиной с конца XVII в. до 1760-х гг.,

---

[1] Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. 342 с.

[2] Курукин И.Н. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. 757 с.

[3] Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. 496 с.; Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011. 258 с.; Курукин И.В. Екатерина I. М., 2016. 397 с.; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. 757 с.; Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М., 2014. 462 с.

[4] Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники: монография / М. А. Киселев, К. А. Кочегаров, Я. А. Лазарев. Екатеринбург, 2022. 1244 с.

что было сделано в отечественной науке впервые. Однако теоретические вопросы, касающиеся понятийного аппарата, общих механизмов и принципов функционирования патрон-клиентских сетей, соотношения их с родственными и дружескими связями, в данной работе, равно как и в трудах Э. Зицера и П. Бушковича, достаточного освещения не получили[1].

Другая группа исследований направлена на изучение социальных связей Меншикова с конкретными петровскими соратниками и представителями правящей верхушки. Н.И. Павленко одним из первых актуализировал необходимость научного осмысления контактов князя, наметив его связи с Б.П. Шереметевым, П.А. Толстым, А.В. Макаровым, Ф.М. Апраксиным и А.И. Остерманом и др.[2]. Взаимоотношениям Меншикова и вице-канцлера П.П. Шафирова посвящены работы Т.А. Базаровой, Д.А. Редина и Д.О. Серова, Меншикова и гетмана И.С. Мазепы – Г.П. Георгиевского и К.А. Кочегарова, Меншикова и Я.В. Брюса – Е.А. Савельевой и т.д.[3]. Помимо этого, проблемы стилистики, лексических, синтаксических и морфологических особенностей языка в письмах Меншикова поднимает Д.Г. Полонский, который утверждает, что этикетные формулы в словоупотреблении Ф.М. Апраксина, П.И. Ягужинского и других лиц далеко не всегда отражали их реальное отношение к Александру Даниловичу[4].

---

[1] Это прослеживается, прежде всего, в отсутствия единого понятийного аппарата в трех частях, написанных разными исследователями.

[2] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2016. 399 с.; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 332 с.

[3] Базарова Т.А. Бумаги вице-канцлера П.П. Шафирова в походной канцелярии А.Д. Меншикова: Археографическое введение // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. С. 35–56; Георгиевский Г.П. Мазепа и Меншиков // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 72–83; Кочегаров К.А. Мазепа и Меншиков: человеческие отношения и политическое сотрудничество // Меншиковские чтения – 2015. СПб., 2015. Вып. 10. С. 68–89; Редин Д.А., Серов Д.О. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П.П. Шафирова князю А.Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 471–502; Рогожин А.А. А.Д. Меншиков и его «креатуры»: патронаж в служебной карьере генералитета русской армии начала XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2017. С. 637–643; Савельева Е.А. К вопросу о взаимоотношениях петровских военачальников А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса // Меншиковские чтения – 2008. СПб. 2008. Вып. 6. С. 74–86 и т.д.

[4] Полонский Д.Г. «Меня здесь приемлют якобы сына Вашего»: письма П.И. Ягужинского А.Д. Меншикову как источник истории отношений политиков Петровской эпохи: (Исследование и публикация) // Вестник РГГУ. 2012. № 21 (101). С. 221–232; Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011: научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93.

Резюмируя освещение историографии, отметим, что изучение социальных связей Меншикова в системе государственного управления и в контексте политических процессов, объединявших различных представителей петровской элиты, является актуальным и, на наш взгляд, весьма перспективным вектором развития отечественной историографии. Необходимость осмыслить взаимоотношения внутри соратников Петра Великого кажется насущной задачей исторической науки, которая уже имеет успешные образцы подобных исследований. Вместе с тем, обращаясь к данной тематике, невозможно обойти стороной личность князя Меншикова, одного из самых богатых и влиятельных сподвижников Петра. Как справедливо отмечала С.Р. Долгова, его биография после фундаментального труда Павленко нуждается в обновлении, а отдельные аспекты его жизни в прояснении и уточнении, в том числе и вопрос о социальных связях князя[1].

Источниковая база настоящего исследования, равно как и историография, будет рассмотрена в индивидуальном порядке для каждой главы по отдельности. Деятельность изучаемых нами государственных деятелей – коменданта Я.Х. Бахмеотова, генерал-полицмейстера А.М. Девиера, кабинет-секретаря А.В. Макарова – и их отношения с генерал-губернатором А.Д. Меншиковым нашли отражение в различных документальных комплексах. Несмотря на общую классификационную принадлежность (законодательные, делопроизводственные, нарративные и т.д.), источники для каждого раздела имеют свою специфику, зависящую от должности и социального статуса государственного деятеля, его семейного круга и личных отношений с Меншиковым. Кроме того, источниковые комплексы имеют разную степень сохранности и введенности в научный оборот. Поэтому, на наш взгляд, справедливо расставить необходимые акценты и провести источниковый анализ без отрыва от общего освещения деловых и личных связей, сложившихся между Меншиковым и его

[1] Долгова С.Р. Мой соавтор – Татьяна Лаптева // Окно в Европу: Сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяна Анатольевны Лаптевой (1955 – 2018). М., 2021. С. 461–463.

петербургскими соратниками. В данном разделе отметим несколько общих принципов.

Выбирая для научного исследования социальные связи между людьми, ученый сталкивается с массой источниковедческих проблем. Как справедливо отмечает Д.А. Редин, «историку, ориентированному на антропологические исследования феномена власти в России раннего Нового времени (в том числе и на изучение взаимоотношений между государственными деятелями в процессе государственного строительства. – *М.Н.*), приходится тратить немалые усилия как для поиска подходящего материала, так и для разработки соответствующих методов его раскрытия. На это уходит много времени и сил, а результат оказывается не очень скорым, но приобретенное знание окупает издержки подготовительного этапа»[1]. В этом плане наиболее информативными выглядят источники личного происхождения, в особенности эпистолярное наследие (частная переписка).

Использование понятий «частная переписка» или «частная корреспонденция» влечет за собой несколько источниковедческих дискуссий, хотя, казалось бы, данные термины существуют в научной литературе не один год[2]. Не вдаваясь в детали споров, которые заслуживают отдельного исследования, отметим, что безоговорочным преимуществом частной[3] корреспонденции XVIII в. является ее неофициальный характер. Другими словами, письма проходили путь от одного индивида к другому без какой-либо корректировки в официальных государственных институтах.

---

[1] Редин Д.А. Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления // Новое прошлое. 2019. №3. С. 119.

[2] Прежде всего, дискуссии связаны с разграничением понятий «личная» и «частная» переписки, соотношением между делопроизводственной перепиской и частной или личной, о доли той или иной содержательной информации в частных письмах и т.д. См.: Каштанов С.М. Частное письмо 1536/37 гг. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 140–146; Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М, 2018. 664 с.; Редин Д.А. Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления // Новое прошлое. 2019. №3. С. 116–127; Редин Д.А. Частная и личная переписка в исследованиях административной истории Петровского царствования // Актуальные проблемы источниковедения. Мат-лы VI междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 201–204. и т.д.

[3] Мы будем употреблять данный термин как противопоставление официальной переписке, проходящей через систему государственных органов и ведущейся между. Параллельно «частной переписке» употребляется термин «неофициальная переписка» как синоним.

Соответственно, в частном письме сохранилась как деловая (касающаяся выполнения служебных обязанностей, решения управленческих задач и принятия политически важных решений) так и личная (касающаяся семейных и хозяйственных вопросов, личных споров, судебно-следственных дел и др.) информация. При обсуждении деловых вопросов государственные деятели выступали в качестве руководителей или должностных лиц соответствующих органов власти. Поднимая в корреспонденции личные проблемы, они выводили на первый план дружеские, приятельские или родственные отношения. Таким образом, частная переписка является перспективным источником для реконструкции деловых и личных связей в комплексе, поскольку наиболее полно отражает все стороны личности человека.

При анализе эпистолярных источников нельзя забывать о некоторых несовершенствах данного комплекса. Письма в любое время имели целью установление и поддержание социальных контактов между двумя контрагентами с различным социальным статусом и различными политическими возможностями. Кроме того, они были направлены на достижение какого-либо результата, например, на получение помощи и услуги, оказание протекции, решение конфликта. Поэтому информация, заключенная в письме, и стиль подачи напрямую зависели от искомой цели. Согласно наблюдениям исследователей, в XVIII в. сформировалась эпистолярная этика, которая включала в себя определенные формулы вежливости, комплиментарные обороты, штампированные выражения, выражавшие лояльность[1]. Как отмечает М.Б. Лавринович, для частной корреспонденции характерен высокий уровень эмоционального накала, выражавшийся в демонстрации преданности, верности, доверия, привязанности обоих корреспондентов друг к другу. Эмоциональные

[1] Анисимов Е.В., Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 49–62; Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 219–223; Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93; Самойлова Н. Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII – начала XVIII вв.: (К вопросу о формировании устойчивых словосочетаний): автореферат дис. … канд. филолог. наук. М., 1969. 17 с.

высказывания нередко вводят исследователей в заблуждение, поскольку они создают впечатление особой близости корреспондентов[1]. При этом зачастую использование тех или иных оборотов не имело никакого отношения к реальным мыслям и чувствам контрагентов. Употребляя синтаксическую формулу, автор письма следовал устоявшимся нормам письма, стремился достичь какой-либо цели или удовлетворить свои амбиции, в том числе благодаря языковому инструментарию[2]. Однако стоит отметить, что комплексное рассмотрение корреспонденции, внимательное изучение ее содержания, сличение с другими документальными собраниями позволяют более-менее объективно отделить мнимую лояльность от реально оказываемых услуг[3]. Более того, анализ различных комплиментарных оборотов и формул для исследования, подобного нашему, имеет особенную важность, поскольку дает информацию о тех механизмах поведения, которые государственные деятели использовали для установления и поддержания связей друг с другом, показывает, насколько они были заинтересованы в контактах и что делали для достижения этого.

В основе каждой из глав настоящего исследования по преимуществу лежат материалы фонда личной (походной) канцелярии князя А.Д. Меншикова[4]. Документальное наследие Меншикова, включая личные бумаги,

---

[1] Lavrinovich M. От любви к разочарованию: выражение чувств как средство коммуникации между графом Н.П. Шереметевым и А.Ф. Малиновским (1800-е годы): From Love to Disappointment: The Expression of Feelings as a Means of Communication between Count Nikolai Sheremetev and Aleksei Malinovskii in the First Decade of the Nineteenth Century // Avtobiografija. Vol. 10. P. 176.

[2] Лавринович отмечает: «…за видимой любезностью и предупредительностью скрывается холодная и тяжелая реальность человеческих амбиций, поскольку источником языка “учтивости” (politesse, politeness) были отношения “хозяин-слуга”. Письма Малиновского к Шереметеву полны рекомендованными “учтивостями”, которые, по определению одного из письмовников, “хотя ничего не значили, но были приятны Господину, которой за удовольствие себе почитал одно получение ответа”». См.: Там же, С. 178–179. Об этом же см.: Плампер Я. История эмоций. М., 2018. 568 с.; Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. 511 с.

[3] Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. N.Y., 1986. P. 22; Lavrinovich M. От любви к разочарованию: выражение чувств как средство коммуникации между графом Н.П. Шереметевым и А.Ф. Малиновским (1800-е годы) // Avtobiografija. Vol. 10. С. 176–177.

[4] О специфике формирования походных канцелярий см.: Бабич М. В. Военно-организационная деятельность А. Д. Меншикова в материалах Российского государственного архива древних актов // Меншиковские чтения-2011. Материалы чтений. Березово, 12–13 ноября 2011 г. СПб., 2012. Вып. 8. С. 25–26; Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (по материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова): новые подходы к изучению // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. Вып. 22 (1–2). С. 168–177 и др.

подверглось разбору еще во второй половине 1720-х–1730-е гг. после его ареста и конфискации имущества. Как замечает А.П. Глаголева, поводом к разбору и описанию княжеского архива были поиски компрометирующих его материалов, выявление денежных и торговых операций, выборка дел, подлежащих отдаче наследникам[1]. В результате одна часть наследия князя была сначала описана, а затем отправлена в Москву. В настоящее время она хранится в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА)[2]. Вторая часть, в которую входили документы походной канцелярии за 1703–1713 гг., осталась в Санкт-Петербурге и на данный момент хранится в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – НИА СПбИИ РАН)[3]. Отдельные документы можно найти в составе других хранилищ[4]. Несмотря на долгие мытарства архива Меншикова, «архивные стены, обратив документальные свидетельства жизни и деятельности А.Д. Меншикова в “фонды”, обеспечили им сравнительно редкую для “бумаг” сподвижников Петра I с более благополучными биографиями сохранность»[5]. Кроме того, за время архивного хранения в состав фондов, связанных с деятельностью Меншикова, попали документы других государственных деятелей первой четверти XVIII в. (бумаги И.С. Мазепы, документация походных канцелярий Б.П. Шереметева и П.П. Шафирова)[6].

Учитывая хронологические рамки настоящего исследования, больший интерес для нас представляет московская часть документального наследия

---

[1] Глаголева А.П. Повседневные записки князя Меншикова (к изучению материалов Меншиковского архива) // Проблемы источниковедения. Вып. 5. М., 1956. С. 162–167.
[2] РГАДА. Ф. 198.
[3] НИА СПбИИ РАН. Ф. 83.
[4] В материалах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Российском государственном архиве военно-морского флота, Российском государственном военно-историческом архиве и т.д.
[5] Бабич М.В. Военно-организационная деятельность А.Д. Меншикова в материалах Российского государственного архива древних актов // Меншиковские чтения–2011. СПб., 2012. Вып. 8. С. 20.
[6] Базарова Т.А. Бумаги вице-канцлера П.П. Шафирова в походной канцелярии А.Д. Меншикова: Археографическое введение // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. С. 41.

Меншикова, сохранившаяся в РГАДА[1]. В РГАДА личная канцелярия князя сформирована в фонд № 198 «Князь А.Д. Меншиков». Последняя опись фонда была составлена еще Н.Н. Бантыш-Каменским в 1773 г. и состоит из двух частей (реестров). В реестре I (290 ед. хр.) сосредоточены «дела князя Меншикова» (ч.1.) и материалы «бывшей о разборе писем его комиссии» (ч.2.) Отметим, что в части 1 реестра I отложились необходимые нам комплексы отпусков и черновиков указов, ордеров и писем, отправленных от Меншикова в различные государственные органы, к духовным, военным и светским деятелям. Это практически единственные в своем роде плотно сохранившиеся документальные комплексы исходящей корреспонденции князя (о характеристике документов см. в соответствующих параграфах глав). Реестр II (более 700 ед. хр.) объединил в себе эпистолярное наследие Меншикова, разбитое на 5 частей: 1) письма царской фамилии, то есть Петра Великого, императрицы Екатерины Алексеевны, царевичей и царевен; 2) письма к государю, государыне и царской фамилии от князя Меншикова; 3) письма к князю Меншикову по алфавиту от королей и имперских князей, от российских и иностранных государственных деятелей, от малороссийских и слободских полков старшин, от духовенства великороссийского, малороссийского, греческого и польского; 3) взаимная переписка между князем Меншиковым и княгиней Дарьей Михайловной, детьми и свойственниками; 5) письма к княгине Меншиковой, ее сестре Арсеньевой и княжнам Меншиковым от разных светских и духовных особ. Стоит отметить, что в данном комплексе очевидно доминирует входящая корреспонденция тогда, как нам удалось обнаружить только 9 единиц хранения, относящихся к исходящим посланиям: это письма к княгине Дарье Меншиковой, детям, Варваре Арсеньевой, канцлеру Г.И. Головкину, адмиралу Ф.А. Головину, П.П. Шафирову, ревельскому коменданту В.В. фон Дельдену, бельскому воеводе и коронному

[1] Санкт-Петербургская часть канцелярии князя стала объектом исследования см.: Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (по материалам походной канцелярии А.Д. Меншикова): новые подходы к изучению. С. 168–177; Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. Часть 1. СПб., 2003. 790 с.

гетману А.Н. Синявскому и денщику В. Вечеслову. В части 3 реестра II отложились и эпистолярные комплексы, посланные к Меншикову от коменданта Бахмеотова[1], генерал-полицмейстера Девиера[2], кабинет-секретаря Макарова[3].

Методология и методы исследования. В основу диссертационного исследования положены установки «Исторического анализа социальных сетей / Historical Social Network Analysis / HSNA», являющегося частным ответвлением методологического направления «Анализ социальных сетей / Social Network Analysis / SNA».

«Анализ социальных сетей» зародился в 1950–1960 гг. на базе социометрических работ. В основе данного подхода лежит утверждение, что человек как общественный элемент является частью большой социальной системы, в которой одновременно находятся другие действующие лица. Между людьми образуются зависимые связи, формирующие нормы поведения, морали и влияющие на восприятие человеком мира. Социальная система сама по себе не является однородной – в ее структуре находится несколько уровней, которые определяют специфику отношений между людьми[4]. Как отмечает американский исследователь Ч. Веферелл, главное отличие «Анализа социальных сетей» состоит в том, что в его рамках связи между двумя людьми, группами, учреждениями рассматриваются в качестве основного элемента анализа. Соответственно, «социальная сеть» – это объединение связей между различными субъектами, а «социальная структура» – это модель этих связей[5].

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378–380.
[2] Там же, Д. 557.
[3] Там же, Д. 737.
[4] Данный подход лег в основу работ: Gould R. V. Uses of Network Tools in Comparative Historical Research // Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge, 2003. P. 242–243.; Knoke D., Kuklinski J. H. Network Analysis: Basic Concepts // Markets, Hierarchies and Networks. Th e Coordination of Social Life. L., 1991. P. 173-182; Social Structures: A Network Approach / Ed. by B. Wellman and S.D. Berkowitz. N.Y., 1988. 513 p.; Walter W. Powell. Neither market nor hierarchy: network forms of organization // Markets, Hierarchies and Networks. The Coordination of Social Life. L., 1991. P. 265–276; Wasserman St., Faust K. Social Network Analysis: Methodsand Applications. Cambridge, 1994, 825 p.
[5] Wetherell C. Historical Social Network Analysis // International Review of Social History. 1998. N 43 (Supplement 6). P. 127.

«Анализ социальных сетей» широко распространен в социологической науке, тогда как в исторических исследованиях он применяется с осторожностью (хотя в 1990-х гг. появился специальный термин «Исторический анализ социальных сетей / Historical Social Network Analysis»)[1]. Должно быть, скептицизм, который вызывает данный подход у историков, связан с излишним увлечением анализом структур – социальных сетей – и пренебрежением личностью индивида. Тем не менее в недавнее время появился ряд работ, представляющих собой попытку наиболее эффективно применить наработки «анализа социальных сетей» на историческом материале раннего Нового времени[2]. Например, Т.А. Базарова и М.Е. Проскурякова предлагают использовать сетевой анализ для оценки корреспонденции Меншикова, сохранившейся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Исследовательницы ставят перед собой задачу очертить круг контактов князя, определить степень их интенсивности и понять сферу общих для государственных деятелей интересов[3].

Из сетевой теории вышло направление, связанное с анализом патрон-клиентских отношений в системе государственного управления. В современной западной историографии тематика патрон-клиентских связей является одним из ведущих векторов развития науки, во многом благодаря влиянию социологических подходов М. Вебера, Э. Дюркгейма, Н. Элиаса. Предполагается, что патрон-клиентские связи существовали в различные исторические периоды, лишь меняя характеристики и приспосабливаясь к актуальной действительности. Поэтому практики их функционирования можно наблюдать во всех уголках мира и в любое время[4]. Для настоящего

[1] В большинстве своем для Новейшего времени.

[2] Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (по материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова): новые подходы к изучению. С. 168–177; Успенский В.С. Государев двор во второй половине XVI в. как социальная сеть: предложение метода // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: материалы Международного научного семинара. СПб., 2013. С. 27–34.

[3] Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны. С. 171.

[4] Patrons, Clients, and Policies.Patterns of Democratic Accountability and Political Competition / Ed. by H. Kitschelt and St.I. Wilkinson. Cambridge, 2007. 387 p.; Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of

исследования особый интерес представляет опыт изучения патрон-клиентских отношений в абсолютистских государствах раннего Нового времени. Немалое число научных работ посвящено изучению механизмов функционирования патрон-клиентских связей в системе управления Итальянскими государствами, Великобританией, Речью Посполитой и т.д.[1]. Однако, традиционно, классической моделью нововременной абсолютной монархии считается Франция, в которой, как полагают исследователи, патрон-клиентские отношения определяли вектор государственного развития.

Первая традиция изучения патрон-клиентских отношений во французском обществе относится к школе Р. Мунье. В центре исследований Мунье лежало понятие fidélité, то есть «нежное чувство верности». Fidélité определяло отношения одного человека (сюзерена) с другим (вассалом). Мунье считал, что верность была эмоциональной связью, основанной на взаимной привязанности, объединяющей двух людей посредством свободного выбора, независимого от обязанностей по отношению к нации, королю, закону и обществу, верность характеризовалась тотальной преданностью. Соответственно, духовная связь между патроном и клиентом и их взаимные обязательства по отношению друг к другу являлись главными факторами, обуславливавшими социальные связи как на уровне межличностных отношений, так и в государственной системе[2].

Для английской исторической школы характерно распространение теории «сотрудничества», выдвинутой группой исследователей-ревизионистов марксистского толка. Они полагали, что королевская власть и

---

trust in society / Ed. by S.N. Eisenstadt and L. Roniger. Cambridge, 1984. 178 p.; Political clientelism, patronage and development / Ed. by S.N. Eisenstadt and R. Lemarchand. Beverly Hills, L., 1981. 332 p.

[1] Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия / под ред. Е.А. Кочанова. М., 2016. 415 с.; Mączak A. Klientela: nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XVI–XVIII w. Warszawa, 1994. 357 s.; Mitchison R. Lordship to patronage: Scotland, 1603–1745. L. etc., 1983. 198 p.; Patronage pedigree and power in later medieval England / Ed. by Charles Ross. Gloucester, Totowa (N.J.), 1979. 225 p.; Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie: [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990] / Ch. Giry-Deloison, R. Mettam, éd. Villeneuve-d'Ascq; Londres, 1995.

[2] Mousnier R. La vénalité des Offices sous Henri IV et Louis XIII. Genève, 1979. 724 p.; Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. Tome 1. Société et état. P., 1974. 592 p. Подробнее о последователях Мунье см.: Ермакова О.К. Теоретико-методологические подходы к изучению неформальных связей во Франции Старого порядка во французской историографии (середина XX – начало XXI вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 4 (102).

дворянская элита сотрудничали, имея общие классовые интересы. Как отмечает У. Бейк, один из «идеологов» теории сотрудничества, понятие «сотрудничество» (social collaboration) можно рассматривать с двух позиций. Первый основан на признании наличия общих интересов между государством (политической элитой в центре) и другими группами в обществе[1]. Монарх, согласно такому мнению, умиротворил ранее мятежные провинциальные элиты, предоставляя им идеологическую поддержку, деля с ними налоговые потоки, удовлетворяя их основные желания и консультируясь с ними относительно правительственных проектов, которые отражались благоприятно на их репутации[2]. Исследователи, разделяющие второй подход, считают, что сотрудничество между властными структурами и общественными группами происходило, скорее, из-за необходимости, нежели из-за общих интересов. По словам Р. Меттэма, сотрудничество с провинциальными элитами было неизбежно из-за чрезвычайной неспособности правительства влиять на местное общество, наряду с отсутствием интереса у короля в принципе делать это[3].

Характерный для неомарксистских концепций, в том числе и для теории «сотрудничества», акцент на экономической составляющей патрон-клиентских отношений значительно повлиял на историографию, вместе с развивающейся параллельно концепцией «обмена дарами» М. Мосса и К. Леви-Стросса. Обмен доходами и услугами между Короной и провинциальными элитами, а также материальные выгоды, которые могли получить стороны от «сотрудничества», стал отдельным предметом патрон-клиентских исследований. Среди подобных работ стоит отметить несколько «case studies»: монографию М. Поттера, который изучает финансовые отношения короля с двумя областями, Бургундией и Нормандией, с 1688 г. по

[1] Beik W.H. Governing Languedoc: The Practical Functioning of Absolutism in French Province, 1633–1685. Ph. D. Diss. Harvard University, 1995; Beik W.H. Magistrates and popular uprisings in France before the Fronde: The Case of Toulouse // Journal of Modern History. 46 (December 1974). P. 585–608.
[2] Beik W.H. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present. Volume 188. Issue 1, 1 August 2005. P. 197
[3] Mettam R. Power and Faction in Louis XIV's France. Oxford, 1988. 343 p.

1715 г.; исследования Дж. Суонна о Штатах Бургундии во второй половине XVII–XVIII вв.; сборник трудов, посвященных памяти А. де Токвилю, в котором рассматриваются различные сюжеты государственного строительства во Франции при Старом режиме[1] и др.

Наравне с теорией «сотрудничества» популярностью в исторической науке пользуется концепция патрон-брокер-клиентских связей, развитая американским историком Ш. Кеттеринг в книге «Патроны, брокеры и клиенты во Франции XVII в.»[2], а затем еще в нескольких работах[3]. Привлекая различные источники личного происхождения (административная и личная корреспонденция, дневники, мемуары, семейный архив, отчеты современных политических обозревателей), Кеттеринг воспроизводит систему клиентализма, охватывавшую как государственные, так и неофициальные институты, и включавшую в себя три составляющие – патронов, брокеров, клиентов – чья деятельность была направлена на распространение и укрепление власти центрального правительства по всей территории государства.

Патрон-клиентские отношения во Франции раннего Нового времени, согласно Кеттеринг, обладали несколькими характеристиками: они являлись двухэлементными, персональными, эмоциональными и вариативными связями, основанными на неравенстве ролей и созданными с целью получить взаимную выгоду. Во главе патрон-клиентской иерархии располагался король как главный держатель и источник власти. Он распределял патронат (patronage) между своими ближайшими клиентами, королевскими министрами, которые, в свою очередь, обзаводились клиентов и выстраивали

---

[1] Holt M.P. Patterns of Clientèle and Economic Opportunity at Court during the Wars of Religion: The Household of François, Duke of Anjou // French Historical Studies. Vol. 13. No. 3 (Spring, 1984). P. 305–322; Parrott D. Richelieu's Army // Interdisciplinary Hist. XXXIII (2003). P. 629 – 631; Potter M. Corps and Clienteles: Public Finance and Political Change in France, 1688–1715. Aldershot, 2003. 228 p.; Swann J. Provincial Power and Absolute Monarchy: The Estates-General of Burgundy, 1661–1790. Cambridge, 2003. 447 p.

[2] Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. N.Y., Oxford, 1986. 322 p.

[3] Kettering Sh. Clientage during the French Wars of Religion // The Sixteenth Century Journal. Vol. 20. No. 2 (Summer, 1989). P. 221–239; Kettering Sh. Patronage and Kinship in Early Modern France // French Historical Studies. Vol. 16. No. 2 (Autumn, 1989). P. 408–435; Kettering Sh. Patronage in Early Modern France // French Historical Studies. Vol. 17. No. 4 (Autumn, 1992). P. 839–862.

собственные клиентские сети на местах через посредничество провинциальных брокеров. Брокеры являлись связующим звеном между центром и провинцией, устанавливая обмен ресурсами между людьми, которые были и физически, и социально отдалены друг от друга, мобилизировали все возможные материальные и нематериальные ресурсы (в том числе и свои собственные) в поддержку проектов патрона[1]. Для успешного брокера было жизненно необходимо поддерживать свой имидж: образование, приятные манеры, маскировка собственных недостатков, эпистолярный талант – от этого зависела их монополия на посредничество.

Важной концептуальной заслугой Кеттеринг является заочный спор с Р. Мунье, полагавшим, что во главе патрон-клиентских отношений стояло абстрактное чувство эмоциональной привязанности и верности (fidélité), которое обеспечивало пожизненную преданность клиента патрону. Политические реалии, как полагает исследовательница, говорили об обратном: вполне обычным делом была ситуация, когда клиенты служили двум и более патронам одновременно, стремясь извлечь максимальную выгоду и материальные преимущества. Важным умением считалась способность в правильный момент сменить одного патрона на другого, более успешного, и избежать мести экс-патрона, готовившего обвинения в измене и предательстве[2].

Выводы Кеттеринг вызвали новые дискуссии в историографии, связанные с понятийно-терминологическим аппаратом и патрон-клиентским языком. Сама исследовательница сформулировала ряд важных понятий, такие как: 1) клиентализм (clientalism), т.е система патрон-брокер-клиентских отношений; 2) патронат (patronage), т.е. неофициальная форма власти, при которой один человек (патрон), может наделять и забирать какие-либо преимуществу у другого (клиента); 3) клиентаж (clientage), т.е. проявление лояльности; 4) подпатронат-подклиентела (subpatronage-subclientele), т.е.

[1] Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. N.Y., Oxford, 1986. P. 44.
[2] Там же, P. 28.

система, когда клиент с согласия патрона, становился клиентом патрона своего патрона; 5) милости (graces); 6) посредники (go-between); 7) брокеры (brokers) и многие другие. Однако, эти определения не всегда отличаются конкретикой. Так, Э. Шальк, сопоставляя концепции Кеттеринг и еще одного авторитетного исследователя Р. Мейджера[1], уточняет и расставляет акценты в понимании тех или иных понятий[2]. А Н. Аберкромби и С. Хилл поднимают вопрос о концептуальных различиях терминов патернализм (paternalism) и патронат (patronage), которые у Кеттеринг сливаются в одно понятие патроната[3]. А. Херман, в свою очередь, уходит еще дальше и обращает наше внимание не только на ту терминологию, которую используют историки для анализа, но и на ту, которую сами современники событий и участники патрон-клиентских систем использовали в повседневной жизни[4].

Охарактеризованные нами три исследовательские школы, бесспорно, не отражают всех тенденций в современной историографии патрон-клиентских отношений. Делая акцент на тех или иных практиках, они не представляют собой исчерпывающей объяснительной модели и имею свои «перегибы». Тем не менее нельзя не отметить, что они поднимают несколько фундаментальных вопросов, касающихся административных практик и механизмов функционирования абсолютистского государства (и не только во Франции раннего Нового времени). Опыт изучения патрон-клиентских сетей в монархии Бурбонов, таким образом, дает хорошую почву для исследования других абсолютистских государств, в том числе, и для Российской империи начала XVIII в.[5].

---

[1] Major J.R. The Crown and the Aristocracy in Renaissance France // American Historical Review. № 69 (1964). P. 631–645; Major J.R. Representative Government in Early Modern France. New Haven, 1980. 731 p.; Major R.J. Representative Institutions in Renaissance France, 1421–1559. Madison, 1960. 182 p.

[2] Schalk E. Clientage, Elites, and Absolutism in Seventeenth-Century France // French Historical Studies. Vol. 14. No. 3 (Spring, 1986). P. 442–446.

[3] Abercrombie N., Hill St. Paternalism and Patronage // The British Journal of Sociology. Vol. 27. No. 4 (Dec., 1976). P. 413–429.

[4] Herman A.L. The Language of Fidelity in Early Modern France // The Journal of Modern History. Vol. 67. No. 1 (Mar. 1995). P. 1–24.

[5] Стоит отметить, что российский случай в контексте патрон-клиентских отношений анализируется за редким исключением на материалах позднеимперского и советского периодов. Работы авторов, рассматривающих патрон-клиентские отношения в системе управления Российским государством XVIII в., в последнее время заметно увеличиваются в количестве, хотя те из них, которые посвящены петровскому периоду, можно

В связи с проблемами функционирования патрон-клиентских сетей стоит сказать еще об одной социологической теории, ставящей во главу угла социальных связей принцип доверия. Исследования, посвященные проблеме доверия, появились еще в 1980-х гг. и до настоящего времени лишь увеличиваются в количестве[1]. Согласно основным принципам работ, доверие рассматривается базовым компонентом любых общественных отношений, без которого невозможна общественная жизнь в том виде, в котором мы привыкли ее видеть[2]. Так, П. Штомпка формулирует дефиницию доверия: «доверие является залогом, принимаемым на будущие неуверенные действия людей»[3]. Иными словами, доверие опирается на мнение о возможных действиях других людей с надеждой на то, что они произведут их так, как нужно[4]. «Обязательным, – как пишет исследователь, – является также активная устремленность в будущее через принятие действий, влекущих за собой частичное, ненадежные и невозможные для проверки результаты. Отсюда

пересчитать на пальцах. О патрон-клиентских отношения в России XVIII в. см.: Бабкова Г.О. «Ближайший конфидент»: неформальные связи в бюрократической среде в России XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2019. Vol. 60, № 1. P. 37–72; Болотина Н.Ю. Граф К.Г. Разумовский и семейство Воронцовых // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М., 2004. С. 114–124; Киселев М.А. К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д.В. Волкова 1761–1763 гг.) // История в эго-документах: Исследования и источники / Глав. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург, 2014. С. 162–183; Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 42–52; Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011. 411 с.; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. 757 с.; Лавринович М.Б. Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. // Российская история. 2016. №. 3. С. 91–110; Хоскинг Дж. Система патроната и Российское государство // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М., 2000. С. 413–435; Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. № 4 (42). С. 29–35; Dixon S. The Modernisation of Russia 1676–1825. Oxford, 1999. 267 p.; Le Donne J. P. The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34 (1–2). P. 139–148; Lemarchand R., Legg K. Political Clientelism and Development // Comparative Politics. Vol. 4. № 2 (1972). P. 149–178; Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; L., 1989. 407 p.; Madariaga I. The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. L., 1995. Vol. II. P. 223–273; Meehan-Waters B. Autocracy&Aristocracy. The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick; N.J., 1982. 274 p.; Ransel D. Bureaucracy and Patronage: The View from an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer // The Rich, the Well Born, and the Powerful. Elites and Upper Classes in History. Urbana; Chicago; L., 1973. P. 154–178; Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; L., 1975. 327 p.; Hosking G. Patronage and the Russian State // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. № 2. P. 301–320.

[1] Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2016. 440 с.; Хоскинг Дж. Доверие: история. М., 2016. 294 с.; Luhmann N. Trust and Power. N.Y., 1979. 208 p.; Seligman A.B. The Problem of Trust. Press, Princeton, N.J., 1997. 240 p.; Turner J.H. Face To Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior. Stanford, 2002. 271 p., etc.

[2] Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2016. С. 20.

[3] Там же, С. 80.

[4] Там же, С. 81.

следует, что доверие связывается с выражением уверенности в действии, или, говоря метафорически, принятием залога»[1]. Кроме того, доверие как некий нематериальный ресурс имеет способность самонаращиваться по мере удачного функционирования социальных связей[2]. Соответственно, доверие существует в любых отношениях среди людей, в том числе и между государем, представителями политической элиты, бюрократами и т.д. Неоправданное доверие вызывает разочарование от несбывшихся надежд, которое может повлечь за собой какие-либо санкции.

Учитывая приведенные выше теоретические наработки, в настоящем исследовании подразумевается, что все субъекты в социальных системах (т.е. социальных сетях) являлись в той или иной степени взаимозависимыми друг от друга. По мере функционирования социальной связи между двумя контрагентами передавалась информация, эмоции, ресурсы и услуги, имевшиеся у них. Одним из определяющих факторов, влиявшим на характер их взаимодействия, было доверие. Структура поддерживаемых отношений (связей) зависела от принятых в конкретном обществе в конкретный временной период – в нашем случае в российском обществе[3] первой трети XVIII в. – норм поведения, соответственно, действия индивидов координировались в соответствии с подобными правилами. Сложившиеся модели поведения между субъектами внутри одной связи оказывали непосредственное влияние на общую экономическую, политическую и социальную систему[4].

При этом, стоит отметить, что в данной работе применяется эгоцентрический подход в анализе социальных сетей[5]. В центр исследования помещаются отношения (связи) между двумя людьми – А.Д. Меншиковым и петербургским комендантом Я.Х. Бахмеотовым, Меншиковым и генерал-

[1] Штомпка П. Доверие – основа общества. С. 81–82.
[2] Хоскинг Дж. Доверие: история. М., 2016. С. 43.
[3] Еще больше сужая – среди петровской политической элиты.
[4] Wetherell C. Historical Social Network Analysis // International Review of Social History. 1998. N 43 (Supplement 6). P. 126.
[5] Ч. Веферелл выделил два подхода: 1) изучение всех отношений между участниками одной социальной сети (Whole Networ) и 2) изучение связей, которые используют отдельные индивиды (Egocentric).

полицмейстером А.М. Девиером, Меншиковым и кабинет-секретарем А.В. Макаровым. Каждые из этих связей имели свои характеристики и строились на своих основаниях, учитывая взаимный социальный статус контрагентов, их происхождение, занимаемые должности, отношения с правителем и т.д. При этом Меншиков рассматривается как более значимая на политической арене фигура (центр социальной сети, сформировавшейся вокруг него), имеющая заметные финансовые и властные преимущества над остальными тремя государственными деятелями. Их же статус относительно князя будет определен по мере анализа социальных связей.

Эгоцентрический подход требует использование арсенала «новой биографической истории». Под влиянием исторической антропологии в центр персональной истории стали помещаться не «типичные» представители различных социальных групп, а конкретные индивиды с их знаниями, чувствами, потребностями, морально-нравственными установками и амбициями[1]. Соответственно, настоящая работа фокусируется не только на изучении социальных связей, сложившихся между Меншиковым и государственными деятелями, но и уделяет внимание их биографиям тем более, что жизненный путь и деятельность Девиера, Макарова и в особенности Бахмеотова имеют слишком большое количество историографических лакун. Сообразно методологическому инструментарию «новой биографической истории» подобрана источниковая база – в ее основе лежат различные комплексы эпистолярных источников, позволяющих наиболее полно проследить проявления личности.

Кроме того, для понимания механизмов функционирования социальных сетей (в данном случае 3-х) и стратегий поведения Меншикова использовался метод ассиметричного сравнения[2]. Суть данного метода сводится к тому, что

---

[1] Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2010. С. 55–76; Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань, 2001. С. 344–360.

[2] Термин, сформулированный Ю. Коккой: См.: Kocka J. Asymmetrical Historical Comparison: the Case of the German Sonderweg // History and Theory. 1999. Vol. 38. № 1. P. 40–51; Kocka J. Comparison and Beyond // History and Theory. 2003. Vol. 42. № 1. P. 39–44.

сравнение строится вокруг одного единственного объекта. Сравнительные данные привлекаются инструментально, для высвечивания специфический черт явления, а объекты сравнения остаются на заднем плане[1]. Подобная техника сравнения позволила нам, реконструируя направления социальных связей Меншикова с одним из государственных деятелей, не отрываться от эмпирического материала, провести аналогии с оставшимися контрагентами, выяснить специфику взаимоотношений с каждым из них.

В основу исследования были положены базовые принципы историзма и объективности, предполагающие совокупный и многосторонний анализ событий и фактов. Также нашли применение историко-системный и историко-генетический методы, поскольку связи между петровскими соратниками и их государственная деятельность рассматриваются как составная часть глобального для страны процесса реформирования[2].

Положения, выносимые на защиту:

1. Устойчивые социальные связи с другими представителями политической элиты являлись для князя А.Д. Меншикова одним из наиболее важных ресурсов, обеспечивающих его силу и могущество.

2. Деловые, личные и семейные связи между представителями политической элиты должны рассматриваться в комплексе, поскольку на практике различные направления деятельности государственных лиц были взаимосвязаны.

3. В рамках поддержания социальных связей происходил обмен информацией (прежде всего, по каналу, направляющемуся к Меншикову), сотрудничество по государственным вопросам и взаимное осуществление управленческих проектов, обмен услугами.

4. В некоторых случаях взаимодействие базировалось на принципах официальной политической иерархии, определявшей статусные характеристики государственных органов власти, чьими руководителями

[1] Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015. С. 151–152.
[2] Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 423–424, 474–493.

являлись изучаемые личности. В других ситуациях контакты осуществлялись, так скажем, неофициальным путем, основываясь на сложившихся за годы знакомства личных отношениях.

5. На механизмы функционирования социальных связей и стратегии поведения Меншикова оказывали влияния статусные характеристики контрагентов, а именно их социальный статус, собственные связи внутри правящей элиты, материальный достаток, занимаемая должность. Немаловажную роль играло чувство доверия, которое позволяло поддерживать контакты, определять границы свободы действий и степень вовлеченность того или иного лица в личные/деловые вопросы контрагента. Кроме того, при выстраивании и поддержании социальных связей государственными деятелями двигало желание получить выгоду как лично для себя, так и для государственных интересов.

6. Связи Меншикова, с одной стороны, и петербургского коменданта Я.Х. Бахмеотова, генерал-полицмейстера А.М. Девиера, кабинет-секретаря А.В. Макарова, с другой, функционировали на различных основаниях и отражают три схемы поведения князя. Бамхеотов рассматривался князем и подносил себя как подчиненный в системе управления Санкт-Петербургом. Соответственно, их взаимодействие происходило по большей мере в рамках должностных полномочий и осуществления различных проектов на территории города. Деловые отношения Меншикова и Девиера строились на принципе сотрудничества, поскольку того требовала система столичного управления. Взаимодействие по личным характеризовалось патрон-брокер-клиентскими отношениями (где Меншиков играл роль патрона, а Девиер – его клиента-брокера) и родственными узами. Меншиков и Макаров являлись самостоятельными игроками на политической арене как в деловых вопросах, так и в личных. Их тесные связи поддерживались за счет взаимного интереса и взаимной выгоды, которые во многом определялись близость государственных деятелей к монарху и степенью его доверия.

7. Социальные связи различного характера, устойчивости и надежности позволяли Меншикову наиболее эффективно решать собственные проблемы, искать союзников на политической арене, в нужный момент обращаясь к полезному для него человеку и используя его ресурсы.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на основе широкого круга источников изучены деловые и личные отношения князя А.Д. Меншикова с петербургским комендантом Я.Х. Бахмеотовым, генерал-полицмейстером А.М. Девиером и кабинет-секретарем А.В. Макаровым. Самостоятельное значение имеют биографии названных контрагентов Меншикова, реконструкция которых приобрела в результате исследования гораздо большую полноту и системность по сравнению с имеющейся в историографии. Кроме того, в диссертации подробно рассматриваются сюжеты, не получившие должного освещения в исторической науке, а именно комплекс мер по строительству постоялых дворов в Санкт-Петербурге в 1722–1723 гг., семейные взаимоотношения Девиера и Меншикова, обстоятельства Почепского дела и роль в нем Макарова. Первая глава исследования представляет собой первый и единственный на данный момент обзор деятельности коменданта Бахмеотова. Работа построена на нескольких комплексов новых, ранее в научный оборот не введенных или недостаточно введенных исторических источников, малая часть которых опубликована в разделе «Приложения».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Петровской эпохи, истории правящей элиты, полицейской службы, истории государственных учреждений и политической истории России XVIII в. Учитывая значительное влияние социологического инструментария на написание данной работы, она может рассматриваться как пример междисциплинарного исследования социальных связей и социальных сетей. Введенные в научный оборот исторические источники могут применяться для дальнейших научных изысканий,

посвященных биографии князя А.Д. Меншикова, коменданта Я.Х. Бахмеотова, генерал-полицмейстера А.М. Девиера, кабинет-секретаря А.В. Макарова, государя Петра I и истории Санкт-Петербурга. Кроме того, сведения, представленные в основном тексте диссертации, применимы для подготовки общих и специальных исторических курсов высшей школы, написания школьных учебников, создания тематических музейных выставок и интерактивных экспозиций.

Степень достоверности исследования определяется комплексным изучением отечественных архивных материалов, делопроизводственных, законодательных и нарративных источников (в том числе эпистолярного наследия государственных деятелей), позволяющих верифицировано реконструировать направления социальных связей А.Д. Меншикова, выявить особенности его взаимоотношений с государственными деятелями. Достоверность исследования обусловливается проверкой полученных фактов посредством сравнения с данными отечественных и зарубежных исследователей. Достоверность результатов исследования подкрепляет и широкий спектр традиционных и современных методологических подходов.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на 16 международных и всероссийских конференциях и семинарах[1]. Положения диссертации также изложены в 12

[1] VIII Международная научно-практическая конференция «Коммуникативная культура: история и современность» (г. Новосибирск, 2018); Неформальные связи и властные практики в России и Европе Нового времени: теоретические и источниковедческие аспекты (г. Екатеринбург, 2019); XXIII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социально-гуманитарное образование: Человек, Общество, Государство (историко-педагогические аспекты)» (г. Екатеринбург, 2019); VII Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (г. Москва, 2019); VI Международная научная конференция «Русь, Россия: Средневековье и Новое время» памяти акад. РАН Л.В. Милова (г. Москва, 2019); Международная молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 2020); Уральский историко-архивный форум (г. Екатеринбург, 2020); Международная научно-практическая школа-конференция молодых учёных «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (г. Москва, 2020); Научно-практический семинар «Административные практики петровской эпохи и их ближайшее развитие» (г. Екатеринбург, 2020); Всероссийская научно-практическая конференция «Преступление и наказание в истории России (к 550-летию первого упоминания тюрьмы в русских летописях)» в рамках комплекса международных научно-практических конференций «Петербургские пенитенциарные конференции» (г. Пушкин, 2021); Всероссийская научная конференция «Локальное прошлое: между провинциальной эстетикой и политикой идентичности» (г. Екатеринбург, 2021); «Славянский мир: общность и многообразие». Конференция молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры (г. Москва, 2021);

научных публикациях (общий объем – 8,3 п.л.), в том числе 3 (общий объем – 3,6 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, 1 из них в издании, входящем в международные базы цитирования Scopus и Web of Science.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, в каждой из которых по пять параграфов (первый параграф содержит два раздела), заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Научный семинар «Дискуссионные вопросы истории петровских реформ: административный и социальный аспекты» (г. Екатеринбург, 2021); Международная научная конференция «Суд и правосудие в России XVIII века» (г. Москва, 2021); Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых (11–14 октября 2021 г.) «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (г. Москва, 2021); Малый Северный Петровский конгресс (всероссийская научная конференция) с международным участием «Петр I у истоков Российской империи» (г. Архангельск, 2022).

Глава 1. Деловые и личные связи А.Д. Меншикова с комендантом Санкт-Петербургской[1] крепости Я.Х. Бахмеотовым

1.1 Яков Хрисанфович Бахмеотов (1660-е – 1725): историография и источники

1.1.1. Обзор историографии

Жизнь и деятельность петербургского коменданта Якова Хрисанфовича Бахмеотова[2] (1660-е – 1725) представляет собой темную страницу истории. На данный момент в исторической науке не существует ни биографических очерков о Бахмеотове, ни какого-либо целостного исследования его деятельности в контексте системы управления Санкт-Петербургом. В нашем распоряжении имеются лишь небольшие, не лишенные фактических ошибок словарные статьи, большинство из которых написано историками еще в XIX в.[3]. В основе словарных разделов, посвященных петровскому коменданту, как правило, лежат сведения из исследования А.И. Богданова «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год». В нем знаток петербургской топонимики сообщал: «Комендант Бригадир Яков Хрисанфович Бахмиотов, определен в 723, и был по 725 год. Сей комендант первы завел гарнизонныя школы, обучать солдатских детей словесной грамоте, потом петь, также арифметики и геометрии, а притом и военной экзерциции обучать; умре и погребен в

[1] Относительно названия крепости Е.В. Анисимов пишет: «Наконец, нет окончательного ответа и на вопрос: если Санкт-Петербургом называлась крепость на Заячьем острове, то когда же это название стало обозначать собственно город как населенный пункт. Неясно также, когда сама крепость стала называться Петропавловской». Историк также указывает, что Петропавловский собор, в честь которого переименовали крепость, многие десятилетия носил названия: «Церковь апостолов Петра и Павла, что в Санкт-Петербургской крепости» или «В Санкт-Петербургской крепости церковь Петропавловская», или «Церковь Петра и Павла, что в городе». Сама крепость на Заячьем острове долгое время называлась «Санкт-питербургская фортеция» и даже «Санктпитербургская фортификация», а также «Санкт-Питербургская крепость» и «Петропавловская крепость». См.: Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. С. 36. Также в исследованиях встречается термин «Петербургская крепость» (например, в работах Е.А. Андреевой). В настоящем исследовании по преимуществу использовано именование «Санкт-Петербургская крепость», а комендант и гарнизон называются «петербургскими».

[2] Среди работ исследователей находятся следующие варианты написания фамилии коменданта: Бахметев, Бахметьев, Бахмеотов, Бахмиотов, Бахниотов. Нами употребляется вариант «Бахмеотов», как он воспроизводится во всех известных нам архивных документах.

[3] Военный энциклопедический лексикон Т. 2. СПб., 183. Л. 197; Энциклопедический лексикон. СПб, 1836. Т. 5. С. 117.

крепости 1725 году»[1]. В некоторых словарных статьях, например, в «Русском биографическом словаре», к указанным Богдановым положениям добавлялись другие факты: во-первых, указывалось, что Бахмеотов являлся одним из соратников Петра в ходе Северной войны; во-вторых, обозначалось, что в первые годы основания Санкт-Петербурга будущий комендант выстроил дом на «теперешней Большой Посадской улице» и пользовался большим расположением государя, который бывал у него запросто[2]. И если первый факт не вызывает сомнений, то второй (о тесных отношениях Бахмеотова и Петра) нуждается в верификации[3].

В настоящие время биографические сведения о Бахмеотове сосредоточены в именных указателях к исследованиям или публикациям источников, касающихся событий петровской эпохи и истории Санкт-Петербурга. Так, публикуя «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова», С.Р. Долгова и Т.А. Лаптева хронологически выстраивают карьерные этапы Бахмеотова: «капитан Преображенского полка», «полковник», «комендант Петропавловской крепости (1717–1724)», «бригадир»[4]. Наиболее полный послужной список Якова Хрисанфовича представлен в каталоге «Петербург в эпоху Петра I», изданном коллективом НИА СПбИИ РАН. В указателе имен каталога находим[5]: «Бахметев, Бахметьев, Бахмеотов, Бахмиотов, Бахниотов Яков Хрисанфович (Христофорович, 1660-е – 15 IV 1725), солдат Потешной роты (с 1683), затем гвардейского Преображенского полка (с 1692), участник Азовских походов (1695–1696), капитан (в 1714), гвардии капитан, армейский полковник (с

[1] Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое Описание Санктпетербурга. СПб., 1779. С. 50.
[2] Бахмиотов, Яков Хрисанфович // Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 604–605.
[3] Автор словарной статьи заимствует факт посещения государем дома Бахмеотова из работы П.Н. Петрова. При этом Петров, передавая обстоятельства, не говорит о близости коменданта к Петру. Данная оценка появляется только в словаре. Петров же ссылается на сведения «Походного журнала 1720 года», в котором написано: «в 31-й день (января. – *М.Н.*). Его Величество был на освящении церкви Апостола Матфея и кушал у Коменданта Бахмеотова и Чернышева». См.: Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884. С. 99, 202; Походный журнал 1720 года. СПб., 1855. С. 5.
[4] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. С. 609.
[5] Биографическая справка написана Е.А. Андреевой.

1717), бригадир, обер-комендант[1] Петербургской крепости (1717–1725), согласно указам Петра I организовал при Петербургском гарнизоне школу солдатских детей (с 1719)»[2]. В «Биохронике Петра Великого», созданной Е.В. Анисимовым, добавляется еще один, неизвестный ранее сюжет, связанный с отправкой в 1713 г. на тот момент капитана от гвардии Бахмеотова в Ригу к князю Голицыну для усовершенствования почтовой системы[3]. Несмотря на краткость сведений указателей, историки, составившие их, внесли важный вклад в изучение биографии Бахмеотова, установив основные этапы его службы. Кроме того, им удалось скорректировать дату вступления Якова Хрисанфовича на должность коменданта Санкт-Петербургской крепости – они относят ее к 1717 г. (до этого за точку отсчета принимали 1725 г.[4].

Завершая анализ биографических указателей и словарных статей, посвященных Бахмеотову, еще раз отметим отсутствие системного изучения личности коменданта: не известны точные даты его рождения и в принципе происхождение[5], обстоятельства продвижения по карьерной службе, мероприятия, проводимые на должности коменданта (за исключением факта создания гарнизонных школ). Должно быть, отсутствие исследовательского интереса к Бахмеотову связанно с тем, что источников, сохранивших биографические данные о коменданте сравнительно немного, а поиск их среди архивных фондов представляет значительные трудности. Масштаб личности Бахмеотова, бесспорно, уступает его современникам, соратникам по

---

[1] Назван «обер-комендантом», надо полагать, ошибочно.

[2] Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. Часть 1. СПб, 2003. С. 679.

[3] ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого день за днем: [сайт]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246484807 (дата обращения: 09.09.2021). Источник сведений см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 2. СПб., 2003. С. 146.

[4] Стоит отметить, что обнаруженные нами комплексы источников однозначно подтверждают современную версию датировки. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Также начало службы Бахмеотова в декабре 1717 г. подтверждает записная книга санкт-петербургской гарнизонной канцелярии, опубликованная Н.Г. Устряловым. См.: Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Том шестой. СПб., 1859. С. 595.

[5] В поисках корней происхождения Бахмеотова мы обратились в известные генеалогические справочники. Там среди представителей рода Бахметевых – еще одно написание, традиционно указываемое исследователями как возможный вариант фамилии коменданта – обнаружить представителя с именем Яков Хрисанфович (Христофорович) или хотя бы с именем Хрисанф (Христофор) нам не удалось. Примечательно, что в известных нам документах фамилия коменданта пишется исключительно как «Бахмеотов», тогда как в тех же комплексах имеются представители с фамилией «Бахметев».

петербургскому градостроительству – А.Д. Меншикову, А.М. Девиеру, У.А. Синявину, Ф.М. Апраксину и т.д., биографии которых также нуждаются в уточнении и прояснении. Тем не менее отдельные факты о деятельности коменданта, специфике его должности и контактах, сложившихся между ним и Меншиковым, обнаруживаются среди работ, актуализирующих более общие проблемы петровского правления.

Первая группа исследований, касающихся деятельности Бахмеотова как петербургского коменданта, включает в себя труды, посвященные истории и повседневной жизни Санкт-Петербурга первой трети XVIII в. Делая акцент на изучении городского планирования, строительства и благоустройства территории, исследователи реконструируют мероприятия, проводимые городскими властями, анализируют идеологическую составляющую создания новой имперской столицы, отмечают трудности, с которыми приходилось сталкиваться местным органам власти, а также рассматривают реакцию петербургского население и отношение к идее регулярного города[1]. В связи с этим имя Бахмеотова встречается в контексте изучения отдельных мероприятий по строительству и благоустройству Санкт-Петербурга. Причем, как правило, комендант поминается мимоходом, без должного акцента на характере его деятельности. П.Н. Петров, описывая времяпрепровождение Петра I в Санкт-Петербурге в январе 1720 г., передавал, что царь 31 числа после освящения церкви святого Апостола и Евангелиста Матфея заехал к коменданту обедать[2]. Е.В. Анисимов приводит сюжет, связанный со строительством ветреной мельницы на территории бастиона Санкт-Петербургской крепости – Бахмеотов просил обер-комиссара Синявина прислать к нему мастера, способного положить паруса на мельничные

[1] Например, Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра. Петербург в рус. обществ. сознании нач. XVIII в. СПб. 1999. 341 с.; Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. 366 с.; Божерянов И.Н. С-Петербург в Петрово время. СПб., 1903. 238 с.; Князьков С. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское общество при Петре Великом. СПб., 1914. 81 с.; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. 486 с.; Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. 190 с.; Очерки истории Ленинграда. Т. 1.: Период феодализма (1703–1861 гг.). М.–Л., 1955. 896 с.; Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884. 1110 с. и др.

[2] Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884. С. 99, 202.

крылья[1]. Однако в большинстве авторитетных работ, без учета которых изучение истории петровской столицы кажется невозможны, комендант вовсе не фигурирует.

Обращаясь к исследованиям, посвященным истории Санкт-Петербурга, стоит отдельно остановиться на проблеме определения места коменданта в городском управлении. Относительно того, какой государственный институт доминировал в системе управления Санкт-Петербургом и, в частности в процессе его строительства и благоустройства, среди исследователей до сих пор нет единого мнения. Не пытаясь войти в долгие дискуссии по поводу столичной иерархии органов власти, отметим, что коменданту Санкт-Петербургской крепости в подобных спорах отводится скромное место. В большинстве своем функции коменданта и подчиненного ему гарнизона на территории города сводятся к поддержанию безопасности (несению караулов) и обеспечению рабочей силой строительных проектов, осуществлявшихся под контролем других должностных лиц[2]. Таким образом, деятельность коменданта Петербургской крепости Бахмеотова в историографии, посвященной истории Санкт-Петербурга первой трети XVIII в., рассматривается крайне фрагментарно, если не сказать, что практически не рассматривается. Его фигура заметно скрывается за яркими сюжетами о государственной службе других деятелей столичной системы управления, а перечисляемые исследователями функции ограничиваются управлением крепостью и выполнением подсобных работ (в сфере строительства и обеспечения безопасности) на территории города.

Вторая группа исследований, которая может быть полезна для изучения деятельности коменданта Бахмеотова, объединяет в себе работы, в центре которых находятся реформы местного управления, предпринятые при Петре I. Как справедливо отмечает Д.А. Редин, «на сегодняшний день историческая

[1] Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времён Петра Великого. С. 126.

[2] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете…». С. 135–137; Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 66. и т.д. Исключением, пожалуй, являются работы Андреевой, о которых речь пойдет далее. Но в них рассматривается не деятельность Бахмеотова, а мероприятия, проводимые первым петербургским комендантом К.Э. Ренне.

наука не имеет полного и связного представления о состоянии системы местного государственного управления в России в эпоху Петровских реформ первой четверти XVIII в. ни в ее статике, ни тем более в динамике»[1]. Однако, несмотря на столь значительный историографический пробел, мы имеем некоторое число исследований, предлагающих различные взгляды на сущность должности комендантов и их место в системе управления.

В общих чертах дискуссия о комендантах сводится к двум основополагающим вопросам: (1) были они исключительно военными управленцами или имели гражданские функции; (2) как соотносились должности коменданта и обер-коменданта в системе губернского управления. Магистральную линию рассуждений по поводу первой проблемы задали еще в конце XIX – начале XX в. П.Н. Мрочек-Дроздовский и М.М. Богословский, усматривавшие связь между функционалом воевод XVII в. и вводимыми Петром I комендантами. Мрочек-Дроздовский отмечал двойственную сущность комендантов. С одной стороны, комендант, выполнявший исключительно функции начальника, являлся военным администратором, находившимся под властью генерал-фельдмаршала или местного губернатора как военного руководителя губернии. С другой стороны, исследователь полагал, что «обязанности коменданта, как уездного правителя, были общие правительственные в обширном смысле этого слова, т.е. комендант был администратором и судьей вверенного ему уезда. Коменданты находились в полной зависимости от местных губернаторов»[2]. Богословский, со своей стороны, не поддерживал подобного деления комендантов и в принципе не придавал военным функциям последних большого значения. Он писал, что коменданты назначались в те города, в которые обыкновенно назначались воеводы (прежний воевода и вовсе мог переименовываться в коменданта), и получали воеводские функции без какой-либо общей регламентации

[1] Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 139
[2]Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. М., 1876. С. 47–48

комендантской должности. Соответственно, коменданты играли роль «финансового агента и судьи», а также выполняли полицейские функции[1].

Современные исследователи, ставящие своей целью рассмотреть систему государственных органов России при Петре I, в большей степени следуют заданному историками XIX в. вектору[2]. Например, О.Г. Агеева следующим образом размышляет о роли военного гарнизона в повседневной жизни Петербурга: «Разнообразное участие военных в поддержании порядка в раннем Петербурге позволяет охарактеризовать их деятельность как государственную службу и военного, и светского характера, а петербургский гарнизон – как многофункциональное управленческое и исполнительное городское (иногда общегосударственного уровня) учреждение. Представляется, что такое расширительное толкование функций петербургского гарнизона вполне соответствовало характеру использования новых военных армейских структур в петровское время, ведь назначение гвардии и новых военных учебных заведений далеко выходило за рамки военного дела»[3].

Проблема соотношения должностей коменданта и обер-коменданта[4] также была актуальна для исследований П.Н. Мрочек-Дроздовского и М.М. Богословского. Оба историка довольно схематично обозначали служебную иерархию – по их мнению, коменданты напрямую подчинялись обер-комендантам[5]. Однако исследователи, изучающие особенности управления

---

[1]Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. CCCXXXXIX. С. 58–59.

[2] Андреева Е.А. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах – 2005. С. 15–31; Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. С. 10–14. Редин Д. А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 139–160; Славнитский Н.Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 50–59.

[3] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете…». С. 137.

[4] Кроме того, нередко в исторических исследованиях данные именования используются как синонимы или встречаются параллельно, когда личность, занимавшая пост коменданта, в некоторых случаях называется обер-комендантом и наоборот. Например, см.: Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 66; Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. С. 679.

[5] Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 62–63; Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. С. 47.

Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернией, единодушно отмечают, что на практике иерархия выстраивалась намного сложнее, учитывая специфику региона и его значимость в системе государственного управления. Н.Р. Славнитский в своем специальном исследовании, посвященном функциям комендантов и обер-комендантов в годы Северной войны, указывает на отсутствие четкой регламентации комендантских функций и отмечает, что появление должности обер-коменданта наряду с должностью коменданта «по всей видимости, диктовалось условиями военной обстановки, требовавшей наличия руководителей, которые могли наладить оборону на обширной территории, используя несколько крепостей в качестве “узлов обороны” и в то же время выполнять более широкие функции, включая надзор за строительством укреплений, формирование новых полков и т.д.»[1]. Поэтому, согласно историку, правомерно считать комендантов начальниками гарнизонов крепостей, а обер-комендантов – военачальниками и администраторами, державшими в подчинении и гарнизонные, и армейские полки. В заочный спор со Славнитским вступает Д.А. Редин, который полагает, что в Ингерманландской губернии до 1720 г. существовали разные по своему иерархическому положению обер-комендантские должности[2]. Другими словами, историк выстраивает еще более сложную иерархию комендантских должностей: во главе стоял губернский обер-комендант (Р.В. Брюс), который имел власть над всей территорией Ингерманландской губернии; ему подчинялись обер-коменданты – руководители второстепенных единиц области («обер-комендантских провинций»); наиболее мелкой должностной единицей являлись коменданты городов и крепостей, которые подчинялись либо обер-комендантам, если управляемые ими города и крепости входили в «обер-комендантскую провинцию», либо губернскому обер-коменданту[3].

[1] Славнитский Н.Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны. С. 556.
[2] Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого. С. 147
[3] Там же, С. 147–148.

Соответственно, дискуссии, вращающиеся вокруг должности коменданта в петровское время (о ее военном или гражданском характере, соотношении с должностью обер-коменданта), и вытекающие из них вопросы о месте комендантов в системе местного самоуправления и механизмах взаимодействия с другими органами власти до сих пор не потеряли своей актуальности. Кроме того, в историографии практически полностью упускается проблема изменения функционала и статуса комендантов в исторической динамике, начиная с момента учреждения должности и продолжая по мере проведения губернских реформ. Требуется и более пристальный взгляд на зависимость сферы компетенции комендантов от региональной принадлежности.

В последнюю группу привлекаемых в настоящей главе исследований мы решили включить биографические очерки, посвященные жизни и деятельности комендантов и обер-комендантов Ингерманландской (Санкт-петербургской) губернии. Как известно, Петербургский комендант Бахмеотов являлся не первым и не единственным военным руководителем гарнизона на территории обширной губернии, а его функции, хоть и имели определенную специфику, вызванную важностью Санкт-Петербургской крепости как военного укрепления и Санкт-Петербурга как столичного центра, во многом были схожи с функциями руководителей других ингерманланских крепостей. Соответственно, использование данного ряда работ, позволит при необходимости провести аналогии между деятельностью петербургского и остальных губернских комендантов или же понять отличия их функционала и положения в системе государственного управления.

Несколько специальных статей посвящены деятельности первого петербургского коменданта К.-Э. фон Ренне (Рённе, Рен), занимавшего должность в течение короткого периода с октября 1703 г. по 20 апреля 1704 г.[1]. В особенности стоит отметить работу Е.А. Андреевой, в которой историк

[1]Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. С. 10–14; Афанасьев С.И. Карл-Эвальд фон Ренне – первый Санкт-Петербургский комендант // Петропавловская

делает важный для нас выводы. Андреева заключает, что функции Ренне (уже в 1703–1704 гг.) были гораздо шире, чем обязанности коменданта крепости. Кроме того, в ряде случаев он самостоятельно принимал управленческие решения, а генерал-губернатору Меншикову, которому комендант непосредственно подчинялся, лишь докладывал об исполнении[1]. Деятельность первого обер-коменданта Брюса рассматривается как в отдельных биографических статьях[2], так и в рамках общих исследований, посвященных строительству и благоустройству Санкт-Петербурга[3]. Подобным образом изучается служба на должности петербургского коменданта М.О. Чемезова[4]. Помимо обер-коменданта и петербургских комендантов, в центре внимания исследователей находится деятельность комендантов близлежащих ингерманландских крепостей, игравших в начале XVIII в. ключевую оборонительную роль[5]. Частично вопрос о комендантах поднимается в контексте анализа системы военного управления и обеспечения гарнизонов северо-запада Российского государства[6].

крепость: Страницы истории. СПб., 2001; Лелина Е. И. Первый комендант Санкт-Петербурга: к вопросу об иконографии // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. 2005. С. 48–52; Рогожин А.А. А.Д. Меншиков и его «креатуры»: патронаж в служебной карьере генералитета русской армии начала XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. М., 2017. С. 637–643.

[1] Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта. С. 13.

[2] Славнитский Н.Р. Роман Вилимович Брюс – первый обер-комендант Санкт-Петербурга // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. Материалы Всеросс. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) СПб., 2004. С. 77–80.

[3] Упоминания встречаются в работах, см.: Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». М., 1999. 341 с; Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. 190 с; Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884. 1110 с.; Князьков С. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское общество при Петре Великом. СПб, 1914. 81 с. и др.

[4] Славнитский Н.Р. Комендант Санкт-Петербургской крепости М.О. Чемесов // ПВЛ - 2018. СПб., 2018; Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 136–137.

[5] Базарова Т.А. «За кивиковою станицею лесами и болотами…»: Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 12–19; Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск, 2012. 179 с.; Проскурякова М.Е. Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. СПб., 2009. 30 с.; Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 139–160.

[6] Мельнов А.В. Русская армия в Карелии и Ингерманландии и проблема взаимоотношений с местным населением в 1700–1710 гг: автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 27 с.; Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск, 2012; Славнитский Н.Р. Борьба за крепости и складывание системы обороны на северо-западе России в царствование Петра I. СПб., 2018. 278 с. и др.

Подводя итог, отметим, что предшествующий историографический анализ был призван не только очертить круг научных трудов, которые так или иначе касались личности коменданта Бахмеотова и сферы его компетенции в системе управления Санкт-Петербургом, но и показать вытекающую из него проблему – в связи с малоизученностью деятельности петербургского коменданта Бахмеотова как таковой, проблема функционирования его связей с генерал-губернатором Меншиковым в историографии вовсе не поднимается. Частично исследователями затрагиваются теоретические аспекты взаимоотношений между генерал-губернатором и комендантом, точнее, факт подчиненности последнего первому[1]. Предполагается и наличие между ними каких-либо контактов, поскольку логично, что генерал-губернатор и подчиненный ему комендант должны были каким-то образом взаимодействовать друг с другом. Однако конкретных сюжетов, описывающих контакты Бахмеотова и Меншикова и позволяющих оценить характер отношений, сложившихся между ними в 1717–1725 гг., среди известных нам исследований не обнаружено. Имеются лишь единичные упоминания участия Бахмеотова и Меншикова в одних и тех же исторических событиях. Н.И. Павленко в своей знаменитой биографии Меншикова замечал, что генерал-губернатор в 1722 г. требовал от коменданта содержать в чистоте «новопостроенные дома»[2], поскольку государь решил их осмотреть по приезде в столицу, просил его вместе с генерал-полицмейстером Девиером незамедлительно извещать о реакции Петра на работы[3]. Также Н.Р. Славнитский, опираясь на сведения «Повседневных записок делам князя А.Д. Меншикова» мимоходом указывал, что Бехмеотов часто появлялся в доме князя[4]. Исходя из подобного историографического опыта, можно заключить,

[1] Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 45–144; Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. С. 47–48; Славнитский Н.Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны. С. 556; Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого. С. 139–160 и т.д.

[2] На самом деле, новопостроенные постоялые дворы.

[3] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 184

[4] Славнитский Н.Р. Борьба за крепости и складывание системы обороны на северо-западе России в царствование Петра I. СПб., 2018. С. 246.

что изучение деловых и личных связей петербургского коменданта Бахмеотова и генерал-губернатора Санкт-Петербургской губернии Меншикова в период 1717–1725 гг. является актуальной задачей.

1.1.2. Обзор источников

Обращаясь к изучению деятельности петербургского коменданта Бахмеотова и его связей с генерал-губернатором Меншиковым, мы стремились выявить плотные комплексы источников, отражающих их контакты на протяжении 1717–1725 гг. Опыт историографии подсказывал, что в основу подобного исследования могут быть положены не только законодательные и делопроизводственные источники, которые очерчивают сферу компетенции коменданта и отражают функционирование гарнизона, но и такие источники, которые вышли из-под пера самого коменданта Бахмеотова и в большей степени отразили его личностные характеристики. Соответственно, наиболее перспективным для подобных целей оказался хорошо сохранившийся комплекс *писем и доношений*, посланных комендантом к Меншикову. В дополнение к материалам от Бахмеотова привлекались ответные письма и ордеры, отправляемые князем к коменданту.

Формируя обзор источников, мы посчитали целесообразным в случае с Бахмеотовым не разделять письма и доношения, хотя первые относятся к неофициальной документации, не проходившей через систему государственных учреждений и передававшейся из рук в руки, а вторые – вполне официальные делопроизводственные материалы. Причина подобного смешения заключается в том, что письма и доношения Бахмеотова (как и ответные письма и ордеры Меншикова) имеют схожие черты как по содержанию, так и по формуляру[1]. Во-первых, оба вида документов сохранились в едином комплексе, так скажем, неофициальной переписки с Меншиковым. Как отмечает Редин, «определяясь с понятием частной переписки, мы в первую очередь (и совершенно справедливо) отмечаем ее

[1] На наш взгляд, это связано с характером их деловых и личных связей.

неофициальный, неформальный характер. Это качество, позволяющее провести основной водораздел, отграничивающий частное/неофициальное письмо от делового/официального. Частное письмо идет от индивида к индивиду, минуя государственные, публичные по своей сути, официальные структуры»[1]. В документообороте между Бахмеотовым и Меншиковым доношения, официальные делопроизводственные документы, проходили один и тот же путь до адресата, что и письма (по крайней мере мы их разделить вряд ли сможем). Комендант, надо полагать, текст и доношений, и писем только диктовал, а записывал его служащий подчиненной ему комендантской канцелярии. Все письма написаны канцелярским почерком, который разительно отличается от подписи Бахмеотова внизу.

Во-вторых, формуляр доношений и писем, посланных Бахмеотовым, практически идентичен. Доношения соответствовали традиционному для того времени формуляру подобных документов: в начале шло обращение к Меншикову с использованием всех должностей и титулов; затем – основной текст доношения, состоящий из упоминания посланных ранее указов и повелений, а также перечисления того, что было по ним сделано или установлено; заключали текст документа обращение к Меншикову с просьбой дать указ по поднятому вопросу, именование себя, дата и место написания. Визуально письма коменданта несколько отличались от доношений – они были написаны более свободно и размашисто с использованием формул, характерных для частного письма XVIII в. Однако в процессе более тщательного анализа текста обнаруживается, что в некоторых случаях, в частности в 1717–1718 гг., письма начинались аналогично доношениям – с официального обращения, а не сокращенного «светлейший князь», как это было принято в неофициальной корреспонденции – и в основной части также повторяли его структуру[2]. В более позднее время комендант перешел к

[1] Редин Д.А. Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления // Новое прошлое. 2019. №3. С. 122.
[2] Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93.

сокращенному варианту, но сам текст письма продолжал напоминать доношения, представляя собой сухой отчет о проведенных мероприятиях.

В-третьих, попытки содержательно разделить вопросы, какие Бахмеотов поднимал только в доношениях, а какие – только в письмах, практически полностью потерпели крах. Содержание в обоих случаях сводилось к деловым вопросам, связанным с управлением военными формированиями в Санкт-Петербургской крепости и благоустройством столицы. Лишь в отдельных случаях Бахмеотов в письмах присовокуплял к деловым проблемам личные сведения, семейные новости[1], информацию о передвижениях монарха, поздравления, упоминания о погоде, комплиментарные формулы и т.д. При этом и в доношениях коменданта могли содержаться просьбы, так скажем, личного характера, свойственные, скорее, для делового частного письма, нежели для доношения[2]. Соответственно, в случае Бахмеотовым провести грань между официальной и неофициальной перепиской крайне трудно.

Доношения и письма Бахмеотова сохранились в составе фонда личной канцелярии князя Меншикова в РГАДА. По преимуществу они сконцентрированы в трех делах под названием «Письма и доношения князю Меншикову от бригадира и с.-петербургского коменданта Якова Бахметева»[3]. Еще один комплекс рапортов и доношений, поступавших к Меншикову от комендантов крепостей Санкт-Петербургской губернии за 1725 г. находится в первой части того же фонда, однако отличается плохой[4]. Письма или какие-либо материалы, исходящие от Бахмеотова до 1717 г. и отражавшие его взаимоотношения с Меншиковым, среди архивных хранилищ обнаружить не удалось.

Трудность анализа документального наследия, посланного от Меншикова к Бахмеотову (ответных писем и ордеров), состоит в том, что бумаги, поступавшие от князя, не сохранились в оригинальном виде. В фонде

---

[1] Причем даже это он делал «по своей должности».
[2] Например, РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380. Л. 72.
[3] Там же, Д. 378, 379, 380.
[4] Там же, Д. 214.

личной канцелярии Александра Даниловича имеются лишь погодные, разбитые по нескольким месяцам записные книги, где корреспонденция отражена в форме черновиков, копий и отпусков[1]. С одной стороны, благодаря наличию записных книг, мы имеем объемный комплекс материалов, в которых отражена суть посланных Меншиковым документов. С другой стороны, подобная форма представления информации лишь схематично передает смысл документации Меншикова, поскольку имеет вид аннотации основного текста письма. Мы не можем судить с точностью о каких-либо мелких деталях, фигурах речи, обращениях и в принципе языке корреспонденции Меншикова и, как следствие, в полной мере восстановить его стиль общения с комендантом. По этим же причинам невозможно достоверно определить, какого типа документ посылался к коменданту – официальный ордер или частное письмо – поскольку в книгах они записывались в одинаковой форме. Некоторую ясность позволяют внести отдельны фразы, брошенные в письмах и доношениях Бахмеотова, который, обращавшись к князю указывал способ получения указаний («по ордеру», «по письму», «по указанию»).

В целом несмотря на специфику и ограничения эпистолярных источников, выбранная нами совокупность доношений и частных писем, поступавших от Бахмеотова к Меншикову и от Меншикова к Бахмеотову, позволяет реконструировать векторы их контактов, понять по каким вопросам и каким образом они взаимодействовали, а также оценить, существовали между ними только деловые отношения, обусловленные служебной иерархией, или все-таки нашлась какая-либо почва для установления личных связей.

Уточнить и дополнить сведения корреспонденции Бахмеотова – Меншикова позволяют эпистолярные комплексы других должностных лиц, занимавших в системе управления Санкт-Петербургом ключевые посты. Прежде всего, деловые контакты, нашедшие документальное отражение,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 109, 110, 148, 162, 181 и т.д.

связывали коменданта с обер-комендантом Брюсом (до его смерти в 1720 г.), генерал-полицмейстером А.М. Девиером и князем М.М. Голицыным[1]. Содержательный анализ переписки Брюса и Меншикова способствовал уточнению границ сферы компетенции коменданта и обозначению соотношения его должности с должностью обер-коменданта Санкт-Петербургской губернии в конце 1710-х – 1720 гг. Корреспонденция Девиера и Меншикова привнесла незаменимые факты для реконструкции сюжета, связанного со строительством комплексов постоялых дворов на Петербургской и Московской сторонах. Переписка Меншикова с Голицыным, назначенным Петром I военным руководителем Санкт-Петербурга на время Персидского похода (1722–1723 гг.), позволила детализировать деятельность Бахмеотова и способы построения контактов с другими государственными структурами.

Вместе с различными эпистолярным комплексам были использованы *материалы делопроизводства* гарнизонной канцелярии, находившейся под руководством петербургского коменданта[2] – табели, реестры, ведения, мемории, экстракты. Как правило, эти документы посылались Бахмеотовым в приложении к доношениям и письмам, были неразрывно связаны с ними. Благодаря делопроизводственным материалам мы имеем статистическую информацию о численном и качественном составе петербургского гарнизона, его хозяйственном обеспечении, финансах, проводимых Бахмеотовым мероприятиях, строительстве и потребностях военных частей. Среди делопроизводства гарнизонной канцелярии также обнаруживаются описи поступавших в гарнизон царских указов, постановлений Военной коллегии, ордеров от Меншикова, Голицына и других лиц, занятых в системе управления Санкт-Петербурга. Нельзя не упомянуть об изданном историком Н.Г. Устряловым в приложении к шестому тому «Истории царствования Петра Великого» документе, представляющем собой рукопись записной книги

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 424, 518, 557.
[2] Специального фонда петербургской гарнизонной канцелярии не имеется.

Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии. Записная книга позволяет хронологически реконструировать события за конец 1717–1718 г.[1]. В качестве сравнительного материала для понимания специфики деятельности коменданта и подчиненного ему гарнизона привлекались фонды Полицмейстерской канцелярии, Губернской канцелярии, Канцелярии городовых дел[2].

В еще одну крупную группу источников, положенную в основу настоящей главы, вошли *законодательные акты* либо регулировавшие деятельность коменданта Бахмеотова, либо определявшие основы системы управления Санкт-Петербургом. Указы Петра I, привлекаемые нами, частично были изданы в Полном собрании законов Российской Империи (ПСЗ), частично – в различных сборниках петровского законодательства[3]. Кроме того, упоминания о законодательных постановлениях государя сохранились в составе корреспонденции Бахмеотова[4]. Значительным минусом комплекса законодательных источников, связанных с деятельностью Якова Хрисанфовича, является отсутствие в их числе должностной инструкции коменданта, которая бы четко определила границы его полномочий (хотя бы тех, которые задумывались Петром)[5]. Н.Г. Устрялов в «Истории царствования Петра Великого» указывал на существование указа, объявленного через генерал-губернатора Меншикова, о назначении Бахмеотова комендантом Санкт-Петербургской крепости в чине полковника и о подчинении ему 4 полков (Чемесова, Белозерского, Котловского, Зезевитова), однако в опубликованном историком документе нет никаких сведений о функционале

[1] Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859. С. 595–617.
[2] РГАДА. Ф. 26, 248, 1451; РГИА. Ф. 467.
[3] Бумаги императора Петра I. СПб., 1873; 565 с.; Законодательство Петра I. М., 1997. 880 с.; ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. 784 с., Т. VI. СПб., 1830. 817 с.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378–380.
[5] Исследователями приводятся должностные инструкции других комендантов, занимавших должность ранее Бахмеотова или же руководивших гарнизонами других крепостей Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губерний. Эти данные позволяют судить о примерной сфере компетенции комендантов на законодательном уровне, однако даже с их помощью невозможно проследить детальную эволюцию должностных инструкций комендантов в течение петровского правления. Например, см. именной указ, данный бригадиру Порошину о должности его и о будущим при нем комендантам в Кроншлоте и в прочих крепостях на Котлине острове: ПСЗ. Т. V. С. 565–566.

нового коменданта[1]. Согласно описи фонда 198 РГАДА существовало дело, в котором сохранилась должностная инструкция, предназначенная для Чемезова, который занимал должность коменданта до Бахмеотова[2]. На данный момент это дело недоступно для исследователей, надо полагать, из-за плохой сохранности. Поэтому сфера компетенции коменданта определяется нами на основе совокупности данных других источниковых комплексов.

Для иллюстрации отдельных сюжетов привлекаются *нарративные источники*. На существование личных контактов – с глазу на глаз или среди каких-либо других личностей – указывают «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова», изданные С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. «Повседневные записки» позволяют установить частоту встреч, проходивших между Меншиковым и Бахмеотовым, предмет их разговоров («о делах»), членов компании, среди которых они находились. При дефиците информации о личных связях коменданта и генерал-губернатора данные сведения кажутся особенно ценными[3]. Дополняют характеристику отдельных петербургских сюжетов Походные журналы Петра I, изданные еще в XIX в.[4]. Повседневные детали жизни Санкт-Петербурга времен комендантства Бахмеотова, кроме того, обнаруживаются в *записках современников*. Среди наиболее известных описаний города стоит назвать дневник голштинского камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, воспоминания Ф.-Х. Вебера, П.Г. Брюса, анонимного члена польского посольства мазовецкого воеводы Ст. Хоментовского, участника свиты бобруйского старосты Я.-К. Сапеги, О. де ла Мотрэ и др.[5].

---

[1] Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии. С. 595.

[2] Также О.Г. Агеева, анализируя полномочия коменданта и петербургского гарнизона времен Чемезова, ссылается не на инструкцию, а на доношение коменданта Меншикову с перечнем выполняемых служб. Данный перечень, очевидно, не полностью характеризует все направления деятельности коменданта. См.: Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 136–137. Документ, на который указывает исследовательница, см.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1020.

[3] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. 646 с.

[4] Например, Походный журнал 1720 года. СПб., 1885. 65 с.

[5] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. 864 с.; Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. 284 с.; Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца // Русская старина. 1879. Т. 25. Июнь. С. 263–290 и др.

Таким образом, источниковая база исследования деловых и личных отношений петербургского коменданта Бахмеотова и генерал-губернатора Меншикова основывается на эпистолярных комплексах, отправленных Бахмеотовым к Меншикову и Меншиковым к Бахмеотову. При анализе данных материалов нельзя обойти стороной тот факт, что связи Бахмеотова и Меншикова строились на служебной иерархии и, соответственно, деловая информация превалировала в их переписке. Уточнить сведения корреспонденции, а также обозначить границы сферы компетенции коменданта в системе управления Санкт-Петербургом и его окрестностями позволяют материалы делопроизводства, законодательные источники, «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова», Походные журналы, записки иностранцев. Комплексы корреспонденции других государственных деятелей, занятых строительством и благоустройством столицы, способствуют общему пониманию специфики деятельности коменданта.

1.2. Деятельность Я.Х. Бахмеотова как коменданта Санкт-Петербургской крепости

Начало истории имперской столицы России, Санкт-Петербурга, в большинстве исторических работ связывается с возведением в дельте р. Нева Санкт-Петербургской крепости. Считается, что Санкт-Петербургская фортификация задала старт одному из самых грандиозных управленческих и строительных проектов петровского правления. Новая крепость, призванная защитить вновь обретенные территории от вражеских набегов, стала одной из доминант Санкт-Петербурга. Сам же город имел стратегическое значение: в первые годы своего существования Санкт-Петербург должен был обеспечить для страны экономические и военные выгоды, в дальнейшем добавилась и стала доминирующей репрезентативная функция нового города-парадиза[1]. Санкт-Петербург являлся центром обширной Ингерманландской (затем –

[1] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 61.

Санкт-Петербургской) губернии, генерал-губернатором, то есть военным и гражданским руководителем, которой был назначен ближайший сподвижник Петра А.Д. Меншиков.

Постепенно вокруг генерал-губернатора складывалась система управления Санкт-Петербургом и его округой[1]. В подчинении Меншикова с 1702 г. находилась Семеновская приказная палата, в 1705 г. переименованная в Ингерманландскую (губернскую) канцелярию, взявшую под контроль дела соответствующей губернии. В 1703 г. для управления Санкт-Петербургской крепостью была учреждена должность коменданта. Первым комендантом назначался драгунский полковник барон К.-Э. фон Ренне. Чуть позже вводилась должность обер-коменданта, которую до 1720 г. занимал Р.В. Брюс. Брюсу приказывалось возглавить гарнизонные формирования Санкт-Петербургской губернии. Дела военно-морского управления находились в ведомстве Адмиралтейства, а руководство городской каменной застройкой, поиск мастеровых и доставка строительных материалов относились к сфере компетенции Канцелярии городовых дел (с 1723 г. – Канцелярия от строений). Затем в 1718 г. для поддержания общественного порядка была создана Полицмейстерская канцелярия во главе с генерал-адъютантом царя А.М. Девиером. В 1720 г. появился Главный магистрат – орган, выполнявший функции городской ратуши.

Вопрос о месте петербургского коменданта среди городских органов власти в историографии остается открытым. Как правило, говоря о системе управления Санкт-Петербургом, среди государственных институтов, оказавших наибольшее влияние, называют Губернскую канцелярию (до 1718 г.), Канцелярию городовых дел и Полицмейстерскую канцелярию. Исследователи отмечают личное влияние генерал-губернатора Меншикова, в чьих руках сконцентрировались нити городского и губернского управления[2].

---

[1] В данной работе мы не рассматриваем целенаправленно систему управления Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернией.

[2] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 156; Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 135.

Коменданту и подчиненному ему петербургскому гарнизону в данном случае отводится скромное место. К сфере компетенции коменданта по преимуществу относятся военные и хозяйственные заботы в подчиненной ему крепости[1], тогда как роль внутри столицы сводится к предоставлению людских ресурсов (солдат и офицеров полков гарнизона) для проведения строительства и обеспечения безопасности.

В противоположность исследования, посвященные предшественникам Бахмеотова на должности петербургского коменданта, наглядно показывают, что сфера компетенции комендантов распространялась значительно шире. Например, Е.А. Андреева убедительно демонстрирует, что к функционалу первого петербургского коменданта Ренне относилось несколько управленческих задач, распространявшихся на территорию как подведомственной ему крепости, так и города в целом. Ренне, согласно наработкам исследовательницы, занимался поддержанием крепости в боеготовности и ее хозяйственным обеспечением, участвовал в строительстве и благоустройстве других объектов Санкт-Петербурга, следил за безопасностью, руководил комплектованием, обеспечением жалованием и провиантом находящихся в городе полков, ведал пребывающим населением, измерял расстояния между различными пунктами и боролся с наводнениями[2]. Со временем функции коменданта расширялись и дробились по мере разрастания Санкт-Петербурга, увеличения городского населения и умножения управленческих проблем. Обязанности Чемезова, занимавшего

[1] Данное утверждение еще более примечательно еще и потому, что исключительно военная специфика функций комендантов давно поставлена под сомнение. Как отмечал еще М.М. Богословский, комендантыбыли по преимуществу финансовыми и судебными агентами центра. Историк писал о первых комендантах: «Он наблюдает за целостью казенного имущества. Он понуждает все классы населения отбывать лежащее на каждом из них тягло, выставлять военный и рабочий контингент и исполнять прочие повинности, натуральные и денежные. Комендант исполняет также и экстраординарные казенные поручения: например, сдает в подряд поставку корабельного леса, производит закупку лошадей, заготовляет сено для проходящих по его уезду воинских команд, отправляет дальше к Петербургу пришедший по реке корабельный лес и т.п. Сохранилось также много памятников и судебной деятельности комендантов. Комендант производит судебные разбирательства по делам гражданским и уголовным. С другой стороны, и в судебной области он также действует как исполнительный агент высшего правительства, осуществляя судебные приговоры высших инстанций». Об этом и далее см.: Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 58.

[2] Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. С. 10–13.

комендантскую должность до Бахмеотова (до 1717 г.), реконструируются с большей детальностью. Согласно росписи, поданной Чемезовым Меншикову, к службам петербургского гарнизона под предводительством коменданта относилось: несение караула в крепости, у дворцов представителей царской семьи и домов высокопоставленных лиц; охрана в домах иностранных посланников и шведских арестантов; поддержание порядка в различных районах города, у слона (подарка персидского шаха); подъем штандартов и флагов; охрана денежной и пороховой казны; службы и строительные работы (корабельная, фонтанная, «у государева леса»; обслуживание лазаретов; противодействие пожарам и многое другое[1]. Кроме того, комендант следил за численностью полков и их составом, принимал рекрутов, искал беглых[2]. Особо ответственной обязанностью коменданта являлась организация въезда в город Петра, Екатерины и любых других важных государственных деятелей – при их вступлении на территорию города со стен Санкт-Петербургской крепости палили из пушек по указанным нормам[3]. Такой значительный список полномочий позволил О.Г. Агеевой сделать вывод, что коменданта и подчиненный ему гарнизон можно охарактеризовать как «многофункциональное управленческое и исполнительное городское (иногда общегосударственного уровня) учреждение», выполнявшее государственную службу и военного, и светского характера[4]. Запомнив данный тезис, обратимся к управленческим задачам, стоявшим перед комендантом Бахмеотовым в 1717–1725 гг.

Бахмеотов был назначен на должность коменданта Санкт-Петербургской крепости в декабре 1717 г., фактически приступил к выполнению обязанностей в январе 1718 г. Как сообщалось в «Записной книге С.-Петербургской гварнизонной канцелярии», изданной Н.Г. Устряловым, на тот момент капитан от гвардии Бахмеотов получил ордер от генерал-

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1020. Л. 1–8.
[2] Там же, Л. 1–18.
[3] Там же, Л. 16–17об.
[4] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 136–137.

губернатора Меншикова, согласно которому он был пожалован в полковничий чин и приступал к выполнению обязанностей коменданта Санкт-Петербургской крепости. 20 декабря Яков Хрисанфович прибыл в столицу, а 23 декабря Меншиков по указу государя объявил перед всеми гарнизонными полками (бывшим Чемезовым, Белозерским, Колтовским, Зезевитовым), что они и крепость вручались в руководство новому коменданту[1]. Днем позже Бахмеотов осматривал крепость и все остальное «городовое» строение. О какой-либо специальной инструкции (от Петра или Меншикова), предназначенной Бахмеотову, в источниках, в этом и других, речи не идет.

Внутри крепости комендант обладал широким кругом обязанностей. Широту его сферы компетенции отчасти отражает мемория, посланная 27 июня 1722 г. В ней Бахмеотов поднимал вопросы, которые требовалось незамедлительно решить, а именно: о замене прохудившихся флагов и штандартов (воскресных и дневных); необходимости создания короткого ружья для обер- и унтер-офицеров гарнизонными слесарями; деньгах, полученных на гарнизонные расходы; вакантных должностях в полках; покупке двух или трех лошадей в гарнизон; выдаче жалования финским рекрутам; употреблении оставшихся после шведских арестантов и финских рекрут мундиров (они нужны погонщикам); требовании прислать образец для создания островных лодок; продаже лишних дров и употреблении вырученных сумм на барабаны с медными лукошками, нагрудные знаки для офицеров и шарфы; о призвании на службу шведских пленных гобоистов, которые должны были обучить игре на гобоях и валторнах гарнизонных служащих; употреблении на дрова обвалившихся потолков в казармах Кронверка; учреждении школ для солдатских детей, где их будут обучать грамоте, арифметике и игре на гобоях; отводе мест под дворовое строительство для офицеров, рядовых и не служащих людей Белозерского и Зезевитова полков (входящим в другие два полка места уже отведены)[2]. В

[1] Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии. С. 595–596.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 39-45об.

общих чертах комендант регулировал кадровый состав и хозяйственное обеспечение вверенного ему гарнизона, поддерживал Санкт-Петербургскую крепость в боеспособности, заботился о социальной сфере. Остановимся на его обязанностях подробнее.

Во-первых, Бахмеотову было поручено руководство гарнизонными силами четырех полков – комендантского (Бахмеотова, бывшего Чемезова), Белозерского, Колтовского и Зезевитова. 25 и 27 декабря 1717 г. в «Записной книге С.-Петербургской гварнизонной канцелярии» записано: «Светлейший князь вручил полк бывшаго полковника и коменданта Чемесова; також пожаловал и деревню, которую владел он же, бывший полковник. А оный полк принял в 27 день и смотрел по списку; на котором смотре было: полковник 1, майор 1, адьятант 1, квартермейстер 1, обозный 1, полковой писарь 1, полковой профос 1, обер-офицеров 17, унтер-офицеров 19, капралов 26, рядовых 46, гренадеров 64, неслужащих 64»[1]. Подобный смотр был проведен оставшимся полкам. С этого момента комендант постоянно вел учет кадровому – количественному и качественному – составу подчиненных ему полков, занимался их обеспечением жалованием (денежным и хлебным) и мундиром[2]. Бахмеотов знал о каждом человеке, поступавшем на службу в петербургский гарнизон, записывал его в соответствующий список и назначал выплаты. Через коменданта проходили указы о повышении в чине, переводе в другой гарнизон или направлении на какую-либо службу[3]. Необходимо было контролировать физическое и душевное здоровье обывателей Санкт-Петербургской крепости. Для свидетельствования болезней, смертей или душевных расстройств Бахмеотов вызывал доктора, который изучал состояние больного[4]. В случаях, когда солдатам или офицерам необходимо было получить постой на территории города, а не в крепости, Яков

[1] Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии. С. 596.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 92.
[3] Там же, Д. 378. Л. 14, 128, 184, 239, 302; Д. 379. Л. 22, 38, 373.
[4] Там же, Д. 378. Л. 44–44об, 226.

Хрисанфович обращался за помощью к генерал-полицмейстеру Девиеру, ведавшему распределением постойной повинности в Санкт-Петербурге[1].

Несколько категорий гарнизонных военнослужащих требовали повышенного внимания Бахмеотова. Определенные хлопоты приносили рекрутские приемы – прибывших рекрутов следовало оценить на пригодность, записать в книги, назначить им жалование и обучить военному делу[2]. Комендант также держал под контролем весьма многочисленную категорию военных, получивших разрешение покинуть на время гарнизон и отправиться в свое имение для решения «нужных дел»[3]. Иногда Бахмеотову приходилось силой добиваться их возвращения обратно на службу в срок. Самым ресурсозатратным процессом являлся поиск беглых. Среди документации, отражающей деятельность Бахмеотова и гарнизонной канцелярии, находятся несколько десятков, а то и сотен дел, связанных с поиском беглых солдат и рекрут, уклонявшихся от службы[4]. Часто бежавших найти не удавалось. Если же их ухитрялись отловить, то передавали под следствие и суд.

Во-вторых, Бахмеотов осуществлял хозяйственное руководство Санкт-Петербургской крепостью как материальным объектом. Стоить отметить, что при вступлении в должность ему были вручены не только четыре дислоцировавшиеся в гарнизоне полка, но и сама крепость, которую он сразу же отправился осматривать[5]. Поскольку крепость не только радовала глаз въезжающего в Санкт-Петербург, но и являлась военной фортификацией, призванной защитить столицу от вражеского нападения – тем более, что до заключения 10 сентября 1721 г. Ништадтского мира страна продолжала жить в военное время – главной задачей коменданта было поддержание ее в боеспособном состоянии. Бахмеотов руководил строительными работами внутри крепости, продолжавшимися на протяжении всего его комендантства, ликвидировал поломки крепостных сооружений, организовывал ремонтные

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 328, 332
[2] Там же, Л. 6.
[3] Там же, Д. 378. Л. 106–109об; Д. 379. Л. 22; Д. 380. Л. 69.
[4] Там же, Д. 378. Л. 32–33.
[5] Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии. С. 596.

мероприятия. Благоустройство внутрифортификационной территории, на которой жили гарнизонные служащие, также входило в сферу его обязанностей[1].

Коменданту следовало возглавить борьбу с пожарами, способными уничтожить все хозяйство крепости. Одно из первых мероприятий, проведенное Бахмеотовым в 1718 г., относилось к пополнению числа заливательных труб, деревянных и медных, использовавшихся для тушения огня. Проблемы с недостатком деревянных труб решились быстро. 18 января ему было указано делать их в самом гарнизоне с помощью гарнизонных мастеров[2]. Попытки найти рабочие медные трубы потребовали больших усилий. В конце января Бахмеотов сообщал Меншикову, что «имеем в санкт-питербурхском гварнизоне пожарную заливателную трубу медную в корпусе медном же, у которой провертных рукавов 4, наконешников медных 2, на трубе и на налов чехлов парусных 2, а по осмотру моему против адмиралтейской заливателной же трубы, которая в парусной избе обретаетца, надобно к помянутой гварнизонной трубе в добавок 1 насос медной к налою, 1 кореной рукав к налою ж, 4 рукава парусных крашеных к налою ж»[3]. Для приведения заливательной трубы к норме комендант просил выдать из Адмиралтейства насосы и рукава[4].

Под контролем Бахмеотова находилось движимое имущество крепости, необходимое для военного дела и повседневной жизни. Любой приход и расход материалов, продовольствия, оружия и пр. тщательно фиксировался в приходных и расходных книгах, составлявшихся в гарнизонной канцелярии. Туда же поступали сведения о расходе денежных средств, направленных к коменданту для ведения гарнизонных дел[5]. Бахмеотов следил за наличием в крепости ручных жерновов, шлюпок, лодок и барок, дров и бревен, различных

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 29, 37.
[2] Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии. С. 599.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 1.
[4] Там же, Л. 1, 30–30об.
[5] Там же, Д. 379. Л. 118., 147, 156–156об.

строительных инструментов, ружья и пушек, провизии в амбарах и фуража[1]. Отдельный счет шел количеству имевшихся в распоряжении у гарнизонных солдат и офицеров мундиров и амуниции[2]. Пополнение хозяйственных ресурсов происходило или через обращение в другие государственные учреждения, прежде всего, в Адмиралтейство и Канцелярию городовых дел, или все необходимое производилось своими силами (для этого при гарнизоне находились различные мастера). Денежные средства на деятельность гарнизона выделялись из Кригс-комиссариата, Военной коллегии или от генерал-губернатора Меншикова.

В-третьих, для обеспечения нормального функционирования Санкт-Петербургской крепости коменданту приходилось заботиться о так называемой социальной сфере. По повелению генерал-губернатора Бахмеотов получал деньги для содержания лазаретов. 12 января 1723 г. он сообщал, что 1400 рублей, собранные в церкви Святой Троицы, переданы капитану Кобылину в гарнизонные лазареты[3]. Полученные средства были записаны в приходо-расходные канцелярские книги[4]. Имя Бахмеотова, кроме того, связывается в историографии с созданием гарнизонной школы для обучения солдатских детей грамоте и арифметике. В 1722 г. комендант получил из Военной коллегии указ государя, по которому «велено салдатских детей малолетных обучать при полках грамоте, читать и писать, чего ради от Государственной военной коллегии в здешней гварнизон для обучения оных салдатских детей и азбуки печатные присланы, а для содержания их как денежным, так и хлебным жалованем велено в каждом полку иметь по пятидесят салдатских ваканции»[5]. Следуя указу, Бахмеотов хотел собрать солдатских детей-сирот человек двадцать и обучить их в начале чтению и письму, затем нотному пению и игре на гобоях, поскольку в полках гобоисты все состарились и играть не могли. Провиант он предлагал давать ученикам из

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 9, 34, 50, 121, 201, 242, 248; Д. 379. Л. 37.
[2] Там же, Д. 379. Л. 200, 13, 170.
[3] Там же, Л. 1–1об.
[4] Там же, Л. 3–3об.
[5] Там же, Л. 45.

оставшихся после умерших и беглых солдат запасов[1]. Решившись организовать гарнизонные школы, Яков Хрисанфович занялся поиском в них квалифицированных учителей, которые могли бы помимо перечисленных предметов, обучить солдатских детей цифрам и арифметике[2]. Успехи школьников он тщательно фиксировал, отмечая умеют ли они читать, писать и считать[3].

На Бахмеотова как на коменданта Санкт-Петербургской крепости ложились судебные полномочия. Известно, что система военного судопроизводства претерпела при Петре I значительные изменения. Новые органы военного суда – кригсрехты – появились еще в 1700-е гг. Они, как отмечает Д.О. Серов, представляли собой коллегиальные судебные присутствия, созданные на время командирами воинских формирований[4]. Суд состоял из асессоров и председателя (презуса), которые назначались из числа военнослужащих той же части, что и обвиняемые. Рассматривали кригсрехты в основном уголовные дела без возможности обжалования приговора. Суд проходил на основании данных предварительного следствия – фергера. Вынесенный на судебном заседании приговор в обязательном порядке отправлялся для утверждения командиру части или любому иному вышестоящему воинскому лицу. После учреждения в 1717 г. Военной коллегии, приговоры приказано было отправлять туда как в последнюю инстанцию или лично к монарху[5]. В подобной системе кригсрехты, фактически, являлись обособленными и независимыми друг от друга единицами, подконтрольными местным военачальникам.

Бахмеотов держал под контролем кригсрехты, участниками которых (истцами, ответчиками или свидетелями) были солдаты и офицеры его гарнизона. Среди документации коменданта находится множество

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 45-45об, 73.
[2] Там же, Д. 380. Л. 97–97об.
[3] Гарнизонная школа была создана не только в петербургском гарнизоне, но и в нарвском. См.: Там же, Д. 379. Л. 396.
[4] Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 131–134.
[5] Там же, С. 284–287.

документов, отправленных от него к Меншикову с указаниями на причины, ход и итог судебных процессов. Он принимал участие – следил за ходом следствия, вел процесс как презус, контролировал судебные заседания, выносил приговор и т.д. – в делах различного плана. Так, Бахмеотов имел сведения об обстоятельствах дела, касающегося убийства прапорщиком Сапожниковым своей жены; следствия по делу бежавших со службы драгун и прапорщика Беляева, учинившего обиды крестьянам Меншикова; челобитной в бесчестье прапорщика комендантского полку и т.д.[1]. 14 июня 1718 г. комендант расследовал дело профоса своего полка М. Степанова, который успел совершить три побега, потерять два мундира и поучаствовать в двух кражах. Бо́льшая вина профоса состояла в том, что во время следствия он сказал государево слово и дело, и поэтому был отправлен к генерал-губернатору Меншикову (гарнизонный суд подобного рода дела рассматривать не мог)[2].

Согласно исследованию Д.О. Серова, 4 ноября 1724 г. по распоряжению Военной коллегии создавалась временная судебно-следственная комиссия во главе с петербургским комендантом. Эта комиссия представляла собой попытку учредить в Санкт-Петербурге новый военно-судебный орган, функционировавший на постоянной основе – Нижний воинский суд (один подобный уже существовал в то время в Москве)[3]. В бумагах Бахмеотова мы находим еще более раннюю дату подобной инициативы. 29 сентября 1723 г. комендант подал генерал-губернатору Меншикову доношение, в котором обозначал: «сего сентября 25 дня прислан ко мне из государственной Военной коллегии на имя вашего светлейшества указ, в котором написано, что того ж сентября 20 дня по Его императорского величества указу государственная Военная коллегия приговорили для случающихся при Военной коллегии фергеров и криксрехтов вместо той комиссии, которая была учинена при

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 15, 17, 151–151об, 166.
[2] Там же, Л. 21–21об.
[3] Создание такого органа предполагалась еще «Артикулом воинским». См.: Законодательство Петра I. С. 195; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 286–287.

Военной коллегии ис командрованных от полевых полков штаб- и обор-афицеров, учинить особливую комисию в Санкт-Питербурской гварнизонной канцелярии, в которой вместо президента быть мне. А понеже случаютца мне другие нужды и ис крепости частые отлучки, того ради выбрать бы мне к той комисии из санкт-питербурскаго гварнизона из штаб-афицеров одного, да из обор-афицеров двух капитанов и двух порутчиков, которым при той комисии быть погодно с переменою. А когда в афицерах гварнизонных будет нужда, тогда по требованию моему командировать ко мне на тое комисию из армейских, какие в Санкт-Питербурхе случатца, и для того которые дела ныне у полковника Фермера с протчими афицерами и оные с описью отдать в тое гварнизонную канцелярию с роспискою, понеже оной полковник и другие афицеры у оных дел были из армейских полков, которым велено быть к походу в готовности, и для того оных афицеров отпустить к их полкам»[1]. Помимо прочего он добавлял, что этой же следственной комиссии следовало отправлять рекрутские приемы с провинций Санкт-Петербургской губернии, как в других губерниях их осуществляли губернаторы, вице-губернаторы и коменданты. Те дела, которые комиссия не могла решить, требовалось передавать в Военную коллегию. Также к судебным делам определялись секретари и канцеляристы, которые имелись в гарнизонной канцелярии[2].

Говоря о судебных функциях Бахмеотова, нельзя забывать тот факт, что Санкт-Петербургская крепость являлась местом заключения множества арестантов, находящихся под следствием или осужденных за различные преступления – от самых мелких до государственных. Комендант и подчиненный ему гарнизон тщательно следили за содержанием колодников. Бахмеотов вел именные списки, находящимся в Санкт-Петербургской крепости арестантам (например, «Именной список обретающимся в санкт-питербурском гварнизоне колодников всяких чинов людем, которые содержатца по делам гварнизонной канцелярии и по присланным от

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 238.
[2] Там же, Л. 238об.

государственной Военной колегии для учинения фергеров и криксрехтов, и за какие вины и зачем оные не решены»)[1]. Для особо важных заключенных прописывались нормы содержания – качество пищи, количество рюмок вина и пр.[2]. Кроме того, комендант по указу государя или ордеру генерал-губернатора отправлял/распределял арестантов для различных, в первую очередь строительных, работ и перенаправлял в другие государственные учреждения, руководившими процессом[3]. Нередко в гарнизоне под руководством Бахмеотова исполняли наказания, вынесенные на суде для узников крепости. 18 января 1718 г. были освобождены из-под караула три человека – комиссар князь А. Елецкий, сенатской роты капрал И. Ерепев, адмиралтейской крепости отставной канатного дела подмастерье П. Кречетов. Последнего приказывалось за непристойные речи бить батогами нещадно в гарнизонной канцелярии[4].

При коменданте постоянно находились различного ранга канцеляристы, которые формировали штат гарнизонной канцелярии[5]. Служащие канцелярии занимались сбором статистической информации о численности и составе гарнизонных полков, вели учет количеству мундиров, оружия и провианта, считали приход и расход средств, составляли реестры, ведомости и табели. Через канцелярию проходила вся официальная и неофициальная переписка Бахмеотова с другими должностными лицами – все письма и доношения коменданта были написаны канцелярскими служащими (сам он только ставил подпись, имя и фамилию, внизу документа). В гарнизонную канцелярию приходили указы Петра, ордеры генерал-губернатора и постановления Военной коллегии, касающиеся функционирования Санкт-Петербургской крепости. Туда же был перенесен архив обер-коменданта Брюса после его смерти в 1720 г.[6].

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 204, 236, 292; Д. 379. Л. 79, 323.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 129.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 236.
[4] Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии. С. 599.
[5] У каждого полка была своя полковая канцелярия, где также велось делопроизводство.
[6] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 132–133об, 157–158об, 249–250об.

Бахмеотов заботился о пополнении штата канцелярских работников тем более, что их постоянно не хватало, и занимался их материальны обеспечением[1]. В корреспонденции коменданта встречаются просьбы о выдаче жалования[2], одна из которых, к примеру, касалась приравнивания суммы окладов гарнизонных служащих к служащим Военной коллегии[3]. Через Бахмеотова регулировались некоторые делопроизводственные и организационные вопросы. Не без его участия составлялись регулярные рапорты о том, что исполнено или не исполнено по полученным указам государя, Военной коллегии, ордерам Меншикова[4]. В гарнизонную канцелярию во время отсутствия генерал-губернатора в Санкт-Петербурге поступала предназначавшаяся для него документация, которая затем пересылалась комендантом к князю[5]. 10 ноября 1723 г. вовсе последовал указ, постановивший кроншлотскому, шлиссельбургскому и нарвскому комендантам присылать на имя Меншикова рапорты и табели в гарнизонную канцелярию. Аналогично в канцелярию поступали постановления из Сената и Военной коллегии, касающиеся управления гарнизонами Санкт-Петербургской губернии. Служащие канцелярии должны были принимать все бумаги, доводить их до известия генерал-губернатора (через Бахмеотова), получать ответные ордеры и указы и отсылать их, куда следует[6].

Таким образом, комендант ведал всеми сторонами функционирования Санкт-Петербургской крепости: он руководил гарнизонными полками (занимался формированием штата, обеспечивал их необходимыми припасами, одеждой и жалованием, заботился о душевном состоянии и образовании), осуществлял следствие и суд; следил за хозяйственным обеспечением крепости, строительными и ремонтными работами (другими словами,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 95–96об, 225.
[2] Там же, Л. 12, 163–163об; Д. 379. Л. 10–11об, 75–75об, 317–317об.
[3] Там же, Д. 379. Л. 2–2об.
[4] Например, 20 октября 1723 г. был отправлен репорт: «Коликое число получено от государственной Военнои коллегии Его императорского величества указов на имя Его светлости и Санкт-Петербурской гварнизонной канцелярии после поданного Его светлости осмидневнаго репорту и по оным что исполнено и чего еще не исполнено». См.: Там же, Д. 379. Л. 289.
[5] Там же, Д. 378. Л. 240.
[6] Там же, Д. 379. Л. 341–341об.

сохранял фортификацию в боеспособном состоянии); поддерживал порядок и безопасность; организовывал функционирование гарнизонной канцелярии. Его деятельность, хотя и находилась под контролем вышестоящих инстанций, характеризовалась высокой степенью самостоятельности, поскольку и обер-комендант Брюс, и генерал-губернатор Меншиков, и, тем более, царь продолжительное время отсутствовали в Санкт-Петербурге, а Военная коллегия должна была решать слишком широкий круг проблем, чтоб неотступно следить за действиями коменданта. Все они ограничивались присылкой указов и ордеров, за практическую реализацию которых отвечал Бахмеотов.

Стенами Санкт-Петербургской крепости круг обязанностей Бахмеотова не ограничивался. Одной из наиболее важных управленческих функций коменданта являлось распределение подчиненных ему вооруженных сил к различным городским службам. Гарнизонные солдаты и офицеры, как справедливо отмечает О.Г. Агеева, являлись многофункциональной силой, используемой не только по их прямому предназначению – гарнизонной службе и военных операций – но и для строительства, поддержания безопасности в городе, выполнения подсобных работ, различных посылок. Как правило, в таких случаях Бахмеотов получал соответствующих указ (от государя, Военной коллегии или Меншикова) об отправке необходимого числа людей, снаряжал их для службы, обговаривал условия (срок, сумму жалования, вид работ) и отправлял к месту назначения. Там они поступали в полное распоряжение тех государственных институтов, которые непосредственно руководили процессом. Среди подобных учреждений, активно использовавших труд военных подразделений, можно назвать Канцелярию городовых дел, Адмиралтейство, Полицмейстерскую канцелярию и др.[1]. Иногда гарнизонные солдаты выполняли работы в домах или на дворе государственных деятелей[2]. Комендант в свою очередь вел учет,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 94–94об, 150–150об; Д. 379. Л. 47–47об, 157–157об.
[2] Там же, Д. 378. Л. 194, 246–246об.

отправленным солдатам и офицерам, требовал их возвращения по окончании оговоренного срока[1].

В Санкт-Петербурге гарнизон использовался для конвоирования и караулов. Подчиненные коменданту формирования несли караульную службу на территории Санкт-Петербургской крепости, около царских дворцов, домов государственных деятелей и иностранных посланников, важных городских объектов[2]. После создания в 1718 г. Полицмейстерской канцелярии из гарнизонных солдат и офицеров пополнялся полицейский штат. Военные, определенные на службу при Полицмейстерской канцелярии, и образовавшаяся вокруг них команда из местных жителей следили за соблюдением регламентаций, выполнением противопожарных норм, стояли на караулах у «рогаток» (шлагбаумах), отлавливали ночных разбойников и подозрительных лиц[3]. Гарнизонные формирования вместе с гвардией использовались для поддержания общественного порядка на светских мероприятиях, празднованиях, во время ассамблей, особых увеселительных встреч, введенных Петром I и врученных в руководство генерал-полицмейстеру Девиеру[4].

Бахмеотов как комендант Санкт-Петербургской крепости ведал распределением караулов наравне с генерал-полицмейстером. Караульная служба ложилась тяжким бременем на военные формирования. Со временем караулов по территории города было поставлено так много, что государь приказал отрегулировать их количество и оценить оправданность нахождения в том или ином месте. Например, 30 марта 1723 г. Бахмеотов получил от военного руководителя Санкт-Петербурга Голицына ордер, в котором постановлялось: «караулы содержать как Его императорского величества собственною рукою на росписи прошлаго 719 году ноября 3 дня розмечено и содержать велено, так же и приговор Военной коллегии апреля 30 дня

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 27, 394.
[2] Там же, Л. 151–151об, 194, 200, 379.
[3] Там же, Д. 557. Л. 274–275.
[4] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. С. 496; РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

прошлаго 722 году определено, а лишных с караулов, где есть свесть, которые поставлены сверх оной росписи, также указ Военной коллегии, и которые де даны куды караулы и к афицерам по писмам его сиятелства или по приказом всех взять же, и чтоб об оном учинить нам, как оные роспись по розметке Его величества собственной руки и указ повелевает»[1].

Санкт-Петербургская крепость являлась одной из доминант архитектурного ансамбля Санкт-Петербурга. Как свидетельствуют приезжавшие в столицу с дипломатическими миссиями иностранцы, царь с гордостью демонстрировал фортификацию послам и их свитам. «На другом берегу реки напротив царских дворцов, – повествовал член посольства Ст. Хоментовского, – возводят в камне большую оборонительную крепость. Посреди нее строит церковь с башней, часы на которой играют французскую музыку. Здесь вообще на дворцах и коллегиях много таких часов, играющих псалмы. В упомянутой крепости много пушек, а со стороны моря всегда висит красно-белый флаг»[2]. Гарнизон крепости, более того, играл не последнюю роль в организации церемоний въезда в город и выезда из него членов царской семьи, важных государственных и иностранных деятелей. К обязанностям Бахмеотова относилось общее руководство стрельбой из пушек, производившейся со стен Санкт-Петербургской крепости[3]. Количество залпов и количество употребляемых пушек он, как правило, уточнял у генерал-губернатора Меншикова. В октябре 1723 г. Петр I собирался выехать из Санкт-Петербурга в Москву. В связи с этим комендант интересовался: «когда Его императорское величество нынешним зимним путем изволит путь свой восприять из Санкт-Питербурха в Москву, тогда для отшествия Его величества с Санкт-Питербурской крепости пушечной стрелбе быть ли и ежели быть, ис коликого числа пушек. Буде ж Его императорское величество изволит суть восприять напред, а ее величество государыня императрица

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л.163–163об.
[2] Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 141. Также о Санкт-Петербургской крепости см.: Там же, С. 103–106, 163–165.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 143–144, 286–286об.

после, то для отшествия ее величества, тако ж и государынь цесаревен пушечной стрелбе быть ли ж и ежели быть, ис коликого числа пушек»[1].

Отдельно строит остановиться на участии коменданта и подчиненных ему военных формирований в строительстве и благоустройстве городской территории. Силами солдат и офицеров создавались наиболее важные объекты городской застройки – дворцы, торговые палаты, дороги, мосты и каналы. Кроме того, военные использовались и для строительства прилежащих к Санкт-Петербургу военных и светских объектов, царских резиденций и дворцово-парковых комплексов в Петергофе, Стрельне, Дубках. Гарнизон участвовал в разведывании пустошей, где в последствии можно было построить какое-либо сооружение или добыть необходимые для строительства материалы[2].

В данном контексте было бы неправильно говорить, что комендант лишь посылал рабочую силу на строительство объектов. В 1722–1724 гг. он осуществлял общее руководство строительством и благоустройством важных городских объектов (комплекса постоялых дворов, ветренных мельниц и Лиговского канала), причем Бахмеотов организовывал все этапы работ от поиска подрядчиков, финансирования и заготовки материалов до сдачи под использование и поддержания в благопристойном состоянии. До этого опыт строительной деятельности Яков Хрисанфович приобрел, выполняя небольшие задания (строительные и ремонтные), связанные с нуждами Санкт-Петербургской крепости или ее гарнизона[3]. Например, 20 сентября 1719 г. Бахмеотов отчитывался Меншикову о проведенном осмотре места под строительство гарнизонных кирпичных заводов. Он писал: «по приказу вашего светлейшества милостиваго государя для осмотру места под строение гварнизонных кирпичных заводов ездил я по четыре дни и для лутчево свидетелствования брал с собою от господина полковника Лутковского

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 269.
[2] Там же, Д. 380. Л. 46.
[3] Там же, Л. 102–103об.

кирпичного мастера, и такое, государь, место обыскивали, которое близь пороховых заводов от Болшой Охты реки с пол верст по Малой Охте в гору и, недошед старой швецкой пилной мелницы, в даче артилерийской, в котором месте по пробе явилась глина, к строению кирпичеи гораздо, государь, удобная и что глубже, то оная лутча, которая может быть годна»[1]. В июне 1723 г. комендант занимался починкой шпиля на Кронверке, поломанного сильным ветром[2].

В марте-июле 1724 г. комендант руководил ремонтными и очистительными работами на Лиговском канале. 29 марта Бахмеотов докладывал к Меншикову, перед которым должен был отчитываться постоянно, что материалы к канальному делу из Канцелярии от строений еще не получены, но ожидаются, поскольку указ оттуда уже взят[3]. Несколькими днями позже между Бахмеотовым и обер-комиссаром Канцелярии Синявиным произошел конфликт из-за железных материалов и инструментов, требующихся для благоустройства канала – комендант, ссылаясь на указ Меншикова старался их получить, в Канцелярии от строений необходимое ему не давали из-за отсутствия такового[4]. Чтобы повлиять на упертого Синявина, Якову Хрисанфовичу потребовалось обратиться в Сенат, а покровительствовавшему ему Меншикову – в Кабинет за царским указом[5]. В результате, не дожидаясь указа, генерал-губернатор повелел Бахмеотову, если Синявин материалы не пришлет, то купить их за счет остаточных «тележных» денег[6]. Бревна и доски для канального дела приказано было добывать, ломая староманерные суда у Ладоги[7]. Несмотря на проблемы с поставкой материалов, преследовавшие Бахмеотова на протяжении всего периода деятельности, благоустройство и очистка канала постепенно и вполне

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 49–49об.
[2] Там же, Д. 379. Л. 183–183об.
[3] Там же, Д. 380. Л. 98об.
[4] Там же, Л. 100–101.
[5] Там же, Л. 102–104об.
[6] То есть тех, которые были получены для делания тележек для строительства. См.: Там же, Л. 105.
[7] Там же, Л. 108–109, 112–113об.

успешно шли[1]. 24 июля 1724 г. комендант извещал Меншикова: «лиговская каналная работа по имянному Его императорского величества указу поручена в ведении господину генералу-маеору и от лейбгвардии маеору Андрею Ивановичу Ушакову, которую и отправлять ему»[2].

Таким образом, сфера деятельности коменданта Санкт-Петербургской крепости распространялась как на военное, так и на светское управление. Ядро его функционала составляли заботы о поддержании в боеспособности Санкт-Петербургской крепости и повседневной жизни ее гарнизона. Санкт-Петербургская крепость являлась не только фортификацией, рассчитанной на защиту города, но и неким военно-административным социумом, который жил своей жизнью. Комендант выступал главным организатором этой жизни, следившим за количеством людей (военных и не служилых), обеспечением ресурсами, материалами и провизией, безопасностью, хозяйственными потребностями и т.д. Фактически, без его ведома на территории крепости не происходило ни одного важного события, не появлялся ни один посторонний человек. Осуществляя общее руководство Санкт-Петербургской фортификацией, комендант выполнял множество мелких функций и использовал множество управленческих стратегий. Соответственно, он по праву может называться многофункциональным должностным лицом.

Не вызывает сомнения и тот факт, что деятельность Бахмеотова выходила за рамки Санкт-Петербургской крепости. Он являлся органом местной городской власти, чья сфера влияния распространялась на территорию Санкт-Петербурга. Наибольший вклад коменданта в городское управление относился к сфере городского строительства, организации караульного дела, т.е. поддержанию безопасности, выполнению репрезентативных и церемониальных функций. Исполняя возложенные на него обязательства, Бахмеотов вступал в тесный контакт с другими органами власти, выстраивал с их руководителями деловые связи и искал решение

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380. Л. 104–104об, 105–106об, 114–118об.
[2] Там же, Л. 120.

возникавших управленческих конфликтов. Наиболее тесное взаимодействие происходило между Бахмеотовым и его непосредственным начальником, генерал-губернатором Меншиковым.

1.3. Деловые связи Я.Х. Бахмеотова и А.Д. Меншикова

Начиная разговор о деловых отношениях петербургского коменданта Бахмеотова и генерал-губернатора Меншикова, стоит остановиться на их взаимном статусе в системе управления Санкт-Петербургом. Как было показано в предыдущем параграфе, комендант и подчиненный ему гарнизон являлись многофункциональными государственными институтами и соединяли в себе функции военного и гражданского управления. Аналогично генерал-губернатор имел под своим ведомством и военные, и гражданские дела возглавляемой им Санкт-Петербургской губернии. Соответственно, действия обоих находились под контролем высших, общегосударственных органов власти – монарха, Сената, Военной коллегии и пр. в зависимости от специфики вопроса. Среди документального наследия и Бахмеотова, и Меншикова сохранились комплексы указов, ведений и ордеров, поступавших из этих учреждений и регулировавших сферу их компетенции. В гарнизонной канцелярии вовсе велся учет, полученным актам, фиксировался факт исполнения или не исполнения содержавшихся в них указаний. Нельзя забывать, что до 1723 г. Меншиков совмещал должность генерал-губернатора Санкт-Петербургской губернии с руководством Военной коллегией (с 1724 г. этот пост занял А.И. Репнин). Поэтому его связи с Бахмеотовым определялись не только их взаимодействием как генерал-губернатора и коменданта, но и как коменданта и руководителя центрального органа военной власти[1].

В любом случае и как генерал-губернатор, и как президент Военной коллегии Меншиков являлся непосредственным руководителем петербургского коменданта: он контролировал его деятельность, выносил

[1] Не говоря о том, что Меншиков входил в число сенаторов.

резолюции и раздавал указания[1]. Более того, назначение коменданта происходило по воле генерал-губернатора. Именным указом от 2 февраля 1712 г., объявленным из Сената, за генерал-губернаторами законодательно закреплялось право самостоятельного назначения комендантов. М.М. Богословский в своем исследовании местного управления относительно 1700-х гг. писал, что коменданты и коменданты были подчинены единоличной власти генерал-губернатора, затем для коллегиальности должны были добавиться обер-комендант, обер-комиссар, обер-провиант и ландрихтер[2]. Подобное умозаключение подтверждается данными делопроизводства и частной переписки между Меншиковым и сменяющимися петербургскими комендантами. Е.А. Андреева, анализируя деятельность первого петербургского коменданта Ренне, замечает, что комендант посылал донесения как напрямую к государю, так и к Меншикову, на чьи указания в тексте делается ссылка. На полях донесений Ренне князь оставлял резолюции, что, по мнению исследовательницы, говорит о постоянном контроле генерал-губернатора над ситуацией в Санкт-Петербурге[3]. Также как и первый комендант крепости перед генерал-губернатором отчитывались последующие[4]. Пожалуй, со временем их зависимость от Меншикова стала еще сильнее, поскольку отчеты напрямую к Петру перестали направляться[5].

---

[1] ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. С. 805.

[2] Относительно проектов Петра, относящихся к системе местного управления Богословский писал: «По некоторым уцелевшим отрывочным документам можно догадываться, что, когда правительство Петра приступило к первой, губернской областной реформе, у него был составлен довольно стройный план губернского устройства, который и можно восстановить по этим документам. План этот заключался в следующем. Во главе каждой из восьми громадных областей, на которые разделена была Россия, должен был стать губернатор -- правитель всей суммы губернских дел во всей их совокупности. Под ним среднее место должны были занять четыре "губернские персоны", а именно: обер-комендант, заведующий военным управлением, обер-комиссар и обер-провиант, делящие между собой управление губернскими доходами так, что в руки первого поступают денежные, а в руки второго хлебные сборы и, наконец, ландрихтер, заведующий губернской юстицией. Таким образом, эти четыре персоны делили на четыре доли всю совокупность губернских дел, сосредоточенную в руках губернатора. Под ними предполагалось поставить низшие органы областного управления – уездных комендантов, каждый из которых, будучи подчинен каждой из губернских персон по ее ведомству, сливает в своих руках опять все четыре ведомства в одну совокупность, простирая свою власть на небольшое подразделение губернии – уезд». См.: Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 62. См. также: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 354–356.

[3] Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. С. 11, 14.

[4] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 136–137.

[5] В фонде Кабинета доношений от петербургского коменданта Бахмеотова не обнаружено.

Хотя подчиненность коменданта генерал-губернатору не может вызывать сомнений, рассматривая специфику их связей, нельзя игнорировать тот факт, что в системе управления Санкт-Петербургской губернией существовало еще несколько государственных институтов, которые оказывали влияние на механизмы взаимодействия между генерал-губернатором и комендантом. Прежде всего, речь идет о должности обер-коменданта, которая рассматривается большинством исследователей как связующее звено между генерал-губернатором и комендантами крепостей. Другими словами, в идеальном варианте иерархия должна была выглядеть следующим образом: комендант крепости подчинялся обер-коменданту более крупной территориальной единицы, обер-комендант подчинялся генерал-губернатору. Однако Д.А. Редин, не подвергая сомнения иерархическое старшинство обер-комендантов над комендантами, подчеркивает особую роль санкт-петербургского обер-коменданта, которому могли подчиняться коменданты в обход обер-комендантов своих территориальных единиц. Соответственно, по размышлениям ученого схема подчиненность выстраивалась так: коменданты – обер-коменданты – губернский обер-комендант – генерал-губернатор[1].

Принимая во внимание находки исследователей, отметим некоторые изменения в статусе губернского (санкт-петербургского) обер-коменданта к концу 1710-х гг. Как известно, до 1720 г. на должности петербургского обер-коменданта находился Р.В. Брюс, который «ввиду исключительной важности Санкт-Петербурга, длительного отсутствия в нем губернатора и в силу доверительных отношений с царем и его ближайшими конфидентами»[2] обладал широкими полномочиями, отличными от всех других обер-комендантов Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии. С момента назначения в 1704 г. он играл важную роль в военном и гражданском

[1] Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. С. 147–148.
[2] Там же, С. 147.

управлении губернией. Однако к концу 1710-х гг. Брюс практически отошел от губернских дел (исследователи, говоря о его влиянии, как правило, анализируют ситуацию 1700-х – первой половины 1710-х гг.) из-за проблем со здоровьем и военных миссий. Некоторые косвенные факты, отложившиеся в комплексах переписки Брюса – Меншикова, с одной стороны, и Бахмеотова – Меншикова, с другой, позволяют говорить о том, что Бахмеотов с Брюсом практически не контактировал. Как показывают «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова», Бахмеотов и Брюс лишь единожды за 1717–1720 гг. навещали князя вместе для обсуждения каких-либо деловых вопросов. Причем Меншиков принимал их не вдвоем, а вместе с вице-губернатором С.Т. Клокочовым, генерал-аудитором И.В. Кикиным и «прочих довольным числом особ»[1]. Еще одно упоминание о Брюсе мы находим в корреспонденции самого Бахмеотова – два государственных деятеля пересеклись в отсутствие Меншикова на празднике в доме князя[2].

На редкое взаимодействие между Бахмеотовым и Брюсом указывает отсутствие в корреспонденции коменданта каких-либо ссылок на ордеры или письма обер-коменданта. Более того, в одном из писем 19 июня 1719 г. генерал-губернатор Меншиков, отдавая последние указания перед своим отъездом из города, писал коменданту: «понеже в небытность нашу надлежит вашей милости о всем репортовать господина генерала-лейтнанта и обер-каменданта санкт-питербурхского Брюса, того ради предлагаем вашей милости, дабы по получении сего изволили вы ево о том репортовать, тако ж и по предложению его милости во всем исполнять немедленно»[3]. Брюсу он настойчиво предлагал обо всем, что происходит в городе еженедельно извещать[4]. Соответственно, в обычных условиях, когда генерал-губернатор был полностью погружен в дела подведомственной ему территории,

[1] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 190
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 51–51об.
[3] Там же, Д. 130. Л. 276. Примечательно, что в 1718 г. князь для подобной миссии приема отчетов от Бахмеотова в свое отсутствие выбирал не обер-коменданта Брюса, а генерал-майора Г.П. Чернышева или А.А. Вейде. См.: Там же, Д. 109. Л. 67, 95.
[4] Там же, Д. 131. Л.49-49об, 73.

комендант отчитывался напрямую ему, иначе зачем было князю при отъезде дополнительно указывать на необходимость связываться с Брюсом. Таким образом, есть основания заключить, что комендант Санкт-Петербургской крепости Бахмеотов подчинялся непосредственно Меншикову тогда, как с обер-комендантом Брюсом их взаимодействие и подчиненность в конце 1710-х – 1720 гг. носили ситуативный характер[1].

После смерти Брюса в 1720 г. назначений на должность санкт-петербургского обер-коменданта больше не происходило[2], а все бумаги умершего были переданы в гарнизонную канцелярию в Санкт-Петербургской крепости[3]. Однако во время Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. в столице была введена еще одна чрезвычайная должность, повлиявшая на деловые связи Меншикова и Бахмеотова. Как указывают исследователи, с 1722 г. на пост военного руководителя Санкт-Петербурга был назначен М.М. Голицын[4]. Голицын поставил под контроль военное управление в городе (за исключением Санкт-Петербургской крепости, где продолжал доминировать комендант Бахмеотов), строительные работы на территории столицы и в ее округе (на бечевнике, шлюзное и канальное дело и т.д.), осуществляемые силами армии, и общий надзор за близлежащими крепостями. Фактически он перенял часть функций обер-коменданта[5]. В отличие от ситуативных контактов Бахмеотова с Брюсом, взаимодействие коменданта с Голицыным прослеживается достаточно ярко. Причем Бахмеотов оказался между двух начальников, перед которыми он равно обязан был отчитываться. С одной стороны, Меншиков, в 1722–1723 гг. находящийся вне столицы, требовал от

---

[1] Д.А. Редин также подтверждает подобную догадку. Он пишет: «Поэтому А.Д. Меншиков после 1715 г. вполне мог по делам Санкт-Петербурга (крепости и города) принимать регулярные доклады санкт-петербургского коменданта, в то время как ингерманландский обер-комендант Р.В. Брюс занимался делами общегубернского масштаба». См.: Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. С. 148.

[2] Это еще раз подчеркивает характер данной должности и связь назначения Брюса с его личными взаимоотношениями с царем и его окружением.

[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 251–253об.

[4] 11 декабря 1721 г. Голицын писал к Меншикову: «доношу вашей светлости сего декабря 11 дня по отбытии вашей светлости получил я из государственной военной коллегии за подписанием руки вашей светлости и протчих инструкцию, по которой по должности исправлять буду». См.: Там же, Д. 518. Л. 62.

[5] К сожалению, соотношение обязанностей Голицына и Брюса не является предметом нашего изучения, хотя представляет особенный интерес и видится нами как перспектива дальнейшего расширения исследования.

коменданта прямых отчетов о проводимых в Санкт-Петербурге работах и состоянии гарнизонов. С другой стороны, появился Голицын, которому так же необходимо было отсылать рапорты и просить об указах, и который, как это не парадоксально, извещал о петербургских делах Меншикова (см. приложение № 3). Комплексы корреспонденции, проанализированные нами в рамках сюжета строительства постоялых дворов (см. параграф 5), наглядно показали, как передавались сведения между Бахмеотовым – Голицыным – Меншиковым.

С середины 1724 г. произошло еще одно изменение в расстановке. В отсутствие санкт-петербургского обер-коменданта и с увольнением от дела Голицына, Бахмеотов, продолжая именоваться комендантом Санкт-Петербургской крепости, на практике перенял некоторые функции обер-коменданта Брюса и Голицына. Подобное расширение обязанностей было произведено, как показывает корреспонденция Бахмеотова – Меншикова, по воле генерал-губернатора Меншикова, все так же нуждавшегося в верных исполнителях и концентрации в одних руках военного управления разношерстной губернией. С 1724 г. коменданты нарвского, кронштадтского, шлиссельбургского, московского Орлова, рижского вице-губернаторского, выборгского и смоленского гарнизонов отправляли Бахмеотову сведения о численности и хозяйственном оснащении подотчетных им крепостей[1]. Обер-комендант В.И. Порошин посылал личные письма к Меншикову, пользуясь услугами Бахмеотова[2]. Яков Хрисанфович также получал информацию о произведенных в Санкт-Петербурге силами губернских полков работах, проблемах, службах, на которые отправлялись военные подразделения, контролировал денежные сборы и распределение средств. При необходимости он участвовал в строительных фортификационных работах, например, приложил руку к ремонту Нарвской и Ивангородской крепостей[3]. Все

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380. Л. 126–200, 239–307, 342об.
[2] Там же, Л. 109–111.
[3] Там же, Д. 380. Л. 102–103об.

полученные от комендантов сведения Бахмеотов отправлял к Меншикову. Ответные указы Меншикова к комендантам могли идти как напрямую, так и посредством пособничества Бахмеотова. Все это ставило петербургского коменданта выше остальных руководителей губернских крепостей, делало его своеобразным связующим звеном между генерал-губернатором и комендантами.

Итак, деловые отношения, существовавшие между генерал-губернатором Меншиковым и комендантом Санкт-Петербургской крепости Бахмеотовым, были основаны на принципе прямой подчиненности. Этот принцип был определяющим на протяжении всех семи лет, когда Бахмеотов занимал свою должность. Комендант регулярно, иногда каждый день, посылал пространные письма и доношения с информацией о происходящем в Санкт-Петербурге. Меншиков со своей стороны также просил Бахмеотова репортовать ежедневно о том, что происходит в городе и подчиненном коменданту гарнизоне. Бахмеотов лично навещал князя в его доме. Комендант, как правило, приезжал к князю в первой половине дня, докладывал по текущим делам вместе с другими посетителями и вел с князем «довольные разговоры». Среди посетителей, являвшихся вместе с Бахмеотовым, оказывались люди, занимавшие ключевые должности как в центральном управлении, так и в управлении Санкт-Петербургом: генерал-поручик Ф. Чекин, Д.А. Бестужев-Рюмин, генерал-аудитор И.В. Кикин, генерал-ревизор В.Н. Зотов, граф А.А. Матвеев, генерал-майор В.И. Чернышов, гвардии майор С.А. Салтыков, капитан-поручик Г.Г. Скорняков-Писарев, стольник М.А. Головин, полковник И.Е. Лутковский, полковник И.В, Стрекалов, капитан Ф.М. Скляев и др. Чаще всего Меншиков принимал Бахмеотова в компании с вице-губернатором С.Т. Клокочовым (до его отставки в 1717 г.) и петербургским лантрихтером Ф.С. Мануковым, то есть с подчиненными генерал-губернатору в системе управления губернией должностями. Не

трудно догадаться, что основной темой их разговоров было обсуждение дел, касающихся управления губернией и ее столичным центром[1].

Первостепенной обязанность коменданта было информирование генерал-губернатора относительно численности подчиненного ему гарнизона[2]. Он извещал Меншикова о любых изменениях – приеме рекрутов, увольнении больных и престарелых, поиске беглых и т.д.[3]. Александр Данилович в свою очередь посылал к коменданту людей, которых по разным причинам следовало включить в состав петербургских полков или, наоборот, перевести на службу в другие подразделения[4]. 10 ноября 1718 г. Меншиков указывал Бахмеотову определить в белозерский или какой-либо другой гарнизонный полк в ундер-офицерских чинах нескольких офицеров, которые были уволены из армейских частей за пьянство[5]. Также он обращался к коменданту по поводу отставки[6] отдельных военнослужащих или отпуска их домой для нужных дел на определенный срок (везде князь ссылался на указ государя). В первом случае он добавлял указания вычеркнуть имя отставленного из полкового списка[7].

Бахмеотов уведомлял князя о случившихся фергерах и криксрехтах над подчиненными ему солдатами и офицерами, отправлял мемории для вынесения вердиктов. Особую категорию составляли беглые, на поиск которых уходило много сил и времени. Меншиков посылал к коменданту обвиняемых, над которыми стоило учинить приговоры[8]. При необходимости он указывал передать дела в иные инстанции (например, в Юстиц-коллегию) или другим следователям[9]. Кроме того, из состава гарнизона по приказу Меншикова и распоряжению Бахмеотова могли выбираться участники

---

[1] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 189, 192, 196, 200, 203–206, 209 и т.д.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 162. Л. 125. Такое же Меншиков требовал от Порошина (в Кроншлоте) и Бухольца (в Шлиссельбурге). См.: Там же, Д. 162. Л. 126
[3] Бахмеотов регулярно посылал к князю ведомости с численными показателями
[4] Там же, Д. 110. Л. 2–2об, 157, 248; Д. 130. Л. 184; Д. 148. Л. 59, 142; Д. 162. Л. 13, 79, 81об, 112, 128.
[5] Там же, Д. 110. Л. 116
[6] Иногда князь требовал от коменданта провести освидетельствование. См.: Там же, Д. 162. Л. 17
[7] Там же. Д. 109. Л. 94; Д. 131. Л. 34; Д. 191. Л. 110об.
[8] Там же, Д. 110. Л. 2–2об, 144; Д. 130. Л. 40, 52, 113; Д. 162. Л. 46, 68об, 185, 186об.
[9] Там же, Д. 130. Л. 63.

военных судов и солдаты для обеспечения безопасности[1]. 30 ноября 1718 г. через крикс-комиссара князя Долгорукова лейб-гвардии майор Волков требовал для учинения криксрехта презуса и ассесоров. В связи с этим генерал-губернатор писал к коменданту: «изволили вы приказать потребных к тому людей вместо брегадира половника и за полковника старшего подполковника и других чинов выбрав оной держать как Его царского величества Военной артикул повелевает»[2].

Наравне с кадровыми вопросами и Бахмеотова, и Меншикова касалось хозяйственное обеспечение Санкт-Петербургской крепости и ее гарнизона. Как отмечалось в предшествующем параграфе, комендант следил за выплатами жалования, обеспечением мундиром и оружием, наличием боеприпасов, провизии и прочих материалов. Под руководством Бахмеотова велись строительные и ремонтные работы на территории фортификации. Доношения о назначенном солдатам и офицерам жаловании, проделанных работах или закупленных припасах Яков Хрисанфович неизменно посылал к Меншикову[3]. Посредством князя решались все финансовые вопросы, по которым Бахмеотову полагалось отчитываться, отправляя приходные и расходные ведомости в личную канцелярию князя[4]. Так, в июле 1722 г. Меншиков указывал Бахмеотову подать доношение в Военную коллегию с целью получить 1000 руб. на различные гарнизонные расходы[5]. В последствии комендант продолжал пользоваться каналом влияния князя для получения денежных средств из доходов различных государственных институтов[6].

Комендант со своей стороны выполнял некоторые хозяйственные поручения Меншикова. Во время военных действий Северной войны и строительных компаний на территории Санкт-Петербургской губернии Бахмеотов по указу генерал-губернатора пересылал необходимые материалы

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 110. Л. 180, 188.
[2] Там же, Л. 180.
[3] Там же, Д. 378–380.
[4] Там же.
[5] Там же, Д. 180. Л. 276об.
[6] Там же, Д. 191. Л. 100.

и инструменты[1]. 10 июля 1718 г. князь благодарил: «Присланные от вас одиннатцать труб в том числе одна медная у присланнаго от вас салдата приняты и оной отпущен к вашей милости»[2]. Александр Данилович в разное время через коменданта передавал необходимые ресурсы другим государственным деятелям, например, 16 июля того же года он указывал переправить три шлюпки из Санкт-Петербурга на о. Котлин к бригадиру Порошину и затребовать с него расписку о получении[3].

Помещения Санкт-Петербургской крепости ввиду их безопасности и защищенности использовались под хранение денежных средств, материалов и товаров, а также для временного пристанища некоторые государственных институтов[4]. 8 июня 1719 г. Меншиков с о. Котлин писал к Бахмеотову о принятии денежной казны из губернской канцелярии и ратуши, собранной лантрихтером Ф.С. Мануковым. Он указывал коменданту хранить деньги у себя «в добром сохранении»[5]. В крепости под охраной содержались государственные преступники. «Его царское величество указал, – писал Меншиков 1 июля 1719 г., – швецкого секретаря Дибека с ево людми иметь за обыкновенным арестантом караулом. Того ради предлагаю вашей милости, когда оной ис Коллегии иностранных дел прислан к вам будет, тогда изволте ево приказать приняв и держать за помянутом караулом в гварнизоне»[6]. Осенью 1722 г. возникла проблема с купеческими товарами, размещенными на время в Санкт-Петербургской крепости. 2 ноября Меншиков отправил Голицыну указ, на основании которого тот должен был приказать Бахмеотову собрать деньги с купцов, воспользовавшихся возможностью арендовать казармы в крепости[7]. Каким образом комендант исполнял повеления Меншикова и Голицына, нам не известно. Только 23 мая 1723 г. он подал князю доношение, в котором уточнял цену за каждую казарму, просил

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 130. Л. 186, 238, 261; Д. 131. Л. 3; Д. 162. Л. 165; Д. 191. Л. 55–55об.
[2] Там же, Д. 109. Л. 67.
[3] Там же, Л. 122.
[4] Там же, Д. 162. Л. 187; Д. 180. Л. 125об, 381.
[5] Там же, Д. 130. Л. 237
[6] Там же, Д. 131. Л. 7.
[7] Там же, Д. 518. Л. 172.

повлиять на Голицына, чтобы тот прислал указ о сдаче помещений в аренду, и в принципе интересовался, будет ли существовать дальше подобная практика частного найма казарм[1]. Затем на протяжении лета-осени Бахмеотов, с переменным успехом мечась между Меншиковым и Голицыным, пытался выяснить размеры арендной платы[2]. В итоге сборы были установлены, а комендант, отправляя финансовые ведомости к генерал-губернатору, стал вносить туда эту статью доходов.

Полк*и* петербургского гарнизона привлекались к различным мероприятиям на территории города и Санкт-Петербургской губернии. Как правило, комендант отчитывался перед Меншиковым о передвижениях своих подопечных или обсуждал с ним возможные миссии. Меншиков, получая от Бахмеотова, отчеты о службах, выполняемых гарнизонными подразделениями, нередко сам придумывал для них поручения. В некоторых случаях подобные задания находились на грани служебных и личных (княжеских) интересов. Например, 15 июля 1718 г. Александр Данилович сообщал коменданту, что капитан И. Крюков, определенный для работ в ижорские имения князя по заготовке леса и дров на продажу, некоторое количество материалов приготовил. Поэтому Меншиков просил Бахмеотова отправить к нему «доброго» офицера, который должен был имеющийся лес и дрова переписать, без указа его не продавать и обо всем обстоятельно уведомить[3]. Сам комендант должен был Крюкова допросить о том, где и в каком году он рубил лес, на какой территории, сколько и кому продал[4]. По итогам допросов и ревизии Бахмеотов посылал к Меншикову расспросные речи Крюкова, извиняясь за некоторую задержку, поскольку капитан был болен[5].

В целом гарнизон привлекался к широкому кругу управленческих задач. Генерал-губернатор приказывал Бахмеотову должностных лиц, находящихся

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 180-181об.
[2] Там же, Л. 192–192об, 224–226об.
[3] Там же, Д. 109. Л. 107.
[4] Там же, Л. 107, 122.
[5] Там же, Д. 378. Л. 22–26об.

в его подчинении, отсылать для поставки корабельных дубовых лесов из Казани, заготовки нужного количества дров и вырубки леса на Выборгской стороне, доставки из Астрахани в Санкт-Петербург птиц и зверей, строительства канала и Летнего дома государя, сопровождения отправляющихся с различными миссиями государственных деятелей и подсобных работ у них же и т.д.[1]. 24 августа 1718 г. Меншиков передавал коменданту указ царя, согласно которому от каждого полка следовало определить курьеров[2]. «Дабы по получении сего, – предлагал князь, – по требованию господина вице-губернатора Клокочова оных куриеров изволили вы отдавать ему немедленно, а напред их изволте брать писма от всемилостивейшей государыни царицы, також ис Посолской канцелярии и из руков Гаврилы Ивановича Головкина, Петра Павловича Шафирова и из других знатных и с ними, кто будет, к нам отправлятца, прислать»[3]. Иногда Бахмеотову вовсе полагалось определить солдат и офицеров для выполнения весьма щепетильных миссий. В частности, комендант отвечал за переправку из Санкт-Петербурга в Ригу великанов. Для лучшего сопровождения Меншиков указывал к ним приставить «доброго» поручика, который «за ними смотрел накрепко, чтоб они, будучи в пути, ни малой никому обиды чинить отнюдь не дерзали»[4]. Наиболее ответственной службой петербургского гарнизона, не обходившейся без вмешательства князя, являлось несение караулов около домов Петра и его семьи, государственных деятелей и иностранных послов[5].

По ходу привлечения петербургского гарнизона к различным столичным мероприятиям, коменданту как их руководителю приходилось контактировать с другими государственными институтами. Меншиков или играл роль посредника-медиатора, связывая Бахмеотова с нужными ему

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 109. Л. 46, 111, 122; Д. 110. Л. 17, 247–247об; Д. 130. Л. 7, 119, 132. 135, 194, 236, 294об, 321; Д. 148. Л. 135; Д. 162. Л. 66, 78, 210, 279об; Д. 180. Л. 284об.
[2] В дальнейшем он не раз писал к коменданту о необходимости выделить людей для отправления почты. См.: Там же, Д. 130. Л. 247.
[3] Там же, Д. 109. Л. 209об
[4] Там же, Л. 126
[5] Там же, Д. 130. Л. 7; Д. 162. Л. 112, 142об; Д. 180. Л. 289; Д. 518. Л. 110–110об.

руководителями учреждений, или покровительствовал коменданту/другим должностным лицам в конфликтных ситуациях, вызванных различными интересами местных органов власти. Например, посредством Меншикова Бахмеотов получал материалы и припасы от директора Канцелярии городовых дел У.А. Синявина[1]. В свою очередь Синявин, пользуясь контактами с князем, привлекал гарнизонных солдат и офицеров для осуществления строительных работ, распределял их по объектам и определял суммы жалования[2].

Наиболее тесные контакты в системе управления Санкт-Петербургом сложились между комендантом Бахмеотовым и генерал-полицмейстером Девиером. Во-первых, Девиер и Бахмеотов сталкивались в процессе распределения постоя по территории города[3]. Генерал-полицмейстер, как правило, обращался к Меншикову, стремясь передать указание коменданту (хотя он поддерживал с ним связи и напрямую). 12 декабря 1718 г. князь поручал Бахмеотову учинить ведомость драгунам, солдатам и пр., «где, кто и у кого имяны, и посколку человек на дворе поставлены» и стращал его, «дабы, когда от него господина генерала-полицеймейстера будут кому отводить квартиры, что в том ему санкт-питербурхские обыватели были послушны, и кто, где поставлен будет на квартире, дабы сверх того для своих прихотей бес ево ведома своеволно не прибавливали и не уставливали»[4]. Во-вторых, из солдат петербургского гарнизона формировался штат полицейских служащих – нехватка людей являлась наиострейшей проблемой петровской полиции[5]. Бахмеотов проводил «экзерциции» для гарнизонных служащих, в том числе и для новоиспеченных полицейских, что не всегда приходилось по вкусу Девиеру. Для разрешения конфликта интересов генерал-полицмейстер обращался к Меншикову[6]. В-третьих, солдаты и офицеры, служившие под руководством Бахмеотова, нередко становились участниками судебно-

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 228об.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 270–270об; Д. 50. Л. 225–225об.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 328–329об.
[4] Там же, Д. 110. Л. 219–219об.
[5] Там же, Д. 378. Л. 260–260об; Д. 379. Л. 362–362об, 365–365об.
[6] Там же, Д. 557. Л. 274–275.

следственных разбирательств, проводимых Полицмейстерской канцелярией. В июне 1722 г. случился инцидент между Белозерского полку капралом С. Лосевым, Котловского полку солдатом С. Чучковым и капралом И. Богдановым, с одной стороны, и служащими при полицмейстерской канцелярии капитаном Ф. Ушаковым, майором Рыкуновым и капитаном Улыбышевым, с другой. Бахмеотов 28 октября 1723 г. жаловался Меншикову, что находящихся в Полицмейстерской канцелярии Лосева, Чучкова и Богданова без вины били кошками или батогами до такой степени, что нанесли им значительные увечья[1]. Комендант в начале самостоятельно обращался к Девиеру за разъяснениями, но не получил ответа. Введенный в курс дела Меншиков сразу же отписал генерал-полицмейстеру, который незамедлительно начал следствие и по его итогам отослал князю копию дела для вынесения вердикта[2].

Помимо различных вопросов, связанных с функционированием и хозяйственным обеспечением петербургского гарнизона, деловые связи, сложившиеся между Меншиковым и Бехмеотовым, распространялись на систему управления Санкт-Петербургом в целом. Комендант, безотлучно находившийся в городе, являлся для князя важным (естественно, не единственным) источником информации, поскольку участвовал в организации различных светских мероприятиях – торжественных церемониях, приемах послов и въездах царской семьи в город[3]. Как правило, ход подобных памятных событий продумывался государственными деятелями, отвечавшими за конкретный этап (серию мероприятий), до мельчайших деталей. В частности, коменданту поручалось устраивать стрельбу из пушек во время въезда в город или отъезда из него важных персон[4]. Этому действу уделялось особое внимание: Бахмеотов всегда дотошно расспрашивал генерал-губернатора о количестве залпов, обстоятельствах церемонии, времени

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 321–324об.
[2] Там же, Д. 557. Л. 273–273об, 276–325.
[3] Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2021. 304 с.
[4] Не только Бахмеотов, но и его предшественники.

проведения и желаниях государя (государыни)[1]. В отсутствие Меншикова в городе Яков Хрисанфович детально извещал его о ходе и подготовке церемоний. Например, в корреспонденции Бахмеотова – Меншикова мы находим интересные детали, относительно приема в Санкт-Петербурге в 1720 г. польского посла Ст. Хоментовского.

Посольство, возглавляемое мазовецким воеводой Хоментовским прибыло в Санкт-Петербург 23 февраля 1720 г. Как отмечают историки, посол должен был отправиться в российскую столицу раньше, однако понимая обреченность миссии – целью приезда было решение территориальных (курляндский вопрос, возвращение Лифляндии и Риги) и финансовых претензий Польши после Аландского конгресса – Хоментовский поездку откладывал[2]. Меншиков на момент прибытия польской делегации в Санкт-Петербурге отсутствовал, но старался держать ситуацию под контролем, во-первых, из-за важности события, во-вторых, из-за присутствия в то время в столице государя и государыни. Отрывочные сведения о приеме Хоментовского сохранились среди корреспонденции нескольких государственных деятелей, находившихся в то время в окружении Петра или занимавших руководящие должности в системе управления Санкт-Петербурга. Например, князю об обозначенных выше событиях писали генерал-полицмейстер Девиер, адмирал Апраксин, кабинет-секретарь Макаров, а также петербургский комендант Бахмеотов.

В первый раз сообщая Меншикову сведения о приезде Хоментовского, Бахмеотов делал акцент на участии подчиненного ему гарнизона в церемонии приема посольства. Он описывал, что по указу царя из Военной коллегии от

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 102.

[2] Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII в. М., 2012. С. 168; Беспятых Ю.Н. в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 24; Bazylow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław, 1984. S. 26–32; Kosińska U. Sondaż czy prowokacja? Sprawa Lehmanna z 1721 r., czyli o rzekomych planach rozbiorowych Augusta II. Warzsawa, 2009. S. 26; Kosińska U. Rokowania Augusta II ze Szwecją w latach 1719–1720 // Kwartalnik Historyczny. 2004. Rocz. CXI. N 3. S. 29; Kosińska U. Rosja wobec sejmu jesiennego 1720 r. // Kwartalnik Historyczny. 2004. Rocz. CXI. N 1. S. 46–48; Prochaska A. Poselstwo polskie w Petersburgu (1720 r.) // “Charitas”. Ksiega zbiorowa wydana na rzecz r[zymsko] k [atolickiego] Towarzystwa Dobroczynnosci przy kosciele Swietej Katarzyny w Petersburgu. SPb., 1894. S. 368; Wilk M. Polacy o Piotrze I // Slavia Orientalis. 1966. Rocz. 15. N 3. S. 374.

20 февраля 1720 г. следовало во время проезда посла мимо Санкт-Петербургской крепости отдавать ему часть пушечной стрельбой из тридцати одной пушки[1]. Встречали Хоментовского и его свиту на восемнадцати каретах, в том числе использовался экипаж Меншикова с лучшими возницами[2]. Поселили посла в «доме детей царевичевых». В течение первых месяцев (до мая) Хоментовский имел несколько аудиенций у Петра и в Посольской канцелярии. Бахмеотов передавал Меншикову 24 мая радостные известия: «полской посол в Посолской канцелярии был на аудиенции уже три раза, и, как уже слышим, что милостию божиею все строитца по желанию Его царского величества изрядно, а что впредь будет чинитца, о том вашему светлейшеству премилостивому государю доносить буду»[3]. 9 июля комендант после очередной аудиенции Хоментовского посылал к князю письменную реляцию для уведомления[4].

Во время четырехмесячного пребывания посольства Хоментовского в Санкт-Петербурге ему устроили настоящую экскурсию по территории столицы и близлежащим окрестностям. Согласно «Краткому описанию города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году», написанному членом польской делегации, посол посетил полотняную фабрику, Васильевский остров, территорию подконтрольной Бахмеотову Санкт-Петербургской крепости, Кунсткамеру, Адмиралтейство, здание Коллегий, Кронштадт и Кроншлот[5], Котлин остров, Ораниенбаум, Петергоф и Стрельну. Везде ему оказывался достойный прием и организовывались

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 99об–100.
[2] Там же, Д. 352. Л. 235; Д. 737. Л. 197, 199.
[3] Там же, Д. 378. Л. 51об, 54.
[4] Там же, Л. 73об–74.
[5] Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 140, 141, 143–144, 145–147, 148–152; Походный журнал 1720 года. С. 19, 22, 23, 24; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 259; Д. 378. Л. 69, 77.; Д. 557. Л. 37–37об.; Д. 737. Л. 228; Wilk M. Polacy o Piotrze I // Slavia Orientalis. 1966. Rocz. 15. N. 3. S. 370–371. Бахмеотов писал: «Сего числа его царское величество высокою своею особою со всеми господами министры изволил путь свои восприять х Кроншлоту, между которыми и господин полской посол, и за ними последовали все буяры и будет эксерциция на галерах, а в котором числе о том не известно». А 30 июня он извещал: И оттуды возвратился и прибыл в Санкт-Питербурх щасливо прошедшаго июня 22 числа, а что, государь, того ж июня 16 дня писал я до вашей высококняжеской светлости о прибытии его величества и в том есть не без вины нашей, понеже Его царское величество того числа еще не прибыл, а прибыл в то время токмо полской посол, которому з города и честь пушечною стрелбою отдана». См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 69, 71об.

увеселительные мероприятия[1]. Члены посольства стали участниками важных государственных праздников и светских мероприятий – дня рождения и тезоименитства Петра, годовщины Полтавской баталии, свадьбы генерал-адъютанта А.И. Румянцева и похорон князя Я.Ф. Долгорукова[2]. Кроме того, Хоментовский гостил в доме Меншикова в Ораниенбауме, который произвел приятное впечатление на всех визитеров. Бахмеотов не мог не отметить лестные отзывы: «а ныне, как мы известны, что с Котлина острова изволил быть в Аранинбоуме и в доме вашей светлости, и начевали там все особы две ночи и между теми и господин полской посол. И розговоры в доме вашей светлости имели все изрядные и похвалные, да и всегда Его величество с ним господином послом обходитца благоприатно и во всякие компании всегда берет с собою, и всякие заводы и протчие вещи показывает не скрытно»[3]. 23 июля посол со всем посольством отбыл из Санкт-Петербурга, о чем Бахмеотов не забыл уведомить Меншикова: «полской полномочной посол воевода мазовецкой господин Хоментовский из Санкт-Питербурха поехал сего июля 23 числа»[4].

Комендант не только щедро информировал князя о тех событиях, которые происходили в Санкт-Петербурге в его отсутствие, но и наблюдал за городской повседневностью – ходом строительных работ, благоустройством объектов, поддержанием городской территории в порядке и безопасности. Так, 22 мая 1722 г. Бахмеотов подал доношение Голицыну, «яко от Летняго Его императорского величества дому до речки Славянки болшею водою бечевник попортило, о чем писал к нему господин генерал-полицемейстер и брегадир

---

[1] 16 июня Апраксин описывал передвижения Петра и его свиты: «…отсюды отлучились на Котлин остров 9 дня сего настоящаго месяца, и 11 его величествие изволил со всеми кушать на гаване, а 12 со всеми министрами и с послом полским и швецким генерал-адютантом изволил кушать у меня на карабле Ангоуте, и по обеде со всеми же изволил посещать карабль Лесной. И, показав иностранным особам на Котлине острове всякое строение, 13 числа переехали в Ранибом, и тамо на другой день изволил в доме вашей светлости кушать и потом изволил во весь день гулять по каналам, а на другой день его величествие, взяв с собою посла полского, изволил ехать в Питергоф и оттуды, отпустя оного посла изволит тамо пробыть несколко днеи ради ползования здравия своего, а нас так же и протчих уволил всех в Санкт-Питербурх». См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 259–259об.

[2] Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 145, 153–155, 157; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 249; Д. 557. Л. 29–29об, 37–37об, 39–39об.

[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 77.

[4] Там же, Л. 80об.

Девиэр, требуя оного о исправлении»[1]. В последствие ремонтные работы на бечевнике проводились под руководством Голицына, комендант в свою очередь выполнял посредническую роль, передавая материалы и средства, полученные от Меншикова[2]. В январе 1723 г. Бахмеотов снова через Голицына докладывал о необходимости починки большого красного моста на территории Санкт-Петербургской крепости[3]. В 1723–1724 гг. комендант вел работы по строительству каналов[4].

Бахмеотов участвовал в реализации строительных проектов, проводившихся за казенный счет. Например, комендант вместе с Меншиковым занимался возведением ветреных мельниц в разных частях города. Задание построить несколько ветренных мельниц на территории Санкт-Петербурга и в его округе комендант получил сразу же после успешного сотрудничества с Меншиковым на фоне строительства постоялых дворов (1722–1723 гг.). Бахмеотову следовало применить все свои знания и опыт руководства, чтобы выбрать подходящую под мельницы территорию, организовать строительные работы и после сдать их внаем с наибольшей пользой для казны. Подчеркнем, что в данном случае комендант не просто посылал подчиненных ему солдат на строительные работы – подобная практика обеспечения строительства и благоустройства Санкт-Петербурга рабочей силой процветала с первых лет существования города – а руководил всем циклом выполняемых работ. Меншиков со своей стороны осуществлял контроль, занимался поиском источников финансирования и материалов.

В июне 1723 г. началось строительство ветреных мельниц[5] на р. Малиновка[6], на левом берегу р. Охта и на территории Санкт-Петербургской крепости. Бахмеотов передавал князю результаты своей встречи с мастером В.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 96.
[2] Там же, Л. 217.
[3] Там же, Л. 228об
[4] Там же, Д. 191. Л. 193
[5] О строительстве мельниц в Санкт-Петербурге см.: Анисимов Е.В. Юный град. С. 124–127.
[6] Мельница на р. Малиновке была заложена первой. После ее закладки по указу Меншикова Бахмеотов должен был отправить мастера Ковеновена, осуществлявшего строительство, для поиска удобных мест, где можно было установить другие подобные мельницы. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 186об.

Ковеновеном, которому поручалось возглавить строительные работы: было определено место строительства[1] (Меншикову посылалась карта), необходимые материалы и количество работников, причем комендант считал требования нанять плотников необоснованными, предлагая князю управиться своими[2]. Несмотря на то, что Меншиков велел Бахмеотову строить мельницы «с поспешанием»[3], строительство практически сразу же столкнулось с проблемами, замедлившими процесс. Начало возведения мельницы в Санкт-Петербургской крепости откладывалось; мельница на Охте также не строилась, потому что была не обеспечена припасами. Кроме того, Сенат не принимал никакого решения по доношению о выдаче средств на осуществление всех работ (в данном случае потребовалось вмешательство князя)[4], а Адмиралтейство и Канцелярия от строений, куда комендант обращался за материалами, не давали никаких ответов без внесения денежных сумм, письма от Меншикова и указа государя[5]. Комендант сталкивался с некоторым противодействием Ковеновена, который, как утверждал сам Бахмеотов, не предоставлял ему необходимых сведений, прежде всего о цене материалов и затратах на строительство[6]. И, наконец, деятельность Якова Хрисанфовича осложнялась постоянными попытками Меншикова ускорить процесс. В ответ на письма и доношения коменданта он просил регулярно отписываться о работах на заложенных мельницах, стараться, как можно скорее, привести их в совершенство и строить ее без замедления[7].

Первой была запущена мельница на р. Малиновка, поскольку с ее строительством и обеспечением материалами возникало меньше всего проблем – 8 августа 1723 г. комендант сообщал князю о ее работе[8]. Строительство ветренных мельниц на Охте и в Санкт-Петербургской крепости

---

[1] Для осмотра места с мастером Вилимом комендант посылал комиссара, а также ездил самостоятельно.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. С. 185–187, 189.
[3] По требованию Магистрата.
[4] Там же, Д. 191. Л. 182–183об; Д. 379. Л. 188–188об. В результате деньги постановили взять из средств, получаемых с постоялых дворов.
[5] Там же, Д. 379. 190–191об, 193–193об, 197.
[6] Там же, Л. 197.
[7] Там же, Д. 191. Л. 186об, 194.
[8] Там же, Д. 379. Л.197–198об.

продолжалось. 29 сентября Бахмеотов отчитывался перед Меншиковым относительно строительства мельницы в Петербургской крепости[1]. Чуть позже он посылал ему ведомость «коликое число к новопостроенной на Санкт-питербурской крепости ветреной мелнице из Санкт-питербурской гварнизонной канцелярии на покупки и за взятые из Адмиралтейства материалы из собранных от постоялых домов денег в росходе и что надлежит додать наемным плотником за работу и за издержанные леса мелничного мастера Вилима Ковеновена ныне заплатить явствует ниже сего»[2]. Мельница на Трубецком раскате (бастионе)[3] была закончена к 10 февраля 1724 г.[4], правда затем она нуждалась в доработке[5]. В дальнейшем, как отмечает Е.В. Анисимов, на территории крепости Ковеновеном было построено еще несколько мучных мельниц[6]. В результате 24 июля 1724 г. Бахмеотов радостно сообщал Меншикову, что мельницы на Малиновке и на территории Санкт-Петербургской крепости благополучно начали молоть[7].

Когда все ветренные мельницы были построены, коменданту поручалось сдать их в найм. Ведомости с учетом собранных с мельниц денежных средств Бахмеотов регулярно отправлял к Меншикову в течение следующих месяцев 1724 г.[8].

Подводя итог, отметим, что комендант Санкт-Петербургской крепости обладал широкими полномочиями, как внутри города, так и вне его. Он органично вписывался в систему управления петровским Санкт-Петербургом, взаимодействуя с различными государственными институтами. Однако деятельность Бахмеотова всегда находилась под контролем генерал-губернатора Меншиковым, перед которым ему следовало отчитываться в каждом более-менее значительном деле. Другими словами, их деловые связи

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 242.
[2] Там же, Л. 270–272об.
[3] Там же, Л. 284.
[4] Там же, Д. 380. Л. 62.
[5] Там же, Л. 97–98.
[6] Анисимов Е.В. Юный град. С. 150–151.
[7] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380. Л. 120.
[8] Там же, Л. 309, 320, 349, 376.

строились на принципе прямой подчиненности. Князь отдавал указы коменданту, следил за их выполнением, запрашивал статистические данные о штате и хозяйственном обеспечении Санкт-Петербургской крепости. При контактах Бахмеотова с другими государственными учреждениями он выступал в роли посредника или покровителя, способствуя урегулированию конфликтов. При этом коменданту нельзя в полной мере отказать в самостоятельности при принятии управленческих решений. Он был способен не только исполнять указы Меншикова или иных вышестоящих инстанций (Военной коллегии, обер-коменданта Брюса, Голицына и др.), но и творчески организовывать процесс строительства, хозяйственного управления, ведения суда и следствия и т.д. Исполнительность, дотошность и организаторские способности Бахмеотова позволили ему зарекомендовать себя в глазах Меншикова как надежного и верного подчиненного, что в свою очередь способствовало укреплению их связей и являлось для коменданта значительным ресурсом к продвижению по государственной службе.

1.4. Личные связи Я.Х. Бахмеотова и А.Д. Меншикова

Как было показано в предыдущем параграфе деловые связи Бахмеотова и Меншикова отличались продолжительностью и интенсивностью. Бахмеотов по долгу службы контактировал с Меншиковым постоянно. Это был весьма эффективный тандем генерал-губернатора и коменданта ключевого военно-административного центра Санкт-Петербургской губернии, коим являлся Санкт-Петербург. Бахмеотов часто бывал в доме Меншикова, проводил с ним долгое время, решая насущные проблемы петербургского гарнизона, в деловых вопросах обращался к князю за помощью и протекцией (например, как в случае с упомянутым нами ранее спором с генерал-полицмейстером Девиером). Учитывая подобные тесные деловые отношения, сложившиеся между Бахмеотовым и Меншиковым за 1717–1725 гг., было бы оправдано поставить следующий принципиальный вопрос: появилась ли за время

делового сотрудничества коменданта и генерал-губернатора почва для установления личных связей?

Пытаясь понять, зародились ли между Меншиковым и Бахмеотовым какие-либо отношения помимо служебных, следует обратить внимание на специфику имеющихся в нашем распоряжении источников. В основе сохранившихся комплексов корреспонденции Бахмеотова – Меншикова лежат доношения и частные письма делового характера, по своей структуре очень похожие на доношения (см. 1 параграф настоящей главы). Соответственно, содержание источников в большинстве случаев посвящено деловым вопросам, касающимся управления Санкт-Петербургской крепости и городской территорией в целом. В тексте доношений – официальных документов, посылавшихся от подчиненного к руководящему – практические не прослеживаются какие-либо проявления личных отношений. Поэтому на первый взгляд может показаться, что Меншиков и подчиненный ему Бахмеотов ничего не обсуждали, кроме как возникающие в процессе выполнения служебных обязанностей проблемы.

Опасения, которые появляются при беглом взгляде на корреспонденцию Бахмеотова – Меншикова, косвенно находят подтверждение в сведениях «Повседневных записок делам князя А.Д. Меншикова». Чаще всего Бахмеотов бывал в доме Меншикова в 1718 г. (34 упоминания в «Повседневных записках»)[1]. Во всех случаях он приходил к князю в первой половине дня, когда тот «изволил отправлять ардинальные дела»[2] и, докладывая по должностным вопросам, имел с ним долгие разговоры. Как правило, Бахмеотов навещал Меншикова в компании других лиц, занятых управлением Санкт-Петербургом, в частности, вместе с вице-губернатором Клокочевым (в 1717 г.) и лантрихтером Мануковым. После докладов комендант покидал дом князя. Ни в обедах, ни в совместных с Меншиковым торжествах, прогулках и

[1] Примечательно, что в целом Бахмеотов бывал у Меншикова лишь 2 раза в 1717 г. и 34 раза в 1718 г. После декабря 1718 г. его имя не встречается среди посетителей князя.
[2] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 189, 192, 196, 200, 203–206, 209, 217–218 и т.д.

увеселениях он не принимал участия, в отличие от других петровских соратников, занятых в системе управления столицей (Девиера, Синявина, Клокочева, Голицына и т.д.). Соответственно, есть все основания утверждать, что в число доверенных лиц князя Бахмеотов не входил.

Тем не менее говорить о полном отсутствии личных связей между Бахмеотовым и Меншиковым было бы ошибочно. При заметном превалировании доношений в нашем распоряжении имеется некоторое число писем, отправленных Бахмеотовым к Меншикову, на основе которых мы можем судить о используемом государственными деятелями языке, разнообразности в них общепринятых форм вежливости/лояльности. Кроме того, факт наличия или отсутствия устойчивых личных связей сам по себе позволяет сделать выводы о специфике их отношений, границах доверия.

Язык частных писем Бахмеотова, как уже не раз отмечалось, был похож на деловые, официальные бумаги[1]. В 1718–1719 гг. послания, предназначенные для Меншикова, он начинал с формулы, характерной больше для доношений: «светлейший римского и российского государств князь и герцох ижерский, высокоповелителный господин генерал фелтмаршал и кавалер и генерал-губернатор санкт-питербурхский и Военного коллегиума президент, милостивеиший государь»[2]. Со временем вступительная часть сократилась до привычного исследовательскому взгляду «светлейший князь, премилостивейший государь», но содержательная родственность писем Бахмеотова с доношениями сохранилась. Заканчивал письмо комендант всегда одинаково – «вашей высококняжеской светлости милостивого государя всенижайший раб». Словесные выражения лояльности, преданности и эмоциональные формулы вежливости[3] встречаются в письмах Бахмеотова крайне редко, а если и появляются, то отличаются однообразием и сухостью.

[1] Тем более, что комендант сам письма не писал, а использовал канцеляристских служащих гарнизона.
[2] Например, РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 45.
[3] Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011: научный альманах. Вып. 2 (9). С. 75–93; Lavrinovich M. От любви к разочарованию: выражение чувств как средство коммуникации между графом Н.П. Шереметевым и А.Ф. Малиновским (1800-е годы) // Avtobiografija. Vol. 10. P. 175–198.

В основном все сводится к комплиментарным благодарностям за получение ответного письма или ордера, констатации «рабской» готовности исполнить любое повеление Меншикова[1] и «всенижайшими» просьбами о пособничестве[2] (прежде всего связанными со службой), редким поздравлениям с праздниками или знаменательными событиями – разгромом неприятеля, Воскресением Христовым, днем Александра Невского, Новым годом и т.д.[3].

Судить о том, какие формулировки использовал Меншиков, обращаясь к Бахмеотову, еще труднее, так как сохранившееся оттиски и черновики писем князя отложились в архивных фондах выборочно и передают исключительно суть послания. Мы можем лишь предположить, что ответные письма Меншикова, аналогично с корреспонденцией, поступавшей от коменданта, отличалась сухостью языка без каких-либо значительных комплиментарных формул. Бахмеотова генерал-губернатор именовал «ваша милость» – это все, что возможно установить. Соответственно, поскольку письма в данную эпоху являлись средством самоидентификации и самопрезентации[4], есть основания считать, что на уровне языка Бахмеотов позиционировал себя в большей степени как подчиненный (даже не как клиент), а Меншиков как его руководитель. Теперь попытаемся понять, оказывали ли они друг другу какие-либо услуги, касающиеся личных интересов.

Надо полагать, наиболее важной услугой, которую Бахмеотов мог предложить Меншикову, являлось информирование о происходящем в Санкт-Петербурге и его округе. Комендант, очевидно, был не единственным каналом, по которому князь, находясь вдалеке от руководимой им губернией, получал необходимую информацию. Меншиков на протяжении многих лет поддерживал устойчивые связи с Апраксиным, Голицыным, Брюсом, Девиером, Макаровым и прочими должностными лицами,

[1] Например, РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 59–61.
[2] Там же, Д. 379. Л. 66.
[3] Там же, Д. 378. Л. 82–83об; Д. 379. Л. 5–5об, 111–112об, 122–123об, 166–168об.
[4] Lavrinovich M. От любви к разочарованию: выражение чувств как средство коммуникации между графом Н.П. Шереметевым и А.Ф. Малиновским (1800-е годы) // Avtobiografija. Vol. 10. P. 176.

присутствовавшими в столице или подле государя и в большинстве случаев обладавшими более ценными и подробными сведениям. Однако известиями коменданта князь не пренебрегал. При этом сам Меншиков, насколько позволяет судить сохранившаяся часть его корреспонденции, не был щедр с комендантом на обмен сведениями. Он извещал его лишь о тех событиях, которые касались деловых вопросов управления Санкт-Петербургской крепостью или Санкт-Петербургом и могли быть полезны коменданту для исполнения должностных обязанностей. Тем более, князь не интересовался личной семейной и хозяйственной жизнью Бахмеотова, никогда об этом не спрашивал, а комендант, придерживаясь субординации, не рассказывал.

Сфера осведомленности Бахмеотова ограничивалась столичной жизнью и близлежащими пунктами, где он имел определенное влияние как комендант Санкт-Петербургской крепости. Осуществляя свои служебные обязанности, он получал некую, так скажем, дополнительную (не относящуюся к сфере его компетенции) информацию о здоровье и передвижениях Петра, военных событиях, праздничных мероприятиях, миссиях государственных деятелей, отечественных и иностранных. Есть некоторые основания полагать, что комендант имел своих информантов из числа военных чинов, которые узнавали для него необходимые сведения (прежде всего, по вопросам, входившим в сферу его компетенции)[1]. Каких-либо фактов, достоверно указывающих на наличие личных связей или контактов Бахмеотова с другими представителями петровского окружения, нам выявить не удалось. За исключением, пожалуй, одного единственного упоминания в письме Девиера к Меншикову о приглашении на новоселье в новопостроенные постоялые дома, поступившего от коменданта к генерал-полицмейстеру, А.И. Ушакову и др.[2]. Однако этот случай не доказывает существования между ними каких-либо устойчивых личных отношений.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 71об–72.
[2] Там же, Д. 557. Л. 170об.

Итак, Бахмеотов сообщал Меншикову о передвижениях государя и государыни по территории санкт-петербургской округе. 30 июня 1720 г. комендант передавал детали путешествия Петра по дворцовым комплексам: «его царское величество был на Котлине острове и отуда в Аранимбоуме и в других дворцах, тако ж и в новозавоведенном, что в Дубках, и оттуды возвратился и прибыл в Санкт-Питербурх щасливо прошедшаго июня 22 числа»[1]. Он помечал оплошность своего информанта («ардинанца»), поверив которому ложно известил князя о прибытии монарха 16 июня[2]. «Сего ж июня 24 дня, – продолжал Бахмеотов описывать времяпрепровождения царя, – в день Святаго Самсона Страноприимца Его величество со всеми своими министрамы изволил слушать литургию у церкви Святыя Троицы, а во время службы палили з города ис пушек за бывшую викторию, что под Полтавою первы раз, за Евангелием из 33 – другой раз, по окончании литоргии из 43 – третей раз, по окончании благодарного молебна – из 53, которой был в церкви на площади, где изволил быть Его величество сам со всеми особы…»[3]. Как мы видим, к сведениям о времяпрепровождении царской семьи он добавлял информацию о забавах министров и петровских сподвижников, приезде иностранных послов и дипломатических деятелей (в разное врем о шведском генерал-адъютанте, польском после, голштинском герцоге), а также о миссиях, приездах/отъездах других государственных деятелей, радостных и скорбных событиях столичного общества[4]. В течение военных действий Северной войны отдельной темой для разговоров являлись военные успехи российской армии и действия флота[5].

Во время многочисленных поездок Меншикова комендант передавал ему сведения о состоянии дел в княжеском доме, здоровье детей и домочадцев, иногда следил за решением хозяйственных вопросов[6]. Так, 24 мая 1720 г.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 71–71об.
[2] В этот день прибыл в Санкт-Петербург только польский посол, сопровождавший Петра.
[3] Там же, Л. 72–72об.
[4] Там же, Д. 378. Л. 59–63об, 162–162об; Д. 379. Л. 157–157об и т.д.
[5] Там же, Д. 378. Л. 65–68об, 69–70об, 82–83об и т.д.
[6] Там же, Д. 378. Л. 64–65об, 82, 194; Д. 379. Л. 3–3об; Д. 380. Л. 73–74об и т.д.

Бахмеотов помимо прочего уведомлял Александра Даниловича: «а у нас в Санкт-Питербурхе и в доме вашей светлости все благополучно и светлейшая княжна, дочь ваша, наша государыня Екатерина Александровна обретаетца милостию Божиею в добром здоровье и в теизоименитство пресветлейшей вашей княгини, нашей премилостивейшей государыни Дарьи Михайловны в доме вашего светлейшества веселились господа генералы-порутчики Роман Вилимович Брюс, Иван Иванович Бутурлин и все господа брегадиры и от лейб-гвардии маэоры и протчие господа штап-афицеры, и господин секретарь Макаров, и господин Алсуфьев и про здоровье вашего светлейшества и пресветлейшей княгини и детей ваших изрядно подпивали и со всяким благодарением розехались»[1]. В данном случае, как и в ситуации с передачей информации о санкт-петербургских обстоятельствах, Бахмеотов являлся одним из множества информантов, которые наведывались в меншиковский дом (или узнавали через других) и не забывали упомянуть об этом в своих посланиях к нему[2]. В каком-то смысле посещение дома Меншикова в его отсутствие выступало маркером лояльности, которую хотели продемонстрировать князю те или иные люди. Поведение Бахмеотова отличало то, что, во-первых, он не был вхож в семью Меншикова настолько, чтобы в чтобы быть участником семейных обедов, мероприятий, подробно знать о времяпрепровождении членов княжеской семьи, а, во-вторых, как в одном письме отмечал сам комендант, он навещал домашних князя «по должности», то есть выполнял некую обязанность, связанную с его служебным статусом[3]. Возможно, он делал это по специальному указанию князя. По просьбе Меншикова, кроме того, Бахмеотов следил за безопасностью княжеского дома и выполнением строительных работ[4].

Пособничество Бахмеотова требовалось Меншикову в решении некоторых дел, связанных с личными проблемами других государственных

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 51–51об.
[2] Например, подобные сведения мы увидим и в письмах Девиера, и в корреспонденции Макарова.
[3] Ртам же, Л. 59–60об.
[4] Там же, Л. 194.

деятелей и князя не всегда напрямую касавшихся. Отчасти задачи, порученные коменданту, соотносились со сферой его прямой компетенции, но акцент на них ставился по просьбе Меншикова. Подобным образом князь привлекал Бахмеотова для розысков виновных по делу о разорении деревни адмирала Апраксина; помощи служащему Меншикова Борисову; поисков потерянного имущества Головина, Киселева и греческого попа Епферия; следствия вокруг лживых слухов о Репнине и обвинений протонотариуса Гейденрейха[1].

В 1722 г. Меншиков привлек Бахмеотова к организации освобождения из-под ареста А.И. Нарышкина. Согласно «Биохронике Петра Великого», 11 июля 1720 г. из Тайной канцелярии вышел указ о начале рассмотрения там дела по доносу дьяка Ст. Большова на Нарышкина в рамках продолжения следствия по делу царевича Алексея[2]. Большов обвинял Нарышкина в том, что тот, исполняя в Угличе обязанности коменданта и лантрата, контактировал с епископом Досифеем («разстригою Демидом»), списывался с царевичем Алексеем, посылал казну к Е.Ф. Лопухиной, убил посланного от себя к царевичу Алексею человека и т.д.[3]. Следствие над Нарышкиным продолжалось несколько лет, в течение которых он находился под арестом в Санкт-Петербургской крепости. 9 апреля 1722 г. Меншиков извещал Нарышкина: «Его императорское величество указал вас свободить на поруки и для собрания по вас поручной записи быть вам в Москву немедленно, того ради вам сим предлагаю, изволте ехать сюда на почте без всякого замедления, дабы вам можно здесь застать Его императорское величество»[4]. Одновременно он указывал Голицыну Нарышкина отпустить на поруки и для составления поручной записи прислать его в Москву[5], а Бахмеотову добавлял – Нарышкина отправить без замедления «на почте», дать ему коляску и все,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 41, 45–45об, 54, 159–161, 196, 221–221об, 223–224об; Д. 379. Л. 332–334об; Д. 380. Л. 43–45об.
[2] ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого день за днем: [сайт]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/231733270 (дата обращения: 09.09.2021).
[3] Дело Алексея Нарышкина см.: Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым, с приложением рассуждения М.П. Погодина. М., 1861. С. 327–357.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 188об.
[5] Там же, Л. 188.

что ему нужно будет[1]. 21 апреля комендант в письма уведомлял Меншикова, что Нарышкин из-под ареста освобожден и отослан к Голицыну для отправления в Москву со всем необходимым[2]. Чуть позже Голицын окончательно объявлял о предпринятых мероприятиях: «и по оному вашей светлости указу полковнику и санкт-питербурскому каменданту Бахмеотову велел взять здесь поруки в том, чтоб стать ему в Москву и явитца вашей светлости, а кто будут поруки, обявить нам и помянутом полковник и камендант Бахмеотов по нем Нарышкине поруки собрал, с котораго поручнаго писма копию тако ж и онаго Нарышкина посылаю присем с присланным от вашей светлости куриером Максимовичем, а по прибытии в Москву велел обявить вашей светлости»[3].

Бахмеотов выступал для Меншикова информантом по его собственным следственным делам. 24 марта 1719 г. комендант в цедуле сообщал о прибытии в Санкт-Петербургскую крепость в губернаторский дом генерал-лейтенанта И.И. Бутурлина[4] с майорами от гвардии для проведения следствия по делам, надо полагать, связанным с хищениями государственных средств и подрядными аферами. Следователи, как подчеркивал Бахмеотов, расследование «за умножение других дел на несколко времени отложили»[5]. Снова вопрос о анонимном (для писем коменданта) деле возник 14 апреля, когда он делился с Меншиковым расстановкой сил: «дело вашего светлейшества сего апреля 4го числа в Тайной канцелярии учрежденые к тому господа штап и обер офицеры слушали и все разсуждали изрядно и на некоторую ползу вашему светлейшеству говорили, о чем, я надеюсь, от домашних вашего светлейшества писано пространно, понеже я им предявлял и разяснял имянно, какие розгаворы между ими были. Толко за асесоров два человека Козлов и князь Урусов воспрещают и за тем не согласуютца, о чем я

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 188.
[2] Там же, Д. 379. Л. 7.
[3] Там же, Д. 518. Л. 94–94об.
[4] О деятельности Бутурлина см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. М., 2018. С. 203–216.
[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 52.

господину брегадиру и от лейб-гвардии маэору Ушакову говорил, обещал оное вашего светлейшества дело еще к слушанию предложить без них. А что будет чинитца, о том до вашего светлейшества премилостиваго государя писать буду. Токмо он господин маэор Ушаков сожалеет, что ныне Григорья Григорьевича Скорнякова-Писарева при Санкт-Питербурхе нет, отлучился х каналной работе, которой в том вашего светлейшества деле не малой спомощник был»[1]. Больше в корреспонденции Бахмеотова – Меншикова информации об участии коменданта в делах князя мы не находим.

Учитывая некоторое участие Бахмеотова в судебно-следственных делах Меншикова, примечательно, что князь не обратился за помощью (в качестве информанта) к относительно надежному коменданту ходу Почепского дела 1720–1723 гг., грозившего ему политическим крахом. В их переписке ни явно, ни косвенно данный конфликт не появляется, хотя по деловым вопросам они продолжали активно контактировать. Должно быть, Меншиков не видел необходимости посвящать Якова Хрисанфовича в щепетильные обстоятельства Почепского дела, поскольку не доверял ему достаточно и объективно оценивал его политическое влияние. По этой же причине можно усомниться в существующем в историографии утверждении о близости Бахмеотова к Петру настолько, что тот «бывал у него запросто». Если бы комендант входил в ближний круг государя и имел на него влияние (или хотя бы товарищеские отношения) вряд ли Меншиков, находившийся практически на краю пропасти и привлекавший на свою сторону всех, кто мог быть хоть как-то полезен, не воспользовался возможностью подключить к заступничеству близкого к царю коменданта[2].

Таким образом, круг услуг, которые Бахмеотов оказывал Меншикову, имел довольно четкие границы. Его помощь по преимуществу сводилась к информированию по вопросам, так или иначе связанным со сферой

[1] РГАДА. Оп. 1. Д. 378. Л. 55–55об.

[2] Вдобавок и каких-либо других доказательств близких отношений Петра и Бахмеотова в источниках не обнаруживается, за исключением указанного ранее факта визита царя в дом коменданта (и то само посещение не обозначает близости).

служебных полномочий и вытекающих из них. От повседневных обязанностей коменданта данный комплекс задач отличался тем, что Меншиков имел в них личный интерес и просил об этом Бахмеотова лично.

Как показывают источники, на ответную помощь Меншикова комендант мог рассчитывать в таком же ограниченном варианте. Например, мы можем только строить предположения о том, какую роль сыграл Меншиков в получении Бахмеотовым повышений по чину. Если полагаться на именной указ 1712 г., согласно которому коменданты крепостей назначались по воле генерал-губернатора, то можно подумать, что Бахмеотов был обязан подобным назначением никому другому, как Меншикову. Однако никаких сведений о контактах коменданта и генерал-губернатора до 1717 г. не обнаружено ровно, как нет документальных свидетельств относительно инициативы Александра Даниловича определить именно Бахмеотова на должность руководителя Санкт-Петербургской крепости после смерти Чемезова. В дальнейшем роль Меншикова прослеживается так же смутно. Комендант, получивший в 1717 г. чин полковника, обычный для занимающих должность коменданта, в 1722 г. просил «за службы и показанные в делах труды» переменить рангом и назначить бригадиром[1]. Вместе с ним требовали повышения генерал-полицмейстер Девиер, обер-полицмейстер Греков, полковник Сунин, полковник Петриков и флигель-адъютант Щербачев. Неизвестно, получили ли все обозначенные выше личности желаемые ранги – Девиер, например, продолжал ждать положительного решения вплоть до 1725 г. Требования Бахмеотова были полностью удовлетворены летом 1723 г.[2] и, надо полагать, Меншиков должен был быть о них извещен.

В конце декабре 1722 г. Бахмеотов стал фигурантом следственного дела, спровоцированного майором Зезевитова полка Назимовым. Комендант сам писал к Меншикову с просьбами о заступничестве и добром отзыве, а также обращался к князю через Голицына (см. приложение № 2), на силу

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 622об.
[2] В период между 26 июня и 10 июля. См.: Там же, Д. 379. Л. 192–193.

заступничества которого надеялся. Согласно имеющимся в нашем распоряжении сведениям, суть дела сводилась к следующему. Назимов был обвинен в убийстве своего «хлопца». По фергеру и кригсрехту, проведенных полковником Орловым в качестве презуса и ассесорами (их имена не уточняются) Назимов признал свою вину и подписался под приговором, по которому был написан в солдаты на три года. Это решение вскоре получило конфирмацию от Голицына[1], не вызвавшую у Назимова протестов, по которой он определялся в черниговский полк. 8 декабря Назимов был вновь призван к Орлову по делу городового батальона каптенармуса Бегичева. С собой он привез роспись петербургского гарнизона всех четырех полков штаб- и обер-офицеров, которые, по его мнению, являлись подозрительными. Поскольку Назимов никаких доказательств предоставить не мог, то роспись к суду не приняли, и его самого отправили обратно, приказывая явиться 10 числа с доказательствами. В назначенный срок он не явился. В ответ к нему был послан капрал, которому Назимов сказал следующее: суд над ним был несправедливым, все обвинения он опровергает, приговоры не признает и судьями не доволен, всех участников считает подозрительными. В конце Назимов объявил, что есть за ним «его императорского величества дело». После своих высказываний Назимов был отправлен в Тайную канцелярию, а оттуда, не предоставив никаких доказательств «против первых двух важных пунктов», в Военную коллегию. Видимо, в коллегии он и подал доношение на коменданта Бахмеотова.

Как отмечал Голицын, 21 декабря презус генерал-майор Дупрей прислал письмо с извещением, что доноситель Назимов и комендант Бахмеотов призывны к суду. По ходу следствия комендант Бахмеотов подписался, что презусом и асессорами доволен; Назимов подписался, что асессорами доволен, а презусом не доволен, потому что он ему подозрителен, так как сам находится

[1] Как отмечает Д.О. Серов, вынесенный кригсрехтом приговор обязательно должен был быть направлен на утверждение вышестоящему воинскому начальнику. Для Санкт-Петербурга в 1722–1723 г. Голицын являлся высшим военным руководителем. См.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 131.

под подозрением по судебному делу. Также звучали обвинения в сторону самого Голицына. Описывая приведенные выше факты, Голицын заключал: «и оное поданное писмо от того суда и доношение ево на полковника и каменданта Бахмеотова с сим подателем послал в Москву в Государственную Военную коллегию и прошу вашей княжеской светлости, чтоб повелено было от него Назимова оборонить, дабы другим впред того чинить было неповадно»[1]. Одновременно, в тот же день 24 декабря, к Меншикову писал и сам Бахмеотов. Он повторял просьбы Голицына о защите: «всенижаише вашему светлейшеству моему премилостивеишему государю обявляю, что бывшей маеор Назимов подал на меня доношение, по которому я и свидетели были призываны, и по оному делу явился я во всем невинен, а онои бывшеи маеор по фергеру за убивство хлопца своего написан на три года в салдаты, всеподданейвше вашу высококняжею светлость своего премилостивейшаго государя прошу от онаго доносителя милостиво меня оборонить»[2]. Поскольку после двойного обращения Бахмеотов больше не искал поддержки князя по делу Назимова, можно предположить, что вмешательство Меншикова возымело свои плоды[3].

Говоря о кадровой политике в Санкт-Петербургской крепости и назначениях на различные городские службы, мы отмечали, что Бахмеотов считал необходимым обсудить с Меншиковым любые кадровые изменения. Аналогично он уведомлял князя о своих собственных миссиях. В феврале-марте 1724 г. на этой почве между ними возник небольшой конфликт. Бахмеотов доносил Меншикову, что 21 февраля был призван в Сенат, где ему объявили царский указ, по которому он должен исполнять обязанности асессора при графе А.А. Матвееве в Сенате. Комендант «рабски» просил князя способствовать своей отставке и назначению другого должностного лица, аргументируя тем, что у него и так много дел, а именно «гварнизонные дела

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 196–197.
[2] Там же, Д. 379. Л. 120–121.
[3] Или же дело разрешилось само собой.

здешней губернии[1], тако ж рекрутские приемы, и фергеры и криксрехты, и постоялые домы, и каналное строение»[2]. Подчеркнем, что в конце доношения (именно в таком виде документа была сосредоточена просьба) Бахмеотов употреблял комплиментарный оборот, обычно характерный для частных писем: «пожалуй милостивой государь, сотвори со мною высокую свою милость и заступи меня милостивым своим предстателством, истинно мне таких положенных немалых дел не снесть»[3].

3 марта Бахмеотов снова писал к князю, на этот раз в письме. Несмотря на заступничество Меншикова, который ходатайствовал в Сенат и Военную коллегию об отставке, 24 февраля («по отбытии вашем») из Военной коллегии был прислан указ на имя генерал-губернатора, по которому повелевалось Бахмеотову исполнять обязанности асессора по-прежнему. Коменданту полагалось прибыть к делам в Сенат. Ослушаться, очевидно, он не мог[4]. В ответ 20 марта Бахмеотов получил гневное письмо – князь был возмущен решением коменданта приступить к службе асессором без его ордера (только на основании указа). На это Яков Хрисанфович уведомлял, что никакого указа из Сената или Военной коллегии о его отставке до сих пор не приходило, а с Матвеевым, при котором ему полагалось служить, он «словесно» договорился, что должность свою исполнять он будет только до тех пор, пока не начнутся канальные строительные работы. Бахмеотов уверял генерал-губернатора, что все свои обязанности исполняет «по самой моей возможности»[5]. В дальнейшем тема асессорства Якова Хрисанфовича в корреспонденции не поднималась.

Таким образом, анализ личных связей Бахмеотова и Меншикова показал, что петербургский комендант являлся для князя прежде всего подчиненным, взаимодействие с которым сводилось к вопросам, касающимся

[1] Особенно отметим данную формулировку, поскольку она указывает не только на территорию Санкт-Петербургской крепости и Санкт-Петербурга, но и на всю губернию.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380. Л. 72.
[3] Там же, Д. 380. Л. 72.
[4] Там же, Л. 73.
[5] Там же, Л. 79.

управления Санкт-Петербургской крепостью и Санкт-Петербургом. Личные связи между двумя государственными деятелями хоть и имели место быть, но практически полностью замыкались на одностороннем – от Бахмеотова к Меншикову – обмену информацией и оказанию мелких, аналогично соотносящихся со служебными обязанностями коменданта или генерал-губернатора, услуг. Бахмеотов информировал Меншикова о том, что происходило в Санкт-Петербурге, но практические не выходил за рамки этого. Можно полагать, что такая ограниченность соответствовала статусу Бахмеотова в системе управления в целом, поскольку его влияние и авторитет не распространялись намного дальше гарнизона Санкт-Петербургской крепости и, более того, напрямую зависели от самого Меншикова. Другими словами, Бахмеотов не имел достаточных материальных и нематериальных ресурсов, чтобы стать настолько полезным и значимым для князя, чтобы тот решил установить с ним тесные и доверительные личные связи.

1.5. Строительство и благоустройство постоялых дворов в Санкт-Петербурге в 1722–1723 гг.

По мере роста территории Санкт-Петербурга и расширения его застройки, увеличивалась численность населения города. В столицу с момента ее основания стекалось огромное количество разнородных групп людей, переселенных в город принудительно или переезжавших по собственной инициативе с целью несения службы и получения заработка. Все переселенцы сталкивались с одной насущной проблемой – им нужно было где-то жить. Соответственно социальному статусу и финансовым возможностям в Санкт-Петербурге существовало несколько вариантов размещения. С одной стороны, практиковали принудительное переселение на «вечное житье». Ему подвергались как представители дворянства и верхушки купечества, так и «подлые люди» – ремесленники, торговцы, мастеровые и т.д.[1]. В соответствии

[1] Подобных указов о переводе на жительство Санкт-Петербург находится множество. Например, 20 ноября 1717 г. государь именным указов, объявленным из Сената, повелел: «купецких и ремесленных людей, которые

с предполагаемым планом и разработанными архитекторами нормами строительства домов (образцовые дома Д. Трезини) новым жителям раздавались городские участки, на которых они должны были построить собственные дома. В 1719 г. Петр издал указ, предполагавший принудительное строительство на Васильевском острове для представителей дворянства и купечества. Документ вводил имущественный ценз, по которому обозначался круг лиц, попадавших под василеостровское строение: для дворян необходимо было владеть 40 дворами, для купцов – нести 40 руб. тягла[1]. В последствии для дворянства ценз был снижен, а купечеству предлагалось селиться по желанию[2]. Для других переводимых на постоянное житье категорий населения также вводились нормы строительства и предоставлялись участки. Задолго до появления городского планирования, развернулась стихийная застройка (в особенности, на правой стороне р. Невы), с которой местные власти старались по возможности бороться.

С другой стороны, в город прибывали группы, которые требовали не постоянного, а временного размещения. Прежде всего, это относилось к приему в Санкт-Петербурге различных армейских частей. Постойная повинность, как единодушно отмечают исследователи, в условиях военного времени ложилась тяжким бременем на плечи горожан. Хотя городские власти, в частности генерал-полицмейстер Девиер, к чьей сфере компетенции с 1718 г. относилось распределение постоя, старались вести учет населения и равномерно размещать военные формирования по городским районам, не

из Губерний в первую треть на житье в Санктпетербург не высланы, и о том, за чем та высылка остановилась и по многим указам не ответствовано, ныне выбрав, выслать их с женами и с детми в Санктпетербург безсрочно, а выбирать их в городах Земским Бурмистрам и выборным людям меж собою самим, как их первостатейных, так и средних людей добрых и пожиточных, которые б имели у мебя торги и промыслы, или заводы какие свободные, а не убогие были б и не мало-семейные, и тот выбор учинить им без всякаго послабления не обходя и не наровя никому ни для чего, такожде и на маломочные не посягаяя отнюдь, и в том тех людей, на которые тот выбор меж собою положен у них будет, привести к вере под таким прещением, что ежели они в том будут чинить неправедно и из перво-статейных и из средних статей и из семейных и из пожиточных кто от кого обойдены, а вместо их из маломочных и одинаких или из престарелых выбраны такожде и в высылке какое вымышленное продолжение чиниться от них будет, и за то те выборные (яко клатвопреступники и преслушники указа,) с разорением домов и всего имения их, жестоко наказаны будут». См.: ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. С. 519.

[1] Там же, С. 665.

[2] Там же, С. 680–681, 691.

учитывая социальный статус жителей[1], содержание в своем доме прибывших солдат и офицеров оставалось наиболее стеснительным обязательством петербуржцев. Согласно наблюдениям Луппова, на каждый дом в Санкт-Петербурге приходилось по нескольку добавочных постояльцев, тогда как дома в городе в большинстве случаев были невелики по своим размерам[2].

Вторым вариантом временного проживания являлся частный найм. Те, кто имели знакомых или родственников в городе, находились в более выгодной позиции, поскольку получали возможность подселиться в дом бесплатно. Другие приезжие находили жилье за деньги: они либо селились непосредственно в дом к арендодателю (говоря современным языком), либо занимали место в специально построенных домах, то есть в частных постоялых дворах[3]. Частный найм имел двусторонние преимущества для арендатора и арендодателя. Он, во-первых, он позволял обеспечить временным кровом прибывающих в город людей, во-вторых, являлся источником дохода для владельцев домов, мотивируя наиболее предприимчивых строить дополнительные помещения. Однако подобная практика бесконтрольного подселения не соответствовала стремлениями городских властей контролировать пребывающих в Санкт-Петербург, так как трудно поддавалась учету. В качестве решения обострявшихся трудностей в 1718 г. всем владельцам недвижимости в Санкт-Петербурге было указано доносить в новоучрежденную Полицмейстерскую канцелярию о любом человеке, прибывшем к ним или собиравшемся уехать из города[4]. Селиться в какого-либо плана дома разрешалось только тем лицам, которые получили разрешение на нахождение в городе в течение определенного периода. При

---

[1] К «Пунктам» генерал-полицмейстера царь приписал наказ о постое: «солдат ставить всем на дворы по пропорции, какого б кто ранга не был». Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884. С. 153.

[2] Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 150.

[3] С.П. Луппов указывал, что еще в 1708 г. Меншиков докладывал царю, что в Петербурге солдаты разных полков построили дома и отдают их из найма. Автор «Описания» Петербурга 1720 г. сообщал, что в Петербурге есть «здания, где останавливаются гости, а для их удобства и трактиры». См.: Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 151; Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. М., 2012. С. 180.

[4] ПСЗ. Т. V. С. 571.

этом хозяину жилплощади необходимо было оформить у служащих Полицмейстерской канцелярии «жилую запись» с поручительством[1].

При этом идея организации постоялых дворов (домов) виделась Петру и местным властям весьма перспективной. На территории города существовало несколько видов постоялых дворов, так или иначе использовавшихся государством: частные, построенные на средства государственных деятелей, ведомственные и казенные постоялые дворы. Согласно С.П. Луппову, одним из первых появился постоялый двор князя Меншикова, длинное мазанковое здание, крытое черепицей, располагавшееся за Исаакиевской церковью, ниже Адмиралтейства[2]. Он использовался для государственных целей – в нем жили иностранные мастеровые, занятые на строительстве городских объектов. За их проживание князь получал из казны плату. Ведомственные, подчиненные Артиллерии, постоялые дворы упоминал в своем исследовании П.Н. Петров. Он отмечал, что 6 июня 1723 г. «была замечательная гроза, с вихрем и бурею, которою сломан один из постоялых дворов, построенных в теперешней Литейной части, между Косым Дементьевским переулком, Фонтанкою и Невою»[3]. К комплексу постоялых дворов, по сведениям историка, были пристроены бани.

Принадлежавшие казне постоялые дворы появились в первое десятилетие существование города и приносили некоторый доход (это было значительным их преимуществом). Согласно подворной описи Петербургской стороны за 1713 г. на Городском острове при входе в Посадскую улицу, напротив Гостиного двора находился постоялый дом, называвшийся «фатерной избой». В нем по распоряжению квартирмейстера можно было найти временный приют до назначения на постой в жилой дом[4]. По описанию, составленному А.И. Богдановым, деревянные казенные постоялые дворы

---

[1] Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2; Семенова Л.Н. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). Труды ЛОИИ. Вып. 8. С. 136–137.

[2] Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 34, 92, 94.

[3] Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. С. 220–221.

[4] Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 151; Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. С. 98–99.

были построены силами петербургского гарнизона на Гагаринской пристани[1] и на противоположной стороне Невы в Литейной части в 1723 г. (10 июля 1723 г. о строительстве постоялых дворов состоялся именной царский указ)[2]. Богданов так описывал их внешний вид: «построены были на сваях нарочитыя светлицы и архитектурою преизрядною украшены были, то есть: убиты тесом с карнизами и пилястрами и прочее убранство, а при том и выкрашены»[3].

Несмотря на то, что историки активно используют сведения А.И. Богданова, есть все основания усомниться в их точности. В 1723 г. на левой (Петербургской) и правой (Московской) стороне по берегам Невы действительно располагались комплексы постоялых дворов, строившиеся силами солдат петербургского гарнизона. Однако дата начала их строительства, обозначенная Богдановым, вызывает сомнения. Благодаря сохранившимся письмам и доношениям коменданта Бахмеотова, нам известно о строительстве под его руководством неких комплексов деревянных постоялых дворов на Петербургской и Московской сторонах около Невы, начатом в 1722 г. Учитывая схожесть локализации строительства и описания внешнего вида зданий, можно предположить, что речь идет об одной группе постоялых домов[4]. Обратимся к деталям их создания.

В июле 1722 г. генерал-губернатор Меншиков посылал к коменданту Бахмеотову[5] инструкцию относительно строительства постоялых домов (см.

---

[1] Е.В. Анисимов уточняет локацию постоялых дворов на Гагаринской пристани. Он пишет: Домик Петра находился «по берегу реки Невы между Святейшим Синодом и [избами] постоялых дворов». См.: Анисимов Е.В. Юный град. С. 203–204.

[2] Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое Описание Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПБ., 1779. С. 141.

[3] Там же, С. 141.

[4] Трудно предположить обратное, поскольку в известных нам материалах не говориться ничего о существовании и параллельном строительстве еще одного комплекса постоялых дворов с использованием сил петербургского гарнизона.

[5] Стоит еще раз оговориться о специфике системы управления в Санкт-Петербурге в 1720-х гг. Летом 1722 г. в столице не присутствовал ни государь Петр I, ни генерал-губернатор Меншиков. Первый находился в Персидском походе и вернулся в город весной 1723 г., второй – пребывал в Москве до мая 1723 г. Соответственно, забота о повседневной жизни Санкт-Петербурга легла на плечи тех руководителей местной администрации, кто остался в столице: генерал-полицмейстера Девиера, директора Канцелярии от строений Синявина, генерала Голицына, которого Петр назначил военным руководителем города. В данных обстоятельствах Бахмеотов, получивший важное поручение от Меншикова, оказывался в ситуации, когда ему необходимо было отчитываться и перед Голицыным как военным главой города, и перед генерал-губернатором Меншиковым, которому он подчинялся с самого начала и должен был рапортовать по инструкции. Как правило, Голицыну Бахмеотов отчитывался о результатах работы – сколько работ сделано,

приложение № 1). Надо полагать, что приказ о создании мест для постоя был отдан чуть ранее (в июне), во время пребывания князя в Санкт-Петербурге, возможно, устно[1]. По инструкции Бахмеотову полагалось: строить дворы на берегу Невы по чертежу, копры для битья сваи требовать у генерал-полицмейстера Девиера и обер-комиссара Синявина, на покупку леса и необходимых материалов деньги взять у дьяка Ф. Захарова и принять из Ладоги у майора Алябьева, пустующие французские дома на Васильевском острове перевозить и употребить под строение[2], лес покупать за самую дешевую цену, определить к строению батальону лефортовского полка и батальону петербургского гарнизона, обо всем рапортовать Меншикову и, наконец, «поступать как доброму и верному офицеру надлежит»[3]. Также князь уточнял о необходимости из денег (10000 р.), полученных от Алябьева, половину (5000 р.) отдать генералу Голицыну к шлюзному и бечевому делу[4]. Одновременно Меншиков послал письма к Девиеру и Синявину, указывая отдать коменданту все имеющиеся копры с распиской без замедления[5].

Комплексы постоялых дворов возводились одновременно на левом и правом берегах Невы, то есть на Петербургской и Московской сторонах. Относительно выбора места строительства первых домов на левом берегу Меншиков писал: «и когда из оных один двор построен будет, оному прислать к нам чертеж, тако ж построить на санкт-питербурхском острову по берегу реки Невы, начав от того места, где начать строить стрешнева мазанки, к Гагаринской пристани двор против вышеписанного, сколько дворов на оном месте построить можно, и яко вышеписанной пристани оставить порозжаго

сколько средств потрачено. Меншикову комендант подробно описывал ход строительства, решал с ним насущные вопросы о деталях строительных работ, поиске материалов, средств, размещении домов и проблемах занятых в строительстве солдат. Бахмеотову приходилось координировать (не без вмешательства Меншикова) свои действия с Девиером, в рамках своих полномочий контролировавшим правильность застройки, и Синявиным, в распоряжении которого находились материальные и людские ресурсы.

[1] С.П. Луппов отмечал, что Меншиков несколько раз проявлял инициативу строительства постоялых дворов.

[2] Эти дома должен был показать Бахмеотову архитектор Трезини, которому Меншиков дал соответствующие указы. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 413об.

[3] Там же, Л. 335–336.

[4] Голицыну Меншиков так же об этом отписал. См.: Там же, Л. 372– 372об; Д. 518. Л. 113.

[5] Там же, Д. 180. Л. 339об.

места, где быть улицам»[1]. Чуть позже князь определил еще одну локацию – «на другой стороне близ Синоду постоялые дворы с помощию божиею до дому покойного генерала лейтенанта Брюса строить велите, а оного его дому до прибытия нашего ломать не велите, понеже о том определитца по прибытии нашем в Санкт-Питербурх»[2]. В 1723 г. к комплексам постоялых домов на Петербургском острове и на Московской стороне близь Летнего домика государя и Литейного двора добавились постоялые дворы у Мытного двора[3].

Бахмеотов, руководящий строительством на местах, указаниям князя следовал неукоснительно. Он практически еженедельно отправлял к Александру Даниловичу подробные доношения о ходе строительства. Вместе с отчетами он уточнял у Меншикова даже самые мелкие детали строительства, например, как подбивать потолки досками и прутьями, подмазывать ли их алебастром или не подмазывать, как правильно класть полы и т.д.[4]. Параллельно Бахмеотов посылал отчеты к Голицыну, который, их просматривая и обрабатывая, составлял репорты для Меншикова (он также еженедельно переправлял их к князю в Москву[5]). Например, 15 августа 1722 г. генерал указывал, что у строения постоялых дворов с начала работы по 12 число сделано: «бревен из воды выгружено и в стопы покладено 8188 дерев; свай обтесано 1212, свай же побито 1488; козлов зделано 101; к пилам зделано 50 ручек; брусов на копры вытесано 16; из оных копров зделано новых 6; брусов выпилено 645, от них горбылей 492; бревен перепилено на пластины, каждое бревно на двое 254 пластины; моху привезли 4 барки; шипов отесано на 570 сваях; на сваи посажено 77 бревен; кобыл зделано 64; на сваях шипов зделано 422; верхних бревен на шипы положено 107; поперешных бревен на

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 380.
[2] Там же, Д. 180. Л. 463об.
[3] Там же, Д. 379. Л. 113, 115; Д. 518. Л. 181об.
[4] Например, Бахмеотов 2 августа 1722 г., докладывал генерал-губернатору по поводу проделанной работы: «по два дома, где будут строитца для постою, на сей неделе сваи со всем побиты будут, и плотничную работу уже с помощию Божиею начали, а имянно на побитые свои брусья, где послам быть, нарубают. А французские домы еще не ломаны понеже архитектор Трезин за многими делами еще нам их не показал, а как скоро покажет, розломав, перевозить будем». Другие отчеты о строительстве см.: Там же, Д. 379. Л. 52, 54, 56, 113, Л. 188–188об, 279, 320, 349, 395; Д. 180. Л. 454, 509–509об.
[5] Там же, Д. 180. Л. 584; Д. 518. Л. 118, 124, 128, 131, 133, 139, 142, 146, 152, 155, 161 и т.д.

шипы ж положено 71, в длину положено 37; из стопы положено на мост для укрепления свай бревен 194; от шапатли пригнали бревен 4 плота; фашин привезено 1300, и оные употреблены в середину в новозастоенной дом; с новых заводов перевезено кирпичю 10000; и воды на бечевник выгружено бревен 150; по две светлицы бревенчатова мосту положено 179; да под сараи струговых тесниц 212; на Василевском острову во француской слободе разобрали 4 светлицы»[1].

Строительство, как показывают донесения Бахмеотова и Голицына, шло без значительных перебоев. Тем не менее Меншиков постоянно напоминал им о необходимости рапортовать еженедельно и упорно поторапливал, чтобы дома были в готовности и «в совершенство прийти могли»[2]. Князь назидательно повторял коменданту – «того ради строении постоялых дворов имейте неусыпной труд и попечение, дабы оные к прибытию нашему были в готовности»[3]. А также «предлагал» (т.е. указывал) присылать ведомости о том, как скоро дома будут закончены и туда можно будет селить постояльцев[4].

Жилые сооружения нуждались в продуманной инфраструктуре. Поэтому коменданту, не закончив строительство постоялых домов, прошлось заниматься устройством подсобных посещений – бань, лавок, сараев, куда складывались специально заготовленные дрова, утварь, сено и овес, прилежащих к постоялым комплексам гаваней, заборов вокруг них, мясных рядов[5]. В 1721 г. Бахмеотов подыскивал место под строительство бань около постоялых дворов на Московской стороне[6]. В письме к Меншикову он объявлял, что «по указу вашей светлости при постоялых домех о строении бани и к ней для роздевания другой избы обявлял я Антону Мануиловичу, на что изволил сказать, что оную баню строить опасно, понеже стало близ дому Его императорского величества, и затем оную баню строить до указу вашей

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 118.
[2] Там же, Д. 180. Л. 394, 425, 573; Д. 191. Л. 105; Д. 379. Л. 57.
[3] Там же, Д. 180. Л. 413.
[4] Там же, Д. 180. Л. 573об.
[5] Там же, Д. 180. Л. 463–463об, 610; Д. 191. Л. 20об–21, 157; Д. 379. Л. 98, 122, 124, 197.
[6] Меншиков указывал построить баню «сажень пяти или шести» и к ней избу на каком-либо простойном месте у канала. См.: Там же, Д. 180. Л. 487об.

светлости отложили»[1]. Князь, понимая всю неразумность строительства бани рядом с царским домом, в ответ указывал возвести баню и избу к ней на той стороне, что ближе к Литейному двору[2].

Отдельным делом являлась закупка дров в бани[3] и сена в сараи при постоялых дворах. Бахмеотов с подачи Меншикова стремился купить сено по наименьшей цене[4]. В октябре 1722 г. князь советовал коменданту, если тот нигде не найдет сено дешевле, купить его у дворецкого дома адмирала Апраксина Д. Янкова на сумму 1000 р.[5]. Заготовленное сено продавалось по установленной цене постояльцам – Бахмеотов совместно с Голицыным записывал объемы продаж и суммы выручки в ведения и отсылал их к Меншикову[6]. Комендант также следил, чтобы продажа сена происходила по справедливым ценам и финансово не стесняла постояльцев[7]. Остатки запасов сена при необходимости могли быть выставлены в свободную продажу[8].

Для сооружения постоялых дворов и всей прилегающей к ним инфраструктуры требовалось большое количество различных материалов[9]. Комендант не располагал собственными материальными ресурсами. Поэтому он был вынужден или искать надежных подрядчиков, способных доставить все необходимое по приемлемой цене, или самостоятельно отправлять разведывательные группы для поиска и покупки леса, фашин, кирпича и т.д[10]. Другой способ найти нужные материалы заключался в том, чтобы обратиться за помощью к государственным учреждениям, располагающим ими. Благодаря пособничеству Меншикова, Бахмеотов получал пушечные ядра для переплавки из Главной Артиллерии, фашины от генерал-полицмейстера

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 77–77об.
[2] Там же, Д. 180. Л. 532; Д. 379. Л. 109.
[3] Там же, Д. 380. Л. 58–59об.
[4] Там же, Д. 191. Л. 20об, 21; Д. 379. Л. 52, 59, 61, 107, 111, 127, 252, 410.
[5] Там же, Д. 379. Л. 487.
[6] Там же, Л. 128, 132, 136об, 139 и т.д.
[7] Там же, Д. 380. Л. 39–39об.
[8] Там же, Л. 406.
[9] Приход и расход материалов подлежал тщательному учету, также как и расход средств на них. См.: Там же, Д. 379. Л. 70, 72, 107, 199–216, 217; Д. 518. Л. 170об, 277–277об, 285.
[10] Там же, Д. 379. Л. 119, 131–131об.

Девиера и т.д.[1]. В некоторых случаях князь советовал коменданту надежных подрядчиков[2] или сам предоставлял необходимые материалы и технику[3]. Так, в ноябре 1722 г. Бахмеотов уведомлял Меншиков, что полученные для строительства постоялых дворов «ваши собственные» гонты остались с избытком, так как солдаты сделали новый гонт и будут использовать его. Князь отвечал: «оные наши гонты изволте продавать точию неменши той цены, по которой оные взяты к строению оных постоялых дворов»[4]. Все вырученные от продажи средства шли в домовую канцелярию Меншикова[5].

На фоне передачи материалов от одного государственного института к другому произошел конфликт Бахмеотова с генерал-полицмейстером Девиером. 4 октября комендант подал Меншикову первую жалобу. Он сообщал, что Девиер передал для строительства постоялых дворов 2600 шт. фашин и обещал впредь выдать еще, но после от своих слов отказался и затребовал фашины обратно[6]. 8 октября Бахмеотов добавлял еще один повод для недовольства – «також не повелите ль ваша светлость на Московской стороне позади постоялых дворов возле канала, которой от Литейнаго двора, построить баню сажен пяти или шести и к ней избу, где б роздеватца, на что буду ожидать от вашего светлейшества повеления, а которую землю близ постоялых домов ваша светлость изволили повелеть употреблять к оным домам, и оную землю ныне Антон Мануилович нам не дает, а отводил ее господину Сенявину к церкви Иоанна Предтечи на канал, в которой при строении обстоит велика нужда»[7]. Меншиков, получив оба послания и решив разобраться в деталях спора, написал к Девиеру[8]. Князь отмечал, что фашины, как и постоялые дворы, принадлежат казне, поэтому определять их на счет

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 67– 67об, 316.
[2] Князь писал: «Ежели ко оному строению понадобитца кирпич изволте брать з заводов полковника Лутковского за которой денги изволте платить по томже цене, по которой ставится к протчим Его императорского величества строением». См.: Там же, Д. 180. Л. 509–509об.
[3] Там же, Д. 191. Л. 8об.
[4] Там же, Д. 180. Л. 592.
[5] Там же, Д. 379. Л. 119-119об
[6] Там же, Л. 65–66.
[7] Там же, Л. 67об–68.
[8] Там же, Д. 180. Л. 483

Полицмейстерской канцелярии, а, следовательно, и требовать к возврату, не корректно[1]. Относительно земли, якобы отданной Синявину, он просил вернуть ее Бахмеотову ввиду большой нужды[2].

Генерал-полицмейстер имел свою версию событий. Девиер, как он сообщал Меншикову, разрешил коменданту взять фашины, правда не на Выборгской стороне, где они оказались некачественными, а за р. Фонтанкой. Только Бахмеотов туда своих людей не послал. В неполучении земли, по мнению генерал-полицмейстера, также был виноват комендант: «а что он о земли писал бутто я Синявину отдал, и я ему такой земли не отдавал, токмо усмотрели мы по должности своей, что канал возле Семиона Богоприимца не в отделке, и оного его к засыпке и в протчих ниских местах, где водою розмыло, потребно земли, о чем мы Синявину говорили и писменно предлагали, чтоб тот канал також и у Литейного двора водою попорченой землею засыпать и сровнять. Сего ради он землю излишнюю, лежащую по сторонам канала Литейнаго, велел возить х каналу Семеона Богоприимца и, где надлежит засыпать и сравнивать, ибо оныя каналы строили от Городовой канцелярии и в ведомстве той состоят и мне в то дело мешатца не для чего. Однако ж он, Бахмеотов, брал земли от сего каналу, токмо что потребно доволнова числа не исполнил, и для того я ему показывал брать не очень далеко в другом месте близ Карачей слободы на Выборхской стороне»[3]. На этом конфликт был исчерпан.

Среди корреспонденции Бахмеотова-Меншикова нам встретился исключительный случай, когда комендант отдавал имевшиеся в его распоряжении ресурсы для других целей. Так, в феврале 1723 г. он получил указ собрать навоз при постоялых дворах и, положив в удобное место, держать в сохранности. Запасы навоза, по повелению государя, должны были затем

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 483об.
[2] Там же, Л. 487–487об.
[3] Там же, Д. 577. Л. 169–169об.

употребить в сады и огороды его величества[1]. 21 февраля 1723 г. Бахмеотов уведомлял Меншикова, что все указанное исполнено[2].

От коменданта зависело обеспечение строительства рабочей силой. Как справедливо отмечал А.И. Богданов, строительные работы на постоялых дворах велись силами петербургского гарнизона[3]. В дополнение к петербургским солдатам в процесс создания зданий и прилегающей к ним инфраструктуры, поиска и доставки необходимых материалов[4] вовлекались иные военные формирования (гарнизоны близлежащих ингерманландских городов, действующие отряды армии)[5]. Имея в своем подчинении гарнизонных солдат и офицеров, Бахмеотов вел счет привлеченных к работам формирований. Он – а иногда и контролировавший его Голицын – регулярно посылал к Меншикову табели с указанием численности, должностного состава занятых на строительстве военных, отмечал характер выполняемых ими работ[6]. В ряде случаев комендант вынужден был перенаправлять солдат, находящихся у постоялых дворов, к строительству других объектов (каналов, царских резиденций, бечевника и т.д.). Перетасовки рабочих рук Бахмеотову не нравились. Как он отмечал в письме к Меншикову, они шли в ущерб ходу строительства, так как оставшихся солдат и офицеров было недостаточно[7]. Комендант следил за своевременной выплатой солдатам и офицерам жалования, положенного в соответствии выполняемым работам, и обеспечением их мундиром[8].

В марте 1723 г. из Персидского похода (после короткого пребывания в Москве) в Санкт-Петербург вернулся Петр I. Меншиков, предполагая, что царь соберется осмотреть новопостроенные постоялые дворы, беспокоился о реакции правителя на проводившиеся работы. Сам он, как указывалось ранее,

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 62об.
[2] Там же, Д. 390. Л. 140–141.
[3] Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое Описание Санктпетербурга. С. 141.
[4] Военные выполняли следующие службы: строительные работы, посылки для получения денег, разведывательные операции для получения материалов. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 63–64.
[5] Там же, Л. 46, 175, 312–315об, 320, 395 и т.д.
[6] Там же, Л. 175, 195.
[7] Там же, Л. 113.
[8] Там же. Л. 70, 174, 194–195; Д. 380. Л. 58.

в городе отсутствовал, поэтому активно призывал своих столичных информантов (Бахмеотова, Голицына и Девиера) делиться сведениями о происходящем. По приезде Петр отправился осматривать все имевшиеся на тот момент комплексы постоялых дворов. Бахмеотов в четырех письмах от 4, 7, 18 марта и 4 апреля передавал Меншикову реакцию государя. Суть различных формулировок сводилась к тому, что «его величество оные домы похвалял, что очюнь де построены хорошо»[1]. Петр, согласно наблюдениям коменданта, осматривал строительные работы, уделяя внимание деталям, а не только внешнему виду. Например, его интересовали элементы повседневного быта постояльцев, которые в то время жили в домах[2]. Вместе с мнением монарха Яков Хрисанфович извещал князя о похвальных отзывах, полученных от Голицына[3]. Голицын и сам доносил Меншикову о царской инспекции. В первый раз, как сообщал сам генерал, он при осмотре государем постоялых дворов 4 марта не присутствовал «за некоторою своею нуждою» и узнал о реакции Петра из донесений Бамхеотова (тот «обявил, яко изволил оные милостиво хвалить»)[4]. 19 марта Голицын снова писал к Меншикову, уточняя, что правитель изволил при постоялых домах быть 3 марта и их хвалил, а при прочих работах не был[5].

Не полагаясь исключительно на Голицына и Бахмеотова, князь обращался к генерал-полицмейстеру Девиеру с просьбами сообщить своевременно о мнении государя относительно постоялых дворов (он отправлял практически идентичные письма ко всем троим и в одни числа[6]) тем более, что генерал-полицмейстер еще в 1722 г. по собственной инициативе делился впечатлениями о строительстве. Тогда Антон Мануилович передавал: «а что на прежней почте вашей светлости доносил, что здесь снег начался идти, но токмо оной после того вскоре пропал и не долго стоял, а ныне пока

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 143–163об.
[2] Там же, Л. 144.
[3] Там же, Л. 158.
[4] Там же, Д. 518. Л. 266об.
[5] Там же, Д. 518. Л. 274.
[6] Он передавал указ, чтобы дома к посещению государя содержать в чистоте. См.: Там же, Д. 191. Л. 66– 66об, 69, 93об–94об.

обстоят изрядные морозцы, и сего числа камендант господин Бахмеотов звал нас на новоселе в новопостроеныя по приказу вашей светлости домы, и тут я и Андреи Иванович Ушаков и протчия были и веселились и изрядно оныя зделаны»[1]. Об осмотре постоялых дворов Петром Девиер отзывался подобно Голицыну и Бахмеотову. 7 марта он отмечал, что Петр строение хвалил, дома ему понравились и, более того, государь поделился восторгом с Екатериной[2]. Поскольку письма доходили и отправлялись с небольшой задержкой, то 18 марта генерал-полицмейстер снова успокаивал князя, что «домами новопостроенными постоялыми зело Его величество веселился и весма ему нравны»[3].

Как указывал А.И. Богданов, построенные под руководством Бахмеотова постоялые дворы через несколько лет обветшали, и их было решено разобрать[4]. Однако это случилось не во время комендантства Якова Хрисанфовича. После того, как дома и прилежащая к ним инфраструктура были построены, коменданту полагалось следить за их содержанием в подобающем виде и иногда достраивать новые элементы[5]. 6 июня 1723 г. Бахмеотов доносил Меншикову, что сильным ветром разрушило сарай и заборы у новопостроенных постоялых дворов на Московской стороне[6]. Несколькими днями позже он объявлял, что к ремонтным работам приступили практически сразу же и исправляют поломки по возможности[7].

Построить постоялые дворы – это была только половина дела. Как оказалось, б*о*льшие трудности вызвала необходимость сдать дома внаем или отдать на откуп, поскольку какими бы качественными новые постоялые дворы не были, популярностью у населения они не пользовались. Поиском постояльцев и откупщиков, заключением с ними договоров и взиманием платы занимался Бахмеотов. Меншиков, находившийся в 1722–1723 гг. в

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 170об.
[2] Там же, Л. 241об.
[3] Там же, Л. 248–248об.
[4] Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое Описание Санктпетербурга. С. 141.
[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 182, 187–188, 409–410.
[6] Там же, Л. 182.
[7] Там же, Л. 187–187об.

Москве, посылал оттуда указания и связывал коменданта с другими государственными деятелями. Указы и ордеры относительно сдачи внаем постоялых домов выходили в Санкт-Петербурге благодаря деятельности Голицына и Девиера.

Стремясь принудить приезжих в Санкт-Петербург к пользованию постоялыми дворами, Меншиков в октябре 1722 г. указывал генерал-полицмейстеру Девиеру: «предлагаем вашей милости, когда постоялые хотя два или три дома в отделке будут, тогда немедленно изволте публиковать Его императорского величества указом[1], которые люди в домех своих имеют постои или отдают для приезжих всякого чину людей для своей прибыли в наймы, и те б люди впредь в домех своих постою не имели и в наймы не отдали, а кто пожалет иметь из найму постои и те б люди для найму оных постоялых дворов являлись генералу ковалеру его сиятелству князю Голицыну»[2]. Письма с тем же содержанием Меншиков отправил к Бахмеотову и Голицыну[3]. Причем первому из них он обещал, если тот приложит свой посильный труд, то будет награжден «Его императорского величества милостью», а последнему добавлял – на случай, если постояльцев в постоялые дома не будет, то «изволите приказать определить на оные постоялые дворы санкт-питербурхского гарнизона из обер афицеров доброго и провдивого человека при при нем ему несколько салдат и дать ему ордер, чтоб оной в те домы купецкие и протчие вского чину и иностранных людей, кои приезжают в Санкт-Питербурх за своими промыслами и нуждами пускал жить, коликое время кто похочет жить из наиму в щоту полажить, осведомясь протчем того, как в Санкт-Питербурхе до сего времяни бывало и оные домы велеть ему содержать о чистоте»[4]. Как показывают дальнейшие события, указы именем его императорского величества о постоялых домах из Полицмейстерской

[1] Генерал-полицмейстер имел подобное исключительное право публиковать и объявлять с барабанным боем царские указы.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 493.
[3] Там же, Л. 492, 505.
[4] Там же, Л. 492.

канцелярии были опубликованы[1]. Однако проблем это не решило – откупщиков и съемщиков жилья в домах находилось немного. В феврале Меншиков снова писал к Бахмеотову и Голицыну о необходимости подтверждения указа, запрещавшего жителям иметь в своих домах постой[2]. В сентябре 1723 г. просили подтвердить указ сами откупщики (боцман и купец), откупившие постоялые дворы на Петербургской и Московской сторонах[3].

О.Е. Кошелева в исследовании, посвященном повседневной жизни Санкт-Петербургского острова, отмечает еще одно событие, касающееся законотворческой деятельности по запрету частного найма жилья. Она приводит факт, что Петр в июле 1723 г. на корабле «Екатерина» по пути в Ревель подготовил указ, запрещавший частный найм жилья и принуждавший приезжих селиться в казенные постоялые дома[4]. Государь отослал его к генерал-полицмейстеру Девиеру, приказав объявить с барабанным боем. Девиер, понимая всю нецелесообразность указа, не стал объявлять его на улицах города, а обратился за помощью к П.И. Ягужинскому и И. Бибикову, которые направили письмо с разъяснениями к приближенным Петра П.А. Толстому и Ф.М. Апраксину. Последние убедили царя в невозможности и невыгодности единовременной отмены частного найма, подчеркивая, что построенных постоялых дворов просто-напросто будет недостаточно для приема всех приезжающих в город. В результате Петр объявление указа отменил и больше к этому вопросу не возвращался[5].

Стоит заметить, что изученные архивные материалы, относящиеся к деятельности Бахмеотова, Меншикова, Девиера и Толстого, позволяют уточнить сведения О.Е. Кошелевой. Есть все основания полагать, что идея

---

[1] 5 ноября 1722 г. Бахмеотов Меншикову писал: «и на оное нижаише доношу о наиме новопостроенных постоялых домов указами его императорского величества ис Канцелярии полицымейстерских дел публиковано; токмо еще мало для взятья их на откуп являютца, токмо надеюсь, что не без охотников будет». Голицын также отчитывался об указе. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 107; Д. 518. Л. 163.

[2] Там же, Д. 191. Л. 53об; Д. 379. Л. 137–138об; Д. 518. Л. 256.

[3] Там же, Д. 379. Л. 264.

[4] Стоит полагать, что этот же указ имел в виду Богданов, говоря о начале строительства постоялых дворов в 1723 г. См.: Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое Описание Санктпетербурга. С. 141.

[5] Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 138–140.

указа возникла не у Петра, который в дела Санкт-Петербурга погружался лишь время от времени, а у генерал-губернатора Меншикова, в чьих руках находились нити управления городом и который, надо полагать, был лучше осведомлен о реальных повседневных практиках. Князь, на наш взгляд, продвигая подобную законодательную меру (в начале в отсутствие государя через Полицмейстерскую канцелярию, затем – через самого монарха), действовал, исходя из представлений об экономической выгоде: постоялые дворы, на строительство которых были потрачены немалые суммы, должны были приносить казне доход или хотя бы окупить себя. Пока дома стояли без постояльцев и только ветшали, казна несла убытки. Другое дело, что подобный глобальный указ об полном отмене найма, как справедливо отмечал Девиер и поддерживающие его, мало соответствовал реальному положению дел. Весьма примечательно, что генерал-полицмейстер, в начале лояльно отнесшийся к начинаниям Меншикова и объявивший указ, в данном случае пошел против его начинаний, исходя из собственных представлений об общественном благе.

Постоялые дворы реализовывались двумя способами – сдавались внаем или отдавались на откуп. В первом случае постояльцы заселялись в дом, пользовались инфраструктурой (ходили в баню, оставляли лошадей в сарае и т.д.), при необходимости покупали сено и овес, а также другие предметы быта. За все предоставленные услуги с них взималась плата. Постояльцев в домах жило немного. Комендант в письмах и доношениях постоянно (особенно, в 1722 г.) жаловался генерал-губернатору на пустующие помещения[1]. Со временем ситуация немного улучшилась.

Параллельно постоялые дворы предлагалось взять на откуп. Сразу отметим, что желающих стать откупщиками можно было пересчитать на пальцах[2]. Имена их сохранились в доношениях коменданта, которые тот посылал к Голицыну, а Голицын пересказывал в письмах к Меншикову (см.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 107–108об, 113об–114, 116, 129.
[2] Там же, Л. 107, 113об–114, 116, 129, 411; Д. 518. Л. 199.

приложение № 3). В 1722 г. Меншиков указывал Голицыну отдать на откуп с торга на два года постоялые дворы и при них лавки, которые были построены с краю от Летнего дома государя. Для удобства откупщиков рядом с дворами необходимо было создать ледники и поварни, а также направить к откупщикам для охраны четырех человек солдат, как они ранее просили коменданта[1]. В январе 1723 г. князь вновь обращался к Бахмеотову и Голицыну по поводу готовых на тот момент постоялых домов, «кроме одного, которой построен к Летнему его императорского величества дому». Он предлагал их сдать на откуп только на один год, так как «по прошествии года можно ведать в колико лет оныя домы могут окупитца»[2]. По прошествии некоторого времени Меншиков просил дополнительно уведомить, за какую цену указанные постоялые дворы будут отданы на откуп[3]. Причем князь вместе с Голицыным ратовали за то, чтобы «постоялые домы отдавать в наем, усматривая которыя будут давать болше»[4].

Новый откупной срок (один год вместо двух) вызвал недовольство откупщиков[5]. Практически сразу же князю пришлось пойти на уступки. Он соглашался с Голицыным, отмечая, что если откупщики не берут постоялые дома на год, тогда сдавать им на два[6]. Тем не менее, как показывает дальнейшая переписка Бахмеотова – Меншикова, постоялые дворы в большинстве своем продолжали сдавать только на год. 22 мая 1723 г. Бахмеотов писал к Меншикову и передавал ему просьбу греческого купца Галаянова, желавшего взять на откуп постоялый дом на Петербургском острове на два года вместо одного[7]. Князь, заинтересованный в получении наибольшей выручки, с условиями согласился[8]. Подчеркнем, что откупщиками постоялых домов становились купцы, которым было выгодно

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 620–620об, 621; Д. 379. Л. 124–124об; Д. 518. Л. 196.
[2] Там же, Д. 191. Л. 20об, 21, 26.
[3] Там же, Л. 43, 47об; Д. 379 Л. 120–122об.
[4] Там же, Д. 518. Л. 248.
[5] Они просили изменить срок через Бахмеотова. См.: Там же, Д. 379. Л. 137; Д. 518. Л. 131–131об.
[6] Там же, Д. 191. Л. 53об.
[7] Там же, Д. 379. 169–169об; Д. 518. Л. 250–250об.
[8] Там же, Д. 191. Л. 175.

вести торговую деятельность, не отходя от дворов, в лавках, построенных комендантом специально для этих целей.

Средства, полученные с найма и откупов, подлежали строгому учету[1]. Правда, не все арендаторы жилья оказывались добросовестными: в 1724 г. Бахмеотов жаловался Меншикову на отставленного боцмана, который за указанный год денег не заплатил, а посланного к нему капрала побил[2]. Тем не менее есть основания полагать, что постоялые дворы приносили более-менее стабильный доход. Деньги со сдачи домов внаем и на откуп употреблялись на различные цели, например, на строительство ветреных мельниц[3]. Четвертая часть доходов вместе с посаженными деньгами и «хомутным сбором» царским указом от 13 декабря 1723 г. была отдана в распоряжение Полицмейстерской канцелярии[4].

Итак, анализ обстоятельств, связанных со строительством комплексов постоялых дворов на Петербургской и Московской сторонах Санкт-Петербурга в 1722–1723 гг., наглядно показал специфику, сложившихся между комендантом Бахмеотовым и генерал-губернатором Меншиковым связей. Комендант, являясь многофункциональным должностным лицом, в рамках своих служебных обязанностей выполнял «проекты», выходящие далеко за пределы вверенной ему фортификации. По мере своей деятельности ему приходилось взаимодействовать с другими государственными институтами, имевшими в городе свою сферу компетенции, и выстраивать с их руководителями социальные связи. Все нити управления так или иначе сходились к фигуре генерал-губернатора Меншикова, который осуществлял общее руководство строительством и благоустройством постоялых дворов (даже если он пребывал далеко за пределами Санкт-Петербурга). Он координировал действия разных инстанций, поддерживал между ними связь и выступал третейским судьей при решении конфликтных ситуаций. Бахмеотов

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 610; Д. 379 Л. 125–126об, 128–128об, 132–133об, 136–136об, 139–139об, 142; Д. 380. Л. 42–56, 60, 96, 320, 349, 376.
[2] Там же, Д. 380. Л. 112–113об, 123–123об.
[3] Там же. Д. 379. Л. 190.
[4] ПСЗ. Т. VII. С. 186–187.

был полностью подчинен Меншикову – о каждом своем действии он доносил генерал-губернатору, не мог принять без его указаний ни одного ключевого решения, в контактах с другими государственными деятелями надеялся на пособничество князя. При этом комендант был весьма талантливым и старательным исполнителем, который реализовывал все задумки генерал-губернатора на практике, не перечил и следовал наставлением. Надо полагать, именно своей исполнительностью и надежностью Бахмеотов заслужил доверие Меншикова, вручившего в его руки осуществление такого важного государственного проекта и положившегося на него во время своего отсутствия в Санкт-Петербурге.

Глава 2. Деловые и личные связи А.Д. Меншикова с генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга А.М. Девиером

2.1. Антон Мануилович Девиер (1682–1745 гг.): историография и источники

2.1.1. Обзор историографии

Португалец еврейского происхождения Антонио Мануель де Виера (António Manuel de Vieira), известный в российской истории как Антон Мануилович Девиер[1] (1682–1745 гг.), являет собой классический пример представителя «новой» политической элиты при Петре I. Согласно наиболее распространенной концепции, в 1697 г. в Амстердаме русский государь заметил Девиера, юнгу на голландском корабле, и забрал его в Россию, где португалец со временем стал царским денщиком, одним из первых генерал-адъютантов (вместе с П.И. Ягужинским, это звание специально создавалось под них), а в 1718 г. был назначен первым генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга.

Несмотря на успешную государственную карьеру Антона Мануиловича и его приближенность к царской семье, более-менее целостные биографические очерки о Девиере можно пересчитать на пальцах. Первый из них вышел в XVIII в. из-под пера секретаря саксонского посольства Г. фон Гельбига, написавшего на основе дворцовых слухов серию исторических очерков о государственных деятелях России XVIII в. («Русские избранники и случайные люди в XVIII в.»). В работе Гельбига впервые нашли отражение увлекательные факты из жизни Девиера, например, ныне популярный сюжет о женитьбе будущего генерал-полицмейстера на сестре князя А.Д. Меншикова Анне Даниловне[2]. Преимущественно на основе дворцовых легенд и записок иностранцев («Анекдоты о Петре Великом» Я. Штелина, Записки Г. Манштейна) был создан специальный очерк, посвященный Девиеру, в

[1] В историографии существует несколько вариантов написания фамилии Антона Мануиловича – Девиер, Дивиер, Девьер, Девиэр, Девиеэр и т.д.

[2] Русские избранники и случайные люди. Составил Георг фон-Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II, 1787–1796 // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 76–79.

«Словаре достопамятных людей» Н.И. Бантыш-Каменского[1]. Он также полон фактических ошибок. Несколько абзацев посвятили первому генерал-полицмейстеру авторы генеалогических сборников – П.Н. Петров в «Истории родов русского дворянства» и С. Васильевич в книге «Титулованные роды Российской империи»[2]. На ином качественном уровне в 1892 г. в «Историческом вестнике» биографию генерал-полицмейстера передал историк и многолетний издатель журнала С.Н. Шубинский[3]. В основе его исследования лежал комплекс историографических материалов, дневники очевидцев, законодательные источники и опубликованные письма Девиера к князю Меншикову. Минусом очерка Шубинского является отсутствие должной критики оценок коллег по цеху, сведений, взятых у современников событий. Частично переработав текст статьи, но не исправив его недостатков, Шубинский опубликовал очерк о Девиере в сборнике «Исторические очерки и рассказы» и в 1905 г. «Русском биографическом словаре»[4].

За последующие сто лет не было написано ни одной целостной биографии генерал-полицмейстера. Современные авторы также недалеко ушли от исследований Шубинского. Часть работ представляет собой обобщение историографических фактов без привлечения новых источников[5], часть – произведения жанра скорее историко-публицистического, нежели научного[6]. Более того, практически во всех исследованиях заметен значительный перевес интереса в сторону занимательных сюжетов из жизни

---

[1] Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 2. С. 190–193.

[2] Васильевич С. Титулованные роды Российской Империи. Том I. СПб., 1910. С. 99; Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб., 1885. С. 274–275.

[3] Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448.

[4] Дивиеры // Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 370–376; Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. Пятое издание исправленное и дополненное. СПб., 1908. С. 91–122.

[5] Девиер Антон Мануилович // Руководители Санкт-Петербурга. СПб., М., 2003. С.164–166; Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 13–22. Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел. 2017. № 2. С. 161–171.

[6] Как правило, такие работы строятся на компиляции. См.: Виноградов А.Г. Первый полицеймейстер. Антон Де Виер и создание полиции России. Екатеринбург, 2021. 970 с.; Бердников Л.И. Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. М., 2018. 384 с.; Синодальский Н.А. И смех, и слезы, и любовь… Евреи и Петербург: триста лет общей истории. М., СПб., 2014. 318 с. Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. Aix-enProvence, 2013. 109 p.

генерал-полицмейстера без достаточного системного анализа его государственной деятельности и связей внутри политической элиты. Наиболее примечательной из современных работ является книга «Антониу Мануэл де Виэйра при российском дворе XVIII столетия» филолога У.П. Ругла, специалиста по русско-португальским отношениям[1]. Биографический очерк о Девиере построен на дотошном анализе известных в историографии исследований и источников, в большей степени законодательных и дипломатических (донесений иностранных послов). Подобная работа позволила Руглу поставить под сомнения некоторые факты, приведенные Шубинским, которые до сих пор безоговорочно принимались отечественными исследователями. Например, он приводит не фигурировавшие нигде ранее свидетельства португальских подданых относительно обстоятельств знакомства Петра и Девиера: согласно письмам аббата Т. де Силва де Авелара и члена Академии наук К. Мартини царь привез Антонио Мануэля из Англии, где тот был бедным моряком (по наиболее распространенной версии утверждается, что они встретились в Амстердаме)[2].

Анализируя полные биографические очерки о Девиере, можно заметить еще одну закономерность – его жизненный путь до назначения на должность генерал-полицмейстера рассматривается наиболее схематично. Не известны детали португальского периода его жизни, обстоятельства поступления на русскую службу, этапы продвижения по карьерной лестнице до 1718 г. и развитие отношений с Петром. Изредка в исследованиях можно встретить упоминания о службе Девиера в армии во время военных действий Северной войны, ссылки на его миссии в Ревеле и Копенгагене в 1716 г. (строительство морского порта и сбор хлеба)[3]. Также встречаются отрывочные сведения о конфликте будущего генерал-полицмейстера с Н.А. Синявиным, случившемся

[1] Rougle W. António Manuel de Vieira na Corte Russa no Século XVIII. Lisboa, 1983. 119 p. (перевод: Ругль У.П. Антониу Мануэл де Виэйра при российском дворе XVIII столетия. М., 2003. 105 с.)

[2] Бесспорно, свидетельства иностранцев нуждаются в уточнении тем более, что они относятся к 1720-м гг. и неизвестно, от кого португальские поданные их получили. См.: Ругль У.П. Антониу Мануэл де Виэйра при российском дворе XVIII столетия. С. 13–14.

[3] Там же, С. 14–15; Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448.

в Копенгагене в 1716 г. Португальский историк и журналист Ж. Милхазес указывал, что Девиер, присутствовавший при плохом обращении Сенявина со своими моряками, счел нужным поставить в известность государя и получил за это внушительную порцию побоев[1].

Основным делом жизни Девиера по праву можно считать службу на должности генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга в 1718–1727 гг.[2]. Деятельность Полицмейстерской канцелярии (с учреждением в 1722 г. Московской полицмейстерской канцелярии – Главной полицмейстерской канцелярии) под его руководством рассматривается в историографии с двух сторон. К первому направлению относятся исследования, посвященные истории строительства Санкт-Петербурга и повседневной жизни его горожан. Авторами анализируются планы городской застройки, реконструируются мероприятия, проводимые властью по заселению и благоустройству территории, восстанавливаются детали строительных проектов и рассматриваются повседневные сюжеты первых городских обывателей[3]. Согласно такому исследовательскому вектору, деятельность Полицмейстерской канцелярии изучается в общем контексте процесса строительства и благоустройства Санкт-Петербурга XVIII в. Например, советский историк С.П. Луппов в своей монографии 1957 г., посвященной истории строительства Петербурга в первой четверти XVIII в., подробно

---

[1] Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. Aix-en-Provence, 2013. P. 27. О конфликте см.: Материалы для истории русского флота: Часть II. СПб., 1865. С. 66–67; 82–83.

[2] Он также исполнял обязанность генерал-полицмейстера в 1744–1745 гг. Но поскольку годы после 1727 г. выходят за рамки нашего исследования, историография, касающаяся деятельности Девиера в этот период, не будет проанализирована.

[3] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете…». СПб., 1999. 341 с.; Анисимов Е.В. Юный град. СПб., 2003. 366 с.; Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование. СПб., 2003. 309 с.; Базарова Т.А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. СПб., 2014. 212 с.; Божерянов И.Н. С-Петербург в Петрово время. СПб., 1903. 238 с.; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. 486 с.; Князьков С. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское общество при Петре Великом. СПб., 1914. 81 с.; Кукушкина В.В. Топонимика Санкт-Петербурга XVIII в. по планам города: (из фондов отдела картографии Рос. нац. б-ки). СПб., 2002. 291 с.; Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. 190 с.; Луппов С.П. Планы Петербурга первых лет существования города: По фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук М.; Л., 1959. Т. IV. С. 324–332; Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений – застройка и застройщики. М., 2013. 1000 с.; Очерки истории Ленинграда. Т. 1.: Период феодализма (1703–1861 гг.). М.–Л., 1955. 896 с.; Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884. 1110 с.

рассмотрел функции полиции по организации городского благоустройства – создание системы городского освещения, предотвращение пожаров, организация постоя и т.д.[1]. Наблюдения Луппова были дополнены О.Е. Кошелевой и О.Г. Агеевой, которые, подробно изучив фонд Сената, показали механизмы взаимодействия государства в лице Полицмейстерской канцелярии и общества[2]. При этом главной проблемой властей, как утверждает Агеева, было то, что имея грандиозные планы благоустройства, они совершенно не обладали опытом решения сложных административных задач и, следовательно, постоянно сталкивались с противодействием городского населения. Значительным преимуществом данной группы работ является широкая источниковая база, которая позволила историкам с разных сторон посмотреть на историю петровской столицы, осмыслить социальные и административные практики, характерные для регулярного города, сравнить планы Петра и их реализацию на практике. Однако функционирование Полицмейстерской канцелярии как самостоятельного государственного учреждения отражается авторами лишь фрагментарно, эпизодически отмечаются отдельные сюжеты, связанные с взаимодействием между генерал-полицмейстером и главами других государственных институтов (общегосударственного или местного значения).

Второе направление объединило работы историко-юридического характера, подвергающие анализу законодательные основы функционирования полиции в петровском Санкт-Петербурге[3]. В фокусе их

---

[1] Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л., 1957. 190 с.

[2] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете…». СПб., 1999. 341 с.; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. 486 с.

[3] С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903. 590 с.; Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 13–22; Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел, 2017. № 2 (81). С. 161–171; Михайлова Н.В., Феднева Л.Н. А.М. Девиер и законотворчество в сфере полицейского права: общее управление и надзор за градостроительством // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 28–30; Михайлова Н.В., Феднева Н.Л. А.М. Девиер у истоков (и законотворчество в сфере) полицейского права в России: обеспечение безопасности, охрана порядка и борьба с преступностью // Вестник экономической безопасности. 2018. №3. С. 8–11; Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-

внимания находятся законодательные источники, прежде всего, должностная инструкция, данная генерал-полицмейстеру, именные царские указы, постановления Сената и законодательные инициативы Девиера. Подробно разбирая правовые нормы, авторы стремятся обозначить сферу должностных полномочий полиции, реконструируют процесс формирования личного состава Канцелярии, хозяйственное обеспечение, порядок делопроизводства и судопроизводства. Бесспорно, для изучения функционирования Полицмейстерской канцелярии как государственного органа подобные исследования являются весьма ценными. Например, для своего времени весомый вклад в изучение истории Полицмейстерской канцелярии внесли И.П. Высоцкий, создавший первую историю столичной полиции с 1703 г. по 1903 г., и С.М. Сизиков[1]. Полезны наработки Д.О. Серова, касающиеся судебной функции полиции и ее места в судебной системе петровского времени[2]. Тем не менее большинство подобных работ обладает несколькими принципиальными недостатками: во-первых, часть авторов прибегает к откровенной компиляции и слепо доверяет историографическим наработкам[3]; во-вторых, историки права не затрагивают проблемы, связанные с реализацией положений законодательства на практике и, как следствие, не задаются вопросом о личном вкладе Девиера в процесс государственного строительства.

правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 5–39; Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96 и т.д.

[1]С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903. 590 с.; Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 5–39; Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96.

[2] Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 307–308.

[3] Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 13–22; Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел, 2017. № 2 (81). С. 161–171; Михайлова Н.В., Феднева Л.Н. А.М. Девиер и законотворчество в сфере полицейского права: общее управление и надзор за градостроительством // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 28–30; Михайлова Н.В., Феднева Н.Л. А.М. Девиер у истоков (и законотворчество в сфере) полицейского права в России: обеспечение безопасности, охрана порядка и борьба с преступностью // Вестник экономической безопасности. 2018. №3. С. 8–11.

Обращаясь к историографии, посвященной генерал-полицмейстеру Девиеру, стоит кратко остановиться на еще одном эпизоде его государственной службы, не связанном с функциями руководителя полицейской службы – секретной дипломатической миссии в Курляндии. Как известно, в 1726–1727 гг. Девиер был послан в Курляндию для урегулирования ситуации после якобы неудачных попыток Меншикова угрозами получить курляндский престол. Фактически, до сих пор единственным исследованием, с достаточной степенью подробности представившим курляндские события, является раздел «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, при написании которого историк опирался на материалы Кабинета и Коллегии иностранных дел[1]. Авторы более поздних работ практически полностью повторяют выводы Соловьева[2]. Отчасти в контексте польской дипломатии курляндские события рассмотрела польская исследовательница У. Косиньска, однако имя Девиера она не упоминает вовсе[3].

Таким образом, на данный момент в исторической науке существует обширное число исследований, рассматривающих отдельные аспекты истории петровской полиции и раннего Санкт-Петербурга. Они позволяют увидеть общий исторический контекст, составить впечатление о системе управление городом и основах функционирования полицейской службы. Однако личность Девиера, его вклад в государственное строительство, эффективность работы его ведомства в изученных нами исследованиях затерялись на фоне ярких сюжетов петербургской повседневности.

Говоря о деятельности Девиера, невозможно обойти вопрос о его взаимоотношениях с князем Меншиковым. Как правило, наличие каких-либо связей между двумя государственными деятелями в историографии

---

[1] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI–XX. СПб., 1851–1879. С. 981–992.

[2] Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448; Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. Aix-en-Provence, 2013. 109 p.; Rougle W. António Manuel de Vieira na Corte Russa no Século XVIII. Lisboa, 1983. 119 p.

[3] Kosińska U. Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728) // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: права, вайна, дыпламатыя. Мінск, 2012. S. 349–366.

обуславливается их родственными узами – генерал-полицмейстер был женат на младшей сестре князя Анне Даниловне. Согласно оценкам исследователей, в планы Меншикова подобный брак не входил, а свадьба состоялась после заступничества Петра, которому Меншиков никак не мог отказать[1]. Попытки найти истоки данного сюжета выводят к книге «Русские избранники» Г. фон Гельбига, упоминаемой нами ранее. Гельбиг, как известно, не был современником описанных событий, так как прибыл в Российскую империю в 1787 г., и записал обстоятельства женитьбы только с чьих-то слов. Несмотря на это именно из нежелательной свадьбы исследователи выводят характер отношений, сложившихся между Меншиковым и Девиером на годы вперед. Их связи характеризовались взаимной неприязнью[2], которая, по мнению П. Бушковича, опирающегося на донесения Г.-И. фон Кайзерлинга, осложнялась тем, что Девиер при неизвестных обстоятельствах «обратил внимание царя на некие, не означенные точно, злодеяния фаворита»[3].

Многолетней враждой с Меншиковым объясняют также и участие Девиера в судебно-следственном процессе 1727 г. (дело Девиера – Толстого), ставшем для него роковым – по приговору он был сослан в Сибирь, откуда возвращен лишь при Елизавете в 1743 г. Хотя первые научные работы, посвященные этим событиям последних дней правления Екатерины I, появились еще в XIX в., до сих пор среди исследователей нет единого мнения относительно того, как интерпретировать обстоятельства дела, кого и в чем признать виновным. Фактически в исторической литературе существует два основных подхода. С легкой руки Д.Н. Бантыш-Каменского ряд

---

[1] Девиер Антон Мануилович // Руководители Санкт-Петербурга. СПб., М., 2003. С. 164–166; Дивиеры // Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 370–376; Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 13–22; Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел. 2017. № 2. С. 161–171; Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448; Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. Aix-en-Provence, 2013. 109 p. и др.

[2] В противоречие с этим вступают редкие упоминания Девиера среди меншиковских корреспондентов, на основе которых представляется возможным предположить, что отношения генерал-губернатора и генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга были совсем не так однозначны. См.: Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. 3-е изд. М., 2016. С. 240–241.

[3] Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 293.

исследователей видит в деле Девиера – Толстого придворный заговор и даже нереализованный дворцовый переворот, направленный на смену системы престолонаследия и передачу императорской короны не наследнику мужского пола, а одной из дочерей Екатерины, Анне или Елизавете[1]. Так, классик советской и российской историографии Н.И. Павленко утверждал, что события 1727 г. представляли собой неудавшуюся попытку дворцового переворота, причем весьма наивную, поскольку «невозможно отрешиться от впечатления, что участники заговора только тем и занимались, что упорно убеждали друг друга в необходимости донести о своих опасениях императрице»[2]. Историк определял главным организатором заговора Девиера, который инициировал разговоры, привлекал к участию новых лиц и охотнее всех давал показания во время следствия (правда, на дыбе).

Другая группа историков не находит достаточных оснований говорить о каком-либо заговоре и смещает акцент или на личностные качества действующих лиц, подчеркивая политическую недальновидность обвиняемых – П.А. Толстого, А.М. Девиера, И.И. Бутурлина и др. – или на «злой гений» не принимавших непосредственное участие, но имевших свой собственный интерес А.Д. Меншикова, А.И. Остермана и Елизаветы Петровны[3]. Кроме того, многие из них отводят Девиеру далеко не первую роль «переговорах и обсуждениях» вопросов о престолонаследии и упрочении власти Меншикова. Например, С.М. Соловьев и С.Н. Шубинский выделяли деятельность Толстого, который пытался наиболее активно сплотить вокруг себя единомышленников, поскольку больше всех боялся расплаты за дело царевича Алексея. Девиер же, по мнению Соловьева, таким образом хотел получить

[1] Бантыш-Каменский вовсе утверждал, что заговор во главе с П.А. Толстым, А.М. Девиером, И.И. Бутурлиным и Г.Г. Скорняковым-Писаревым возник в 1726 г., когда они уговорили императрицу подписать указ об аресте А.Д. Меншикова по пути из Курляндии. Лишь благодаря вмешательству графа Г.-Ф. Бассевича этот план не реализовался. А Меншиков сразу после восшествия Петра II на престол решил отплатить той же монетой своим недругам. См.: Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 2. С. 221.

[2] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 332 с.

[3] Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. 496 с.; Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856. 94 с.; Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011. 258 с.; Курукин И.В. Екатерина I. М., 2016. 397 с.; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. 757 с.; Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М., 2014. 462 с.

место в Верховном тайном совете, а по мнению Шубинского – панически боялся Меншикова и был согласен на все[1].

Подводя итог анализу исторических работ, посвященных генерал-губернатору Девиеру, стоит сказать, что и государственная деятельность Девиера, и его отношения с князем Меншиковым имеют фрагментарное отражение в историографии. Чаще всего, о португальском соратнике Петра I вспоминают в контексте более общих проблем, касающихся повседневных практик Санкт-Петербурга XVIII в., процесса становления полицейской службы в России, борьбы за власть между различными политическими группировками после смерти Петра I. Суждения о первом генерал-полицмейстере в большинстве своем носят оценочный характер, который проистекает из существования множества мифологизированных штампов, нуждающихся в тщательной верификации. Отдельной проблемой является реконструкция деловых и личных связей, сложившихся между Девиером и Меншиковым в период их государственной деятельности, которую мы постарались рассмотреть в настоящей главе.

2.1.2. Обзор источников

Как уже отмечалось, в историографии достаточно давно (с труда Г. фон Гельбига «Русские избранники») укоренилось мнение об определенной специфике взаимоотношений, сложившихся между Девиером и Меншиковым. Их неодобрительное отношение друг к другу, сформировавшееся после конфликта на почве женитьбы Девиера на сестре князя Анне Даниловне, якобы полностью определило отсутствие контактов между ними. Соответственно, оценивая Девиера и Меншикова как давних врагов мы должны были либо наблюдать полное отсутствие исторических источников, отражающих контакты между ними, либо же находить документальные подтверждения взаимной озлобленности. Оставляя проверку последнего

[1] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. С. 1016; Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 412.

умозаключения для содержательного анализа имеющихся документов, в данном параграфе опровергнем факт отсутствия связей между князем и генерал-полицмейстером путем характеристики достаточно объемного комплекса источников, привлекаемых в рамках настоящего исследования.

В основе источниковой базы главы лежат *эпистолярные источники*, которые благодаря соединению в них деловой и личной информации позволяют одновременно реконструировать как деятельность Девиера на должности генерал-полицмейстера, так и его контакты с Меншиковым, занимавшим должность генерал-губернатора. Так, для характеристики должностной сферы Девиера был использован комплекс писем, посланных генерал-полицмейстером в течение 1718–1727 гг. в Кабинет, то есть к Петру I, Екатерине и кабинет-секретарю Макарову[1]. В целом контакты главы полицейской службы с государем, государыней и кабинет-секретарем по ряду обстоятельств были неизбежными, а значит, оставили документальный след. Девиер, напрямую подчиненный монарху, отчитывался о деятельности ведомства перед Петром во время его отсутствия в Санкт-Петербурге, а также передавал сведения обо всем происходящем в городе и о его семье. Получив руководство двором царевен Анны и Елизаветы, генерал-полицмейстер должен был вести переписку и с Екатериной, находившейся за пределами Санкт-Петербурга. Благодаря материалам фонда прослеживаются постоянные деловые связи Девиера с кабинет-секретарем Макаровым, поскольку Кабинет как самостоятельное государственное учреждение принимал непосредственное участие в благоустройстве Санкт-Петербурга и вынужден был сотрудничать с полицейским ведомством.

Анализ деловых и личных связей Девиера с Меншиковым строится на комплексах их взаимной корреспонденции[2]. Деловые и личные бумаги, посланные Меншиковым к Девиеру, отложились в фонде его личной

[1] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3–4.
[2] Стоит подчеркнуть, что ни Девиер, ни Меншиков самостоятельно письма не писали. Все сохранившиеся комплексы написаны канцеляристами.

канцелярии в РГАДА[1]. Однако они представляют собой не оригиналы писем, а копии, черновики, выжимки, отпуски с оригиналов, написанные, чаще всего, без соблюдения особенностей формы письма и с внушительными содержательными сокращениями. Число сохранившихся копий и отпусков значительно уступает тому количеству писем, которое потенциально могло существовать, и не всегда соотносится с имеющимися письмами от Девиера к Меншикову. Можно предположить, что писем, отправленных Меншиковым, было в разы больше – это доказывают упоминания о них в корреспонденции от генерал-полицмейстера. Поэтому данные комплексы стоит рассматривать с опорой на анализ входящей к Меншикову корреспонденции, которая в силу лучшей сохранности оригиналов оказывается более информативной.

Письма, отправленные Девиером к Меншикову, в силу условий формирования архивных фондов разбиты по двум архивохранилищам. Первая группа, относящаяся ко времени Северной войны[2], отложилась в фонде Походной канцелярии Меншикова в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – НИА СПбИИ РАН)[3]. Содержание этих единичных документов сводится к сообщениям о военных действиях, передвижениях и нуждах частей армии, в которых в то время находился Девиер. На основе имеющихся отрывочных сведений достаточно трудно говорить как о специфике деятельности Девиера на полях сражений, так и о каком-либо регулярном обмене корреспонденцией с Меншиковым.

Второй дошедший до нас комплекс писем Девиера к Меншикову сохранил документы, относящиеся к периоду с 1718 г. по 1727 г., то есть к времени, когда Девиер занимал должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. Компактно отложившиеся в «московской» части личной канцелярии князя в РГАДА, эти документы представляют собой

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 109, 110, 148, 181 и т.д.
[2] Примерно за период 1708 – середины 1710-х гг.
[3] НИА СПбИИ РАН. Ф. 83.

показательный пример регулярной на протяжении долгого времени переписки[1]. Частично архивный комплекс документов был опубликован еще в 1865 г. в 10–11 номерах «Русского архива»[2]. Однако в результате сличения публикации и архивного дела можно отметить, что большая часть писем не вошла в издание «Русского архива», а некоторые из опубликованных материалов переданы достаточно вольно – с купюрами и без сохранения структуры письма. Из 180 писем, найденных в РГАДА, только 65 были отобраны для издания в «Русском архиве». Более того, публикационная выборка оказалось неравномерной по годам: за 1720 г. опубликованы практически все письма (20 из 22 известных), а за 1722 г. – 11 из 67. Поэтому при анализе корреспонденции Девиера мы оставляем в приоритете архивный комплекс документов. Нельзя не подчеркнуть, что всю историю изучения государственной деятельности Девиера ни публикация, ни архивное дело, на основе которого она была сделана, системно не употреблялись для реконструкции взаимоотношений генерал-полицмейстера с Меншиковым.

Для уточнения сведений, полученных из корреспонденции Девиера-Меншикова, используются комплексы писем, авторами которых выступают руководители органов, так или иначе занятых в системе управления Санкт-Петербурга. В частности, общие сюжеты были обнаружены в хранящейся в РГАДА корреспонденции коменданта Санкт-Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотова, обер-коменданта Р.В. Брюса, обер-комиссара Канцелярии городовых дел У.А. Синявина, адмирала Ф.М. Апраксина, кабинет-секретаря А.В. Макарова и государыни Екатерины[3]. Кроме того, в РГАДА среди писем, отправленных от Петра I к различным государственным лицам, находится дело под названием «Переписка императора Петра Перваго с генерал-адьютантом графом Девиером 1713–1722 гг.». В его состав вошли письма царя

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557.
[2] Письма и выписки из писем с.-петербургского генерал-полицеймейстера Девиера к князю А.Д. Меншикову. 1719–1727 // Русский архив. 1865. № 7–12. Стб. 1233–1276.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378–380, 352, 737; Ф. 9. Отд. II. Оп. 3–4.

к генерал-полицмейстеру, содержавшие личные указы, в том числе и дополнения к инструкции.

Параллельно с материалами переписки в фондах РГАДА (в составе писем от Девиера в Кабинет и к князю Меншикову) находятся комплексы *делопроизводства* Полицмейстерской канцелярии: доношения и примыкающие к ним ведения, табели, реестры и прочие статистические документы. В данной главе они используются для характеристики государственной деятельности Девиера во время исполнения им обязанностей генерал-полицмейстера. Некоторые из них позволяют оценить – своим наличием или отсутствием – характер деловых связей между Девиером и Меншиковым, прояснить вопрос о подчиненности одного другому.

Делопроизводственные документы Полицмейстерской канцелярии в большинстве своем обнаруживаются среди фонда «Именных указов Петра I» (выборка для ПСЗ делалась из этого фонда), частично хранящегося в РГАДА за 1718–1725 гг., частично – в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) за 1726–1727 гг.[1]. Другая объемная часть сохранилась в фонде Сената, которому Канцелярия напрямую подчинялась[2]. В частности, среди сенатских книг находятся доношения и письма генерал-полицмейстера с отчетом о проделанной работе или с законодательными инициативами, связанными со сферой его компетенции; ордеры Сената и материалы заседаний, на которых рассматривались поставленные Девиером вопросы; решения Сената и т.д. Наиболее известным комплексом внутри делопроизводства Сената является группа документов, подробно проанализированная О.Г. Агеевой, посвященная выявлению нарушителей, которые не построились в столице, но начали каменное строительство в Москве (штрафники за московское строительство)[3].

[1] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20–26; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 22, 23.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 18. Д. 1206.
[3] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». СПб., 1999. 341 с.

Государственная деятельность Девиера и его деловые контакты с Меншиковым также прослеживаются по материалам делопроизводства других властных институтов, связанных с управлением столичным городом – Канцелярии городовых дел, Губернской канцелярии, Комендантской канцелярии, Кабинета – поскольку все эти органы находились в единой системе и вынуждены были сотрудничать друг с другом[1].

Комплексно (поскольку дело соединяет в себе источники разных видов) рассматриваются материалы *судебно-следственного* дела Девиера – Толстого, оставившего след в разных архивных фондах. Отдельные группы источников, входивших в дело, были опубликованы дважды: в приложении к книге К.И. Арсеньева «Царствование Екатерины I» и в монографии Н.И. Павленко «Петр II» из серии ЖЗЛ[2]. Однако архивные материалы, отложившиеся в РГАДА и состоящие из 5 частей, намного обширнее, чем то, что удалось опубликовать историкам[3]. Помимо чистовиков записи следствия, изданных Арсеньевым и Павленко, они включают в себя судебно-следственные черновики, перепись личных бумаг арестованных, указы, относящиеся к повседневной жизни арестованных после получения приговоров, письма Меншикова и многое другое. Кроме того, среди других архивных фондов находится несколько комплексов документов, напрямую касающихся изучаемых событий, но по каким-то причинам оставленных историками без внимания. Например, среди материалов личной канцелярии Меншикова имеются уникальные выписки из дел князя Меншикова, касающиеся взятых под караул П.А. Толстого, А.М. Девиера, Г.Г. Скорнякова-Писарева, И.И. Бутурлина, письма Анны Даниловны Девиер к брату, ведомости, связанные с конфискацией имущества обвиняемых и т.д.[4].

Наиболее известный и употребляемый в историографии вид источников составляют *законодательные акты*, а именно указы государя, касавшиеся

[1] РГАДА. Ф. 9, 26, 198; РГИА. Ф. 467.
[2] Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856. 94 с.; Павленко Н.И. Петр II. М., 2006. 400 с.
[3] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 159.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 242, 243.

сферы компетенции полицмейстерской службы – установки фонарей, норм для строительства домов, строительства дорог, мостов и каналов и т.д. Стоит отдельно остановиться на «Пунктах» (или инструкции), данных А.М. Девиеру в 25 мая 1718 г. при устройстве должности генерал-полицмейстера (указ 27 мая) и Полицмейстерской канцелярии[1]. Этот источник содержит основные сведения о функциях петровской полиции, однако на этом круг деятельности генерал-полицмейстера не ограничивался. Как показывают исследования, идея о создании специального органа, призванного следить за порядком и благоустройством, возникла в уме Петра I не одномоментно. В течение 1710-х – 1720-х гг. на основе европейского (прежде всего шведского) опыта разрабатывались проекты реформ, в которых говорилось о роли полиции в «регулярном» государстве. Например, один из таких проектов вышел из-под пера барона фон Любераса[2]. Параллельно в системе управления Россией XVII – начала XVIII вв. существовали специальные должностные лица, временно выполнявшие полицейские функции. Соответственно, инструкция генерал-полицмейстеру стала результатом соединения элементов западноевропейского и российского опыта. В последствии положения «Пунктов» дополнялись с учетом реальных повседневных задач, входивших в сферу компетенции по мере функционирования полицейского ведомства.

Указы Петра, относящиеся к деятельности Полицейской канцелярии, отложились в нескольких источниковых комплексах. Во-первых, избранные законодательные акты были опубликованы в XIX в. в составе Полного собрания законов Российской Империи (ПСЗ), а также среди «Бумаг императора Петра I», изданных А. Бычковым[3]. В 2020 г. свет увидела хрестоматия, посвященная истории полиции в Российской Империи. Среди документов, представленных в книге, находится несколько указов времени полицмейстерства Девиера[4] (все они ранее были изданы в ПСЗ). Во-вторых,

[1] ПСЗ. Т. VI. С. 297.
[2] Люберас предполагал создание Полицмейстерской коллегии и разработал ее регламент. См.: Проекты барона фон Любераса (1710–1720-е гг.) / сост. и науч. ред. А. Мустафин. М., 2020.
[3] Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. 565 с.; ПСЗ. Т. V–VI. СПб., 1830.
[4] История полиции России в XVIII–XIX веках: хрестоматия. Т. 1. М., 2020. 464 с.

копии царских указов сохранились среди комплексов делопроизводства Полицмейстерской канцелярии[1]. В целом все обозначенные выше законодательные источники необходимы для того, чтобы очертить сферу компетенции генерал-полицмейстера Девиера, показать эволюцию его функций, а также поставить вопрос о его месте в иерархии государственных органов

Подходя к завершению анализа источниковой базы, положенной в основу данной главы, стоит сказать о нескольких комплексах *нарративных источников*. Прежде всего, для констатации факта наличия деловых и личных контактов между Меншиковым и Девиером привлекались «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова», которые представляют собой ежедневную запись времяпрепровождения князя на протяжении 1716–1720, 1726–1727 гг. Имя Девиера встречается в тексте «Повседневных записок» с заметной регулярностью (за исключением 1720 г.) как участника деловых разговоров, приемов пищи, развлечений, общих поездок к Петру и визитов. Соответственно, «Повседневные записки» наравне с эпистолярным наследием Девиера-Меншикова ставят под сомнение тезис о непреодолимой личной неприязни двух государственных деятелей и, бесспорно, опровергают мнение об отсутствии между ними личных контактов[2]. В дополнение к «Повседневным запискам» использовались Походные журналы Петра I, в которых отразились отдельные сюжеты, связанные с пребыванием государя в Санкт-Петербурге[3].

В качестве наглядных иллюстраций государственной деятельности Девиера и Меншикова могут рассматриваться выдержки из *записок современников*. Труды петровских соратников на поприще строительства и благоустройства Санкт-Петербурга и его окрестностей детально отражены в дневнике голштинского камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, воспоминаниях Ф.-Х.

[1] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20–26; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 22, 23.
[2] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. 646 с.
[3] Например, Походный журнал 1720 года. СПб., 1855. 51 с.; Походный журнал 1723 года. СПб., 1855. 41 с.

Вебера, П.Г. Брюса, анонимного члена польского посольства мазовецкого воеводы Ст. Хоментовского, участника свиты бобруйского старосты Я.-К. Сапеги, О. де ла Мотрэ. Обстоятельства дела «Девиера-Толстого» стали предметом размышлений Х.-Г. Манштейна, французского полномочного министра Ж. де Кампредона, французского агента Маньяна и австрийского посла А. де Рабутина[1].

Таким образом, доминантой источниковой базы настоящей главы, посвященной изучению деловых и личных отношений князя Меншикова и генерал-полицмейстера Девиера, является входящая и исходящая корреспонденция, сведения которой дополняются материалами иных источниковых комплексов (законодательных, делопроизводственных источников, материалов, описывающих повседневность жизни князя Меншикова, дневников и записок современников и т.д.). Кроме того, все эти источники в равной мере являются незаменимыми – в отсутствии самостоятельного фонда делопроизводства Полицмейстерской канцелярии – для характеристики деятельности Полицмейстерской канцелярии на протяжении 1718–1727 гг. и роли генерал-полицмейстера в ней. Привлеченные нами материалы ставят под сомнение тезис об отсутствии каких-либо контактов между Девиером и Меншиковым и их враждебном отношении друг к другу, поскольку уже своим наличием отражают плотное взаимодействие между государственными деятелями в поисках решения насущных проблем столичного управления.

[1] Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. 284 с.; Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. 864 с.; Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца // Русская старина. 1879. Т. 25. Июнь. С. 263–290; Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. М., 2013. 544 с.; Сборник Русского исторического общества. Т. 3, 15, 61. СПб., 1868–1888; Юность державы. М., 2000. 514 с. и др.

2.2. Деятельность А.М. Девиера как генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга

25 мая 1718 г. Петр I подписал именной указ, согласно которому в Санкт-Петербурге для «лучших порядков» вводилась должность генерал-полицмейстера. 27 мая был принят еще один указ, назначавший на этот государственный пост царского генерал-адъютанта А.М. Девиера[1]. Первому санкт-петербургскому генерал-полицмейстеру поручалось «добрую полицию учредить» и всячески ее поддерживать, поскольку она – «всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности»[2]. Под началом Девиера образовывалась Полицмейстерская канцелярия, целью которой было обеспечение эффективного управления населением, поддержание безопасности и благополучия.[3] Полицмейстерская канцелярия мыслилась монархом как общегосударственный институт. Петр планировал, опробовав деятельность полиции на столице, перенести новый для России государственный орган в другие крупные города. В последствие в 1723 г. в Москве была создана Московская полицмейстерская канцелярия, подчинившаяся Главной полицмейстерской канцелярии в Санкт-Петербурге.

В системе управления Санкт-Петербургом в 1718 г. Полицмейстерская канцелярия стала одним из тех немногих государственных институтов, чья власть распространилась на всю городскую территорию. Подобной привилегией до этого времени пользовалась только Канцелярия городовых дел (с 1723 г. – Канцелярия от строений), учрежденная в 1703 г.[4]. Как убедительно показывают исследователи, другие органы местной власти были так или иначе локально ограничены: под непосредственным руководством генерал-

---

[1] Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 372.
[2] ПСЗ. Т. VI. С. 297.
[3] Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2(47). С. 331–333.
[4] Традиционно в качестве даты образования Городовой канцелярии называют 1706 г. См.: Анисимов Е.В. Юный град. С. 84.; Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 18. Однако Е.А. Андреева показала, что Канцелярия была учреждена в 1703 г. для строительства и восстановления каменных крепостей Ингерманландской губернии. В 1706 г. ее основная задача изменилась – Городовая канцелярия стала руководить каменным строительством Санкт-Петербурга. См.: Андреева Е.А. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах – 2005. С. 22.

губернатора А.Д. Меншикова находилась по преимуществу правая сторона Невы – Городовой (Санкт-Петербургский) остров, Васильевский остров и прилегающие территории; левая сторона Невы с Адмиралтейским островом и Московской стороной первоначально не считалась городом и управлялась Адмиралтейством во главе с Ф.М. Апраксиным. «Полиция» на каждой из обозначенных частей до 1718 г. ведалась обособленно[1]. Соответственно, указ об учреждении Полицмейстерской канцелярии ознаменовал распространение «полицейских» функций на всю городскую территорию под единым началом. Более того, генерал-полицмейстер получил право оглашать царские указы, касающиеся всего города (ранее функция объявления указов населению относилась к полномочиям генерал-губернатора Меншикова)[2].

Введение нового для системы управления государственного института – до этого в городах «полицейские» функции выполняли существующие, неспециализированные органы власти (Адмиралтейство, Канцелярия городовых дел, Губернская канцелярия, Санкт-Петербургская гарнизонная канцелярия) или специально созданные временные команды[3] – требовало четкого обозначения его сферы компетенции. Первоначальные функции генерал-полицмейстера были определены в указе 25 мая 1718 г., который носил название «Пункты, данные С. Петербургскому генерал-полицимейстеру 1718 г., майя, 25». Согласно должностной инструкции в функционал Девиера и подчиненной ему Полицмейстерской канцелярии входило следующее: он должен был контролировать строительство домов и застройку улиц, а также домовых печей, камелей и труб; укреплять берега рек и притоков; содержать улицы, переулки и придомовые территории в чистоте; следить за торговлей продуктами, за их качеством и ценой; противодействовать пожарам; и, наконец, обеспечивать порядок в городе, прекращать ссоры и драки, искоренять подозрительные места, шинки, игорные дома, притоны,

[1] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете…». С. 137–140.
[2] Такие указы в большом количестве обнаруживаются в ПСЗ. См.: ПСЗ. Т. V. С. 581, 584, 592, 597, 601 и т.д.
[3] Агеева О.Г. Чиновники-полицейские Петербурга 1711- 1718 гг. (до создания полиции) // Петровское время в лицах – 2004. С. 3–7.

арестовывать и допрашивать гулящих, подозрительных людей[1]. Со временем происходило уточнение функционала полиции и разведение сферы ее компетенции с другими государственными органами[2]. В общих чертах генерал-губернатор и подчиненная ему Полицмейстерская канцелярия действовали в двух направлениях – строительство и благоустройство городской территории; обеспечение общественного порядка и безопасности.

На протяжении первой половины XVIII в. строительство и благоустройство городской территории являлись определяющими процессами в истории Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург мыслился Петром I как пример регулярного, европейски ориентированного города. Согласно Агеевой, «град Петров должен был превратиться в символ новой, просвещенной в ходе реформ России, создать “славу” стране в Европе»[3]. В ходе осуществления этой задачи с 1703 г. разрабатывалось несколько архитектурных проектов для Адмиралтейской и Московской сторон. Однако там уже существовала стихийная застройка, которую в какой-то момент было легче оставить, чем сломать полностью. Поэтому было принято решение построить регулярный город в другом месте. Первоначально взгляд государя упал на о. Котлин, но географическое расположение острова делало его слишком уязвимым в военное время. В середине 1710-х гг. Петр решил создать образец регулярного города на Васильевском острове, где застройки, кроме дворца генерал-губернатора Меншикова, практически не было[4]. Проекты планов василеостровской застройки были разработаны в 1716–1717 гг. архитекторами Д. Трезини и Ж.Б. Леблоном.

Параллельно предполагалось принудительное переселение на остров представителей шляхетства и купечества – практика характерная для

---

[1] ПСЗ. Т. V. С. 569–571.
[2] Там же, С. 581, 584, 592, 597, 601, 619, 668; Т. VI. С. 120, 125, 127, 160 и т.д.
[3] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 61.
[4] Подробнее о застройке Васильевского острова См.: Агеева О.Г. История домов У Сенявина и А. Волкова на Васильевском острове (до их передачи Сухопутному Шляхетному корпусу) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 47. Петровское время в лицах – 2009. СПб., 2008. С. 5–17; Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений – застройка и застройщики. М., 2013. 1000 с.

заселения Санкт-Петербурга в целом[1]. В 1719 г. Петр издал указ, содержащий конкретные указания к строительству (размер участка, тип дома, местонахождение в городе) и вводивший имущественный ценз, по которому определялись лица, попадавшие под василеостровское строение: для дворян необходимо было владеть 40 дворами, для купцов – нести 40 руб. тягла[2]. Подобный ценз явно не соответствовал финансовым возможностям населения, даже самой обеспеченной его части, и вызывал массу недовольства. Поэтому со временем ценз облегчили, принудив к строительству из дворянства только тех, кто имел более 100 дворов, а купцам и вовсе предложив переселиться «вольно»[3]. Еще больше возмущения вызывал указ строиться на Васильевском острове тем, кто уже имел дома на Адмиралтейской стороне и Санкт-Петербургском острове. Даже те, кто с точки зрения законодателя имели достаточно средств для строительства и дальнейшего содержания дома в Санкт-Петербурге, попросту избегали или откладывали этот не желаемый процесс.

В силу сложившихся обстоятельств учреждение полицейского органа власти оказалось, как никогда, кстати. Полицмейстерской канцелярии предписывалось вести учет и надзор за всеми лицами, которые уже построились, начали строиться или упорно не делали этого. Девиер регулярно собирал сведения о ходе строительства на Васильевском острове, составлял списки нарушителей, следил за этапами строительства, используемыми материалами, соответствием построек нормам регулярности[4]. По указу Петра ему следовало применять к ослушавшимся силу и вводить штрафное строительство. Так, генерал-полицмейстер получил указ: «усмотрили мы в присланном к нам от архитекта Дрезина Василевскому острову чертеже, что на оном многия, кому определено строить каменное и деревянное строение еще и не зачали, а указ учинен о таких, что деревни у них отписывать за то

[1] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 121–122.
[2] ПСЗ. Т. V. С. 665–666.
[3] Там же, С. 680–681, 691.
[4] Там же, С. 649; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 149–149об, 156об, 225–225об; Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–10об и т.д.

ослушание, но сей штраф, хотя им и тяжек, однако в строении успеху не будет. Того для дали мы указ в Сенат, чтоб у них деревень описывать не велели, а вместо того велели б тех всех, кому определено строитца на Василевском острову и которыя уже и места взяли, а не зачали стротца, выслать в Санкт-Питербурх со всеми их фамилиями за караулом к вам. И когда такия к вам присланы будут, то на местах их из их же иждивения велите зделать по одной черной избе, и в тех велите им жить со всеми их фамилиями и слугами. В других бы домах они не жили, пока построят по указу»[1].

Кроме того, Девиер принимал непосредственное участие в разбирательствах по делу о московском строительстве (началось в 1719 г.). Суть обвинений заключалась в том, что некоторые из дворян и купцов, вопреки указу царя строить каменные дома в Санкт-Петербурге и только в нем, начали возводить каменные постройки в Москве. В качестве наказания им полагалось построить в столице «штрафные» дома, планы которых были разработаны Трезини. Девиер вел учет штрафников, должен был следить за процессом выполнения приговора и темпами строительства[2]. Несмотря на все старания генерал-полицмейстера и строгость формулировок царских указов, деятельность полиции по принудительному строительству на Васильевском острове имели относительную эффективность: строительство шло, однако многие как откладывали возведение дорогостоящих каменных домов, так и продолжали откладывать, изобретая новые «веские» причины, а полиция, в свою очередь, не обладала достаточными ресурсами к принуждению.

Территорией Васильевского острова область контроля генерал-полицмейстера и подчиненной ему Полицмейстерской канцелярии не ограничивались. На Городовом острове, Адмиралтейской и Московской сторонах, аналогично, главной задачей было следовать принципу регулярности: «також бы никакое строение за линию, или из линии строилось,

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Отд. I. Д. 33. Л. 396–397об.
[2] По указу 1714 г. запрещалось строить каменные дома по всей стране, кроме Санкт-Петербурга. См.: Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 132–135. РГАДА. Ф. 248. Оп. 18. Кн. 1206.

но чтоб улицы и переулки были ровны и изрядны»[1]. Девиер в разное время сообщал государю о ломке построенных не по плану домов[2]; о количестве дворов на определенной территории[3]; о числе сооружений, отписанных на имя царя у «строившихся за указом»[4]; о переносе здания на другое место[5]; о строительстве домов для бедных[6]; а также о материалах, которые необходимо было бы употребить для отделки[7]. Помимо сбора статистических данных о строительстве, Девиер занимался распределением свободных земельных участков между желающими иметь дом в городе. В частности, в июне 1721 г. к генерал-полицмейстеру обращался А.В. Макаров с просьбой дать инструкцию относительно строительства его тестя, совместно ли с братом Макарова или с Синявиным. Решив, что тестю кабинет-секретаря было бы «пристойнее» строиться вместе с Синявиным, Девиер передал Макарову образцовую челобитную на его имя[8].

Детальная регламентация строительства (точные нормы строительства, системное распределение участков, требования строить каменные дома) была вызвана не только эстетическими представлениями государя о европейски ориентированном городе, но и реальными практическими соображениями. Наиболее актуальной проблемой для городов того времени являлись пожары, которые регулярно наносили ущерб городскому благоустройству[9]. В рамках мероприятий по борьбе с пожарами генерал-полицмейстеру предписывалось проверять, чтобы «печи, комели и печные трубы были б по указу», и «по всякую четверть года, у жителей осматривать печи, комели, в поварнях очаги, бани и прочее, где огонь водится, и предстерегать дабы недосмотрением хозяйским какова бедства от пожару не учинилось»[10]. Девиер следил и за

[1] ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. С. 570.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 22; Д. 46. Л. 31–39; Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 1260–1270об.
[3] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 40. Л. 854–857; Д. 46. Л. 40–99.
[4] Там же, Д. 40. Л. 842–844; Оп. 4. Отд. II. Д. 66. Л. 881–882об.
[5] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 46. Л. 25–25об.
[6] Там же, Д. 40. Л. 831об; Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 1259–1259об.
[7] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 1297–1298; Д. 63. Л. 1336–1337.
[8] Там же, Д. 54. Л. 1294об–1296об.
[9] О пожарах в Санкт-Петербурге подробнее См.: Базарова Т.А. Создание “Парадиза”: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. СПб., 2014. С. 133–156.
[10] ПСЗ. Т. V. С. 570.

реализацией противопожарных мер в строительстве. В 1723 г. он жаловался Макарову на купца Барсукова, который постоянно докучал ему просьбами строиться на Петербургском острове между постоялым двором и старым дворцом несмотря на то, что «порозжаго места явилось тринатцать сажень с половиною, и ежели они то построят, опасаюсь я, от того пожарного случая чтоб тому дворцу вреды не учинилось, понеже к такому строению место имеетца тесно»[1]. В функционал генерал-полицмейстера входила организация и снабжение необходимым снаряжением специальных пожарных бригад, сформированных из гарнизонных подразделений и петербургского населения[2].

Из тех же соображений генерал-полицмейстеру поручалось следить за чистотой и благоустройством улиц. Чистоту следовало поддерживать на всей территории города – на улицах, переулках, рынках, рядах и мостах. По инструкции полиции полагалось «каждому жителю дать указ, дабы всяк пред своим двором имел чистоту, и сор чистили, и возили на указное место, а наипаче надлежит хранить, дабы отнюдь на реку зимою не возили, а летом не бросали, также протоки и каналы сором не засыпали, под жестоким штрафом»[3]. Стоит сказать, что поддержание чистоты, как и многие другие мероприятия, проводившиеся под надзором полиции, ложились тяжким бременем на плечи горожан, которым за несоблюдение регламентаций грозил «жестокий штраф». Например, именным указом 3 сентября 1718 г., объявленным из Полицмейстерской канцелярии, указывалось: «а ежели кто против своего двора и в прочих местах, где надлежит, чистоты иметь не будет, а надзиратель той улицы, офицер или урядник по утру то усмотрит, против чьих дворов не будет чисто: и за то на тех же жителях взят будет штраф, с двороваго его места, коликое число будет в ширину его сажень, с каждой

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 63. Л. 1330–1330об.
[2] Решение привлечь население для тушения и противодействия пожарам было принято задолго до учреждения Полицмейстерской канцелярии и было вызвано нехваткой полицейских кадров. По инструкции 1716 г. каждые 100 дворов выставляли по 70 человек (30 – с топорами, 20 – с ведрами, 10 – с двумя лестницами, 10 – с вилами и крюком) и по 5 караульщиков, дежуривших посменно. Еще 30 человек дежурило при своих домах. См.: Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 147–149.
[3] ПСЗ. Т. V. С. 570.

сажени по две денги; к тому же о сваях и о фашинах еще подтверждаем, чтоб сваи били и фашины клали землею, кому надлежит...»[1]. Еще раз подчеркнем, что в таких случаях генерал-полицмейстер и полицейские команды отвечали исключительно за соблюдение законодательно обозначенных норм, а не их практическую реализацию, которую должны были осуществлять за свой счет петербургские жители, каждый на своем земельном участке.

Другой вариант реализации задумок по благоустройству общественных пространств предполагал мероприятия, осуществляемые за счет средств, собранные с петербургских обывателей. На деньги горожан Девиер занимался установкой по территории Санкт-Петербурга фонарей для ночного освещения. Он контролировал процесс создания, закупки, установки фонарей и поддержания их в соответствующем качестве. Образцовый масляный фонарь был изготовлен в 1720 г. и установлен около Зимнего дома Петра. Затем подобные фонари появились на Петербургском острове возле государственных учреждений, на Адмиралтейском и Васильевском островах[2]. Для их создания требовались фонарные стекла, которые, согласно мнению Девиера, можно было сделать только на ямбургских заводах генерал-губернатора Меншикова: «чистой стекляной материи, кроме тех ямбургских заводов, здесь нигде не обретаетца»[3]. Поэтому генерал-полицмейстер 9 сентября 1721 г. просил князя приказать в течение осени на заводах стекло лить и полировать для заготовки 595 фонарей и при возможности взять меньшей ценой на счет Полицмейстерской канцелярии[4]. В 1723 г. Петр (не без инициативы Девиера) ввел особый налог на содержание в чистоте улиц и установку фонарей[5].

Параллельно контролю за соблюдением регламентаций генерал-полицмейстер руководил строительными проектами на территории города (созданием Мытного и Прядильного дворов, Морского рынка и пр.). Девиеру

[1] ПСЗ. Т. V. С. 587.
[2] Анисимов Е.В. Юный град. С. 346.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 100.
[4] Там же, Л. 100–101.
[5] Анисимов Е.В. Юный град. С. 346–347.

приходилось самостоятельно нанимать подрядчиков, находить нужные материалы, контролировать все этапы строительства[1]. Как правило, строительные работы производились за счет Кабинета (или же кабинет-секретарь Макаров указывал брать средства из других государственных институтов), поскольку в самой Полицмейстерской канцелярии средств на подобные расходы не имелось[2]. Так, на протяжении 1719 г. Девиер занимался созданием нового Мытного двора. В феврале он посылал к Макарову для утверждения государем чертеж здания с описанием того, сколько лавок и на каком этаже будет поставлено[3]. Генерал-полицмейстер сообщал, что по царскому указу для проведения строительных работ найден был подрядчик, голландец, шлюзной мастер Фанармус, который брал за работу дешевле всех. В приложении к этому он посылал роспись с ценой за необходимые материалы и работы, просил Макарова донести Петру, утвердить чертеж и выдать хотя бы половину требуемой суммы, «а прочие усмотря по делу давать»[4]. После завершения строительных работ кабинет-секретарь по указу монарха обращался к Девиеру для того, чтобы отвести некоторые из лавок Двора под продажу необходимых материалов[5].

Как показывают материалы Кабинета, больше половины денежных средств (17900 р.) на строительство Мытного двора было взято из Соляной конторы[6]. В 1720 г. Макаров и Девиер пытались окончательно закрыть все финансовые вопросы. Генерал-полицмейстеру следовало передать Мытный двор в ведение Камер-коллегии, которая в свою очередь должна была вернуть

---

[1] Стоит отметить, что появление в арсенале генерал-полицмейстера задачи организации строительных подрядов во многом связано с отменой в 1718 г. практики строительства по разнарядке, признанной неэффективной и убыточной.

[2] Полицмейстерская канцелярия, как известно, имела определенный собственный доход. Но за счет него было невозможно покрыть строительные расходы. Как правило, осуществляя те или иные строительные проекты, компании по благоустройству общественных пространств, генерал-полицмейстер обращался к другим государственным институтам для покупки материалов и оплаты работ. В иных случаях Девиер требовал вернуть израсходованные средства на счет Полицмейстерской канцелярии. Чаще всего, Кабинет восполнял расходы Канцелярии или перенаправлял в другой государственный институт: «а на оное… 1000 рублей взять на щет Кабинета или откуда поволит». См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 1271об.

[3] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 40. Л. 852.

[4] Там же, Л. 851–853б.

[5] Там же, Д. 46. Л. 11–11об.

[6] Соляная кантора довольно часто выступала источником средств для строительства в Санкт-Петербурге. Она находилась в ведении Кабинета.

все потраченные на возведение Двора деньги в Полицмейстерскую канцелярию. Служащие Канцелярии, получив средства, обязывались передать их обратно в Соляную контору, оставив в своем распоряжении ровно столько, сколько было потрачено на строительство канала (его строительство шло параллельно)[1].

Наравне с пожарами насущной проблемой Санкт-Петербурга были наводнения[2], поэтому при строительстве и проектировании города большое внимание уделялось сооружению каналов, прудов, мостов, поддержанию в должном виде берегов рек[3]. Хотя в инструкции Девиеру говорилось лишь о необходимом надзоре, на практике генерал-полицмейстеру вверялись комплексные мероприятия по устройству, ремонту и очистке водных объектов[4]. Одним из таких значительных проектов было обустройство Новой Голландии. В 1718–1719 гг. Полицмейстерская канцелярия занималась созданием пруда, канала и моста через канал в Новой Голландии. Все операции происходили под контролем государя и кабинет-секретаря, а средства на строительство поступали из кабинетного счета. В начале в 1718 г. Девиер отчитывался лично перед Петром, что подрядил команду «делать в Новой Галандии пруд в отделку с уступком, как на чертеже показано, за 1700 рублев, кроме бревен и досток, и выливания воды и того ради, как о том ваше величество соизволишь, и ежели надлежит ныне делать, изволте приказать денги выдать, чтоб время не упустить, а подрядился делать тот подрядчик, которои подрядился делать канал в Адмиралтействе»[5]. Он также подробно излагал план работ, размеры пруда и передавал планы подрядчика побыстрее

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 59. Л. 1049–1049об.
[2] О наводнениях в Санкт-Петербурге См.: Беспятых Б.Н. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013. 408 с.; Каратыгин П.П. Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб., 1889. 87 с.; Пекарский П.Н. Петербургская старина // Современник, 1860. С. 318–319.
[3] ПСЗ. Т. V. С. 570.
[4] Относительно строительство моста, сделанного через канал, проведенного из Головинского сала в Мойку, против Новой Голландии, имеется излюбленный в историографии анекдот, записанный Штелиным. Петр побил Девиера палкой, поскольку мост был испорченным и несколько досок с него были разметаны. См.: Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1. М., 1830. С. 102–103.
[5] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 16.

начать процесс, поскольку позже негде будет найти работников или они будут стоить значительно дороже[1].

После того, как все необходимые работы по созданию пруда были окончены, начались работы по благоустройству канала близ Новой Голландии[2]. Девиер для выполнения подобной ответственной миссии (каналы в Санкт-Петербурге часто вымывались и засорялись, так что от качества строительных работ зависело многое) нанял подрядчика С. Крюкова. Он отправлял Макарову – Кабинет выступал в качестве финансиста этого проекта – подробную роспись расходов на строительство. Также на приписанное к письму кабинет-секретаря замечание государя, чтоб деньги «выдать только смотреть, чтоб взяв деньги, не истратил подрядчик, не доделав своего дела», генерал-полицмейстер отвечал: «хотя мы по договору и обещали выдать напред половину, токмо и ныне еще и та половина денег не выдана, хотя подрятчику и не бес противности, ибо мы, смотря по работе, выдаем и в том остановки нет, а о выдаче другой половины мы требовали указу для того, ежели его величества к нам возвращения не будет вскоре, чтоб в том не было остановки»[3]. В следующем 1720 г. Девиеру было поручено построить подъемный мост через канал, который делался от Адмиралтейства к Новой Голландии[4].

Полицмейстерская канцелярия регулярно проводила чистки рек и берегов от мусора, отходов, строительных материалов и прочих загрязнений[5]. Стоит отметить, что каналы и реки могли находиться в ведении других государственных институтов, например Канцелярии городовых дел, а затем передаваться Канцелярии для проведения чистки. Так, по промемории из Полицмейстерской канцелярии в январе 1722 г. относительно сделанных каналов указывалось: один по Московской стороне по Литейной улице,

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 17.
[2] Там же, Д. 40. Л. 829, 841.
[3] Там же, Л. 831–831об.
[4] Там же, Д. 46. Л. 30-30об. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 23.
[5] Например, о чистке р. Мьи (современная р. Мойка) см.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 46. Л. 15; Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 1271–1271об., 1273–1273об., 1279об., 1295., 1301; Д. 59. Л. 1054.

следующий к церкви Симеона Богоприимца, передать в смотрение из Канцелярии городовых дел в Полицмейстерскую канцелярию, а второй из партикулярной верфи в р. Неву оставить в ведении первой. Полиции, кроме того, с 1721 г. полагалось следить за местом пришвартования кораблей, поскольку «в речках и каналах и по протоком суды и лес, и дрова, и протчие материалы заставливают и привязывают токмо за один конец, и для того другой конец, ходя по воде на свободности, во время погоды и прибытия воды поперег становитца и проезд перегораживает, а иные и за своею леностию не у берегов, но по средине становятца в речках в каналах и в протоках, и многие числа в домы свои материалов не выгружают, от чего и проход проезжим людем затесняют»[1].

На плечах Девиера как генерал-полицмейстера лежала обязанность разведывать марциальные воды вблизи Санкт-Петербурга. Причем если все предыдущие функции так или иначе были связаны с пунктами его инструкции 1718 г., то эта задача появилась по мере функционирования Полицмейстерской канцелярии. Важность ее определялась убежденностью Петра в полезности марциальных вод для здоровья и его стремлением находить новые, все более эффективные места. В декабре 1721 г. Девиер сообщал Петру о недавно обнаруженных марциальных водах, которые по свидетельству доктора были намного лучше известных в Переведенской слободе против адмиралтейского госпиталя[2]. Спустя три месяца тестирования вод населением, царю было послано свидетельствование доктора и реестр лиц, вылечившихся после их использования[3]. Однако к концу 1722 г. неожиданно выяснилось, что в феврале «проба чинена как наискоряе, чтоб о том известием не умедлить, и тогда де вода была не очень свежа, ибо ненасные дни тогда были и оттеплеи»[4], поэтому пришлось взять новую и написать новое заключение[5].

---

[1] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. Л. 65–66.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 1304–1304об.
[3] Там же, Д. 59. Л. 1050–1050об.
[4] Там же, Л. 1125об, 1127.
[5] Там же, Д. 63. Л. 1314.

Ко второму направлению деятельности генерал-полицмейстера в Санкт-Петербурге можно отнести мероприятия, направленные на поддержание общественного порядка и безопасности. В историографии оценки этого направления сформировались под значительным влиянием концепции «полицейского государства» как государства тотального контроля за населением[1]. В рамках такого подхода полиция рассматривается как инструмент всестороннего надзора за жизнью людей и обеспечения регламентаций всех сторон общественного развития, а генерал-полицмейстер как главный движущий элемент. Поэтому под функционалом Девиера подразумевается всесторонний контроль за «каждым человеком, находящимся в Петербурге: кто он, где проживает и на каком основании», борьбу с реальными и потенциальными угрозами, способными подорвать «регулярность» и «добрый порядок», воспрепятствовать созданию города-парадиза[2]. Наиболее яркой иллюстрацией подобного отношения к генерал-полицмейстеру является цитата из дневника голштинского камер-юнкера Ф.В. Берхгольца относительно характера генерал-полицмейстера: «строгий и быстрый в исполнении царских приказаний, он внушает здешней черни и вообще всем обывателям города такой страх, что они дрожат при одном его имени»[3].

Согласно «Пунктам», полученным генерал-полицмейстером, в поле зрения Девиера попадал широкий круг лиц – от вельмож, входящих в ближайшее окружение царя, до маргинальных элементов. Прежде всего, генерал-полицмейстер вел учет фактического пребывания людей в городе: держать под контролем количество представителей дворянства и купечества,

---

[1] О концепции полицейского государства См.: Дин. М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 241–256; Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761. М., 2020. С. 72; Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме //Американская русистика. Императорский период. Самара, 2000. С. 48–79; Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2(47). С. 328–340.

[2] Подобная миссия полиции декларировалась законодателем в «Пунктах», данных генерал-полицмейстеру, а также в регламенте Главному магистрату. Также см.: Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2.

[3] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 112.

поселившихся в городе, позволял надзор за строительной деятельностью. Параллельно со сбором информации о создании домов как материальных объектов, Девиер устанавливал фамилии тех, кому они принадлежали[1]. Статистические данные, как правило, генерал-полицмейстер отправлял в качестве ведомостей в Кабинет или Сенат, указывая, кто и где живет, столько слуг и «подлых людей» имеет и т.д. Пребывание в городе отслеживалось и во время въезда/отъезда из Санкт-Петербурга, так как для свободного проезда требовалось запросить в Полицмейстерской канцелярии пропуск[2]. Получение данных о наиболее влиятельных и родовитых представителях элиты Девиеру облегчало то, что он сам входил в число близких ко двору людей – в отсутствии царской четы в столице генерал-полицмейстер руководил двором их дочерей Анны и Елизаветы. Соответственно, Антон Мануилович имел реальную возможность собственными глазами наблюдать прибытие важных государственных персон ко двору или их отъезд для выполнения определенных миссий.

К компетенции генерал-полицмейстера, как отмечают исследователи, относилась организация особого вида увеселительных мероприятий – ассамблей (эта функция так же отсутствовала в первоначальной инструкции[3]). Значение таких неформальных встреч для русской культуры петровского правления определялось желанием Петра создать в высшем обществе светский досуг и привить европейские нормы поведения. Ассамблеи организовывались как при дворе (в доме государя и его семьи), так и в частных домах царских вельмож или иностранных послов. За происходящим на ассамблеях, соблюдением регламента, безопасностью и количеством пришедших гостей

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 1259–1271; Д. 71. Л. 969–970.

[2] Например, среди делопроизводства Полицмейстерской канцелярии мы находим следующий документ: «1721 марта в 9 день Ея величество всемилостивейшая государыня царица и великая княгиня Екатерина Алексеевна указала своего величества указом вышеписанному просителю князю Андрею Прозоровскому от Санкт-Питербурха немедленно по прошению его с людми ево дать для свободного до Москвы проезду пропуск. А. Девиеэр». См.: РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. С. 56об.

[3] Указ об учреждении ассамблей 25 декабря 1718 г. вышел от имени генерал-полицеймейстера А.М. Девиера и был им оглашен.

устанавливался полицейский надзор[1]. Согласно мнению американского историка П. Кинана, решение доверить генерал-полицмейстеру учреждение ассамблей вносило элемент надзора в эти неофициальные собрания, поскольку «каждый дом, где предполагалось устроить ассамблею, тщательно проверялся полицией заранее, чтобы установить, отвечает ли он соответствующим требованиям, и, как не раз случалось на собраниях в обществе в петровские времена, участников “приглашали” остаться подольше вооруженные гвардейцы»[2]. Действительно, ассамблеи были достаточно новы для российского общества, поэтому без принуждения не обходилось, например, полиция взимала штрафы с тех, кто приглашение на ассамблею проигнорировал[3]. Однако контроль Полицмейстерской канцелярии трудно назвать тотальным. Кроме ассамблей, Девиер и подчиненные ему команды участвовали в проведении массовых общественных мероприятий, празднеств, въездов и выездов важных государственных особ. При этом силовую функцию на подобных увеселениях играла не полиция, чьих кадров объективно не хватало, а гарнизонные полки или армия, Девиеру не подчинявшиеся.

Полиция контролировала тех, кто прибывал в город или уезжал из него. Всем владельцам недвижимости в Санкт-Петербурге, согласно инструкции генерал-полицмейстеру 1718 г., необходимо было доносить о любом человеке, приехавшем или уехавшем от них[4]. Подселяться в дома петербуржцев разрешалось только тем, кто имел специальное разрешение, а хозяину необходимо было оформить в Полицмейстерской канцелярии «жилую запись» с поручительством[5]. В особенности учитывались передвижения различных мастеровых и работных людей, число которых постоянно изменялось в связи с окончанием одних строительных проектов и началом других. Занятых в

[1] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. С. 496; РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 66. Л. 872–872об.
[2] Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761. М., 2020. С. 51.
[3] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.
[4] ПСЗ. Т. V. С. 571.
[5] Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2; Семенова Л.Н. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). Труды ЛОИИ. Вып. 8. Л., 1967. С. 136–137.

строительстве Полицмейстерская канцелярия контролировала в союзе с Канцелярией городовых дел, которой данные категории лиц подчинялись (обер-комиссар Канцелярии городовых дел У.А. Синявин занимался наймом и увольнением рабочих и мастеров, их учетом выдачей им жалования, распределения по квартирам и пр.)[1].

Армейские и гвардейские части, прибывшие в Санкт-Петербург, были подставлены под контроль, благодаря организации постоя. Хотя первоначально в инструкции Девиеру эта функция не обозначалась, именно он заботился о равномерном распределении квартирантов по домам городских жителей[2]. Постойная повинность являлась тяжким бременем для населения[3]. Девиер распределял прибывшие части по домам/квартирам, принимал жалобы и просьбы освободить от постойной повинности, тяготившей местных жителей, разрешал конфликты, вызванные неподобающим поведением временных сожителей и ссорами между ними. Например, в 1720 г. Девиер искал достойное место для постоя «большому мужику Николаю Буржуа» и отмечал: «в доме Арескина поставить нельзя для того, что продан торговому иноземцу Элмсалю по Его царского величества имянному указу, а в доме Ивана Михайловича стоят Ея величества государыни царицы золотыри и портной мастер, и покоев порожжих нет, и для того и тут поставить не можно»[4]. Нередко при распределении постоя происходили сбои – место назначалось одному человеку, но уже было занято. На этой почве возник конфликт между гвардии капралом Г. Бесчастным и полковником Фолголмом, которые были поставлены на один опальный двор иноземца Я. Брислинга, отписанный ранее на имя его величества из акцизной конторы. Фролголм по данному ему ранее указу занял все покои и не пускал Бесчастного в положенную ему, но уже по другому указу, квартиру[5].

---

[1] Семенова Л.Н. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). Труды ЛОИИ. Вып. 8. Л., 1967. С. 126–167.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 9–9об, 154–154об; Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. Л. 110 и т.д.
[3] Одной из целей учета населения было распределение постойной повинности, наиболее актуальной в режиме военного времени (1700–1721 гг.).
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 46. Л. 14.
[5] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 66. Л. 861–861об.

Контролю полиции подлежали иностранцы. Въезжая в город, они были обязаны явиться в Полицмейстерскую канцелярию и получить паспорт, а выезжая – сделать отметку об этом[1]. Правда, нередко происходили казусы, когда генерал-полицмейстеру было неизвестно о нахождении того или иного лица. Так, в марте 1724 г. Макаров письмом просил Девиера отправить без промедления в Москву Л. Ильина (Армянина)[2], который якобы содержится в канцелярии[3]. Поскольку Ильин в канцелярии не объявился, Девиер учинил розыск и 4 апреля сообщал: «о отправлении Луки Арменина сим извествую, что он сыскан и сказывал, что и откуды он об отъезде в Москву пашпорта не имел и не был одержан, но затем он здесь медлил в разных коллегиях для торговых своих нужд и хотел скоро ехать по указу, и мы ево на будущей недели толка отправим с половины; а прежде сказал, что нельзя, понеже справлетца с своим торгом»[4]. 13 апреля Ильин был отправлен на почтовых в Москву[5].

Знатные иностранцы, направлявшиеся в Санкт-Петербург для выполнения дипломатических миссий, также находились в поле зрения генерал-полицмейстера. Девиер, как уже упоминалось, был погружен в придворную жизнь, поэтому сам участвовал в церемониях, проводившихся по поводу приезда того или иного посланника. Роль генерал-полицмейстера в организации встречи герцога Голштинского подробно описал Ф.В. Берхгольц. Он отмечал, что 27 июня 1721 г. Девиер принимал герцога в Ямской слободе от имени царе. Генерал-полицмейстер находился там вместе с многочисленной свитой: «перед одной из лучших карет царицы, в шесть красивых лошадей, в которых сидел Его Высочество вместе с обер-полицмейстером[6], ехали унтер-офицер с восемью драгунами и четыре конюха,

[1] Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2.
[2] Должно быть, имеется в виду Лука Ильин (армянин, купец), который, к слову, сотрудничал с Коллегией иностранных дел и переводил для нее документы с армянского языка. См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Том II. Часть II. Ереван, 1967. С. 30–31.
[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 66. Л. 865.
[4] Там же, Л. 866
[5] Там же, Л. 869.
[6] Берхгольц ошибочно называет такой вариант должности Девиера.

по два в ряд; потом следовала эта карета, при которой спереди стояли два пажа царицы, а на запятках – шесть лакеев; около дверец, с правой стороны, ехал верхом царский кавалер, а с левой Его Высочество подал знак ехать мне»[1]. Девиер под залп пушек сопроводил Голштинского герцога и его кортеж до назначенного ему «вполне меблированного» дома и откланялся[2]. Помимо дома для герцога, генерал-полицмейстер осматривал и назначал квартиры для членов голштинской свиты[3]. Как показывают источники, с подобным же размахом Девиер занимался организацией приема польского посла Ст. Хоментовского и шведского посланника Г. Середкрейца[4].

Один только учет населения в городе, которое к тому же постоянно увеличивалось и сменялось, не позволял полностью обеспечить общественный порядок. Согласно инструкции, генерал-полицмейстер и подчиненная ему Полицмейстерская канцелярия должны были бороться с реальными и потенциальными угрозами общественному порядку. Таким образом под контроль полиции попадали наиболее подозрительные категории граждан – воры, гулящие женщины, пьяницы, лица, содержавшие нелегальные шинки или находящиеся на каторжной работе. Прежде всего, полиции поручалось подозрительных личностей выявлять и отлавливать[5]. Для этих целей предпринималось несколько мер. По всей территории города устанавливались «шлахбаумы» (рогатки), а к ним определялись специальные команды, состоящие из выбранных из местного населения и военных[6]. Как отмечает Агеева, гражданских караульщиков постоянно не хватало: «в начале 1720-х годов на улицах города выставлялся 171 караул, на которые выходило по очереди 342 человека караульщиков (тогда как требовалось 1200 сторожей

[1] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. С. 90.
[2] Там же, С. 91. Девиер также сообщал о своих контактах с герцогом Голштинским в письме Меншикову (правда только в 1723 г.): «его высочество герцок Голштинский вчерас в четвертом часу по полуночи прибыл благополучно из города и 21 пушки честь отдали». См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 251об.
[3] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. С. 111.
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 59. Л. 1065–1065об, 1068, 1072, 1073–1073об., 1079, 1081об.
[5] ПСЗ. Т. V. С. 571.
[6] О данном указе Девиер писал к обер-комиссару Канцелярии городовых Черкасскому с просьбами о способствовании. См.: РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–3. Там же о «рогатках» см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 18. Д. 1206. Л. 342–373.

– *М.Н.*)»[1]. Военные распределялись по согласованию с петербургским комендантом Я.Х. Бахмеотовым. Для обеспечения безопасности и наведения ночного порядка вводился комендантский час, обусловленный законами военного времени. Жителям, которым все-таки разрешалось выйти на улицу[2], предписывалось в случае поздней прогулки иметь с собой фонари[3]. Стоит подчеркнуть, что проблемы функционирования караульных команд заключались не только в нехватке караульщиков, но и в малой эффективности службы неквалифицированных и обремененных подобной обязанностью горожан[4].

Поскольку угрозы общественному порядку могли дислоцироваться не только на улице, но и в подозрительных домах, на рынках и торговых рядах, то в полномочия Девиера входил контроль за торговой и питейной деятельностью в Санкт-Петербурге, а также за соблюдением норм мер и весов. Полиции поручалось досматривать, подавать изветы и явки на дома, в которых были шинки, зернь, картежная игра и другие похабства[5]. В подобные места регулярно отправлялись полицейские рейды, целью которых было выловить незаконных держателей шинков, участников пьянок и драк. Под контролем Полицмейстерской канцелярии находилась торговая деятельность (не зря генерал-полицмейстер строил здания рынков). В пункте 5 инструкции объявлялось: «так ж опасно хранить надлежит в рядах и местах, а наипаче где столовые харчи продаются, дабы отнюдь нездороваго какого съестнаго харчу не продавали, а паче вредителнаго чего, но все б держали здоровое, еще ж сметреть и зранить с прилежанием, дабы была мера и весы прямые, також бы

---

[1] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 147.

[2] Е.В. Анисимов об этом пишет: «В 1720 г. полиции и стражникам предписывалось в неуказные часы никого без фонарей не пропускать, кроме знатных персон и при них служителей, також бабок прививальных, но и у тех бы были фонари, которых пропускать без задержания, но и междо теми присматривать же, не будет ли кто другие под тем видом приходить, паче же ис подлых". Из "подлых" – простолюдинов – разрешалось с фонарем пропускать "за крайней нуждой" только по одному человеку…». См.: Анисимов Е.В. Юный град. С. 349.

[3] Там же, С. 348–349.

[4] Например, Девиер в 1724 г. просил Меншикова учинить указ по делу о гренадерах, которые отбили арестованного иноземца у караульщиков. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 358–384. Также о подобных случаях см.: Семенова Л.Н. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. // Внутренняя политика царизма (середина XVI-начало XX в.). Труды ЛОИИ. Вып. 8. Л., 1967. С. 134–135.

[5] ПЗС. Т. V. С. 570.

и цену не в указную пору таким товарам не возвышали и не поднимали»[1]. Кроме того, следуя указам государя, генерал-полицмейстер осуществлял надзор за входившими в город кораблями с товарами, различными строительными материалами, купленными для царской семьи вещами, напитками и деликатесами[2]. Так, 16 августа 1719 г. Девиер извещал кабинет-секретаря Макарова: «еще ни едино емаркитанское судно с камнем не бывало, того ради мое мнение полагаю, когда в свободное время вы изволили доложить царскому величеству, когда будет отъежать к Санктпитербурху галеры и протчия мелкия суда, чтоб вместо баласту камня понесколку сажень повелено было класть, ибо оное может учинитца без великова труда, а нам в деле немалое будет споможение»[3]. В особых случаях Девиер регулировал отношения между исполнителями (перевозчиками) и государственными институтами (заказчиками), прося у кабинет-секретаря указ[4].

В 1721 г. Полицмейстерская канцелярия получила судебные полномочия[5]. В резолюции на доклад Сената к сфере компетенции полиции были отнесены дела об убийствах, кражах, грабежах и разбоях, участники которых задерживались на месте преступления[6]. На практике потребность проводить самостоятельное расследование ряда правонарушений и выносить приговор, возникла задолго до законодательного оформления судебных полномочий канцелярии. Начиная с 1718 г. А.М. Девиер отписывал в Кабинет об арестованных мелких преступниках. Как правило, полицейские команды нарушителей задерживали, допрашивали и наказывали (били кнутом и взимали штрафы)[7]. Затем через посредничество кабинет-секретаря Макарова виновных в правонарушениях отправляли на работы в петербургские

[1] ПСЗ. Т. V. С. 579
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 59. Л. 1056об, 1064, 1077, 1083; Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. Л. 114–133.
[3] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 40. Л. 828.
[4] Там же, Д. 46. Л. 12–12об.
[5] В пункте 7 Инструкции генерал-полицмейстеру обозначено: «Когда на рынках или улицах случаются какия драки, и таких людей имать и отсылать к их надлежащему суду с их допросами и делом». См.: ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. С. 570. Также см.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 307–308.
[6] Законодательство Петра I. С. 631–633.
[7] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 40. Л. 821–822об, 825–825об; Д. 46. Л. 5–6, 23.

мануфактуры до покрытия назначенного полицией штрафа[1]. Тех из нарушителей, которые занимали какую-либо должность или находились под ведомством иных государственных институтов, могли, определив соответствующее наказание, отослать для дальнейшего разбирательства к месту службы[2].

Девиер принимал участие в проведении более значительных судебно-следственных дел, нежели разбирательства с блудными женщинами, пьяницами и ворами. Например, в 1722 г. полиции надлежало отписать на имя государя дворы и пожитки арестованного обер-фискала А.Я. Нестерова. Дело осложнялось еще и тем, что при описи писем Нестерова была найдена отписка «о великой важности и протчих делах»[3]. Отписку Девиер для лучшего хранения удержал у себя, отправив Петру I и в Прокурорскую канцелярию лишь копии. В декабре того же года Девиер сообщал Екатерине о пойманном за непристойные речи конюхе Тяпкине, который в ходе следствия «во всем дерзновенном своем речении винился», и прилагал при письме краткую выписку с дела[4]. В результате 21-ого числа указ о судьбе Тяпкина от государыни был получен, и надлежащее наказание учинено[5].

В конце необходимо отметить, что на Девиера ложились обязанности по организации деятельности самой Полицмейстерской канцелярии. Генерал-полицмейстер определял направления работы своего ведомства, получая от царя указы, взаимодействуя с главами других органов власти и посылая в канцелярию указания, которые следовало взять ко исполнению. В качестве наиболее заметных помощников Девиера, исполнявших исходившие от него повеления и связывавшие генерал-губернатора с основным полицейским штатом, фигурируют имена майора Рыкунова, капитана Ушакова и капитана Улыбышева. Их автографы нередко можно встретить на

[1] Отработанные денежные средства возвращались в Полицмейстерскую канцелярию.
[2] Подобным образом Девиер поступил с крестьянином князя Прозоровского, отданного учиться на каменщика и подконтрольного Канцелярии городовых дел. См.: РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 53.
[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 59. Л. 1123–1123об.
[4] Там же, Л. 1120–1122.
[5] Там же, Л. 1133.

делопроизводственных документах Полицмейстерской канцелярии. Весь основной штат полиции можно разделить на две большие группы – канцелярских служащих и полицейские команды. Первые занимались непосредственно делопроизводством, вторые – осуществляли контроль за соблюдением регламентаций в городе. Как уже говорилось ранее, полицейские команды формировались за счет служащих петербургского гарнизона, к которым приставлялись выборные из населения. Девиер, принимая под свое командование гарнизонных солдат и офицеров, пытался обеспечить их достойное вознаграждение[1]. Так, 7 июня 1718 г. был издан Сенатский указ, провозглашавший: «унтер-офицерам и рядовым солдатам, которые определены быть в Канцелярии у Полицеймейстера Господина Девиера, жалованья, провиант и соль по указу давать им помесячно с гарнизонными равно»[2]. В целом проблема хозяйственного обеспечения Полицмейстерской канцелярии оставалась камнем преткновения для Девиера равно, как и катастрофическая нехватка полицейских кадров.

Подводя итог изучению деятельности Девиера как генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга в 1718–1727 гг., стоит сказать, что основу его полномочий составляли Пункты, данные ему Петром I перед вступлением на должность. По мере функционирования Полицмейстерской канцелярии и накопления управленческого опыта, эти полномочия уточнялись, дополнялись и видоизменялись. Полиция во главе с генерал-полицмейстером, как и другие органы власти в петровском Санкт-Петербурге, должна была эффективно реагировать на новые вызовы, появлявшиеся в столице параллельно с развертыванием ее строительства и благоустройства. Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга имел достаточно широкий функционал, относившийся к соблюдению царских регламентаций, осуществлению строительства и

[1] Об этом и проблемах, с которыми сталкивался Девиер см.: Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2; С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903. С. 22–23; Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 5–39; Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96.
[2] ПСЗ. Т. V. Л. 580.

благоустройства общественных пространств. Он выполнял контролирующие (силовые) функции, вел учет материальным объектом города, собирал необходимые сведения, самостоятельно реализовывал строительные проекты.

Деятельность Девиера по обеспечению общественного порядка и безопасности также сводилась к нескольким функциям: учету населения, постоянно или временно проживающего в Санкт-Петербурге; контролю за общественными местами и общественным порядком; организации увеселительных мероприятий; суду и следствию. При этом, как показывают многие из приведенных примеров, тотальный полицейский контроль над всем и вся, приписываемый некоторыми исследователями петровской полиции, на практике вряд ли был реализуем. В строящейся столице, где состав и численность населения менялись изо дня в день, это было просто невозможно. Еще одной причиной невозможности полного подчинения населения полиции являлось отсутствие у ведомства Девиера достаточных человеческих и материальных ресурсов. Генерал-полицмейстер неизменно был неразрывно связан с другими государственными институтами, занятыми в благоустройстве города, поскольку сферы их компетенции пересекались, а для принятия наиболее подходящего управленческого решения требовалось взаимодействие, сплочение возможностей и ресурсов.

2.3. Деловые связи А.М. Девиера и А.Д. Меншикова

Деловые отношения Меншикова и Девиера, о которых мы имеем основания судить, были по преимуществу обусловлены их взаимным статусом в системе управления Санкт-Петербургом. Обоим – Меншикову как генерал-губернатору и Девиеру как генерал-полицмейстеру – приходилось выстраивать связи друг с другом, поскольку от эффективности взаимодействия и умения найти компромиссные решения зависел успех управления столицей. При этом до назначения Девиера в 1718 г. генерал-полицмейстером Александр Данилович и Антон Мануилович поддерживали

деловые контакты, правда весьма ситуативно. Г. фон Гельбиг утверждал, что социальные связи Девиера с Меншиковым зародились еще на рубеже XVII–XVIII вв., когда «замечательные способности, редкая всюду находчивость и аккуратность в выполнении даваемых приказаний обратили на Девиера прежде всего внимание Меншикова, который взял его к себе из офицеров уже преображенскаго полка – в адъютанты»[1]. К сожалению, подтверждения слов секретаря саксонского посольства в других комплексах источников нам обнаружить не удалось. А первые известные письма, посланные от Девиера к Меншикову и наоборот, относятся к годам военных действий Северной войны. Их содержание в общих чертах сводится к сообщениям о передвижениях и нуждах частей армии, в которых в то время находился Девиер[2].

В системе управления столицей почва для взаимодействия Девиера и Меншикова прослеживается с большей ясностью. Как генерал-губернатор Меншиков подчинялся Сенату и государю. Согласно регламентации документооборота отчитываться о предпринятых действиях и получать указания Александр Данилович должен был прежде всего в Сенате, однако Меншиков, как и многие другие руководители губерний, предпочитал отправлять доношения и решать вопросы напрямую с Петром I через Кабинет. Внутри Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии генерал-губернатор был тем должностным лицом, к которому сходились все нити управления, в том числе и ее центром. На законодательном уровне абсолютное доминирование власти генерал-губернатора в городе не было оговорено, однако на практике без его ведома не проходило ни одно важное событие, не принималось ни одно ключевое решение[3]. Во многом это определялось личным влиянием царского фаворита, его близостью к монарху и наличием устойчивых социальных связей. Меншиков стремился держать петербургские

[1] Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 1–76.
[2] Письма Девиера-Меншикова до 1718 г. обнаруживается среди архивных хранилищ в единичном варианте. На их основе невозможно судить о специфике отношения государственных деятелей. См.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2693, 2695, 2697, 2699, 3160, 3363, 3391, 3454, 3530.
[3] Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете». С. 135; Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 156.

дела под контролем даже тогда, когда сам отсутствовал в городе. Часть городских органов власти ему непосредственно подчинялась (вице-губернатор и Губернская канцелярия, комендант и обер-комендант), а часть – должна была координировать действия и выстраивать деловые связи (Адмиралтейство, Канцелярия городовых дел, Полицмейстерская канцелярия).

На законодательном уровне подчиненность генерал-полицмейстера генерал-губернатору закреплена не была. В «Пунктах», данных Девиеру в 1718 г. относительно разграничений функций Полицмейстерской канцелярии и других учреждений инструкции ничего не оговаривалось. Инструкция в принципе не давала четкого определения того, какое место должен был занять генерал-полицмейстер среди столичных органов власти и, соответственно, в них не указывалось, как его деятельность должна была координироваться с полномочиями генерал-губернатора.

Об исполнении своих должностных обязанностей генерал-полицмейстеру следовало доносить или лично государю через Кабинет, или в Сенат. Среди материалов Кабинета сохранился достаточно объемный комплекс писем и доношений, поступивших от Девиера и касающихся различных вопросов управления городом: строительства и ломки дворов, чистки рек и улиц, благоустройства торговых объектов, поддержания безопасности и вынесения наказания мелким преступникам и т.д. Кабинет к тому же выступал спонсором строительных проектов, осуществлявшихся под руководством генерал-полицмейстера. Подчиненность генерал-полицмейстера и Полицмейстерской канцелярии Сенату вовсе была оформлена законодательно. Причем, как наблюдает Е.В. Анисимов, к подобному решению царь пришел не сразу. В 1722 г., спустя 4 года функционирования, Полицмейстерской канцелярии указывалось посылать доношения в коллегии, а из коллегий в канцелярию направлять указы.[1] Через

[1]Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 146.

год, 23 июня 1723 г., Петр объявил на заседании Сената еще один новый указ, согласно которому «указал, в Магистрат, также в Полицмейстерскую и в другия Канцелярии, которыя имеют особыя Правления, и токмо под одною Сенатскою дирекциею состоят, а к Коллегиям не подчинены, в те из Коллегий, также и из тех Канцелярей в Коллегии писать промемориями; а которыя Канцелярии или Конторы подчинены к Коллегиям, тем в Коллегии подавать доношении, а из Коллегей к ним посылать Указы»[1].

Как не раз отмечали историки, Полицмейстерская канцелярия виделась Петру общегосударственным органов власти[2], который после его учреждения и успешного внедрения в систему управления столицей должен был быть перенесен в другие регионы. Поэтому, когда в 1722 г. в Москве была учреждена Полицмейстерская канцелярия, канцелярия в Санкт-Петербурге в документах начала называться Главной полицмейстерской канцелярией. Разница была и в должности руководителей двух учреждений: обер-полицмейстер и генерал-полицмейстер. Как общегосударственный орган власти Полицмейстерская канцелярия в Санкт-Петербурге не могла быть подчинена никому, кроме монарха и Сената, в частности органам местного управления, которым являлся генерал-губернатор. Более того, согласно утверждениям М.И. Сизикова, наличие у должности приставки «генерал» и помещение ее в 5-ый класс Табели о рангах, то есть выше чинов местного значения, свидетельствует о том, что генерал-полицмейстер учреждался и рассматривался законодателем как должностное лицо центрального управления, хотя его компетенция первоначально и ограничивалась Санкт-Петербургом[3].

Неподчиненность генерал-полицмейстера генерал-губернатору прослеживается благодаря косвенным доказательствам. Во-первых, после

---

[1] Новый памятник законов Империи Российской. Ч. 9. Отд. I. Р.–С. СПб., 1828. С. 393.

[2] Специальный проект Полицмейстерской коллегии разрабатывался бароном фон Люберасом, но не был воплощен. Действующая Полицмейстерская канцелярия функционировала на несколько других основаниях, чем предполагал государственный деятель. См.: Проекты барона фон Любераса (1710–1720-е гг.) / сост. и науч. ред. А. Мустафин. М., 2020. 286 с.

[3] Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 94.

назначения Девиера ему была передана функция публиковать и оглашать с барабанным боем царские указы на улицах Санкт-Петербурга. Прежде эта обязанность относилась к сфере компетенции генерал-губернатора. Во-вторых, среди сохранившихся делопроизводственных документов Полицмейстерской канцелярии и личных бумах Девиера ордеры (ведомственные указы) с указаниями Меншикова встречаются крайне редко, а если и появляются, носят ситуативный характер[1]. Аналогично в составе княжеской канцелярии официальная документация (доношения, введения, рапорты), поступавшая от Девиера, обнаруживается в редких случаях в отличие от материалов, исходящих от коменданта Санкт-Петербургской крепости Бахмеотова или вице-губернатора Клокачева, подчинявшихся напрямую генерал-губернатору. Таким образом, деловые отношения Девиера и Меншикова априори не могли строиться на принципе формальной подчиненности. И Меншиков, и Девиер были формально независимы друг от друга, отчитывались о своей деятельности перед другими государственными институтами, каждый из них имел свою сферу компетенции.

Внутри системы управления городом связи Девиера и Меншикова отличались постоянством и устойчивостью (об этом позволяет судить факт наличия большого комплекса переписки). Поэтому, на наш взгляд, наиболее удачная оценка характеру их взаимоотношений была дана М.И. Сизиковым, который полагал, что их «…вражда при жизни Петра I не проявлялась резко. Главные руководители армии и полиции, фактические начальники столичной губернии и столицы, повинуясь крутому нраву и тяжелой руке Петра I, исполняя свои обязанности, сотрудничали между собой. Девиер, будучи чрезвычайно осторожным, не давал повода для уничтожения себя

[1] В 1726 г., например, обнаруживается лишь 5 ордеров от Меншикова на 53 документа в целом. Более того, большинство из ордеров посвящены частным или общегубернским вопросам: в ордере от 22 мая Меншиков обращается к А.М. Девиеру об отпуске вдовы, жены князя Черкасского, в Москву из-за «ее старости»; 20 июня – об отдаче по наследству двора вдовы Марфы Львовой; 4 августа – о бритье бород всем обывателям, кроме крестьян, приезжающих на временное житье; 24 ноября – о разрешении для царского бандуриста перестроить дом. Только в ордере от 21 мая Меншиков писал о делах, относящихся к благоустройству столицы, и просил опубликовать указ императрицы об установке во всех дворах в Санкт-Петербурге на кровле и под кровлей кадок с водой и создание надворных печей для противодействия пожарам. См.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 22.

Меншиковым, а покушение на последнего было делом смертельно опасным»[1]. Более того, факт сотрудничества Девиера и Меншикова на поприще государственного строительства нашли отражение в «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова». Генерал-полицмейстер и генерал-губернатор регулярно навещали друг друга, вели разговоры как в компании других должностных лиц – Я.Х. Бахмеотова, С.Т. Клокачева, А.М. Черкасского, Г.П. Чернышева и др., входящих в круг близких контактов Меншикова и занимающих должности глав военных и городских органов власти – так и беседовали с глазу на глаз[2]. Имя Девиера встречается в записях среди участников обедов, разнообразных развлечений, визитов и приемов у царя[3]. Итак, какие деловые вопросы объединяли изучаемых нами государственных деятелей?

Важное место в письмах Девиера к Меншикову и Меншикова к Девиеру занимали дела, связанные с процессом строительства и благоустройства Санкт-Петербурга. В центре внимания и генерал-полицмейстера, и генерал-губернатора находилось создание регулярного города на Васильевском острове. До учреждения Полицмейстерской канцелярии Меншиков, чей дом появился на острове раньше всего, осуществлял контроль за регулярным строительством. После 1718 г. часть функций была передана Девиеру, который слал свои отчеты в Сенат или к государю. В частном порядке генерал-полицмейстер передавал Меншикову сведения о строительстве на Васильевском острове (хотя с формальной точки зрения делать этого не должен был), а тот выдвигал свои строительные инициативы. Например, князь предлагал Девиеру на Васильевском острове для стока воды каждому жителю вырыть у своего дворового места рвы и их обкладывать досками или как лучше будет. Рвы планировалось проложить к рекам. Меншиков также указывал на необходимость объявить об нововведениях населению именным царским

[1] Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 8.
[2] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 149, 294, 391, 396.
[3] Там же, С. 90, 163, 279, 286, 288, 290, 303, 461, 495.

указом[1]. В ответ генерал-полицмейстер извещал князя, что подобные меры уже предприняты, и в дополнение просил резолюцию – что делать с пустыми местами земли, которые не попали в раздачу[2].

18 сентября 1722 г. Меншиков интересовался у генерал-полицмейстера относительно решения проблем, возникших с домами обер-секретаря Щукина и семеновского полку капитана князя Шаховского на Васильевском острове. Щукин хотел дом продать и получить через князя разрешение не перекрывать кровлю по новому образцу; Шаховской пытался прояснить ситуацию со своим двором, который был ранее взят на имя государя (дадут ли деньги за него и нужно ли его крышу крыть). Девиер в ответном письме к князю разъяснял, что Щукину дом продать в данным момент нельзя, так как Петр запретил, а перекрытие кровли можно немного отсрочить; Шаховскому следует дом покрыть, поскольку тот хоть и отписан на царя (на его месте планировалось организовать площадь), но пока ни одного из подобных зданий не сносили – генерал-полицмейстер полагал, что год и два еще не будут – и денег никому не выдавали[3].

В целом о том, как идут строительные работы в Санкт-Петербурге и кто из обязанных иметь свой дом уже построился, Меншиков спрашивал постоянно (дело касалось не только Васильевского острова). В мае 1721 г. он запрашивал у генерал-полицмейстера статистические данные по поводу того, кто начал строительство домов на приморских местах, а где стоят пустоши. Девиер в ответ посылал ему опись, сделанную 30 мая 1719 г. капитаном Заборовским из Полицмейстерской канцелярии. В описи обозначались отданные, но не застроенные места, а также негодные к строительству[4]. Указывая на некоторые неточности, Девиер оправдывался тем, что «а до которых урочищ роздачи чинилась и сколко не в роздаче, о том по требованию

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 421.
[2] Там же, Д. 557. Л. 149–149об.
[3] Там же, Л. 156об–157.
[4] Там же, Л. 65–66.

нашему из прежде бывшей Губернской канцелярии[1] известия не прислано, и о том у нас не ведомо»[2]. В 1721 г. Меншиков просил Девиера за корабельного мастера Броуна, чтобы его строящийся дом в Санкт-Петербурге не ломали до тех пор, пока он не возвратится в город. Аргументом к такой отсрочке являлось то, что Броун не мог вернуться в город, трудясь по государственным нуждам – он собирался приехать в столицу через три[3] недели[4].

Как отмечалось в предыдущем параграфе, генерал-полицмейстер руководил некоторыми строительными работами на территории Санкт-Петербурга. Однако в отличие от Канцелярии городовых дел, Губернской канцелярии и Адмиралтейства в Полицмейстерской канцелярии не было своих собственных ресурсов и материалов для ведения строительства. Поэтому Девиеру приходилось или надеяться на подрядчиков, или запрашивать необходимые материалы у других государственных институтов, в том числе и у Меншикова. 28 января 1719 г., согласно царскому указу, он просил князя одолжить 2000 или хотя бы 1500 бревен для работ в Новой Голландии. Девиер обещал вернуть долг летом за счет имевшихся в Канцелярии городовых дел: «а летом то ж число бревен в такую ж и меру отданы будут ис канцелярии ведомства князя Алексея Михайловича Черкаского»[5]. 30 января он еще раз информировал Меншикова о полученных бревнах[6].

Меншиков и Девиер взаимодействовали на фоне благоустройства городской территории. Князь, получавший информацию о петербургских обстоятельствах не только через Девиера, но и посредством руководителей других органов местной власти, вмешивался в сферу компетенции полиции, если замечал некоторые проблемы. 17 октября 1720 г. он обращался к Девиеру с указанием обратить внимание на чистоту и благоустройство улиц. Князь,

---

[1] Примечательно, что в 1721 г. Губернская канцелярия называется «бывшей». Как известно, в 1720 г. перестал выполнять свои функции и вице-губернатор Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии Клокочев. После него назначений на данную должность не происходило.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 64об.
[3] В рукописи зачеркнуто «две».
[4] Там же, Д. 163. Л. 365.
[5] Там же, Д. 557. Л. 18.
[6] Там же, Л. 19.

ссылаясь на указ государя, замечал, что необходимо вычистить все придомовые территории на улице, протянувшейся от двора князя Ф.Ю. Ромодановского[1]. Особенное участие Меншиков принял в организации фонарного освещения в столице – еще одного нововведения Петра, подконтрольного Полицмейстерской канцелярии. 22 ноября 1720 г. Меншиков по силе царского указа обращался к Девиеру с требованием установить фонари по ходу шествия его величества ко всенощной в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь. Фонари для данной цели указано было взять из Адмиралтейства (об этом Меншиков уже написал Апраксину), а если их там не будет, то приказано купить[2]. Годом позже уже генерал-полицмейстер писал к Меншикову относительно установки фонарей. Он просил приказать вылить и отполировать стекла на Ямбургских заводах для устанавливаемых по территории Санкт-Петербурга фонарей. Стоит отметить, что особенно Девиера интересовало два вопроса: возможно ли вылить стекла в ту же осень (письмо отправлено 9 сентября 1721 г.) и позволит ли Меншиков заплатить за стекла цену меньше, чем полагалось. Половину суммы генерал-полицмейстер был готов сразу же передать со счета Полицмейстерской канцелярии[3]. В 1724 г. в корреспонденции Девиера-Меншикова снова поднимался вопрос о фонарях. Девиер сообщал, что по присланному из Сената царскому указу от 16 декабря 1723 г. для установки фонарей и поддержания их чистоте и порядке приказано было в Главную полицмейстерскую канцелярию отдать четвертую долю сборов с новопостроенных в Санкт-Петербурге постоялых дворов. Однако из гарнизонной канцелярии, руководитель которой, комендант Бахмеотов, строил и контролировал постоялые дворы, было объявлено о невозможности уплаты обозначенных сумм. Девиер просил Меншикова воздействовать на коменданта и присылать деньги на каждый год

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 148. Л. 20.
[2] Там же, Д. 148. Л. 75–75об.
[3] Там же, Д. 557. Л. 100–101.

«бездоимочно», чтобы в строительстве фонарей не было остановки и «на нас не взыскалось»[1].

В тесной связи с процессами строительства и благоустройства Санкт-Петербурга решались вопросы кадрового обеспечения государственных строек и органов власти, контролировавших их. Генерал-губернатор находился в более выгодном положении, поскольку, являясь и гражданским, и военным руководителем губернии, имел возможность использовать силы гарнизонов и армейских формирований для проведения различных строительных (и не только) мероприятий. Полицмейстерская канцелярия, как известно, не имела штата для ведения работ по строительству и благоустройству, соответственно, генерал-полицмейстер был полностью зависим от воли других глав государственных институтов и при необходимости обращался к ним за помощью. В 1718 г. Меншиков извещал Девиера о том, что послал к М.М. Голицыну письмо о даче 100 человек солдат для расчистки лесов и вязания фашин. Девиер за подобную услугу благодарил и обещал немедленно солдат на благо употребить[2]. Генерал-полицмейстер доносил, что распорядился оставить 50 человек солдат в Санкт-Петербурге у канальной работы, а остальных отправил в Ораниенбаум к земляной работе[3]. Впоследствии сведения о строительных работах и участии в них солдат в Ораниенбауме Девиер передавал через секретаря Фр. Вита[4].

Пользуясь пособничеством Меншикова, Девиер решал проблемы формирования и обучения штата служителей Полицмейстерской канцелярии. В апреле 1722 г. генерал-полицмейстер обращался к Меншикову с предложением: «тако ж в канцелярии моего ведомства обретаетца у дел секретарь, и в правлении дел весма непонятен и не исправен, и никакого скорого не умеет чинить произвождения. А уведомился я о дьяке Артемье Навроцком, обретающемся под командою вашей светлости в Москве в

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 284–284об.
[2] Там же, Л. 140–140об.
[3] Там же, Л. 145–145об.
[4] Там же, Л. 153.

Военной мундирной канцелярии, которого мне обявляли многия в делах за обыкновеннаго и человека доброго, и сего ради и о сем вашу светлость утруждаю моим прошением, коли возможно, чтобы оного дьяка ко мне в Полицымейстерскую канцелярию к делам соблаговолили отпустить»[1]. Князь и сам вмешивался во внутренние дела Полицмейстерской канцелярии. Однако Девиер не принимал инициативы Меншикова за чистую монету, пытаясь объективно оценить, насколько они будут полезны для его ведомства. Примером может служить ситуация вокруг предложения князя отправить находящихся при «полицымейстерских делах» ундер-офицеров и солдат для экзерциции и исправления их «в руже и мундире» к петербургскому коменданту Бахмеотову. Девиер, понимая здравость предложения, все-же ставил на первое место интересы своего ведомства. Он предлагал Бахмеотову установить точное расписание, согласно которому подчиненные Полицмейстерской канцелярии служащие будут вызываться для упражнений. Отпустить их в принципе или заменить на других генерал-полицмейстер не видел возможным, утверждая, что от перемены случится остановка в делах, так как петербургские жители уже выучили своих «полицейских», у каждого из них есть команда и определенное задание на определенной территории. Если офицеров и солдат переменить, то всю проделанную работу придется начинать заново[2].

Деловые связи Меншикова и Девиера распространялись на ведение судопроизводства. Чаще всего Девиер обращался к Меншикову в поисках виновных в правонарушениях либо свидетелей происшествия. В ноябре 1718 г. Девиер несколькими письмами просил князя прислать в Полицмейстерскую канцелярию для допроса находящегося под его командой новгородского полку солдата А. Болотова[3], который «усмотрел в Котляне острове многие карчемные домы и шинки, в которых торгуют вином и пивом без указу сякого

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 134.
[2] Там же, Л. 274–275.
[3] Там же, Л. 2–2об.

чину люди, а выемок никогда не бывает»[1]. На просьбу генерал-полицмейстера князь отвечал, что «оное шинков искоренение по его царского величества указу вручено от нас господину полковнику Блеклому[2], того ради да изволите приказать его Болотова для показания тех шинков отослать к нему полковнику Блеклому немедленно»[3]. Меншиков параллельно написал Блеклому и руководящему им Порошину, чтоб из шинков, которые нелегально торгуют, забирать все питье на имя государя, а держателям вменяли штраф[4]. Чуть позже князь получило от Девиера копию росписи, в которой были указаны все преступные шинки[5]. В конце концов оказалось, что полковник Блеклый находился при доме царского величества[6] и, донеся Меншикову об этом словесно, Девиер получил приказ отослать солдата со всеми реестрами к самому князю.

В сентябре 1724 г. в Полицмейстерской канцелярии было заведено следственное дело о драке. Для проведения допросов и уточнения обстоятельств происшествия требовалось допросить солдат ингерменландского полка, стоявших на карауле в доме шведского министра. Девиер, осуществляя контроль за ходом следствия, просил князя в письме приказать солдат прислать[7]. По результатам допросов участников события выяснилось, что произошло следующее. Лейб-гвардии семеновского полку ундер-лейтенант Е.Л. Милюков вел под караулом иноземца, который, улучив удобный момент, Милюкова с товарищами побил и сбежал. Во время побега его схватили караульщики, стоявшие у «рогаток» против двора, где поселился шведский министр. Иноземец, имя которого не называется, оказал сопротивление и завязалась драка. На звуки боя из дома министра вышли гренадеры (якобы по приказу министра) и отбили иноземца у караульщиков.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 3–3а.
[2] Примечательно, что функция искоренения шинков – одна из основных задач полиции – была передана на Котлине острове полковнику, находящемуся в подчинении коменданта Порошина, а через него Меншикова (пример осуществления полицейских функций другим должностным лицам).
[3] Там же, Л. 172–172об.
[4] Там же, Л. 172об.
[5] Там же, Л. 6–8.
[6] Там же, Л. 5–5об.
[7] Там же, Л. 357.

В итоге виновник драки сбежал. Передавая данные обстоятельства и посылая копии с расспросов и дела, Девиер просил Меншикова учинить указ о том, что делать с подчиненными ему гренадерами[1].

Среди корреспонденции Девиера-Меншикова встречается и обратный ход событий, когда князь просил генерал-полицмейстера найти подозреваемого. Летом 1721 г. Меншиков прислал к Девиеру письмо с указанием сыскать и выслать к нему ученика корабельному делу В. Рокотова. Позже генерал-полицмейстер доносил князю, что Рокотов был прислан в Полицмейстерскую канцелярию из Гарнизонной канцелярии петербургского коменданта Бахмеотова. Он был «пойман на заставе на крайном кабачке без пропуску, а допросом показал, что ныне тому лет с восем по указу Его царского величества отправлен он был из подрядной канцелярии с семьюдесят человек в Галандию в команде от гвардии порутчика Щепотева для науки. И был он в Англии лет с пять, учился кузнечному и инструментому мастерству и ту науку принял и не ведает, за что мастер ево иноземец Крозберх напустил на него безумие и страх. И в Санкт-Питербурх прибыл на торговом англиском корабле с товарищи своими с Василием Юдиным и с товарищи с шестью человек тому с неделю и, приехав, оные товарищи на Адмиралтейской стороне от него отстали и ныне, где они, не знает, а он Василей, не явясь нигде и не взяв пропускного писма, пошел было в Москву и на помянутой заставе взят под караул»[2]. Примечательно, что Рокотов по определению Полицмейстерской канцелярии изначально должен был отправиться для учинения указа в Канцелярию иностранных дел (так как был послан в иностранное государства и не имел при себе паспорта), но после письма Меншикова его переправили к князю[3].

В некоторых судебных делах, проводившихся в Полицмейстерской канцелярии, князь, надо полагать, имел личный интерес. Так, Меншиков

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 358–384.
[2] Там же, Л. 98–99.
[3] Там же, Л. 99.

обращался к Девиеру по поводу санкт-петербургского инспектора Панкратьева, который признал свою вину по делу Гостиного двора. Князь просил генерал-полицмейстера не налагать положенного штрафа до личной встречи с ним[1]. Какой ответ от Девиера последовал, мы не знаем. Позже Меншиков снова писал к нему о Панкратьеве с повторными просьбами дать ему отсрочку до своего прибытия в город[2].

Согласно «Пунктам», определявшим полномочия генерал-полицмейстера, руководимая им Канцелярия занималась контролем за возимыми в город товарами и материалами. Девиер также должен был следить за чистотой торговых точек (торговых рядов и дворов, корчем и различных заведений), качеством продаваемых населению товаров и ценами на них. Поэтому Меншиков, надеясь на способность генерал-полицмейстера организовывать и держать под контролем торговую деятельность, обращался к нему с указаниями. 28 декабря 1722 г. князь предлагал[3] Девиеру «поставить караул по всем дорогам и записывать по числам порознь, сколько обозов и в них возов с купеческими товарами и к здешним жителем с припасами в Питербурх чрез всю нынешнею зиму пройдет»[4] и о том отправлять ему рапорты еженедельно[5]. Генерал-полицмейстер, осмыслив указание, обратился к Голицыну, командующему в 1722 г. военными силами Санкт-Петербурга[6]. Голицын, надо полагать, необходимых солдат и офицеров для караульного дела выделил. 21 января 1723 г. Девиер отвечал князю: «и сего ради по оному Вашей светлости указу, как могли исправитца, караулы генваря с 7 числа поставили и, сколко с того времени сего ж генваря по 20 число обозов и возов прошло, при сем сообщаю Вашей светлости моему милостивому патрону

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 130. Л. 278.
[2] Там же, Д. 131. Л. 184.
[3] В своей корреспонденции Меншиков чаще всего для передачи указаний использовал слово «предлагаю», а не «указываю».
[4] Там же, Д. 557. Л. 211об–212.
[5] Там же, Д. 180. Л. 611–611об.
[6] Примечательно, что по такого рода вопросам Девиер обращался не к подчиненному Меншикову коменданту Санкт-Петербургской крепости Бахмеотову, а к Голицыну, в 1722 г. (во время Персидского похода) назначенному Петром командовать военными силами в Санкт-Петербурге. См.: Голицыны // Военная энциклопедия. Т. 8. СПб., 1912. С. 362–366.

репорт»[1]. В дальнейшем Антон Мануилович еженедельно отсылал к Меншикову рапорты, даже если их переписка велась о совершенно иных вопросах (см. приложение № 4).

Вместе Девиер и Меншиков должны были решить конфликт, случившийся на фоне поставок извести (см. приложение № 5). По указу Петра от 16 октября 1719 г. промышленникам, которые поставляли известь на государственные стройки, разрешалось использовать староманерные суды (карбасы) для переправки товаров[2]. Однако промышленники били челом Меншикову, что их карбасы в Шлиссельбурге задерживают и рубят, от чего в Санкт-Петербурге и на Котлине острове в палатном и канальном строениях происходит большая остановка. Меншиков обращался к Девиеру и предлагал: «о пропуске карбусов с ызвестью по силе вышереченнаго Его императорского величества указу ис канцелярии Полицымейстерской публиковать, а в городы надлежащие х камендантом и воеводам и к управителем послать Его императорского величества указы»[3]. Генерал-полицмейстер, ссылаясь на другой указ государя от 10 декабря 1721 г. об изъятии и уничтожении всех староманерных судов, отказывал во всех инициативах князю и просил иной резолюции[4]. В ответ от Меншикова он получил весьма категоричное заявление. Князь писал, что «хотя ис словесного приказу его императорского величества о том имеете» надлежит делать по его предложению, «дабы в строении остоновки не было, а мы о том будем писать к его императорскому

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 215–215об.

[2] Стоит отметить, что задумку вывести из употребления «староманирные суда» из-за их небезопасности и невыгодности Петр начал целенаправленно реализовывать примерно в 1718 г. В именном указе, объявленном Меншиковым 2 июня 1718 г. объявлялось, что «с сентября нынешняго 718 года на карбусах и на лодьях отнюдь никто не ходили и вновь не делали под разорением всего имения; а делать эверсф, и для того те карбусы и лодьи во всех местах отписать на государя». Далее в указе от 18 ноября 1718 г. объявлялось: «того ради пред 4 годами, дан был указ, чтобы строить шкуты, а потом и эверсы с добрыми якори и оснаскою, дабы не пропадали и не убытчились, и сей указ многажды и с прещением подтвержден; но мало оному следовали от глупости и упрямства, принимая в пользу себе то, что старые суда дешевле, а того не разсуждая, сколько пропадает, и ежели ту пропажу счислить, то несравнительно будет с дороговизною новых судов. Того ради он прислан с последним указом, чтоб которыя старыя суда есть, какого звания ни будь, обретаются на воде, оные переорлить, которым вольно в будущее лето сплыть с кладью в Санктпетербург, и там оныя избыть, а назад отнюдь не взводить и вновь не делать». См.: ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. С. 579, 593–594. В 1719 г. состоялся указ о ломке судов старого образца, который реализовать на практике оказалось не так-то просто – приказ Петра столкнулся с сопротивлением. См.: РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. Л. 113б–127 и т.д.

[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 324об; Д. 557. Л. 136об.

[4] Там же, Д. 557. Л. 137.

величеству и каков указ получим о том вашему благородию впред обявил»[1]. Надо полагать дело разрешилось в пользу Александра Даниловича[2].

В свою очередь Девиер пытался воспользоваться помощью Меншикова при решении проблем, связанных с регулированием торгового оборота в Санкт-Петербурге. 23 января 1723 г. Девиер просил Меншикова оказать посильное давление на Сенат, который несмотря на многократные в течение 3-х лет предложения и требования до сих пор не вынес резолюции по представленным пунктам об установке фиксированных цен на хлеб и съестные припасы (вопрос, относящийся к сфере компетенции Девиера и еще по его инструкции отмеченный как наиболее важный). Проблема, как указывал генерал-полицмейстер, заключалась в том, что купцы самовольно повышали цены на хлеб, отговариваясь неурожаем несмотря на то, что в других частях губернии закупочные цены на хлеб сбавили, и так наживались на жителях города, создавая «народное отягощение»[3]. Поэтому ему самом пришлось принимать посильные меры: «принуждены были у таких купцов под караул брать прикащиков, а хозяева ушли и в повышении цен допрашиваны, определили за всякими их росходами и харчами брать им с рубля барыша по гривне, пока из Сената получено будет к нам на предложенныя о том пункты определение»[4].

Жалуясь Меншикову на нерасторопность сенаторов, Девиер писал, «дабы соизволили милостивое старание возиметь, чтоб предложение мое в Сенате обо всем было выслушано и определение положено, дабы такия необходимыя дела для государственной ползы в продолжение далее не были оставлены, и его императорскому величеству, как уведает, во гнев не произошло, понеже третей год как пункты поданы, слушать было время доволное»[5]. Он также для лучшей осведомленности князя и подкрепления

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 340об. Об этом деле также см. в материалах делопроизводства Полицмейстерской канцелярии: РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. Л. 121–133.
[2] Там же, Д. 24. Л. 127.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 222–222об.
[4] Там же, Л. 223.
[5] Там же, Л. 222–223.

собственных слов прилагал реестр поданным из Полицмейстерской канцелярии в Правительствующий Сенат доношениям, на которых резолюции не получено. В пунктах реестра, помимо описанных проблем с повышением цен, находились другие насущные для деятельности подчиненной Девиеру Канцелярии вопросы[1]. Интересна та тактика, которую избрал Девиер, пытаясь добиться решения в Сенате: он обращался к Меншикову как к последней инстанции, способной разрешить конфликт без жалоб государю. Свое письмо он начинал следующим образом: «хотя моя должность и принуждала о сем его императорскому величеству писать, дабы мне сие во упущение не причлось, токмо сего оставить не хотел, дабы прежде Вашей светлости о том не предложить, и дабы оное не причлось и правителствующему Сенату в несмотрение»[2]. Меншиков, как он сам отмечал в письме, в Сенат письмо и реестры Девиера передал. Правда, его вмешательство ситуацию не сильно изменило, поскольку рассмотрение дела снова было отложено – «господа сенаторы ответствовали, когда будут все в собрании тогда по оным…» решение будет принято[3].

Меншиков как военный руководитель губернии (и до 1723 г. президент Военной коллегии) и Девиер как генерал-полицмейстер занимались организацией постоя в столице. Как правило, функции между ними распределялись следующим образом: Меншиков получал сведения и извещал генерал-полицмейстера о количестве военных, сроках постоя и прочих обстоятельствах; Девиер распределял постойную повинность среди населения Санкт-Петербурга и выделял квартиры для прибывающих. В декабре 1718 г. Девиер запрашивал у Меншикова численность, подчиненных ему драгун и солдат, которым необходимо было определить квартиры. Он настаивал на точности их количества, «чтоб неволно было лишних ставить сверх определеннаго числа, ни збавливать самоволно для своих прихотей без нашего

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 225–226.
[2] Там же, Л. 222.
[3] Там же, Д. 192. Л. 80.

ведения»[1]. Аналогично 5 октября 1724 г.[2] он указывал, что за приближением зимнего времени необходимо начать распределять военные части на постой. Поэтому он ждал от князя вестей о том, какое количество полков разместиться в Санкт-Петербурге, что это за полки и сколько в них людей[3]. В ноябре, когда постой был уже определен, Меншиков пытался заставить Девиера дать квартиры больным солдатам ингерманланского полка не на Выборгской стороне, а на Адмиралтейском острове близ Каторжного двора. Генерал-полицмейстер вынужден был ему отказать, поскольку постой распределялся на петербургских обывателях по принципу равенства, и свободных квартир на Адмиралтейском острове не было, как и госпиталя для больных солдат[4]. Он лишь разрешил этим солдатам временно остаться на Адмиралтейской стороне, пока река не покроется льдом так, что по ней можно будет передвигаться. Как только лед образовался, Девиер снова отписал Меншиковым с указанием полки переместить на Выборгскую сторону[5]. Следующей зимой генерал-полицмейстер вместе с князем снова определяли постой для прибывших военных частей[6].

Сотрудничая по вопросам, связанным с управлением Санкт-Петербургом, генерал-губернатор и генерал-полицмейстер делились информацией о происходящих в городе событиях. В особенности был щедр на сведения Девиер, находившийся в столице практически безвыездно, тогда как Меншиков, наоборот, часто в городе отсутствовал[7]. Так, генерал-полицмейстер сообщал князю детали приезда в столицу голландского резидента, который «лет тому 20 или больше назад был в Англии во время бытия там царского величества и вашеи светлости», польского посла Хоментовского и Г.Ф. Бассевича[8]. 19 февраля 1720 г. Девиер в красках

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 9–9об.
[2] Меншиков уже не являлся президентов Военной коллегии, но продолжал быть генерал-губернатором.
[3] Там же, Л. 385.
[4] Там же, Л. 386–386об.
[5] Там же, Л. 387–388.
[6] Там же, Л. 399–400об.
[7] Практически в каждом письме генерал-полицмейстера содержалась информация о событиях, происходивших в Санкт-Петербурге и его окрестностях.
[8] Там же, Л. 29–29об, 33–33об, 47–48, 202об–203.

рассказывал о праздновании дня супружества Петра и Екатерины, в особенности, о гуляниях и заключительном фейерверке с фигурой «на дву лаврах два сердца под короною над тем надпись: “Бог да благословит яже совокупил”»[1].

В принципе Девиер был не единственным, кто информировал Меншикова о состоянии дел в Санкт-Петербурге. Широта связей Меншикова и его личное влияние на многие процессы, происходящие в городе, позволяли ему узнавать об одних и тех же событиях из разных источников. Фактически, практически каждый из столичных должностных лиц выступал в роли своеобразного контролера за деятельностью другого, при этом являясь от него независимым. Тем не менее нельзя отрицать, что для Меншикова, часто отсутствовавшего в Санкт-Петербурге, Девиер становился весьма полезным каналом получения и передачи информации. В силу занимаемой должности Антон Мануилович находился в центре городской жизни: он контролировал проведение праздничных гуляний и ассамблей, руководил системой безопасности на них, сопровождал царя при его передвижениях по столице. Поэтому генерал-полицмейстер, как никто другой, был осведомлен обо всех мероприятиях, преобразованиях и событиях, знал, кто, когда и зачем приезжает в город. Отчасти ему и самому было выгодно делиться с Меншиковым полезной информацией – таким образом он выстраивал выгодные для себя связи.

Подводя итоги, отметим, что в системе управления Санкт-Петербургом ни генерал-полицмейстер, ни возглавляемая им Полицмейстерская канцелярия не подчинялись генерал-губернатору. Законодательно они состояли под контролем Сената и государя, регулярно отправляли туда доношения и получали оттуда указы. В реальном времени деятельность Девиера находилась в поле зрения Меншикова, правда в рамках совершенно иного принципа – принципа сотрудничества. Девиер являлся самостоятельной

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 24–24об.

управленческой единицей со своими представлениями о функционировании подчиненного ему ведомства. Поэтому генерал-губернатору приходилось обращаться к нему с предложениями, а не указами, и рассчитывать на лояльное решение. Более того, нередко Меншиков, обращаясь к Девиеру с каким-либо указанием, ссылался на соответствующий царский указ, а не на собственное мнение[1]. Генерал-полицмейстер при этом не боялся открыто князю отказывать Меншикову, когда считал его инициативы нереализуемыми.

Деловые контакты и сотрудничество Девиера с Меншиковым отличались регулярностью, постоянностью и многоаспектностью. Какими бы ни были их личные взаимоотношения, речь о которых пойдет в следующем параграфе, можно утверждать, что до 1727 г. все это уходило на второй план перед лицом службы на «государственное благо». Их деловые связи поддерживались не потому, что так было установлено законом или так хотел каждый из них, а потому, что этого требовала реальная практика управления государственно важным городом Санкт-Петербургом, которая принуждала взаимодействовать и искать компромиссные решения.

2.4. Личные связи А.М. Девиера и А.Д. Меншикова

Личные связи Меншикова и Девиера, надо полагать, сложились намного раньше их постоянных деловых контактов, возникших на почве управления Санкт-Петербургом[2]. В оценках личных взаимоотношений государственных деятелей по преимуществу преобладают отсылки к уже известному нам сюжету, связанному с конфликтом вокруг женитьбы Девиера на сестре князя Анне Даниловне. Из него выводится итог отношений Девиера и Меншикова – судебно-следственное дело Девиера – Толстого весны 1727 г., одной из причин которого якобы являлось желание генерал-полицмейстера воспрепятствовать матримониальным планам князя, сформировавшееся на базе многолетней

[1] Большинство отпусков с сохранившихся писем Меншикова начинаются с фразы «царское величество указал».
[2] В данном случае мы не учитывали факт службы Девиера адъютантом Меншикова, приведенный Гельбигом, поскольку он не находит подтверждения в других источниках.

взаимной неприязни. В таких обстоятельствах князь, согласно наиболее распространенному мнению, прекрасно понимая отношение к нему Девиера, стремился обвинить его в «заговоре» и политически уничтожить любой ценой.

На наш взгляд, подобный акцент на семейных перипетиях Меншикова и Девиера повлиял на то, что другие сюжеты, раскрывающие механизмы их личного взаимодействия остаются в тени или вовсе сводятся на нет. Однако уже анализ деловых связей показал, что контакты князя и генерал-полицмейстера происходили постоянно: они виделись лично, вели регулярный обмен письмами, сотрудничали, решая различные управленческие задачи. В связи с этим, учитывая их семейные связи, которые, как бы они к ним не относились, необходимо было поддерживать, вполне логично предположить, что между ними могли сформироваться личные взаимоотношения, выходящие за рамки откровенной неприязни. К тому же наличие каких-либо неслужебных связей Девиера с Меншиковым косвенно подтверждают «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова», в которых генерал-полицмейстер упоминается в качестве участника совместных разговоров, обедов, празднеств и поездок[1]. Антон Мануилович в свою очередь также принимал Меншикова у себя дома, где вел с ним партикулярные разговоры[2].

Начиная разговор о личных связях государственных деятелей, остановимся на некоторых стилистических особенностях писем Девиера к Меншикову и Меншикова к Девиеру. Стиль их обращений друг к другу, с одной стороны, имел некоторые общие черты, с другой – отличался степенью выражения лояльности и используемыми оборотами в зависимости от статуса автора письма. Нельзя забывать об особенностях имеющихся в нашем распоряжении комплексов источников: письма от Девиера к Меншикову сохранились в оригинальном виде, тогда как корреспонденция, отправленная князем к генерал-полицмейстеру, представляет собой оттиски и черновики писем со значительными купюрами и смысловыми потерями (переписчик

[1] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 227, 296, 290, 301.
[2] Там же, С. 257, 281, 345.

обрезал текст как раз-таки за счет этикетных формул). Число документов авторства генерал-полицмейстера преобладает над эпистолярным наследием, вышедшем из канцелярии князя, не из-за меньшего его числа, а по причине невнесения большей части писем в книги оттисков. Учитывая данную ограниченность источников, сделаем несколько важных замечаний.

Во-первых, корреспонденцию Девиера-Меншикова отличает наличие патрон-клиентской лексики. Практически каждое письмо Девиера начиналось и заканчивалось устоявшимися формулами «мой милостивый государь, отец и патрон» и «вашей светлости моего государя нижайший слуга всегдашний», которые символически маркировали роль, избираемую генерал-полицмейстером в отношении князя. Другими словами, Девиер рассматривал себя как клиента, а Меншикова – как патрона. К этому он добавлял характерные для клиентской лексики словосочетания, подчеркивающие «униженность», «всетягчайшее поклонение», «нижайшее» или «раболепное благодарение». Корреспонденция Девиера к Меншикову в целом пестрит различными комплиментарными оборотами, которые служили для выражения лояльности, привязанности и готовности помочь. Мы не найдем такого количества оборотов и специальных фраз, выражавших участие (иногда слишком нарочито), ни в корреспонденции Бахмеотова, ни в корреспонденции Макарова. Как отмечает Д.Г. Полонский, анализируя эпистолярный этикет корреспонденции XVIII в., «именование светлейшего “патроном”, “благодетелем” или “отцом” – заурядное, если не шаблонное словоупотребление для его современников различной знатности и должностного статуса», которое к тому же не всегда использовалось для отражения реального покровительства со стороны Меншикова, а говорило о попытках получить такое покровительство или продемонстрировать лояльность[1]. Меншиков, напротив, в ответных письмах был более сдержан, используя весьма нейтральные фразы вежливости, хотя и не без

[1] Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011. Вып. 2 (9). С. 76–77.

подчеркнутого желания поддерживать хорошие отношения. Например, обращаясь к Девиеру по делу служителя Панкратьева, в конце он приписывал: «вашей милости ко услужению охочий»[1].

Во-вторых, шаблонные фразы вежливости использовались государственными деятелями для отчета о получении письма и выражении благодарности за уведомления. Они оба, согласно эпистолярной этике, заключали послания просьбами «посещать меня таковыми известиами», «в высокой своей милости нас не оставить и посещать милостивыми писаниами», «уведомить о состоянии Вашей светлости здравия, чего всегда слышать хочу» и т.д.[2]. Девиер несколько раз слезно жаловался Меншикову, что не видел давно его писем, хотя сам регулярно отправлял ему сведения о происходящих в столице событиях[3]. Князь также посылал укоры генерал-полицмейстеру, правда, не всегда оправдано. Однажды Меншиков прямо указывал Девиеру, что дела, врученные ему, следует «отправлять с поспешением»[4]. На что, должно быть, оскорбившийся генерал-полицмейстер отвечал с недовольством: «оныя по моей должности всеусердно и тщателно отправляю»[5]. В 1724 г. Меншиков был удивлен отсутствием писем с обстоятельным уведомлением, когда Девиер не писал ему 2 почты (то есть с 11 июня по 18 июня 1724 г.). Генерал-полицмейстер в ответ оправдывался: «и о протчем, что изволили упоминать, что я две почты не имел писмами уведомлять как к их величеству, так и к вашей светлости, и о том не изволте мнить, якобы за болезнию или зачем иным, но затем, что мы были уведомлены, что их величество изволят восприять путь свой в Санкт-Питербурх, препроводя торжественный день рождения Его величества, на другой или на третей день следовать изволите к Оланецким марциалным водам, а ее светлость светлейшая кнеиня и со всею фамилиею в то же время приимет путь

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 184.
[2] Там же, Д. 180. Л. 414, 421, 426, 447об, 465об–466, 479об, 502об, 510об, 522, 184, 196; Д. 181. Л. 57; Д. 191. Л. 7, 17–17об, 23, 26об; Д. 192. Л. 6–6об, 18об, 47, 50, 55об, 65об, 89.
[3] Там же, Д. 557. Л. 35об.
[4] Там же, Д. 180. Л. 396об–397.
[5] Там же, Д. 557. Л. 144об.

свой в Санкт-Питербурх, и тем случаем не писали, думали, что не застанут наши писма, и о том просим прощения»[1]. Однако, случаи недовольства друг другом практически за 10 лет переписки оставались редкостью.

С завидной регулярностью в письмах Девиера-Меншикова встречаются упоминания о здоровье государя и его семьи, благополучии князя и его семьи, сведения о состоянии дел в доме князя и Санкт-Петербурге, пожелания здравия и т.д. Специфика данных фраз, поддерживающих разговор и выражающих вежливость, заключалась в том, что они одновременно как несли информацию о важных для Девиера и Меншикова вещах – семье, царе, положении в Санкт-Петербурге и стране – так и играли символическую роль, заполняли информационный вакуум, когда сообщить было нечего, но написать письмо требовал этикет или желание поддержать разговор. В этом плане примечательно, что некоторые письма полностью состояли из подобных оборотов. 4 апреля 1720 г. Девиер писал: «Светлейший князь, милостивый мой государь и патрон! Здравия Вашей светлости, моего милостиваго государя купно и с светлейшей княгинею Дарьею Михайловною и з детями Вашими в сохранение Господу предаю и при том доношу Вашей светлости, что царское величество всемилостивейший государь такожде и Ея величество всемилостивейшая государыня царица, и государыни царевны, и великий князь, и княжна за помощью Вышняго обретаются в добром здравии. Так же доношу: в доме Вашей светлости дщерь Ваша и з домашними в добром здравии обретается. Иного о здешних обращениях к доношению Вашей светлости ничего не имеется, ибо Божьим споможением все здесь благосостоятелно. И при сем Вашей светлости купно светлейшею княгинею и з детми вашими, тако ж де и Варваре Михайловне всенижайше мое поклонение и з женою моею отдавши остаюсь»[2]. Меншиков также отправлял похожие послания: «писание вашей милости до нас исправно доходят, за которые, а особливо за уведомление о здравии их высочеств государынь

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 349об.
[2] Там же, Л. 31–31об.

цесаревен и великого князя с сестрицею вашей милости по премногу благодарствую и притом просим, дабы впред оными оставлены мы не были. О здешних поведениях ныне ко обявлению иного не имеем, точию все за помощию Божиею благополучно суть»[1].

Отдельной темой в корреспонденции Девиера – Меншикова являлось здоровье князя и его семьи (о семейных связях см. параграф 5). Девиер, как правило, о собственном состоянии Меншикова не информировал, а тот и не интересовался. Зато, осведомившись о болезни князя, он откровенно выражал свое беспокойство. Например, в феврале 1722 г. во время очередного обострения болезней князя, Девиер писал: «известен я, что ваша светлость одержим болезнию, о чем я сердечно сожалею, и даруй, Боже, вашей светлости здравие»[2]. В марте 1723 г. он опять «сердечно сожалел» о здоровье Меншикова и желал ему хотя бы малого облегчения[3]. 18 июня 1724 г. Девиер узнал, что Александр Данилович для лечения болезни собирался употребить марциальные воды недалеко от Малерова завода, и желал ему всякую пользу от того получить[4]. На наш взгляд, подобный живой интерес к здоровью Меншикова лишний раз доказывает желание Девиера проявиться себя как лояльного клиента – лояльный клиент не должен забывать выражать участие и в горе, и в радости.

Наконец, о достаточно близких отношениях между корреспондентами или хотя бы о настойчиво создаваемой и поддерживаемой видимости подобной близости говорят многочисленные поздравления с праздниками (общегосударственными и семейными). Девиер и Меншиков писали друг другу в день годовщины бракосочетания Петра и Екатерины, заключения Ништадского мира, Полтавской баталии, поздравляли с тезоименитством, днями рождениями государя и государыни, желали благополучия в Новом году, в канун Святой недели и Рождества Христова[5]. Чаще всего, за

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. Л. 424об.
[2] Там же, Д. 557. Л. 113–113об.
[3] Там же, Л. 249.
[4] Там же, Л. 349.
[5] Там же, Д. 180. Л. 558–588об, 594об; Д. 557. Л. 123–123об, 125–125об, 127–127об, 148, 151–151об, 555.

поздравлением от одного из них следовало поздравление другого, а текст пожелания состоял из шаблонных комплиментарных фраз: «Всенижайше вашей светлости поздравляю наступающими всеторжественными днями в начале днем рождения всемилостивейшей государыни цесаревны Наталии Петровны, и государыни цесаревны Елизаветы Петровны, и их высочества тезоименитствы и великой княжны, даруй вашей светлости сия дни такожде и о учинении мира с швецкой короной день торжества во всяком веселии здраво препроводить в предгрядущия же лета, благополучно дожидая, в радости препровождать»[1].

Нельзя не отметить, что все вышеперечисленные комплиментарные фразы и выражения вежливости во многом являлись частью эпистолярной этики XVIII в. и играли чисто символическую роль, закрывая собой реальные эмоции корреспондентов. Однако, что для нас наиболее важно, факт наличия подобных фраз в письмах Девиера и Меншикова позволяет говорить об их взаимной заинтересованности в контактах друг с другом, выражавшейся в том числе и с помощью языковых средств. Особый интерес Меншикова по отношению к генерал-полицмейстеру, например, подтверждают знаки внимания, которыми князь одаривал далеко не всех. Так, 19 апреля 1722 г. Девиер благодарил Меншикова за то, что «вашей светлости денщик Максимович был у меня в доме и обявлял нам, что ваша светлость соизволили ему приказать о нашем здоровье спросить и поклонитца от вас»[2]. В 1725 г. Меншиков передал для генерал-полицмейстера подарок, правда, какого рода из писем не известно[3].

Одними комплиментарными посланиями корреспонденция Девиера-Меншикова не ограничивалась. Есть все основания полагать, что взаимное желание поддерживать лояльные отношения отразилось на характере оказываемых ими услуг. Прежде всего, и Девиер (в большей степени), и

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 148–148об.
[2] Там же, Л. 132–132об.
[3] Там же, Л. 391.

Меншиков щедро информировали друг друга относительно различных событиях и государственных преобразованиях. В 1718–1720 гг. и 1722–1723 гг. среди корреспонденции находятся ценные сведения, касающиеся военных действий, состояния флота и внешнеполитических планов государя[1]. 23 июня 1720 г. Девиер доносил находящемуся в Малой России Меншикову, что «о неприятелском флоте, как он отлучился от Ревеля, не слышно, где он, но болше быть надеятца его при Стекхолме; шведы, которыя жили по баталии в Финляндии в своих домех, полторы тысячи приняты к нам в службу и ныне посылаютца в Астрахань»[2]. О событиях Персидского похода Петра I лучше был осведомлен Меншиков, в том числе и благодаря находившемуся при монархе кабинет-секретарю Макарову. В течение пребывания государя на южных рубежах, князь передавал Девиеру детали военных действий[3].

Обсуждали генерал-полицмейстер и генерал-губернатор прибытие в столицу иностранных послов или же отправку с различными миссиями российских государственных деятелей[4]. Как правило, информантом в таких случаях выступал Девиер. Причем из-за плохой сохранности писем князя трудно судить о том, какие представители его интересовали, а про каких Девиер докладывал по собственной инициативе, полагая, что Меншикову хотелось о них знать. Относительно шведского посланника 26 июля 1722 г. Девиер отмечал, что тот был в его доме и требовал аудиенции у их высочеств. После обсуждения вопроса встреча с царевнами ему была назначена на воскресенье в третьем часу по полудни[5]. Через 4 дня генерал-полицмейстер доносил, что «вчерашнего числа в 3ем часу по полудни швецкой посланник имел аудиенцию у их высочества и потом у великого князя с сестрицею, в такой силе отдая комплемент от короля своего и королевы, и после намерен на сих днех в Москву, потом, его отправя, шествовали на Василевской остров во город вашей светлости и гуляли тут часа четыре и более гуляли токмо дождь

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 33об–34, 40, 43об, 47об–48, 49об, 57.
[2] Там же, Л. 43–43об.
[3] Там же, Д. 180. Л. 396об–397, 144, 160.
[4] Там же, Д. 557. Л. 25, 172, 173об, 262об, 202об–203.
[5] Там же, Л. 138–139.

помешал»[1]. 9 августа Девиер подытоживал, что дипломат отправился в Москву (добавляя о приезде цесарского министра графа Кинского, который жил в Санкт-Петербурге 10 дней)[2].

Наиболее важной темой, встречавшейся среди писем Девиера к Меншикову и Меншикова к Девиеру, являлся вопрос о здоровье и времяпрепровождении[3] государя и его семьи[4]. В данном случае обмен информацией был построен на принципе взаимности: если князь отсутствовал рядом с Петром, а Девиер находился вблизи, то генерал-полицмейстер сообщал ему необходимые сведения; если Девиер пребывал в другом месте, а князь сопровождал царя, то Меншиков выступал в роли информанта; если же они оба были вне досягаемости от Петра, то делились друг с другом деталями, полученными от других государственных деятелей. Подобным образом происходил обмен сведениями относительно времяпрепровождения Екатерины, царевен и великого князя. Большинство писем заканчивались просьбами об уведомлении – «прошу вашу милость, изволте нас уведомить о состоянии дражайшаго здравии их высочеств государень цесаревен и великого князя с сестрицею и впред в любителной своей коресподенции не оставить»[5].

1 марта 1722 г. Девиер передавал князю, что из письма к их высочествам известно о том, что государь и государыня находятся в добром здравии и закончили принимать курс марциальных вод. Согласно указу Петра, он просил отправить к марциальным водам для создания портрета живописца Ивана Никитина[6]. 6 марта генерал-полицмейстер снова передавал сведения о здоровье царской четы и их планы 7 марта поехать в Москву, полученные от Головина (в дополнение он сообщал, что сам Головин планирует поехать в

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 140об
[2] Там же, Л. 143об.
[3] В особенности, в письмах красочно описывались различные мероприятия и празднества. 1 марта 1720 г. Девиер сообщал: «Прошедшего февраля 28 числа царское величество со знатнейшими персоны Масляницу провожали и гораздо вси веселились и были шумны, и того ж числа в 9 часу его величество на Олонец путь восприять изволил». См.: Там же, Л. 25, 26–27об.
[4] Там же, Д. 180. Л. 239, 577, 578, 581, 594об, 598; Д. 181. Л. 111; Д. 182. Л. 21, 227, 622; Д. 557. 105, 106, 108, 112–112об, 138об–139, 142, 143–143об, 213–214, 227–227об, 330–330об, 331.
[5] Там же, Д. 557. Л. 396об–397.
[6] Там же, Л. 116–116об.

Москву на шестой неделе поста)[1]. В ответ Меншиков 9 марта посылал известие из Москвы, что там все прибытия его величества дожидаются[2]. Девиер, продумывая события на шаг вперед, напоминал о необходимости прислать уведомление, если вдруг князь решит вернуться в Санкт-Петербург после прибытия царя[3] (возвращение Александра Даниловича состоялось в середине апреля)[4]. В апреле Меншиков в красках передавал генерал-полицмейстеру сведения о московских событиях, в том числе и о весьма студеной погоде[5]. Стоит отметить, что в корреспонденции регулярно встречаются упоминания о погоде как в Санкт-Петербурге, где находился Девиер, так и в местах пребывания Меншикова. Детальность, с которой оба государственных деятеля передавали погодные условия, не может не вызвать восхищения[6].

Как показывают источники, и Девиер для Меншикова, и Меншиков для Девиера не были единственными информантами обо всех вышеперечисленных событиях. Среди государственных деятелей, которые вели регулярную переписку с князем, встречаются личности, явно обладавшие более подробными сведениями о военных действиях или находившиеся при царе и пользовавшиеся большим доверием, чем Девиера (например, Ф.М. Апраксин, А.В. Макаров, П.А. Толстой, Екатерине и др.). Генерал-полицмейстер, надо полагать, также был осведомлен о событиях посредством других каналов[7]. Однако подобный обмен информацией о том, что происходит в государстве, позволяет говорить, как минимум, о желании обоих (в большей мере Девиера, который передавал сведения с большей щедростью) доказать свою осведомленность и, соответственно, полезность, поддержать разговор. В

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 121об–122.
[2] Там же, Л. 124об.
[3] Там же, Л. 124об.
[4] Там же, Л. 130-130об
[5] Там же, Л. 129-129об
[6] Там же, Д. 180, Л. 168об; Д. 191. Л. 22; Д. 192. Л. 24; Д. 557. Л. 32, 133, 135, 167, 179об, 194об, 203, 206об, 209, 241об, 350об, 351–351об. Л. 572об.
[7] Он не раз дублировал в своих письмах информацию, которую ему передавал Меншиков.

ряде случаев генерал-полицмейстер и князь добавляли, так скажем, личную информацию, например, о собственных передвижениях и планах[1].

Помимо информирования, Меншиков и Девиер выполняли друг для друга посреднические функции. В большей степени это касалось генерал-полицмейстера, который, если основываться на концепции Ш. Кеттеринг, являлся для князя даже не посредником (go-between), а брокером, который имел собственные властные и материальные ресурсы и использовал их на благо патрона. Роль Девиера была двойственной: с одной стороны, он передавал сведения от Меншикова-клиента к государю или же к членам его семьи, являвшихся для него патронами; с другой – связывал Меншикова-патрона с клиентами или информаторами, заинтересованными в политическом сотрудничестве. Выполняя брокерские функции, генерал-полицмейстер выносил пользу и для себя. Он включался в процесс государственного строительства, укреплял свое место среди членов политической элиты, устанавливал связи и все больше мог рассчитывать на помощь князя, поскольку гарантировал ему свою лояльность. Меншиков, к слову, также осуществлял связь между Девиером и другими государственными деятелями. Однако это, скорее, выглядело как помощь покровителя клиенту или же как передача информации, полученной от клиента (т.е. Антона Мануиловича) к патрону-патронов (т.е. царю)[2].

Посредничество между государственными деятелями реализовывалось несколькими путями. Находясь в Санкт-Петербурге, Девиер от лица царя приглашал Меншикова на аудиенцию. В «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова» находим: «В 19 день (апреля 1719 г. – *М.Н.*), то есть в неделю, его светлость пополуночи в 7-м часу встав и убрався, изволил слушать утренняго пения. По совершении был <в покоях>, между тем его царское величество

[1] Например, 7 января 1722 г. генерал-полицмейстер отвечал Меншикову: «Всеприятнейшее вашей светлости, моего милостиваго патрона писание из Москвы декабря от 21 дня сего месяца 5 числа исправно получил, чрез которое уведомлен есмь о здравом вашей светлости з домом в Москву прибытии, и за оное всенижайше благодарю и прошу, дабы в пред о здравии вашей светлости не был оставлен». Сам он однажды информировал князя о поездке на Олонец. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 25, 102.

[2] Это упрощенный вариант. На практике Меншиков мог передавать, полученное от Девиера, к Макарову или Екатерине, которые уже передавали Петру.

изволил прислать генерала-полицемейстера Девиера, чтоб его светлость шол к его царскому величеству, с которым тотчас отшол во дворец»[1]. В случаях отсутствия князя в Санкт-Петербурге генерал-полицмейстер как по просьбе Меншикова, так и по собственной инициативе докладывал Петру и Екатерине о тех или иных событиях. 14 марта 1720 г. Девиер писал Макарову, через которого Меншиков ранее передавал требуемые документы: «о чертежах котлинских домов, что Вам светлейший князь отдал при отъезде своем, Его величеству я докладывал же, которые Его величество изволил взять к себе и по времени хотел разсмотреть»[2]. Подобная схема работала и в обратном направлении, когда Меншиков через генерал-полицмейстера получал указания правителя. Так, в июне 1725 г. Девиер озвучивал князю указ Екатерины о назначении командирами над военными частями генерала Бона и Лефорта[3]. Вместе с этим Девиер извинялся перед князем, что «присылкой табелей и известием укоснил» по причине отсутствия курьеров[4]. Примечательно, что несколько раз в тексте писем генерал-полицмейстера встречаются упоминания о реакции царя на сведения или результаты деятельности князя[5].

И Девиер, и Меншиков передавали друг через другу письма, предназначавшиеся иным корреспондентам. В первую очередь через руки генерал-полицмейстера проходила корреспонденция для царевен Анны и Елизаветы, поскольку с 1722 г. он руководил их двором. Нельзя не отметить, что письма от Меншикова к Девиеру нередко соседствовали с письмами к царевнам, в них содержались пояснения и дополнительные указания. Можно предположить, что посылались документы в одном конверте на имя генерал-полицмейстера. Причем по некоторым, брошенным между делом фразам

[1]Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 303
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 46. Л. 4-4об. Об этом же он повторял снова 16 марта 1720 г. См.: Там же, Л. 22–22об.
[3] Там же, Д. 557. Л. 390об.
[4] Там же, Л. 392
[5] Так, Девиер относительно посещения Петром дома князя писал: «Доношу вашей светлости, в прошедшей воскресной день 24 апреля царское величество на буеоах изволил кататца и в доме вашей светлости заежать изволил, и пили про ваше здоровье». См.: Там же, Л. 35.

можно сделать вывод, что Антон Мануилович был в курсе той информации, которую князь адресовал царским дочерям, скорее всего, от них самих. Через Девиера отправлялись и ответы царевен князю[1]. С меньшей частотой Меншиков обращался к Девиеру с просьбой передать послания государю или государыне. Так, 1 апреля 1719 г. генерал-полицмейстер уведомлял: «писма вашей светлости их величеству и при тех присланное мною исправно вручено, которое выше присланное ея величество заблаго приметь и благодарить изволила»[2]. Еще одну группу писем, проходивших через Девиера, составляли послания к Ягужинскому, Макарову и Монсу[3]. Имена других государственных деятелей среди известных нам документов не упоминаются.

Участие Меншикова в документообороте выглядит несколько скромнее. Он передавал генерал-полицмейстеру реляции царя[4] или прилагал к своим собственным письмам, направленным к Петру и Екатерине, письма и копии с писем Девиера (надо полагать, что Антон Мануилович не всегда просил князя о подобной услуге)[5]. Реальную помощь он оказывал в случае обмена корреспонденцией между Девиером и кабинет-секретарем Макаровым. 10 декабря 1722 г. Меншиков, находящийся в Москве, писал к Макарову, сопровождавшему Петра в Персидском походе: «сего числа получили мы от брегадира и генерала полицеймейстера Девиэра писма, подписанные к вашей милости, которые при сем прилагаем и пребываем»[6]. Стоит сказать, что к кабинет-секретарю Девиер регулярно отправлял различные доношения и письма о делах, касающихся строительства и благоустройства Санкт-Петербурга. Случаи упоминания Меншикова как пособника в передаче письма являются единичными, соответственно, данный канал обмена информацией в отношениях Макарова и Девиера не был превалирующим.

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д, 557. Л. 160об, 165об, 197, 204об, 217, 219.
[2] Там же, Л. 28.
[3] Там же, Л. 140об, 142, 242об.
[4] Там же, Д. 180. Л. 510об.
[5] Там же, Д. 180. Л. 478; Д. 557. Л. 201об; Д. 737. Л. 299
[6] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 60. Л. 606.

Посредничество государственных деятелей в передаче корреспонденции не было чисто техническим. Во-первых, не обходилось без эксцессов, когда они оба случайно, как указывалось в оправдании, вскрывали отправленное через них послание. В 1722 г. Меншиков надеялся на милость Девиера, поскольку «присем прилагаем писмо писанное к вам от кабинет-секретаря Макарова, которое мы, уповая, что оное писано к нам роспечатали и в том приносим на нас непогневаца»[1]. Подобный казус не обошел и самого генерал-полицмейстера[2]. Во-вторых, поясняя некоторые события, например, военные действия Девиер мог сослаться на письма государя, об отправке которых он был уведомлен. 9 августа 1720 г. он, передавая сведения о действиях флота у Гренгама, присовокуплял: «о чем и в писмах царского величества до вашей светлости пространне писано»[3]. Также он был в курсе поручений, которые Меншиков давал другим государственным деятелям. Находясь в Малой России в 1720 г., князь старался выхлопотать у Петра указ о скорейшем возвращении в Санкт-Петербурге. Основным ходатаем в подобном деле выступал кабинет-секретарь Макаров. Девиеру, как показывает его корреспонденция, было известно о желаниях князя. 18 августа он уведомлял Меншикова, что «о прибытии своем сюда, ваша светлость, надеюся что уже известны чрез посланныя до вас писма на сих днях с вашей светлости з денщиком от господина Макарова, и желаем щасливаго вашей светлости прибытия»[4].

Посреднические функции Девиера и Меншикова получили реализацию в нескольких конкретных ситуациях. Один из таких случаев относится к 1722 г. и связан с доставкой арбузов и винограда к царевнам Анне и Елизавете. В октябре Меншиков сообщал Девиеру о том, что Екатерина Алексеевна передала 180 арбузов для их высочеств, но те частично оказались гнилыми. Поэтому Меншиков посылал только 24 и для этого организовал подводы.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 581.
[2] Там же, Д. 557. Л. 142.
[3] Там же, Л. 53об.
[4] Там же, Л. 58.

Девиера он просил арбузы получить и царевнам объявить[1]. 22 октября генерал-полицмейстер отвечал не без удивления, что «изволили Ваша светлость сего октября от 19-го числа писать, что при том с писмовручителем Их императорскому высочеству арбуза послать и такое Вашей светлости писмо на почте 26го числа получено, а арбусов не прислано, однакож я о том Их императорскому величеству доносил и Вашей светлости благодарить приказали, а арбузы и по се время еще не бывали»[2]. Как только долгожданные арбузы дошли до Санкт-Петербурга в начале ноября, Меншиков уже отправил к царевнам еще 40 астраханских арбузов[3]. Чуть позже к арбузам добавился виноград, с которым наблюдалась та же проблема – по пути он портился, несмотря на все попытки князя осуществить быструю доставку[4]. 19 ноября Девиер в ответе на письмо князя передавал реакцию царевен: «коли (арбузы и виноград. – *М.Н.*) не годны и попортились, не для чего сюда и присылать и напрасной в том труд прилагать»[5]. В результате, только лишь в декабре Девиер смог удовлетворить любопытство Меншикова, так как «их высочествам посланыя от Вашей светлости 40 арбузов с сержантом Петром Мичюриным сего ноября 28-го привезены»[6].

В корреспонденции Девиера-Меншикова рядом с просьбами о посредничестве соседствуют обращения о протекции другим людям. В апреле 1719 г. Меншиков просил генерал-полицмейстера оказать содействие своему служащему И. Борисову. Девиер, вняв прошению князя отвечал, что «подьячему Ивану Борисову (управляющему имуществом Меншикова и хорошо знакомому Девиеру. – *М.Н.*) по моей к Вашей светлости услужной должности в нуждах ему всякое споможение чинить готов»[7]. Сам генерал-полицмейстер лишь однажды предложил Меншикову кандидатуру курляндского шляхтича Клокмана, чьи отношения с Девиером остались без

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 492.
[2] Там же, Д. 557. Л. 171об.
[3] Там же, Д. 180. Л. 519.
[4] Там же, Д. 180. Л. 533об.
[5] Там же, Д. 557. Л. 186об.
[6] Там же, Л. 195об.
[7] Там же, Л. 27. О той же услуге князь просил Бахмеотова. См.: Там же, Д. 378. Л. 54.

нашего внимания. Клокман «просил, дабы я рекомендовал ево Вашей светлости, ибо он слышал, что Ваша светлость изволите в своем доме подворные чины употреблять во всем против того как имперским князьям принадлежит, и для того дабы он принят был в службу Вашей светлости. А понеже как я слышел, что он человек доброй, и немецкому, и французскому, и латинскому языкам искусен»[1].

Итак, личные связи Девиера с Меншиковым характеризовались взаимным выражением лояльности в письмах и посреднической деятельностью, прежде всего, в отношении представителей царской семьи. При этом политический статус Девиера заметно отличался от статуса и политического влияния Меншикова. Князь, бесспорно, был более влиятельной фигурой и, хотя ему приходилось мириться с практически независимым положением генерал-полицмейстера в рамках служебных отношений, в личных делах Девиер вряд ли рассматривался им на равных. Антон Мануилович не имел ни таких обширных политических связей, ни таких материальных ресурсов, ни развернутой клиентеллы, занимал более скромную должность (причем локально ограниченную), появился на политической арене гораздо позже и его отношения с царской семьей все-таки были менее прочными. Скорее, Девиер виделся князем как лояльный брокер, способный осуществить посредничество и обладавший своими собственными ресурсами, в том числе близостью к семье государя, которые можно было бы выгодно употребить. Подобную мысль подкрепляет проанализированный нами ранее язык корреспонденции, в которой Девиер в большей степени, чем Меншиков, расточал уверения в лояльности и сам себя представлял в качестве верного слуги князя. Кроме того, доказательством патрон-клиентских (патрон-брокер-клиентских) отношений[2], сложившихся между Меншиковым и Девиером, являются примеры их участия в личных делах друг друга.

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 406–406об.

[2] Термин Шерон Кеттеринг. См.: Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. N.Y., Oxford, 1986. 332 p.

Девиер не раз и не безуспешно просил князя содействовать решению личных проблем. В августе 1722 г. генерал-полицмейстер вознамерился передать кому-либо в «присмотрение» принадлежащую ему тульскую мельницу, которая стояла без дела, и с этой целью обратился за помощью к Меншикову. Князь нашел заинтересованных дельцов в лице Н. Демидова, имевшего в Туле металлургические заводы. Он написал Демидову и получил от него ответ, что для наблюдения за мельницей он поставит верного человека, который будет у той мельницы работать. Дальше князь передавал генерал-полицмейстеру советы Демидова и свои рассуждения по поводу выгодного использования мельницы и просил написать обретающимся у мельницы управляющим, чтобы во всем посланному человеку помогали[1]. Девиер, радуясь благополучному решению дела, благодарил: «а что соизволили милостивое и отеческое ко мне призрение показать, и о тулской мелнице об отдаче на оборон к Демидову писать, что он и обещал присмотрение иметь, и сыну своему о том приказал, и за такую Вашей светлости, моего премилостиваго отца и патрона милости всенижайше благодарю, а чтоб были в том послушны Демидову и сыну ево о том посылаю к прикащику моему под вскрытою печатью послушное писмо»[2]. После этого князь отмечал, что Демидову отписал и письмо генерал-полицмейстера к приказчикам при нем передал[3]. Спустя несколько месяцев, 27 декабря, Меншиков снова напомнил генерал-полицмейстеру о его мельнице. Князь пересылал Девиеру письмо Демидова из Тулы и советовал, что лучше всего будет поступить так, как пишет заводчик[4]. На протяжении следующих лет мельница продолжала

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 414–414об.
[2] Там же, Д. 557. Л. 149об.
[3] Там же, Д. 180. Л. 452–452об. Демидов поручил урегулировать вопрос с мельницей своему сыну (предположительно Никите). Меншиков писал последнему: «писал к нам отец ваш, что он господина брегодира и генерала полицеймейстера Дивиэра тулскую мелницу берет в присмотрение и впред для помолнои прибыли желает пристроить. И то все приказал в небытность свою исправлять вам, того ради изволте оную от прикащиков ево принять и иметь в своем смотрении и все то исправляите как вам отца ващего приказано. А о получении в том о всем ко обретающемся там прикащику Ефиму Брумберху от него брегадира и генерала полицеймейстера Девиэра писано за отворчатою початью, прилагаеттся при сем». См.: Там же, Д. 180. Л. 454об–455; Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М., Л., 1949. С. 167; Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. 325 с.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 609.

находиться под присмотром Демидовых, однако параллельно Меншиков (не Девиер!) подыскивал для нее покупателей. 28 июля 1724 г. Девиер отвечал на запрос князя о цене: «приходит от той мелницы на каждой день, кроме пыли, по три и по два рубли с полтиною, по свидетелству комисара господина Демидова, и по тому ваша светлость изволте продать против такой цены»[1].

Надо полагать, не без последствий данного дела между Девиером (и его семьей) и Демидовыми сложились личные связи. В 1725 г. генерал-полицмейстер ходатайствовал перед Меншиковым о помощи Н. Демидову, поставлявшему фонтанные трубы для сада императрицы и потерпевшему несчастье – часть его труб потонула в Ладожском озере при пересылке[2]. Демидов был весьма ценным поставщиком строительных деталей для государственных строек. Начиная с 1710-х гг. он поставлял трубы для строительства парков и фонтанных комплексов в Петергофе и Стрельне. Соответственно, дело переправки труб с Тульских заводов затрагивало не только личные интересы Демидова, но и государственный интерес. Контакты между Девиерами и Демидовыми фиксируются, как минимум, до 1736 г., когда сын генерал-полицмейстера Петр Антонович пытался добиться 40 рублей займа[3] (сам Антон Мануилович в это время находился в ссылке в Сибири).

Некоторые имущественные дела Девиера, в которых он ждал помощи князя, могли косвенно касаться и самого Меншикова. В 1722 г. генерал-полицмейстер обращался к князю с просьбой повлиять на его служителей А. и С. Полочаниновых. Он делился новостью, что в январе купил у костромского дворянина И.С. Захарова несколько семей крестьян и получил на них крепость. Но две семьи, которые принадлежали ему по праву, по каким-то причинам жили в вотчине с Полочаниновыми. Прилагая реестр, он надеялся на милость Меншикова, что тот прикажет своим служителям привезти крестьянские

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 352.
[2] Там же, Л. 402–402об.
[3] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 17. Л. 83об.

семьи «бес всякого спору» в Санкт-Петербурге. Примечательно, что Девиер всячески старался уладить дело без открытых конфликтов, апеллируя к Меншикову[1].

Особняком от хозяйственных и имущественных вопросов стоит попытка Девиера посредством князя получить новый чин. В 1720 г. Антон Мануилович получил звание бригадира и служил в нем без возражений до осени 1722 г., когда с помощью П.И. Ягужинского добивался повышения. Ягужинский, надо полагать, обратился к Макарову, который отвечал: «Государь мой Павел Иванович! Писмо ваше июля от числа получил, в катором вы изволил писать. чтоб о перемене чинов господина Девиера и господина Грекова[2] донести Его величеству, и о том Его величеству я доносил, на что изволил сказать, что оные перемены чинам будут по возвращении Его величества[3], а между тем бы господин Греков должность свою отправлял прежним чином»[4]. В результате дело затянулось еще на год. 13 ноября 1723 г. Девиер, не удовлетворив своих чаяний, просил князя о содействии и пересылал ему копию процитированного выше письма. Он ждал, что Меншиков, подобрав удобное время доложит государю, и он сможет «их величество и вашу светлость благодарить»[5]. Князь в ответном письме обещал Девиеру завтра же доложить Петру о произведении бригадира и генерал-майоры[6]. Доложил ли Меншиков Петру о желаниях вышеперечисленных деятелей, мы не знаем. Однако Девиер долгожданного повышения в 1723 г. не получил. В 1724 г., поздравляя князя с новым назначением сына, он вновь жаловался, что «я благонадежно таковой милости ожидал, ибо уже з два года как милостиво обещать изволили, о чем и Ваша светлость доволно известны, на для чего такой милости я лишен не знаю. Прошу Вашу светлость, моего милостиваго отца о том уведомить и милостивое в том представителство»[7]. В генерал-майоры Девиер был

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 133.
[2] Московский обер-полицмейстер
[3] Петр в это время находился в Персидском походе
[4] Там же, Л. 182
[5] Там же, Л. 183.
[6] Там же, Д. 180. Л. 622.
[7] Там же, Д. 557. Л. 339–340.

произведен лишь в январе 1725 г., с помощью или без помощи Меншикова не известно. В дополнение отметим, что вместе с Антоном Маниуловичем в 1722 г. повышения ждали обер-полицмейстер Греков, полковник Сунин, полковник Пестриков, комендант Бахмеотов, флигель адъютант Федор Щербачев[1]. Ведомость с их именами сохранилась в бумагах Меншикова. Причем, например, Бахмеотов в отличие от Девиера желаемое повышение (из полковника в бригадиры) получил летом 1723 г. – 26 июня комендант именует себя полковником, а 10 июня уже в соответствии с новым рангом.

Аналогично с участием Меншикова в личных делах Девиера, Антон Маниулович, практически постоянно находившийся в Санкт-Петербурге, по просьбе князя вмешивался в некоторые хозяйственные дела или же оказывал пособничество меншиковским служителям. Как правило, старания генерал-полицмейстера требовались в отсутствие Меншикова в столице. Тем более, что в некоторых случаях вопросы, решение которых князь поручал Девиеру, напрямую соотносились к сфере компетенции генерал-полицмейстера. В начале осени 1722 г. Меншиков обращался к Девиеру, чтобы тот оказал посильную помощь его дворецкому Я. Мракешу. Он писал: «Просил нас дворецкой наш Ян Мракеш, что в Санкт-Питербурском ево доме на квартире стоят салдаты и на работу спрашивают от дому ево работника, а понеже оной ево дом велено сломать и ныне переносят на назначенное место». Исходя из изложенных причин, Меркеш предлагал через князя постой в дом Маркеша не назначать и работников с него не просить. Меншиков, подтверждая тяжелое положение дворецкого, добавлял указание от себя – «каким манером надлежит строить домы изволите прислать к нам печатные чертежи»[2]. 14 сентября Девиер отвечал Меншикову, что «з двора Мракеша к рогаткам караулу давать и постою ставить не приказал, покамест оной свой дом построит»[3].

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 622об.
[2] Там же, Л. 433об–434.
[3] Там же, Д. 557. Л. 155об.

Несколько раз князь использовал Девиера для решения строительных проблем. Зимой 1723 г. Меншиков был возмущен поведение поручика Унковского, который «пришед на чернышевской наш дом со многолюдством, не сказав в доме нашем служителем, на деревянных хоромах кровли сломал от чего и окончины перебиты, трубы и печи явились поломаны»[1]. Он добавлял новости, полученные от барона Г. фон Мардефельда, который проживал в этом доме, что напротив строения была построена конюшня, которая загораживала свет, попадавший в окна. Князь просил, поведение Унковского рассмотреть, а конюшню перенести куда-то подальше, чтобы она не лишала жильцов освещения. Расследовав обстоятельства, Девиер утешал Меншикова, что, если поручик своевольно «не обявиляя служителем вашей светлости учинил и сломал, штрафован будет, и о том, изледовав доволные известие, предложить вашей светлости неукосню, а конюшня на оном же дворе как при бытности вашей светлости была так и ныне стоит и вновь построенного ничего нет»[2]. Несмотря на то, что данный эпизод напрямую связан со сферой компетенции Девиера – Полицмейстерская канцелярия занималась ломкой и проверкой построенных домов – личность обращавшегося (то, что это никто иной, как Меншиков) играла немалую роль. Меншиков заботился, прежде всего, о своей личной собственности, а не о правильности соблюдения строительных регламентаций в городе[3]. Соответственно, генерал-полицмейстер должен был отнестись к решению вопроса с особым вниманием.

В апреле 1723 г. Меншиков снова недоумевал по поводу сломанных мазанок, принадлежавших ему (эту информацию ему передали служители дома). Девиер в ответном письме выражал сожаление, что не смог первым князю о произошедшем сообщить и обещал впредь услужить во всем, кроме этого, поскольку «понеже Его императорское величество сам позади оной набережной линеи изволил ходить и что надлежит велел сломать не у однех

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 22; Д. 192. Л. 24–24об.
[2] Там же, Д. 557. Л. 219об–220.
[3] Этот случай является одним из показателей того, насколько трудно разделить деловые и личные связи и насколько это деление является условным для удобства подачи материала.

ваших мазанок, но и у протчих той линии домов, и в том не изволте иметь никакова мнения»[1]. Через Девиера Меншиков получал информацию о ремонтных работах, производимых в его доме на Васильевском острове. В разное время генерал-полицмейстер проверял качество росписи фресками в комнатах санкт-петербургском дворце[2], сообщал о ходе ремонта внутри и снаружи дома[3].

Меншиков надеялся на пособничество Девиера, потакая своим личным прихотям. В декабре 1721 г. князь просил генерал-полицмейстера приказать написать живописцу парсуны царевны Наталии Петровны и великого князя Петра Алексеевича. Девиеру пришлось аккуратно Меншикову отказать, так как государь при отъезде приказал писать портреты («персоны») их величеств со всей их фамилией[4]. Поэтому он рекомендовал князю, когда он сможет приехать в Санкт-Петербург, «тех персон у их величества выпросить»[5].

Благодаря тесным деловым и личным связям с Меншиковым, Девиер оказался вовлеченным в судебно-следственное Почепское дело, от развития которого зависела судьба и политическая карьера князя. Генерал-полицмейстер не имел никакого прямого отношения к событиям, развернувшимся на малороссийских территориях, однако оказавшийся к 1722–1723 гг. в катастрофической ситуации – обвинения все увеличивались, а решения не выносилось – Меншиков хватался за любую возможность заручиться поддержкой людей, способных встать на его защиту перед Петром. Объективно оценивая границы политического влияния Девиера, он использовал его лишь в качестве посредника между собой и двумя наиболее

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 269–271.

[2] Он передавал свои впечатления: «весма работа хорошая и так мошно сказать, что здесь такой нет». См.: Там же, Л. 155.

[3] Он подчеркивал, что в палатах и снаружи дома ремонт сделали так, что все выглядит как новое. О том, что будет делаться дальше, Девиер также обещал князя информировать. См.: Там же, Л. 350.

[4] «Понеже Его императорское величество по отбытии своем указал живописцом, определенным при дворце, писать персоны Их величества с своею фамилиею, и ныне они те персоны в зимнем доме работы эти и для того мне их от оной работы заставить неможно, и когда ваша светлость изволите сюда прибыть, а надеюся я к тему времени тои работы несколько быть в готовности, и тогда можете и с тех персон у Их величества выпросить, а между с кем по желанию Вашей светлости старатца буду, чтоб между государевом делом и Вашей светлости могли отправить». См.: Там же, Л. 102об–103.

[5] Там же, Л. 102–103.

близкими к государю людьми – императрицей Екатериной Алексеевной и кабинет-секретарем Макаровым. При этом нельзя не отметить, что посредничество Девиер осуществлял в ситуации, когда связь с Меншиковым не сулила заметной выгоды, так как князь был близок к краху и стремился спасти свою голову и политическую карьеру. Генерал-полицмейстер помогал Меншикову исключительно на перспективу.

Первый раз упоминания о Почепском деле встречаются в письмах Девиера в начале сентября 1720 г. Тогда Меншиков писал к генерал-полицмейстеру с просьбой напомнить при случае Макарову о необходимости донести царю сведения из писем резидента при гетманском дворе Ф.И. Протасьева. Девиер просьбу князя принял, при этом сожалея, что «ваша светлость и писать не изволили о том, как можем к тому способа искать». Между делом он добавлял информацию по поводу приезда казацкой делегации во главе с П.И. Валькевичем: «дни з два тому назад как прибыл от гетмана с писмами особливо присланный к его царскому величеству»[1]. На этом вмешательство генерал-полицмейстера в Почепское дело на протяжении ближайших трех лет заканчивалось.

Меншиков возобновил попытки через Девиера передать ту или иную информацию лишь в 1723 г. во время следствия в Вышнем суде на Генеральном дворе. 22 марта 1723 г. Меншиков писал к генерал-полицмейстеру о Почепском деле[2]. Девиер, отвечая на него 1 апреля, уверял, что об известных обстоятельствах дела ее величеству доносил, и вместе с этим выразил государыне недовольство князя тем, что на день тезоименитства Дарьи Михайловны обедать в дом Меншикова приехали только Макаров и Дмитриев-Мамонов[3]. Генерал-полицмейстер, кроме того, добавлял: «лучшее, коли б ваша светлость здесь при их величестве сами были и без всякого мнения

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 60об.
[2] К этому моменту Меншиков уже принес государю свою повинную челобитную (см. главу 3, параграф 5) и, должно быть, стремился использовать Девиера для смягчения своей участи, в частности уменьшения штрафных выплат.
[3] Там же, Л. 257–257об.

обо всем известных были»[1]. Далее он заботливо инструктировал Меншикова, каким образом лучше ехать до Санкт-Петербурга[2]. Через несколько дней Девиер снова, уже без просьб Меншикова, упомянул об украинских делах. Передавая сведения о том, кто и когда из петровских соратников прибыл в Санкт-Петербург. Он отмечал, что «тако ж сюда приехал и брегадир Веляминов для украинства дела и держитца у Петра Андреевича Толстова, Алексей Васильевич Макаров еще не бывал»[3].

29 марта 1723 г. Меншиков, еще не получив ответа на предшествующее письмо, послал к Девиеру пажа Дурново. Князь ждал, что генерал-полицмейстер передаст необходимую информацию Екатерине и окажет давление на Макарова. Надо сказать, что Меншиков достаточно детально посвящал Девиера в обстоятельства дела, видимо, будучи уверенным в его лояльности, высказываемой годами. Александр Данилович просил доложить Екатерине обо всем и убедить поспособствовать окончательному решению дела[4] «по гражданским правам» до Светлой недели. Макарову генерал-полицмейстер должен был напомнить о необходимости сделать выписку в доклад его величеству[5]. Девиер, выполнив поручение, докладывал: «что же изволили Ваша светлость упоминать, о почепском деле, и о том Ея величество известна, и изволила обещать милостивое предстателство в том чинить, о чем и напред сего Вашей светлости я доносил, токмо пред сим Его императорское величество изволил ездить в Адмиралтейство в Модель-камор, а ныне застигла Страстная неделя и приходит праздник, також надеюся, что и Ваша светлость о сем небезизвестны, что с торком война начинаетца и сего ради не токмо о Ваших делах времени к докладу не имелось, но и протчия дела нужнейшия к

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 258.
[2] Там же, Л. 258–258об.
[3] Там же, Л. 260.
[4] В цедуле Меншиков добавлял: «о чем и Его императорское величество на Генералном дворе изволил разсуждать против вышеписанного двояко, точию в том моя вина, что не имел жалованной грамоты, того ради вашу милость просим, о том донести всемилостивеишей государыне императрице, дабы, по милостивому Ее величества предстателству, те зборы с казаков денег спрашивать с меня было не велено, буде же сего учинить невозможно, то б поведено было взять с меня из собранной с них суммы, что по ведомости моей явитца половину». См.: Там же, Д. 191. Л. 126об.
[5] Там же, Л. 126–127.

совершенству затем не производятца; однакож Алексею Васильевичю я говорил, чтоб по Вашему требованию о почепском деле в выписку, что к лучшему написать и то он учинить обещал и старатца о том будем, и как напред сего до Вашей светлости писал так и ныне советует»[1]. Завершая письмо, генерал-полицмейстер снова повторял мысль о необходимости возвращения самого князя: «хотя Вашей светлости и не без труда будет, однако ж лучшее, чтоб сами сюда прибыть изволили, как для оного дела Вашего ползы, так и для военнаго, понеже спрашивают здесь обо всем ведомости, но отправить некому, ибо здесь никово нет»[2]. 1 апреля 1723 г. Меншиков снова написал к генерал-полицмейстеру с просьбами исходатайствовать резолюцию[3].

Как показывает подробный анализ обстоятельств Почепского дела (см. глава 3, параграф 5), обращения к Девиеру с просьбами о передаче информации и посредничестве являлись Меншикова лишь еще одним вспомогательным путем воздействия на Екатерину и Макарова, а через них на Петра. На протяжении многих лет князь вел активную переписку с государем, Екатериной, Макаровым и в решающий момент нервничал настолько, что решился привлечь все возможные ресурсы. Параллельно с генерал-полицмейстером Меншиков атаковал камергера Екатерины В.И. Монса, капитана З.Д. Мишукова, обер-секретаря А.Я. Волкова и прокурора Военной коллегии Е.И. Пашкова. Содержание, направленной к ним корреспонденции, было практически идентичным – князь просил напомнить Екатерине и Макарову о необходимости вынесения окончательного вердикта по Почепскому делу. Стоит сказать, что все выбранные Меншиковым персоны, с одной стороны, находились с ним в тесных деловых и личных контактах в последние годы, с другой – были близки к государю, имели возможность лично увидеться с Екатериной и Макаровым и, должно быть, пользовались их

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 264об–265.
[2] Там же, Л. 265.
[3] Там же, Д. 191. Л. 132–132об.

доверием. Они, как хорошо показывает пример Девиера, в ответ князю обещали выполнить все просьбы князя сполна. Однако, к чему привело их вмешательство и было ли оно в принципе, остается лишь догадываться.

Итак, заключая, отметим, что в основе личных связей Девиера и Меншикова лежали декларируемые ими принципы патрон-клиентских взаимоотношений. Девиер, как показывает его корреспонденция, на уровне языка признавал себя клиентом князя, который надеялся на помощь и пособничества могущественного покровителя. Меншиков же принимал знаки внимание, пользовался услугами, подчеркивал свою лояльность и заинтересованность в контактах с генерал-полицмейстером. В рамках подобных отношений они сообщали друг другу ценные сведения о ходе государственных дел, выступали посредниками в передаче корреспонденции, оказывали протежирование и участвовали в личных делах. Девиер осуществлял брокерскую деятельность по отношению к князю, обращая ему на пользу свои собственные материальные и нематериальные ресурсы. При этом генерал-полицмейстер не был полностью зависим от Меншикова (поэтому он брокер, а не клиент), поскольку пользовался доверием государя и занимал заметную государственную должность, позволявшую самостоятельно определять стратегии поведения. Девиер был способен оказывать Меншикову исключительные услуги там, где ему мало кто еще мог помочь. В этом плане генерал-полицмейстер делал для Меншикова больше, чем Меншиков для него, и, что не маловажно, не только раздавал обещания, но и выполнял их на практике. Князь со своей стороны также оказывал Девиеру необходимую поддержку, так как, надо полагать, видел собственную выгоду от устойчивых личных и деловых связей с генерал-полицмейстером.

2.5. К вопросу о прочности семейных связей

Как уже не раз отмечалось, среди ключевых сюжетов взаимоотношений генерал-полицмейстера Девиера и князя Меншикова исследователями

единодушно называется ситуация, сложившаяся вокруг женитьбы Антона Мануиловича на сестре князя Анне Даниловне. Именно из этих обстоятельств выводится характер деловых и личных связей двух государственных деятелей: как правило, говорится о взаимной вражде, скрытой и явной, которая обуславливала их контакты на протяжении первой трети XVIII в. и получила реализацию в последние месяцы правления Екатерины в деле Девиера – Толстого (1727 г.). Например, известный биограф Девиера С.Н. Шубинский писал: «Понятно, что после такого происшествия между всесильным временщиком и навязанным ему родственником возникла непримиримая ненависть. Оба, разумеется, внешним образом скрывали ее, но в душе только ждали удобного случая погубить друг друга»[1].

Не забывая о существующих в историографии оценках, в предыдущих параграфах мы постарались показать, что деловые и личные связи, соединявшие Девиера с Меншиковым, отличались регулярностью и интенсивностью. Оба петровских соратника старались поддерживать, как минимум, видимость лояльности и вынуждены были сотрудничать на государственном поприще. В особенности в льстивых выражениях преуспевал Девиер. Никаких открытых и явных конфликтов между ними до 1727 г., точнее до судебно-следственного дела Девиера – Толстого, в котором генерал-полицмейстер выступил против матримониальных планов князя, не наблюдалось. Поэтому в рамках данного раздела мы планируем в начале остановиться на имеющихся сведениях о женитьбе Девиера, а затем проанализировать контакты князя и генерал-полицмейстера по семейным вопросам, насколько это представляется возможным[2].

Прежде всего отметим, что проблема роли семьи в системе государственного управления раннего Нового времени привлекала внимание

---

[1] Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 428

[2] Стоит сказать, что источники, которые бы раскрыли нам семейные взаимоотношения Меншикова и Девиера, имеются в крайне ограниченном количестве, поскольку личного архива Девиера не сохранилось. Мы можем лишь сделать некоторые выводы на основе их корреспонденции и отдельных упоминаний в документах близких к Меншикову и Девиеру людей.

исследователей. Не имея целью углубляться в дискуссии внутри данной темы, выделим несколько важных для настоящего исследования наблюдений. Во-первых, семья, согласно распространенному в историографии мнению, являлась основополагающей социальной единицей, которая еще до рождения определяла место человека в политической иерархии (наиболее ярким воплощением принципа семейности была практика местничества в Московской Руси). Принадлежность к определенной семье и роду гарантировала занятие той или иной должности, а также помещала личность в конкретную политическую группировку (этот тезис нашел отражение в работах Д. Рансела, Дж. Ле Донна, Дж. Леви и др.[1]). Несмотря на ряд мер, направленных на ликвидацию власти родственных кланов – отмену местничества, введение при Петре I Табели о рангах – на протяжении XVIII в. роль семейных связей в системе государственного управления оставалась весьма значительной.

Во-вторых, по мнению исследователей, семейные связи органично вписывались в систему патрон-клиентских отношений, нередко определяли механизмы их функционирования[2]. Известный исследователь патрон-клиентских отношения во Франции Р. Мунье полагал, что индивид, согласно выбору семьи или своему собственному, уже в детстве попадал под протекцию определенного патрона (в основе их отношений лежало особое чувство привязанности fidélité (нежное чувство верности))[3]. Семейная верность была наиболее крепкой основой для установления патрон-клиентской связи.

---

[1] О подобной роли семейных связей в политической культуре России XVIII в. см.: Dixon S. The Modernisation of Russia 1676–1825. Oxford, 1999. 267 p.; Le Donn J. P. Absolutism and Ruling Class. Oxford, 1991. 376 p.; Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; L., 1989. 376 p.; Meehan-Waters B. Autocracy&Aristocracy. The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick; N.J., 1982. 274 p.; Ransel D. Bureaucracy and Patronage: The View from an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer // The Rich, the Well Born, and the Powerful. Elites and Upper Classes in History. Urbana; Chicago; L., 1973. P. 154–178; Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; L., 1975. 327 p. Об анализе этих работ, см.: Лысцова А. С. Правящая элита и система патронажа в России XVIII в. англоязычной историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 4 (78).

[2] Beik W.H. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present. Vol. 188. Iss. 1. 1 August 2005. P. 195–224.

[3] Mousnier R. La vénalité des Offices sous Henri IV et Louis XIII, Genève: Mégariotis Reprints, 1979. 724 p. Подробнее об анализе концепции Мунье, см.: Ермакова О. К. Теоретико-методологические подходы к изучению неформальных связей во Франции Старого порядка во французской историографии (середина XX — начало XXI вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 4 (102).

Учитывая сильные и слабые стороны концепции Мунье, более рациональную концепцию предлагала американская исследовательница Ш. Кеттринг. Она подмечала, что родство – это ненамеренные отношения на основе рождения, которые налагали взаимные обязательства, а родственники – это люди, связанные кровью и браком, а не выгодой. Поэтому родственники становились клиентами только тогда, когда они попадали в зависимость от других членов своей семьи ради продвижения по карьерной лестнице. При этом патрон-клиентские связи между членами семьи обычно характеризовались большей теплотой, нежностью и крепостью[1].

В-третьих, исследователи отмечают факты использования в письмах именований, характерных для семейной терминологии – «брат», «отец» и т.д.[2]. Так, А.И. Заозерский, рассматривая отношения Б.П. Шереметьева и А.Д. Меншикова, указывал на общеупотребительность именований «брат», «патрон», «благодетель», которые выражали благоговение только на бумаге[3]. Эту мысль развил в своих исследованиях Д.Г. Полонский. Останавливаясь на употреблении слова «брат» в письмах петровских вельмож, он заключал, что «демонстрацию личного расположения вельмож нельзя отождествлять со стремлением зафиксировать (либо подтвердить) номинальное равенство статуса политических союзников»[4]. Тем не менее, как справедливо отмечают Е.В. Анисимов, Т.А. Базарова и М.Е. Проскурякова обращения «брат» и «отец» маркировали определенный социальный статус контрагентов, сознательно принимаемый ими в рамках обмена корреспонденцией[5].

Итак, вернемся к обстоятельствам заключения брака между Девиером и Анной Даниловной. В историографии описание женитьбы чаще всего

---

[1] Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. N.Y., Oxford, 1986. P. 33

[2] Девиер, к слову, использовал в письмах к Меншикову именования «отец» и «патрон». А Меншиков – «милость».

[3] Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 223.

[4] Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011.Вып. 2 (9). С. 77.

[5] Анисимов Е.В., Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 53, 55.

передается без ссылок на какие-либо источники как устоявшийся факт[1]. Причем не редкость, что для придания большей увлекательности сюжета используются все более и более яркие эпитеты. Только В.П. Наумов в работе, посвященной повседневным практикам петровского окружения, в качестве источника указывает на книгу «Русские избранники» Г. фон Гельбига[2]. Приведем дословно написанное Гельбигом: «Мало-по-малу получал он (Девиер. – *М.Н.*) повышения в армии и, наконец, стал настолько смел, что просил у своего прежнего господина (Меншикова. – *М.Н.*) руки его сестры, во взаимной любви которой был уверен. Меншиков с презрением отклонил это предложение, но Девьер не бросил своего намерения. И он достиг своей цели. Сестра князя дала ему столь неопровержимые доказательства своей любви, что Девьер счел, наконец, необходимым заявить ее брату, что необходимо торопиться с формальным утверждением брака, если князь не желает иметь неприятности видеть свою сестру незамужнею матерью. Вместо всякого ответа, Меншиков приказал вздуть батогами своего непрошенного зятя. Еще покрытый кровавыми последствиями гнева князя отправился Девьер к императору, бросился в ноги и просил о защите. Надо, вообще, удивляться подобной жалобе, приносимой государю, которая столь необычна среди честных людей, получивших оскорбление. Самое ясное приказание Петра могло лишь в слабой степени оправдать подобное поведение. Можно даже полагать, что Девьер был привычен к подобному с ним обхождению и не знал иной мести, кроме жалобы. В этом случае он не заслуживал никакой защиты. Но Петр не отказал ему в ней и даже принудил князя Меншикова вести свою сестру к обручальному алтарю… Как ни приближался Девьер, по своему служебному положению, к князю Меншикову, этот никогда не мог простить

[1] Девиер Антон Мануилович // Руководители Санкт-Петербурга. СПб., М., 2003. С. 164–166; Дивиеры // Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 370–376; Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 13–22; Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел. 2017. № 2. С. 161–171; Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448; Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. Aix-en-Provence, 2013. 109 p. и др.

[2] Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010. С. 161.

Деньеру тот способ, которым он втерся в родство к нему»[1]. Нельзя не отметить, что Гельбиг, заинтересовавшийся обстоятельствами женитьбы Девиера, не был современником описанных событий, так как прибыл в Российскую империю в 1787 г., намного позже смерти Антона Мануиловича. Следовательно, о событиях петровского правления он мог только слышать, причем вряд ли из первых уст.

В целом сюжет, переданный Гельбигом, находит некоторое подтверждение в источниках. В отечественной исторической литературе встречается два варианта хронологической привязки: 1709 г.[2] и 1712 г. (традиционно, без ссылки на источник). Либо же о дате свадьбы вовсе умалчивается – среди материалов известных генеалогических справочников упоминания о браке Антона Маниуловича с Анной Даниловной встречаются без указания года данного события[3]. Попытку датировать интересующие нас обстоятельства осуществил И.Н. Юркин. Он нашел свидетельства, позволяющие определить дату рождения первого сына Девиера Петра Антоновича, того, которым была беремена Анна Даниловна на момент свадьбы. На основе косвенных данных исследователь обозначил промежуток времени, в который мог родиться Петр Антонович – не раньше 1709 г. и не позже 1712 г.[4]. Соответственно, и свадьба Анны Даниловны и Девиера происходила примерно в тот же период, немногим раньше рождения сына. А.Н. Акиньшин и Т.Н. Литвинова ошибочно приписывают Юркину датировку рождения Петра Антоновича 1710 г.[5]. В своей статье он лишь указывает, что такая дата, обозначенная ранее в «Русском биографическом словаре», органично вписывается в построенную им концепцию[6].

---

[1] Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 111–112.
[2] Акиньшин А.Н., Литвинова Т.Н. Воронежская ветвь Девиеров // Генеалогический вестник. 2001. № 2. С. 54–63.
[3] Васильевич С. Титулованные роды Российской Империи. Том I. СПб., 1910. С. 99; Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб., 1885. С. 274–275.
[4] Юркин И.Н. Первые Девиеры: генеалогические заметки и дополнения // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 10. СПб., 1999. С. 13–14.
[5] Акиньшин А.Н., Литвинова Т.Н. Воронежская ветвь Девиеров // Генеалогический вестник. 2001. № 2. С. 54–63.
[6] Юркин И.Н. Первые Девиеры: генеалогические заметки и дополнения // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 10. СПб., 1999. С. 14.

Совершить прорыв в деле выяснения даты свадебной церемонии Девиера и Анны Даниловны удалось португальскому филологу У.П. Руглу. Ругль обнаружил изданный еще в XIX в. и совершенно выпавший из поля зрения исследователей документ, который указывает на более точную датировку события[1]. 3 июля 1712 г. английский посланник при русском дворе Ч. Уитворт писал статс-секретарю Сент-Джону: «Ко всему этому прибавлю, что в ночь перед отъездом Государя из Петербурга, сестра князя Меншикова с царского разрешения вышла за муж за одного из царских генерал-адъютантов, который долго домогался ея руки вопреки воле князя»[2]. Не вызывает сомнения, что генерал-адъютант, упоминавшийся Уитвортом – никто иной как Девиер. Соответственно, письмо английского посланника позволяет определить дату свадьбы Антона Мануиловича и Анны Даниловны в промежутке второй половины июня – начала июля 1712 г., предположительно 14–15 июня[3]. Отсюда можно определить и дату рождения Петра Антоновича как вторую половину 1712 г.

Сообщение Уитворта подтверждает и факт личного участия Петра в семейных делах Девиера, и нежелание Александра Даниловича выдавать сестру замуж за него. Очевидно, что обладавший непомерными политическими амбициями князь был не в восторге от кандидатуры жениха, на момент свадьбы занимавшего весьма скромное положение – Девиер служил подполковником гренадерского полка, в 1711 г. был пожалован вместе с Ягужинским чином генерал-адъютанта государя[4]. Еще больше недовольство Меншикова должен был усугубить факт беременности сестры до заключения официального брака, хотя в письме Уитворта об этом не говорится ни слова.

---

[1] Ругль У.П. Антониу Мануэл де Виэйра при российском дворе XVIII столетия. М., 2003. С. 18.
[2] Сборник Русского исторического общества. Том шестьдесят первый. СПб., 1888. С. 235.
[3] Данную дату позволяют наметить сведения «Походного журнала 1712 года», а также «Биохроники Петра Великого», созданной Е.В. Анисимовым, отразившие передвижения Петра. В «Биохронике» указывается, что 10–16 июня Петр находился в Санкт-Петербурге, 15–17 июня он ходил в Кронштлот и затем в столицу в интересующий нас период не возвращался. В «Походном журнале 1712 г.» также упоминается, что 15 июля государь повелел идти к Кронштлоту морем. См.: Походный журнал 1712 года. СПб., 1854. С. 15; ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого день за днем: [сайт]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic?page=2&mode=cards&end_date=1712-7-3&start_date=1712-6-16 (дата обращения: 09.09.2021).
[4] Должность, специально созданная под Ягужинского и Девиера.

Поэтому логичным кажется наличие какого-либо весомого аргумента (помимо недоказанного факта ранней беременности), который убедил князя дать хотя бы формальное согласие. И в этом плане ничего не могло быть убедительней, чем царское благословление.

Кроме того, Уитворт сообщает секретарю о настойчивом желании Девиера стать затем Меншикова. В силу этого встает вопрос относительно наличия или отсутствия душевной привязанности между Анной Даниловной и Антоном Мануиловичем. К сожалению, комплексов корреспонденции семейной четы не сохранилось и, соответственно, судить о связывающих их отношениях мы не можем. Имя супруги генерал-полицмейстера в принципе в документах встречается очень редко. Косвенно на нежные супружеские чувства Анны Даниловны может указывать то, что во время суда и следствия над Антоном Мануиловичем графиня Девиер обращалась к Меншикову с просьбами о милости и протекции, но получила от брата решительный отказ и, как жена виновного, была сослана в деревни[1]. Относительно Девиера в историографии существует совершенно противоположное мнение. С.Н. Шубинский усмотрел в браке португальца голый расчет, поскольку Девиер «чувствовал себя чуждым в высшем обществе, которое относилось весьма сдержанно и холодно к португальскому выходцу» и, соответственно, хотел преодолеть это препятствие с помощью женитьбы на представительнице новой, созданной Петром, аристократии[2].

Как мы видим, сюжет, с подачи Гельбига ставший хрестоматийным, имел под собой реальные основания, несмотря на отсутствие в научной

---

[1] Это письмо в копии сохранилось в фонде личной канцелярии Меншикова. В нем Анна Даниловна обращается к брату: «Светлейший князь милостивый отец и государь. Проиемляю я смелость от моей безмерной горести трудить вас, милостивого отца и государя, о моем муже о заступлении и милостивом предстательстве к Его Императорскому Величеству Всемилостивейшей нашей государыне, дабы гнев свой милостиво обратить изволила, яко и Христос отвершаго Петра простил есть. Сотвори государь милость ради многолетного своего и всей вашей высокой фомилии здравия, понеже кроме Бога и вас милостивого государя, иных никакие надежды не имею и дабы дух мой от сей нестерпимой горести не преселился во ад, что уже и приближаетца, тако ж и малолетныя наши рабетишки в ближные нищество приходят, а сверх всего токмо для своей кров. Рабски просить бедная сирота безпамошная Анна Девиерова. Апреля 30 дня 1727 года». Примечательно то, как А. Девиер обращается к брату – их близкие родственные связи как будто не прослеживаются. См. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 242. Л. 3–3об.

[2] Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С.427–428.

литературе ссылок на исторические источники. Однако, сам по себе факт нежелательного для Меншикова брака не дает, на наш взгляд, достаточных оснований говорить об очевидной ненависти, вспыхнувшей с этого момента между Девиером и Меншиковым. Какими бы ни были обстоятельства заключения брака Антона Мануиловича с Анной Даниловной и реакция на это князя, было бы неправильно игнорировать тесные деловые и личные связи, объединившие государственных деятелей, и заранее определять вектор их развития.

После брака Девиера на сестре Меншикова между ними должны были сложиться семейные связи, которые в свою очередь накладывали на новоиспеченных родственников определенные обязательства и наделяли новыми социальными ролями. Принадлежность к одной семье так или иначе должна была найти отражение в их корреспонденции. Примечательно, что авторы публикации писем Девиера к Меншикову в «Российском архиве», выбирая материалы для издания, практически полностью ликвидировали те послания, в которых поднимались личные и семейные вопросы. Подобное упущение, должно быть, было связано с исследовательскими интересами и принципами изучения истории – акцент делался на проблемы государственного управления, тогда как все семейные связи отходили на второй план.

Послания Девиера к Меншикову (в большей степени) и Меншикова к Девиеру пестрили различными вариантами фраз и приписок, маркировавших их взаимную принадлежность к одной семье. В случаях, когда Меншиков находился вдалеке от жены и детей, Девиер, который имел реальную возможность в отсутствие князя навещать его дом, начинал письмо с извещения, что «в доме вашем все благополучно состоит»[1]. Иногда он добавлял чуть больше информации, отмечая состояние меншиковских домочадцев: «вашей светлости любезная супруга, а нам милостивая

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 97, 104, 104об, 105.

государыня Дария Михайловна, и с любезными вашей светлости детми и Варварой Михайловной обретаютца в добром здравии и в домех ваших все благосостоятелно»[1]. Хотя, как показывает фонд личной канцелярии Меншикова, князь вел активную переписку с женой и другими членами своей семьи и, соответственно, был в курсе их дел из первых уст[2], Девиер, желая быть полезным, непременно добавлял к свои посланиям упоминания о близких князя. Например, с пожеланиями здоровья от себя, он приписывал: «предаю вашей светлости здравие в сохранение божие вкупе и с любящими вашими»[3]. Когда жена Меншикова Дарья Михайловна сопровождала князя в поездках, Девиер уведомлял их о благополучном пребывании их дочери[4]. Стоит подчеркнуть, что Меншиков в отсутствии Девиера в Санкт-Петербурге в его доме не бывал и о положении своих ближайших родственников ничего не знал, по крайней мере об этом нет никаких свидетельств. При нахождении обоих государственных деятелей в столице, как отмечено в «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова», они были частыми гостями в домах друг друга, обедая в одной компании или ведя продолжительные разговоры[5].

Перечисленные выше фразы представляют собой общепринятые и широко использовавшиеся в корреспонденции XVIII в. клише вежливости, не содержащие какого-либо глубокого смысла и нацеленные на выражение лояльности. Все-таки Девиер исключительно ими не ограничивался. Он информировал князя о передвижениях или времяпрепровождении членов его

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 405.
[2] В фонде личной канцелярии Меншикова сохранились комплексы его переписки с домочадцами (женой, дочерью, своячницей и др.), а также различная хозяйственная документация. Также домовое хозяйство Меншикова и его отношения внутри семьи становились предметом изучения Ю.И. Ибраевой. Однако имя Девиера в работах исследовательницы не встречается. См.: Ибраева Ю.И. «Зело от сердца радуюсь, что при помощи Божьей дети наши учатца»: воспитание наследников в доме светлейшего князя А.Д. Меншикова (по материалам семейной переписки) // Сборник научно-исследовательских работ студентов – победителей Конкурса НИРС 2016. М., 2017; Ибраева Ю.И. Двора его высококняжеской светлости служители»: «домовое подданство» князя А.Д. Меншикова // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции, Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 194–198; Ибраева Ю.И. Эпистолярный роман первой четверти XVIII века в многолетней переписке Александра Даниловича Меншикова с супругой // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1168.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 1.
[4] Там же, Л. 25–25об.
[5] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. М., 2004. 646 с.

семьи. Так, в июле 1719 г. он передавал, что «дети вашей светлости сего июля 24 дня в Санкт-Питербурх прибыли благополучно». Вместе с этим Девиер присовокуплял поклон от собственной жены, сестры князя, княгини Дарьи Михайловны и ее сестры Варвары Михайловны[1]. 4 августа, продолжая семейную тему, генерал-полицмейстер передавал переживания княжеских близких. Он сообщал, что «дети вашей светлости за помощию вышняго во благо состоятелном есть здравии, токмо желают прибытия вашей светлости вскоре, ибо без вас скуку имеют»[2]. Во время прибывания Меншикова близ Ладоги в 1724 г., Девиер выражал сожаление, что хотя дети прибыли в добром здравии, но государя и государыню не видели, поскольку те уехали рано в Петергоф[3].

Отдельной темой для разговоров являлась фигура шурина князя И.М. Арсеньева. 16 августа 1722 г. Девиер доносил князю, что Иван Михайлович Арсеньев в бытность их высочеств в Ораниенбауме просил, чтобы его отпустили в Копорье. В результате его приказали туда отпустить, но обратно он еще не вернулся[4]. 5 ноября относительно Арсеньева Девиер вновь писал: «вашей светлости шурин обретаетца в добром здравии и сего числа по прошению его их высочество отпустить изволили на время в Копорской уезд в деревни его»[5]. В последствии о добром здравии Ивана Михайловича генерал-полицмейстер упоминал в письмах к Меншикову 22 декабря, 28 января, 7 и 18 марта[6].

Как мы уже отмечали в параграфе, посвященном личным связям Меншикова и Девиера, генерал-полицмейстер принимал активное участие в хозяйственных делах князя. Он бывал у него дома и наблюдал за ходом ремонтных работ. В 1724 г. Девиер успокаивал Меншикова, что в палатах и снаружи дома ремонт сделали так, что все выглядит как новое. О том, что

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 20об.
[2] Там же, Л. 21.
[3] Там же, Л. 354–354об.
[4] Там же, Л. 147об.
[5] Там же, Л. 176об.
[6] Там же, Л. 210об, 228, 242об, 249об.

будет делаться дальше, он обещал своевременно информировать[1]. Кроме того, Девиер передавал сведения о служащих Меншикова. В мае 1724 г. генерал-полицмейстер сообщал, что управляющий И. Борисов больше служить в доме князя не хочет, а хочет быть при государыне. Девиер делился неприятным наблюдением – Борисов чрезмерно увлекался пьянством с С. Дьяковым («пьют на всякой Божей день»)[2].

Письма из дома Меншикова, как правило, проходили через руки княжеского управляющего. Однако в случае перебоев с получением корреспонденции, князь мог обратиться за помощью к генерал-полицмейстеру. Так, разовая передача писем (с конца апреля по май 1724 г.) через Девиера была связанна с некоторыми проблемами с доставкой корреспонденции из дома Меншикова в Санкт-Петербурге в Москву, где он находился в это время. 27 апреля 1724 г. Девиер писал: «о укоснении присылки из дому Вашей светлости писем… и я о сем Ивана Борисова спрашивал, на что он оправдание приносил, что на каждой почте до Вашей светлости писал, токмо в понеделник Фоминой недели не послал писем за тем, что по реке шел великой лед и переехать было нельзя, о чем он до Вашей светлости в сих приложенных писмах писал»[3]. Несмотря на все оправдания Борисова, 30 апреля письма из княжеского дома снова были отправлены посредством Девиера[4]. 4 мая к очередной порции корреспонденции генерал-полицмейстер прикладывал коробочку с посылкой (что было внутри, неизвестно)[5]. Затем письма отправлялись 7, 21, 25 и 28 мая[6]. В последний раз о передаче посылок из дома Меншикова Девиер упоминал 11 июня. Он извинялся, что медлил с отправкой, так как «известны были, что ваша светлость изволите восприять свой путь к морциалным водам, а светлейшая княгиня в Санкт-Питербурх

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 350.
[2] Там же, Л. 343об.
[3] Там же, Л. 335–335об.
[4] Там же, Л. 336–336об.
[5] Там же, Л. 337.
[6] Там же, Л. 338–338об, 344, 346, 347.

вскоре, но ныне сие посылали на удачу, коли вашу светлость застать в Москве могут»[1].

К сожалению, как отвечал Меншиков на перечисленные выше услуги Девиера и проявления родственных чувств, в большинстве случаев мы можем только догадываться, поскольку его письма к генерал-полицмейстеру отличаются меньшей сохранностью. В книгах оттисков они были сокращены за счет вводных формул, в которых и находили отражение семейные связи.

Письма Девиера, кроме того, содержали различные комплиментарные фразы с пожеланиями здоровья не только самому князю, но и членам его семьи. Так, генерал-полицмейстер заключал письмо: «в протчем вашей светлости моего милостиваго патрона и с светлейшею кнеинею, и з дражайшими детми вашими, и со всею фамилию здравие в сохранение вышняму предав, остаюсь»[2]. Меншиков иногда радовал Антона Мануиловича ответными известиями о собственном здоровье и здоровье домочадцев[3], при этом о семье Девиера ни разу не спрашивал. В добавление в конце каждого письма и Девиер, и Меншиков отдавали друг другу поклон – опять-таки устоявшаяся формула эпистолярного этикета. Общность семьи в данном случае проявлялась в добавлении к своему поклону поклонов от членов семьи. Подобным образом поступал Девиер, когда 25 декабря 1721 г. поздравлял Меншикова с наступающим праздником: «притом вашей светлости и светлейшией кнеине Дерье Михайловне, и з детми вашими, и Варваре Михайловне жена моя при отдании своего поклона сим праздником поздравляет»[4]. Меншиков и его близкие со своей стороны также передавали семье Девиера поклон. Генерал-полицмейстер в ответ на письмо благодарил: «при всенижайшем поклоне жена моя за высокую вашей светлости милость и светлеишей кнеиней с Варварой Михаиловной и мы за поклон благодарим, и напротиву вашей светлости и со всею фамилиею свой нижайший поклон

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 348.
[2] Там же, Л. 24, 25, 105об, 107.
[3] Там же, Л. 27, 57.
[4] Там же, Л. 97.

отдаем и доносим, что в доме вашей светлости такожде и шурин ваш Иван Михайлович в добром здравии»[1].

Наибольшей взаимностью между Девиером и Меншиковым отличались поздравления с различными праздниками и знаменательными датами. Обращаясь с пожеланиями по поводу общегосударственных и общехристианских праздников, они оба добавляли поздравления для ближайших членов семьи[2]. Например, в Святую неделю генерал-полицмейстер писал: «ежели и ваша светлости с своею высокопочтенною фамилиею сего поста, святых таин причастится сподоблены душевно радуяся тем вашу светлость поздравляю, предая вашей светлости купно со всею высокородною фамилиею здравие в милостивое сохранение божие остаюсь с нижайшим моим респектом»[3]. Они не пренебрегали родственной обязанностью написать поздравительное письмо на день рождение, тезоименитство кого-либо из семейства или же на годовщину бракосочетания[4]. В этом плане примечательно поздравление, отправленное Меншиковым Девиеру, по случаю тезоименитства его жены Анны Даниловны. «При сем же мы и жена наша, и дети, и своячина Варвара Михайловна, – объявлял князь, – поздравляем вашу милость вчерашним тоизоименитством сожителнице вашей, а нашей сестре Анне Даниловне, желая вашей милости, дабы оное благополучно препроводить много такая торжеств щастливо достигнуть»[5]. Стоит отметить, что это чуть ли не единственное упоминание имени Анны Даниловны в известной нам корреспонденции Меншикова (за 1710-е – 1720-е гг.)[6]. Тогда, как показывает

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 141об.
[2] Там же, Д. 180. Л. 609, 622; Д. 557. Л. 167, 184–184об, 208об–209, 211об, 213об, 261–261об, 326об, 322а–322аоб, 555.
[3] Там же, Д. 557. Л. 268–268об.
[4] В этом плане не стоит забывать и о жалобе Меншикова Девиеру на то, что на празднование дня рождения Дарьи Михайловны, кроме Макарова и Дмитриева-Мамонова никто не пришел. СМ.: Там же, Л. 123–123об, 329, 196–196об, 210–210об, 147–147об.
[5] Там же, Д. 180. Л. 578об–579.
[6] Писем к Анне Даниловне после 1706 г. в фонде личной канцелярии Меншикова также не обнаруживается.

Ю.И. Ибраева, в переписке князя с Дарьей и Варварой Михайловной в 1700-х гг. до замужества Анне Даниловне отведена значительная роль[1].

Мы не знаем определенно, писал ли Девиер регулярно письма к Дарье Михайловне и поздравлял ли со знаменательными датами ее лично[2] – в архивном деле, сохранившем корреспонденцию, отправленную к княгине от разных лиц, писем за авторством генерал-полицмейстера обнаружить не удалось[3]. Среди изученного нами комплекса источников находится только одно обращение генерал-полицмейстера напрямую к княгине[4]. 18 мая 1724 г. он поздравлял ее с праздником коронации, желал здоровья и радовался новому назначению ее сына: «и поздравляю вашей светлости препроводивши всерадостное торжество коронации, и полученною от их величества его светлости милостию и любезнаго вашего сына со удостоением чина прапорщиком, даруй боже наиболшее получить от их величества милости»[5]. Интересно, что Девиер в письме к Меншикову с аналогичным содержанием не просто выражал радость (видимо, не слишком искреннюю) за повышение чином его сына, но и параллельно замечал, что сам ждет подобного повышения уже который год и обращался ранее к князю за помощью о протекции (см. параграф 4).

Надо полагать, важное значение Девиер придавал уведомлениям о своих собственных семейных событиях. Он поздравлял Меншикова с пополнением в своей семье. 4 августа 1718 г. Девиер писал: «Так же доношу вашей светлости, что господь Бог даровал вам племянника, а мне сына, а имя ему Антон, и тем вашей светлости поздравляю, и притом жена моя отдает и вашей светлости нижайший поклон»[6]. В 1722 г. уже сам Меншиков благодарил

---

[1] Ибраева пишет: «Известно, что девицы Арсеньевы в 1703 году переезжают в дом Меншикова и живут там вместе с его сестрами. Письма Александра Даниловича, начиная с июля 1704 года, адресуются его сестре, Анне Даниловне, а в приветствии звучат три имени: “Анна Даниловна, Дарья и Варвара Михайловны…”, иногда к ним добавляются и другие женские имена». См.: Ибраева Ю.И. Эпистолярный роман первой четверти XVIII века в многолетней переписке Александра Даниловича Меншикова с супругой // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1168.

[2] Аналогично мы не имеем сведений о существовании писем от Дарьи Михайловны к Девиеру.

[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1177.

[4] В комплексе писем к Меншикову.

[5] Там же, Д. 557. Л. 343об.

[6] Там же, Л. 1об.

Антона Мануиловича за поздравления с праздником Воскресения и за весь о рождении сына Александра (его племянника)[1]. 25 февраля 1723 г. Девиер вновь передавал Меншикову радостную новость о пополнении семьи: «и о сем не умолчю донести вашей светлости, благодаря Вышняго, что мне Бог даровал сына Антона и родился против 25 числа по полуночи во втором часу»[2]. Князь в ответ любезно, как замечал генерал-полицмейстер, поздравлял Девиера[3]. Несколькими днями позже Антон Мануилович не поленился рассказать Меншикову о выпавшей на его доле чести. «Вчерашнего числа, – писал он письме, – его величество по высокои своеи милости изволили быть у новорожденнаго моего сына восприемником з государонею цесаревною Анною Петровною, другой был кум Иван Михайлович Головин з государонею цесаревною Елисаветою Петровною, и изволили посидеть с шестаго часу до десятаго по полудни и потом изволил быть у Чевкина на асамблее»[4].

Соответственно, за время правления Петра I не наблюдается открытого пренебрежения родственными обязанностями ни со стороны Меншикова, ни со стороны Девиера – как это не было бы логично после весьма оскорбительных для князя обстоятельств брака его сестры. Оба государственных деятеля трудились над поддержанием по крайней мере видимости семейного благополучия, выполняли необходимые формальности, которые требовались при написании писем родственниками: поздравляли с праздниками, желали здоровья, отдавали поклон. Сравнение переписки Девиера – Меншикова с корреспонденцией Бахмеотова – Меншикова и Макарова – Меншикова показало, что семейная тематика являлась отличительной чертой писем Девиера к Меншикову и Меншикова к Девиеру, другими словами, те деятели, которые не имели семейных связей с Меншиковым, не использовали данные синтаксические обороты и не поднимали с такой частотой проанализированные выше темы. И Бахмеотов, и

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 142.
[2] Там же, Д. 557. Л. 236об.
[3] Там же, Л. 244.
[4] Там же, Л. 248об

Макаров извещали князя о событиях в его доме и бывали там гостями, однако ни один из них не апеллировал к его родственным чувствам так часто и с такой долей услужливости, как это делал Девиер. Помимо письменных обязательств, генерал-губернатор и генерал-полицмейстер навещали друг друга дома, вели разговоры и участвовали в совместных обедах, т.е. выполняли необходимые для родственников светские ритуалы.

Однако у нас нет никаких оснований полагать, что семейные связи давали какие-либо значительные преференции Девиеру (в особенности) или Меншикову и находили выражение в более значительных действиях по отношению друг к другу, чем устоявшиеся эпистолярные формулы. Среди изученных в настоящей работе источниковых комплексов, не удалось обнаружить ни одного случая, когда государственные деятели апеллировали к родственным чувствам друг друга, желая решить собственную проблему. Более того, кажется совершенно невозможным тот факт, что Меншиков смог так легко забыть обстоятельства, при которых Девиер с ним породнился (хотя князь никогда не припоминал о событиях 1712 г. даже в ходе дела Девиера – Толстого).

Исходя из этого, надо полагать, семейный фактор в отношениях изучаемых нами государственных деятелей был не настолько значим, насколько он иногда представляется в историографии. Семейные перипетии в случае с Девиером и Меншиковым хоть и должны были оказать влияние на их реальные чувства по отношению друг к другу, отходили на второй план, когда речь шла о государственной и политической деятельности, удовлетворении собственных амбиций и борьбе за власть. Во время петровского царствования им выгодно было поддерживать лояльные отношения друг с другом как в деловых вопросах, так и в личных. Принадлежность к одной семье в этом плане могла являться еще одной скрепой, позволявшей им надеяться на участие и эффективное сотрудничество. Семейные связи выступали способом выразить собственную лояльность и на бумаге, и в реальной жизни.

После смерти первого русского императора сложилась новая политическая ситуация в стране. В обстоятельствах борьбы за власть Меншиков не видел в Девиере надежного союзника, который бы мог поддержать его политические устремления после смерти Екатерины. Девиер, как представляется, не рассчитывал на благополучный исход для себя в случае еще большего возвышения князя. При подобном раскладе семейные связи ожидаемо забывались равно, как многолетние личные отношения и успешное взаимодействие на служебном поприще, а старые обиды вспоминались. Каждый стремился отстоять свои собственные интересы и упрочить свое собственное политическое влияние.

Глава 3. Деловые и личные связи А.Д. Меншикова с кабинет-секретарем Петра I А.В. Макаровым

3.1. Алексей Васильевич Макаров (1674/1675–1750 гг.): историография и источники

3.1.1. Обзор историографии

Алексей Васильевич Макаров (1674–1750 гг.), кабинет-секретарь Петра I, президент Камер-коллегии при Екатерине I, соратник и приближенный первого российского императора, пополнил череду петровских сподвижников, прошедших карьерный путь от никому неизвестных простолюдинов до влиятельнейших деятелей эпохи. Благодаря административным талантам и кропотливому труду, на протяжении первой четверти века он набирал силу и превратился в доверенное лицо монарха, без которого невозможно было бы представить процесс государственного строительства. Макаров принимал непосредственное участие во многих значимых событиях царствования Петра: сопровождал государя в ходе зарубежных посольств и военных компаний Северной войны, приложил руку к созданию имперской столицы Санкт-Петербурга, участвовал в написании «Гистории Свейской войны» и многое другое.

Несмотря на очевидные успехи Макарова на государственном поприще, его жизненный путь и государственная деятельность до сих пор остаются мало изученными[1]. Полноценного системного исследования, посвященного петровскому кабинет-секретарю, до сих пор не было создано. Первый небольшой очерк о Макарове вышел из-под пера Г. фон Гельбига. В сборнике «Русские избранники» секретарь саксонского посольства дал Макарову весьма нелестную характеристику, определив его невежественным «малым», не умеющим писать и читать[2]. Представления Гельбига относительно личности петровского кабинет-секретаря, должно быть, сформировавшиеся под

[1] Стоит отметить, что в историографическом обзоре, как и во всем исследовании, не рассматривается период жизни Макарова после 1727 г., т.е. после упразднения Кабинета и лишения его должности кабинет-секретаря. Акцент делается на изучении деятельности и социальных связей Макарова в период правления Петра I, когда он пользовался наибольшим влиянием как царский кабинет-секретарь.

[2] Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 158.

влиянием бытовавших в екатерининском обществе слухов, достаточно быстро подверглись обоснованной критике[1].

В XIX в. в составе энциклопедических словарей и сборников биографий государственных деятелей было опубликовано несколько кратких очерков. Первый из них относится к авторству Д.Н. Бантыш-Каменского и помещен им в «Словаре достопамятных людей русской земли»[2]. Используя в качестве основы своего исследования материалы «Кратного родословья дворян Макаровых, созданного в 1796 г.», «Дополнения к деяниям Петра Великого» И.И. Голикова, записки Ф.В. Берхгольца и Г.Ф. Бассевича, историк дал характеристику выборочным фактам из жизни Макарова по преимуществу послепетровского периода его деятельности[3]. Небольшой очерк размером в два абзаца был включен в состав «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Излагая биографию Макарова, автор очерка акцентировал внимание на главном ресурсе могущества кабинет-секретаря, с которым его современникам приходилось считаться – влиянии, полученном Алексеем Васильевичем благодаря приближенности к Петру[4]. Преимуществом данной словарной статьи является использование новейшей для того времени публикации материалов следственной комиссии 1732–1734 гг.[5]. Известно, что еще один очерк, посвященный Макарову, должен был войти в состав «Русского биографического словаря», однако это издание в XIX в. не состоялось[6].

---

[1] Макаров (Алексей Васильевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1896. Т 18. С. 401; Шереметевский В.В. Дела следственной о кабинете-секретаре Петра I А.В. Макарова комиссии (1732–1734) // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Т. 6. С. 37–42.

[2] Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 2. С. 277–278.

[3] Бантыш-Каменский отводит Макарову лишь 1,5 страницы текста – в сравнение предшествующий очерк жизни и деятельности гетмана И. Мазепы занимает у него несколько десятков страниц.

[4] Макаров (Алексей Васильевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1896. Т 18. С. 401.

[5] Шереметевский В.В. Дела следственной о кабинете-секретаре Петра I А.В. Макарова комиссии (1732–1734) // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Т. 6. С. 37–42.

[6] В изданном в 1999 г. томе Словаря на букву М очерка о Макарове также не обнаружилось.

Наиболее подробная работа[1], охватившая жизненный путь Макарова на протяжении 1700-х – 1730-х гг., была опубликована Н.И. Павленко в книге «Птенцы гнезда Петрова»[2]. В ней классик советской и российской историографии проанализировал различные аспекты деятельности Макарова – участие в написании «Гистории свейской войны», финансовую деятельность, мероприятия по отправке учеников в Европу, скандальное следственное дело, омрачившее последние годы его жизни и т.д. Исследование Павленко нельзя назвать полностью исчерпывающим, хотя заметным достоинством данного исследования является широкая источниковая база, включающая в себя несколько комплексов исторических источников, ранее в научных оборот не введенных (фонды Кабинета, имущественные бумаги Макарова и пр.). Для настоящего исследования наиболее ценными являются попытки Павленко проследить рост влияния Макарова на протяжении петровского царствования и наметить направления развития его деловых и личных связей с другими петровскими соратниками.

После выхода исследования Павленко интерес к личности Макарова относительно возрос. В начале XXI в. появилось несколько работ, в составе которых можно найти очерки о жизни и деятельности кабинет-секретаря. Небольшие словарные статьи, посвященные Макарову, появились в составе книги Д.О. Серова «Администрация Петра I» и «Большой российской энциклопедии» (очерк о кабинет-секретаре написан А.В. Захаровым)[3]. В 2001 г. вышел обзор материалов личного архива Макарова, сохранившегося в фондах Отдела рукописей Российской национально библиотеки[4]. На данный момент исследователи этого научного центра продолжают вести работу по восстановлению отдельных фактов биографии кабинет-секретаря. Кроме того,

[1] Исследование Павленко до сих пор остается наиболее целостным и системным очерком жизни кабинет-секретаря.
[2] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 332 с.
[3] Захаров А.В. Макаров // Большая российская энциклопедия. М., 2011. Т. 18. С. 505; Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 54–55.
[4] Алексеев А.И. Архив А.В. Макарова – кабинет-секретаря Петра I в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1712 гг.: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посв. 280-летию со дня заключения Ништадского мира. СПб., 2001. С. 5–7.

Макарову посвящены несколько историко-публицистических очерков в сборниках биографий петровских сподвижников[1].

Подводя итог анализу специальных очерков, касающихся жизни и деятельности кабинет-секретаря, отметим, что его биография на данный момент вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Возможно, незавидное положение Макарова в исторической науке связано с узостью источниковых комплексов, привлекаемых исследователями. Частично исправить подобную тенденцию помогают специальные исследования, посвященные отдельным сюжетам из жизни Макарова. Например, продолжительные дискуссии охватывают период первых лет службы Алексея Васильевича. В историографии сложилось несколько взглядов на ранний этап деятельности будущего кабинет-секретаря. Первый из них был сформулирован Г. фон Гельбигом, который считал Макарова безграмотным «сыном простолюдина». Второй взгляд сформировался благодаря работе И.И. Голикова «Деяния Петра Великого». Голиков, представляя свои читателям Макарова, писал: «В бытность Петра Великого в Вологде заметил он, между приказными, в Воеводской канцелярии, одного молодого человека и взял к себе, определил писцом в Кабинет свой; потом, мало по малу, возвышая, произвел в достоинство Кабинет-Секретаря»[2]. Как отмечает, И.А. Поляков позиция Голикова, попавшая прямиком в несколько исторических работ, в том числе в «Краткое историческое родословие» дворян Макаровых игумена Ювеналия (Воейкова)[3], вызывает сомнения, поскольку факт знакомства царя и Макарова в Вологде нельзя подтвердить другими источниками, а должность кабинет-секретаря была создана лишь в 1704 г.[4]. Третий подход был сформулирован

[1] Бердников Л.И. Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. М., 2018. 384 с.; Демкин А.В. Русские деловые люди XVIII столетия. М., 2019. 192 с.

[2] Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенныя по годам. М., 1840. Т. 13. С. 371.

[3] Ювеналий (Воейков), игум. Краткое историческое родословие благородных дворян Макаровых. М., 1795. С. 1.

[4] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 9–10; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. С. 235; Поляков И.А. К вопросу о происхождении кабинет-секретаря Петра Великого Алексея Васильевича Макарова (1674–1740) // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 9–19.

Поляковым в недавнем исследовании. Историк на основе анализа хозяйственной документации Макарова и родословных росписей выдвигает предположение, что Макаров, имевший вологодское происхождение, оказался в Москве еще до 1693 г., благодаря связям его родных с влиятельным родом московских дьяков Шапкиных[1]. Резюмируя, подчеркнем, что несмотря на существование в историографии нескольких оригинальных подходов к изучению происхождения и первых лет службы Макарова, большинство исследователей схематично определяют первые этапы карьеры будущего кабинет-секретаря. Как правило, среди фактов в разных комбинациях называется: Макаров являлся сыном подьячего Вологодской приказной избы, затем в 1693 г. он поступил на приказную службу, в 1695 г. служил подьячим в Новгородском приказе, а затем с 1703 г. в Семеновской приказной палате. Знаковым для карьеры Макарова стал переход в канцелярию[2] князя А.Д. Меншикова, откуда он был взят к царскому двору[3].

Переломным моментом в биографии Макарова, определившим весь его дальнейший путь на государственной службе, было назначение к «кабинетным делам» государя в 1704 г. Деятельность Макарова на должности кабинет-секретаря рассматривается в историографии под несколькими ракурсами.

Во-первых, исследователи обращаются к широкой проблематике, связанной с системой государственного управления в период петровского правления. В связи с этим их интересует функционирование Кабинета как государственного учреждения, его сфера полномочий, законодательная основа деятельности, финансы и организационная структура. Макаров, таким образом, рассматривается как руководитель органа власти. Наиболее системно деятельность Кабинета нашла отражение в коллективном исследовании «200-

[1] Поляков И.А. К вопросу о происхождении кабинет-секретаря Петра Великого Алексея Васильевича Макарова (1674–1740) // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 9–19.
[2] Имеется в виду Семеновская приказная палата, которая в 1705 г. была переименована в Ингерманландскую (Ижорскую) канцелярию. См.: Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (по материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова): новые подходы к изучению. С. 168.
[3] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. С. 236; Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 54–55.

летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904 гг.»., выпущенном по распоряжению генерал-адъютанта В.Б. Фредерикса[1]. Истории Кабинета во время руководства им Макаровым посвящены первая–третья главы труда, созданные историком В.Н. Строевым (под редакцией Н.Ф. Дубровина); четвертая глава, написанная Строевым в соавторстве с П.И. Варыпаевым; и пятая – единолично Вырыпаевым. Авторами подробно разбирался процесс возникновения Кабинета, обстоятельства назначения Макарова на должность, штат Кабинета, его сфера компетенции[2], работы по созданию монументального труда «Гистории Свейской войны», вклад Кабинета в развитие горного и заводского дела и т.д. Значительным преимуществом исследования является активное использование не только существовавших источников личного происхождения и историографии, но и фондов Кабинета, ныне находящихся в РГАДА, которые до сих пор с такой степенью подробности никто не рассматривал. Авторы истории Кабинета не обходят стороной и отдельные сюжеты из жизни кабинет-секретаря Макарова. Они представляют свою версию его происхождения, сюжетно реконструируют контакты с монархом и отдельными государственными деятелями, уделяют внимание его участию в политической борьбе среди представителей элиты после смерти Петра. Однако личный вклад кабинет-секретаря в государственное строительство и его место среди политической элиты разбираются историками в общих чертах без должной детальности.

Попытку поместить Кабинет в систему органов власти, а также понять специфику функционала кабинет-секретаря осуществил Е.В. Анисимов. Говоря о петровских преобразованиях и его взгляде на природу самодержавия, Анисимов прослеживает эволюцию функций Кабинета на протяжении первой трети XVIII в., детализирует процесс работы Макарова с корреспонденцией и документацией государя, дает оценку степени влиятельности кабинет-

[1] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. 794 с.
[2] Как отдельные периоды функционирования государственного органа в исследовании выделены 1704–1717 гг. и 1718–1727 гг.

секретаря[1]. В результате историк приходит к выводу, что Кабинет из-за близости к персоне монарха и сформировавшихся за годы верной службы доверительных отношений между Петром и Макаровым во многих аспектах дублировал работу высшего и центрального управления. Соответственно, «тот бюрократический "регулярный" порядок, который наводил в среде чиновников Петр, им самим же регулярно нарушался»[2]. В противоположность, большинство исследователей, обращавшихся к истории системы управления при Петре I, ограничивались упоминанием Кабинета в связи с деятельностью других государственных институтов и их сферой влияния[3].

Говоря об историографическом освещении деятельности Кабинета, стоит остановиться на одном дискуссионном факте. Известно, что 1720 г. прибыльщик А.А. Курбатов, отстраненный от дел и находившийся в совершенной изоляции в Санкт-Петербурге, прислал Петру I документ – пункты о кабинет-коллегиуме. Курбатов предлагал в ходе реформ государственного управления создать «главнейшее правление», которое бы именовалось «кабинет-коллегиум» или «главнейшей канцелярией» и выполняло функции высшей законодательной, административной и судебной инстанции. «Кабинет-коллегиум» должен был принимать с санкции государя те дела, которые не могли быть решены в существующих коллегиях, во время отсутствия монарха в стране заменять его[4]. Мнения исследователей относительно идей данного проекта разделились. Часть их них видит в пунктах Курбатова связь с Кабинетом и неосуществившийся вариант его

[1]Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 282–289.
[2] Там же, С. 287.
[3] Например, см.: Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011. 258 с.; Демкин А.В. Петровский Сенат и управление территориями Российского государства в 1711– 1717 гг. М., 2017. 311 с.; История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. Том первый. СПб., 1911. 736 с.; Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. 702 с.; Петровский С. О Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1875. 360 с. и др.
[4] Курбатов А.А. Пункты о Кабинет-коллегиуме // Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения рус. проектов и неизд. их тексты. СПб., 1897. Приложения. С. 47–57.

развития[1]. Они аргументируют свою позицию схожестью названий «Кабинет» и «Кабинет-коллегиум», фактами именования «Кабинета» коллегией, встречавшимися в официальных документах и донесениях иностранцев, и наблюдением, что Кабинет и так осуществлял контроль над теми сферами общественного развития, которые перечислял Курбатов[2]. Противоположную позицию высказал Н.П. Павлов-Сильванский – автор публикации пунктов Курбатова[3]. Историк, проследив схожесть идей проекта и преобразований Петра, отмечал, что «кабинет-коллегиум» Курбатова являлся, в сущности, проектом преобразования Сената, осуществленным Петром в 1721–1723 гг.[4]. Он акцентировал внимание на том, что Кабинет как орган уже существовал, и о его преобразовании в коллегию Курбатов ничего не писал[5]. Кабинет, по мнению Павлова-Сильванского, был прообразом Верховного тайного совета при Екатерине I. Примечательно, что среди членов Кабинета Павлов-Сильванский перечислял: «сам государь, кабинет-секретарь Макаров, начальник канцелярии Иван Черкасов, в случае надобности в кабинет приглашались “тайные советники”, высшие сановники и другие государственные люди»[6].

Соответственно, история изучения Кабинета нуждается в дальнейшем продолжении. На данный момент наиболее ценными являются историографические наработки, отражающие сферу компетенции Кабинета, его эволюцию как государственного органа, финансовую обеспеченность. Перспективной кажется мысль, высказанная исследователями, об особом положении Кабинета в политической иерархии, обеспеченном непосредственной близостью к Петру. Тем не менее без должного внимания остаются вопросы, связанные с сотрудничеством Кабинета и других органов местной и центральной власти, спецификой его внутреннего

[1] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 83–86.
[2] Там же, С. 85–86.
[3] Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения рус. проектов и неизд. их тексты. СПб., 1897. С. 57–68.
[4] Там же, С. 64–65.
[5] Там же, С. 66–67.
[6] Там же, С. 66–67.

функционирования и эволюции. Нуждается в осмыслении вклад кабинет-секретаря Макарова в государственное строительство, степень его влияния и механизмы взаимодействия с петровскими соратниками при исполнении служебных обязанностей.

Во-вторых, имя Макарова упоминается исследователями в контексте изучения жизненного пути Петра I и различных мероприятий его царствования. Подобный подход обусловлен тем, что Макаров, выполняя обязанности кабинет-секретаря, практически постоянно находился рядом с государем, сопровождал его в поездках и военных походах, оказывал помощь в реформаторской деятельности[1]. Поэтому авторы исследований, затрагивающих петровские преобразования, рядом с именем царя помещают имя Макарова. Например, С.М. Троицкий в своей монографии «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии» прослеживал участие кабинет-секретаря в создании одного из наиболее значительных законодательных актов петровского правления – Табели о рангах[2]. Поэтапно рассматривая работу над документом, Троицкий показывал, как кабинет-секретарь, находясь подле Петра, вносил правки и пометки в документ (некоторые из черновиков Табели написаны рукой Макарова), расшифровывал названия, участвовал в обсуждениях, проходивших в Сенате[3]. Кроме того, Троицкий, к чьей сфере интересов относились вопросы, связанные с хозяйством и имуществом петровских вельмож, в отдельной главе уделил внимание формированию земельных владений Макарова[4]. Участие Макарова в законодательной деятельности Петра I также сюжетно раскрыто в трудах Н.А. Воскресенского[5].

[1] Например, см.: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. 342 с.; Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. 366 с.; Павленко Н.И. Петр I. М., 2000. 428 с. и многие другие.
[2] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 93.
[3] Там же, С. 52, 66, 78, 95, 98, 101.
[4] Там же, С. 308–314, 319, 345–346.
[5] Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель: исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017. 637 с.

В исследовании И.В. Курукина, посвященном Персидскому походу Петра Великого (1725–1735), Макаров предстает в иной ипостаси[1]. Историк помещает его в самое пекло военных событий, поскольку кабинет-секретарь, как ему и полагалось, следовал за императором[2]. Хронологически реконструируя события Персидского похода, Курукин характеризует посредническую роль Макарова. Он отмечает, что во время военных действий кабинет-секретарю писали руководители военных формирований и передавали сведения, которые не знали, каким образом преподнести царю, к примеру, о катастрофическом положении царских войск[3]. Посреднические функции Макарова, кроме того, раскрываются в книге В. Веретенникова «История Тайной канцелярии Петровского времени»[4].

Поскольку предметом нашего исследования в данной главе являются деловые и личные связи Макарова с князем А.Д. Меншиковым, имеет смысл отдельно остановиться на освещении их контактов в историографии. В целом взаимоотношения кабинет-секретаря с другими петровскими соратниками в отечественной и, тем более, зарубежной историографии рассмотрены крайне поверхностно. За исключением работы Н.И. Павленко «Птенцы гнезда Петрова» назвать другие исследования, актуализирующие необходимость изучения социальных связей кабинет-секретаря, не представляется возможным. В основном, говоря о месте Макарова среди политической элиты начала XVIII в., авторы исторических трудов приводят факты его посреднической деятельности между конкретным государственным деятелем, с одной стороны, и Петром или Екатериной, с другой, а также акцентируют внимание выгоде, которую извлекали петровские соратники, обращаясь к кабинет-секретарю по важным для них вопросам. Подобный подход позволил наметить направления социальных связей кабинет-секретаря, однако на данный момент не дает системного представления о степени его влияния,

[1] Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). 2-е изд., испр. М., 2019. 380 с.
[2] Там же, С. 60.
[3] Там же, С. 80, 118, 120, 123, 140, 170, 180–181, 185.
[4] Веретенников В. История тайной канцелярии Петровского времени. М., 2014. 224 с.

принадлежности к той или иной политической «партии», механизмах поведения и извлекаемой выгоде.

Более подробно, чем все остальные, изучены в историографии контакты Макарова с Меншиковым. Деловые отношения между князем и кабинет-секретарем, сложившиеся за более, чем 20 лет совместной службы на государственном поприще, отражены в исследованиях косвенно. Среди биографических выкладок о деятельности Меншикова на должностях санкт-петербургского генерал-губернатора и президента Военной коллегии, можно встретить отсылки к его контактам с Макаровым[1]. Каким образом государственные деятели сотрудничали при необходимости вести полковые дела, во время строительных работ в Санкт-Петербурге, во время аудиенций и обсуждений у Петра – все эти вопросы остаются без должного ответа.

Невнимательность к деловым связям Макарова и Меншикова, возможно, вызвана уже сложившимся в историографии акцентом на личных взаимоотношениях[2]. Говоря о личных связях Макарова и Меншикова исследователи единодушно склоняются к тому, что Макаров был чуть ли не единственным человеком, за исключением еще Екатерины, кто поддерживал князя на протяжении всего петровского правления. Как правило, преданность кабинет-секретаря связывается с той благосклонностью, которую оказывал ему Меншиков во время службы подьячим в Ингерманландской канцелярии. Некоторые исследователи утверждают, что именно в канцелярии Меншикова Петр заметил талантливого канцеляриста и взял его на службу не без содействия тому князя[3]. Как справедливо отмечает Троицкий, сравнивая предпринимательскую и хозяйственную деятельность Меншикова и Макарова, в судьбе государственных деятелей имелось много общего, поскольку оба сделали головокружительную карьеру благодаря личным способностям, преданности Петру I и его фавору. Будучи «низкого»

[1] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2016. 399 с.
[2] Такой акцент, надо сказать, характерен для многих биографий петровских сподвижников, поскольку личные отношения включают в себя пикантные детали.
[3] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 332 с.; Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. 286 с.

происхождения, они «оказались жадными, ловкими, предприимчивыми дельцами, вплоть до своего падения продолжавшими всевозможными способами округлять владения и увеличивать доходы»[1].

Близость к Петру объединяла князя и кабинет-секретаря и сделала их союзниками в ключевых событиях петровского правления. Исследователи, обращаясь к биографии Меншикова, называют Макарова среди участников его личных дел и судебных процессов. Так, Бушкович прослеживает взаимодействие двух государственных деятелей в ходе дела царевича Алексея Петровича. Он приводит сцену, произошедшую на свадьбе сына И.А. Мусина-Пушкина: закончив разговоры о шведско-русских мирных переговорах, Петр встал из-за стола, отвел в сторону Меншикова и Макарова и дал им какие-то указания, от которых князь помрачнел. Вскоре после этого в Санкт-Петербургскую крепость были доставлены В. и. М. Долгорукие, А. Лопухин, И. Афанасьев, Ефросинья и ее брат, а следствие по делу царевича Алексея было возобновлено в более строгом варианте[2]. Принадлежность к противоборствующим лагерям Макарова и Меншикова в конфликте Курбатова с братьями Соловьевыми охарактеризовал Серов. Он обращал внимание на то, что Соловьевы «являлись в полном смысле “креатурами” Меншикова», а Макаров долгое время помогал Курбатову[3]. Отдельным сюжетом отношений двух государственных деятелей является участие Макарова в знаменитом Почепском деле князя Меншикова. Имя кабинет-секретаря называют среди тех, кто способствовал затягиванию дела, покрывал земельные захваты Меншикова на Украине, заступался за князя перед государем[4].

---

[1] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 319–320.

[2] Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 411.

[3] Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 189–192. Также об этом см.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. С. 191–208.

[4] О Почепском деле Меншикова см.: Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 438; Голомбиевский А.А. Сотрудники Петра Великого. М., 1903. С. 95–96; Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С 124–125; Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великого. В 3-х ч. Ч. 1–3. 2-е изд. М., 1809. С. 168–174; Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине

Отношения Меншикова и Макарова после смерти Петра I рассматриваются в историографии в рамках дискуссий, касающихся политической борьбы и вопроса о престолонаследии. Большинство исследователей, изучавших соперничество придворных группировок во время короткого царствования Екатерины I, отмечают дальнейший рост личного влияния кабинет-секретаря в виду его тесных отношений с императрицей и параллельно постепенный упадок Кабинета как государственного органа (прежде всего, из-за создания Верховного тайного совета, которому не нужна была личная царская канцелярия). Кроме того, при рассмотрении перипетий екатерининского правления, как правило, подчеркивается продолжавшееся сотрудничество между Меншиковым и Макаровым, их принадлежность к одному политическому лагерю и совместная работа на государственном поприще[1]. Например, А.В. Демкин, анализируя деятельность Верховного тайного совета, выделяет фактор личного влияния Макарова на принятие политических решений, так как, по его мнению, в силу занимаемой должности и близости к Екатерине он олицетворял одну часть власти (императрицу), сотрудничающую с другой частью единой власти (Верховным тайным советом). При этом кабинет-секретарь был не один на этом поприще, так как «выразителем ее воли небезуспешно пытался выступать и Меншиков»[2]. Со временем влияние Макарова уменьшалось. В результате сложных политических интриг он был лишен должности кабинет-секретаря – орган власти Кабинет вовсе перестал существовать – и назначен на пост президента

30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 408–432; Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том первый. Полк Стародубский. Киев, 1888. С. 274–324. Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2016. С. 227–235; Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники: монография / М. А. Киселев, К. А. Кочегаров, Я. А. Лазарев. Екатеринбург, 2022. 1244 с.; Bushkovich P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 31. No. 1/4. P. 135–158.

[1]Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. 496 с.; Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856. 94 с.; Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011. 258 с.; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. 757 с.; Курукин И.В. Екатерина I. М., 2016. 397 с.; Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М., 2014. 462 с.

[2] Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011. С. 74.

Камер-коллегии. Видимость дружеских отношений с Меншиковым Макаров поддерживал до окончательного падения светлейшего князя.

Подводя итог историографическому освещению деятельности Макарова как кабинет-секретаря и его взаимоотношений с князем Меншиковым, отметим, что они, как и в случаях с Бахмеотовым и Девиером, отражены в научных работах фрагментарно. В основном Макаров рассматривается в контексте жизни и реформаторской деятельности Петра. Исследования, посвященные деятельности Кабинета как государственного органа, также вносят неоспоримый вклад в реконструкцию сферы деятельности Макарова. Однако ни те, ни другие не направлены на системное понимание его роли в процессе принятия политических решений, оценку личного вклада в те или иные процессы петровского правления, реконструкцию направлений распространения социальных связей и механизмов взаимодействия с другими представителями политической элиты.

Взаимоотношения с Меншиковым в исторических работах, как правило, сводятся к указаниям на факты помощи кабинет-секретаря князю без объяснения причин, мотивов и последствий. В целом при характеристике связей Меншикова и Макарова в первой трети XVIII в. на первый план выводятся их личные взаимоотношения. Исследователями подчеркивается участие кабинет-секретаря в делах князя, с акцентом на том, что Меншиков на протяжении продолжительного времени умело пользовался Макаровым как неким политическим ресурсом. Таким образом, подробное изучение деловых и личных связей, сформировавшихся между Макаровым и Меншиковым на протяжении долгого периода (в статике и динамике), обретает свою актуальность.

3.1.2. Обзор источников

Начиная очерк, посвященный жизни и деятельности кабинет-секретаря Петра I Макарова, советский классик Н.И. Павленко отмечал: «Биографа

Макарова подстерегает еще одна трудность: его личная жизнь скрыта плотной завесой и приподнять ее практически невозможно, ибо при кажущемся обилии сохранившихся от той поры источников с упоминанием имени нашего героя они крайне бедны для раскрытия его личных качеств. Среди этих источников многие сотни, если не тысячи писем Макарову и ни одного ответа на них. Макаров, отличавшийся аккуратностью, разумеется, отвечал своим корреспондентам, но никто из них не сохранил этих ответов. Да и сами письма являются служебными документами, пригодными для использования совсем в иных целях, и лишь в редких случаях в них вкраплены сюжеты, раскрывающие характер отношений между корреспондентами»[1]. До Павленко подобную мысль в менее радикальном варианте озвучивал В.Н. Строев[2], а после Павленко – не раз повторяли исследователи, обращавшиеся к изучению отдельных аспектов жизни кабинет-секретаря[3]. Подобное суждение, казалось бы, полностью соответствует отсутствию (за исключением работы самого историка) каких-либо системных работ, касающихся личности Макарова.

Однако их собственные исследования противоречат этой логике. Тому же В.Н. Строеву удалось восстановить в деталях функционал Макарова как кабинет-секретаря и в общих чертах обозначить механизмы его взаимодействия с другими должностными лицами[4]. Н.И. Павленко провел огромную работу по реконструкции социальных связей Макарова, его деловых и личных отношений с петровскими соратниками и сферы его компетенции[5]. Е.В. Анисимов актуализировал необходимость изучения специфики неформальной власти Кабинета, его влияния на процесс принятия

---

[1] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. Л. 249.

[2] В работе Строева находим такой пассаж: «Биографические сведения о Макарове в литературе крайне скудны, а послужного его списка не сохранилось. Оставшаяся после него колоссальная переписка, разбросанная в разных архивах, имеет исключительно служебный характер; в ней Макаров говорит постоянно от имени Государя и из нея можно извлечь очень мало сведений о нем лично. Эти последния сведения приходится собирать из самых разнообразных источников». См.: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 9.

[3] Демкин А.В. Русские деловые люди XVIII столетия. М., 2019. 192 с.; Поляков И.А. К вопросу о происхождении кабинет-секретаря Петра Великого Алексея Васильевича Макарова (1674–1740) // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 9–19. URL: http:// istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-01.pdf.

[4] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. 749 с.

[5] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 322 с.

политических решений[1]. Данный список можно продолжать и дальше. Конечно, авторы не вовлекли все возможные комплексы исторических источников, касающихся кабинет-секретаря. Но в любом случае историки показали, что источники о жизни и деятельности Макарова, его связях с другими петровскими соратниками можно найти среди архивных хранилищ и следует выявлять дальше, даже если это дело не из легких.

Ключевую категорию настоящей главы составляют несколько комплексов *эпистолярных источников*. Поскольку переписка (частная корреспонденция) в петровскую эпоху не подвергалась делопроизводственной правке, так как не проходила через государственные институты, и соединяла в себе как деловую информацию, так и личную, то ее анализ позволяет параллельно реконструировать и сферу компетенции Макарова как кабинет-секретаря и его взаимоотношения с А.Д. Меншиковым.

Первые известные контакты Меншикова и Макарова сохранились среди материалов Походной канцелярии Меншикова в НИА СПбИИ РАН[2]. Среди дел канцелярии встречаются несколько десятков писем, которые Макаров и Меншиков посылали друг другу в годы[3] военных компаний Северной войны. В них они сообщали друг другу сведения, касающихся действий на фронтах, расположения армии, обеспечения войска и флота, продовольствия и обмундирования. На основе содержательного анализа данного комплекса источников хоть и прослеживается тематика разговоров, интересы корреспондентов, но их личные взаимоотношения и участие в гражданском управлении реконструируются достаточно поверхностно. Как правило, государственные деятели технически передавали друг другу информацию.

Наиболее плотно контакты Меншикова и Макарова поддаются анализу, благодаря входящей и исходящей корреспонденции за 1716–1727 гг., сохранившейся в РГАДА. Переписка Макарова-Меншикова за обозначенный

[1] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. 331 с.
[2] НИА СПбИИ РАН. Ф. 83.
[3] По преимуществу за 1700–1713 гг.

период разбита по нескольким архивным фондам, исходя из того, от кого она поступала. Корреспонденция, отправленная от Меншикова к Макарову, располагается в фонде Кабинета[1]. Важно отметить, что в отличие от ситуации с эпистолярным наследием Бахмеотова и Девиера, материалы, поступавшие от Меншикова к Макарову, обладают высокой степенью сохранности. Значительным преимуществом комплекса является их соседство с комплексами корреспонденции, посланной Меншиковым к Петру и Екатерине в то же время. Поскольку эти письма отправлялись князем параллельно, дополняли или дублировали друг друга, то перед исследователем открывается возможность сравнительного анализа, который в свою очередь помогает понять степень вмешательства Макарова в те или иные дела, уровень взаимного доверия Меншикова и Макарова, эффективность помощи последнего, частоту их контактов и т.д. Комплексы писем, поступавших от Макарова к Меншикову, сохранились в фонде личной канцелярии князя[2], информативность которого, к слову, Павленко явно недооценивал. Сличение материалов из фонда Кабинета и фонда Меншикова позволяет очертить путь обмена корреспонденцией, оценить частоту этого обмена, его взаимность, выстроить отношения вопрос-ответ. Ровно также они позволяют реконструировать те мероприятия, которые проводил Макаров, исполняя свои служебные обязанности.

Отдельно стоит сказать о наличии большого комплекса черновиков, оттисков и выписок из писем Макарова и Меншикова. Они по преимуществу расположены в тех же двух фондах в зеркальном варианте. Оттиски и черновики писем Меншикова к Макарову сохранились в условной первой части меншиковского фонда, сгруппированные по годам[3]. Черновики писем Макарова к Меншиков можно найти в шестой описи фонда Кабинета после материалов, относящихся к составлению «Гистории свейской войны», а также

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3–4. Отд. II.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737.
[3] Там же, Д. 109, 110, 131, 148, 181 и т.д.

во второй описи, собравшей в себе исходящие письма Петра[1]. Еще один комплекс черновиков бумаг кабинет-секретаря вошел в состав фонда, сохранившего переписку разных лиц[2]. Отметим, что черновики и оттиски писем Макарова или Меншикова не обладают такой плотностью как письма, написанные набело, они встречаются лишь единично. Однако некоторые из них среди сохранившихся беловиков не обнаруживаются.

В качестве дополнения к основному массиву переписки Меншикова и Макарова используются эпистолярные комплексы других государственных деятелей, поддерживавших деловые контакты с Кабинетом или генерал-губернатором и участвовавших в аналогичных следственных делах и процессах[3]. Среди таких государственных деятелей можно назвать Петра I, Екатерину, Ф.М. Апраксина, П.А. Толстого, П.И. Ягужинского, И.И. Скоропадского, А.М. Девиера, У.А. Синявина, В.И. Монса и др. Их эпистолярное наследие, используемое нами, преимущественно сохранилось в фондах Кабинета, личной канцелярии Меншикова, переписки частных лиц РГАДА[4]. Отдельные комплексы источников были изданы в различных собраниях документов по эпохе правления Петра или в качестве приложений к исследованиям[5], а также обнаруживаются в неопубликованных выписках историков, обращавшихся к данным сюжетам (например, собрание документов С.Н. Шубинского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки[6]).

Примыкают к материалам переписки источники *делопроизводственного характера* (доношения, мемории, введения). Поскольку среди материалов,

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 43, 44, 46, 101 и т.д.
[2] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 124.
[3] Ограничение данными фондами вызвано, прежде всего, хронологической привязкой нашей работы – в центре внимания находится период 1716–1725 гг., а экскурсы в более ранние периоды и в более поздние проводятся при необходимости.
[4] РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 27; Ф. 9. Оп. 3–4. Отд. II; Ф. 198. Оп. 1. Д. 352, 378–380, 518, 557 и т.д.
[5] Например, Законодательство Петра I. М., 1997. 880 с.; Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов в 3 тт. / Сост. Н.А. Воскресенский. Том II: Акты об общественных классах; Том III: Акты о промышленности и торговли. М., 2020. 848 с.; Письма и выписки из писем с.-петербургского генерал-полицеймейстера Девиера к князю А.Д. Меншикову. 1719–1727 // Русский архив. 1865. № 7–12. Стб. 1233–1276.
[6] ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Д. 207, 208.

которыми обменивались Макаров и Меншиков, подобного вида источников не обнаруживается (личные связи между двумя петровскими соратниками обеспечили наличие личной информации во всех их письмах, а доношения не посылались, так как они не подчинялись друг другу), то данный вид источников используется исключительно в сюжетах, связанных с определением сферы компетенции кабинет-секретаря. Прежде всего, нами рассматриваются доношения и введения, поступавшие к Макарову от должностных лиц Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии (У.А. Синявина, А.М. Девиера, А.И. Черкасского, Я.Х. Бахмеотова и др.)[1]. Как правило в таких случаях к доношениям прилагались различные учетные материалы, посылавшиеся в приложении – табели, описи, реестры[2].

Для реконструкции государственной деятельности Макарова и его участия в Почепском деле Меншикова использовались документальные комплексы делопроизводства Кабинета, Сената, Губернской канцелярии и Канцелярии городовых дел[3]. Подчеркнем, что делопроизводство Кабинета представлено собой, прежде всего, выявленными нами и не введенными в научный оборот записями дел кабинет-секретаря Макарова, которые в архивной описи названы как «”Мемории” (памятные записки) Петра I и кабинет-секретаря А.В. Макарова. Подлинники»[4]. В целом весь фонд Кабинета является своеобразным делопроизводственным источником, раскрывающим направления деятельности государственного органа и лично Макарова. По этой же причине подверглись анализу *описи* фонда Кабинета. Подобный подход был избран, исходя из весьма очевидной причины – размеры фонда действительно огромны и обработать весь нарратив не представляется возможным. В силу этого описи, важным плюсом которых является достаточная содержательность, позволяют в общих чертах понять, кто и по каким вопросам писал в Кабинет, а, значит, и к Макарову. Бесспорно,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378–380, 557; Ф. 9. Оп. 3–4. Отд. II.
[2] Они находятся в том числе и среди частной корреспонденции Меншикова-Макарова.
[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3–4. Отд. II, Оп. 6; Ф. 26. Оп. 1; Ф. 248; РГИА. Ф. 467.
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 101.

подробно охарактеризовать связи и контакты кабинет-секретаря только по одним описям без изучения самих дел невозможно. Однако, чтобы схематично очертить круг дел, поступавших в Кабинет, в рамках небольшого обзора, на наш взгляд, сведений имеющихся описей вполне достаточно.

В рамках изучения Почепского конфликта рассматривались два *судебно-следственных дела*. Среди материалов личной канцелярии Меншикова под названием «Дело следственное о князе Меншикове по почепским его вотчинам о неправедном оных размежевании» удалось обнаружить небольшой по объему (30 л.) комплекс документов, который представляет собой пункты, составленные в ходе следствия на Генеральном дворе весной 1723 г., и ответы князя на них[1]. Данные документы не позволяют в полной мере судить о делопроизводственной стороне следствия, поскольку представляют собой выборку из материалов. Однако, что для настоящего исследования является более важным, они отражают (хоть и без детальный подробности) общий ход следствия и мыслей следователей, заседавших на Генеральном дворе. Частично ответы князя на пункты, присылавшиеся к нему из Вышнего суда отложились в делах того же фонда, содержащих оттиски и черновики (среди комплексов от 1723 г.)[2]. В дополнение привлекались отдельные документы из комплекса материалов, касающихся связанного с почепским конфликтом судебно-следственного дела обер-прокурора Сената Г.Г. Скорнякова-Писарева и вице-канцлера П.П. Шафирова, составившего отдельную книгу в фонде Сената[3] (оно также частично было опубликовано Ивановым[4]).

Нельзя не остановиться на характеристике используемых в рамках настоящей главы *законодательных источников*. При определении сферы компетенции Макарова – этот вид источников употребляется прежде всего с подобной целью – различные указы и вердикты Петра интересуют нас не только с точки зрения их содержания. В некоторых случаях наибольшее

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199.
[2] Там же, Д. 191, 192.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 300.
[4] Иванов П.И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. С. 3–62.

значением имеет процесс выработки того или иного указа, в котором кабинет-секретарь непосредственно принимал участие, т.е. черновики источников, редакционные пометы и мемории. Кроме того, в текстах документов пристальное внимание обращается на примечания и пометы – каким образом указ был объявлен, кто это сделал, перед кем и в каких обстоятельствах. Поскольку часть указов государя объявлял Макаров, то подобный анализ позволяет увидеть степень его вмешательства в законодательный процесс. В данном случае нами привлекаются по преимуществу опубликованные комплексы петровского законодательства[1].

Вспомогательную роль на протяжении большей части настоящей главы играют *нарративные источники*. Их условно можно разделить на две группы. Первую составляют два ключевых источника по петровскому периоду – Походные журналы Петра I, изданные еще в XIX в. (по преимуществу использовались журналы за 1720–1722 гг.), а также «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг.», опубликованные С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой в 2000 г.[2]. В обоих источниках среди действующих лиц находятся имена Макарова и Меншикова, что с достаточной достоверностью позволяет установить факт встречи между двумя государственными деятелями, их участие в тех или иных событиях. На основании анализа «Повседневных записок» можно проследить частоту разговоров и встреч между изучаемыми персонами, понять, где они встречались, в какой компании, вели ли разговоры и как долго.

Еще одной группой источников, традиционно используемой исследователями для реконструкции событий эпохи Петра I, являются *записки иностранцев*. В данной работе такого вида источники служат для иллюстрации важных исторических событий, демонстрации внешнего облика

---

[1]Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. 565 с.; Законодательство Петра I. М.., 1997. 880 с; Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов в 3 тт. / Сост. Н.А. Воскресенский. Том II: Акты об общественных классах; Том III: Акты о промышленности и торговли. М., 2020. 848 с.; ПСЗ. Т. V–VI. СПб., 1830.

[2] Походный журнал 1720 года. СПб., 1855. 51 с.; Походный журнал 1723 года. СПб., 1855. 41 с.; Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. 646 с.

Санкт-Петербурга, презентации придворных слухов и оценок, данных государственным деятелям (Меншикову и Макарову) их современниками. Множество интересных оценок и слухов относительно характеров Макарова и Меншикова сохранилось в дневнике камер-юнкера Ф.В. Берхгольца и записках графа Г.-Ф. Бассевича. Описания петровского Санкт-Петербурга и его окрестностей составляют один из главных сюжетов воспоминаний, оставленных Ф.-Х. Вебером, П.Г. Брюсом, И.-Г. Фоккеродтом, членом польского посольства мазовецкого воеводы Ст. Хоментовского, участника свиты бобруйского старосты Я.-К. Сапеги, О. де ла Мотрэ и др.[1].

Завершая анализ источниковой базы настоящей главы, посвященной изучению деловых и личных связей Меншикова и Макарова, подчеркнем, что основу исследования составляют комплексы переписки (частной корреспонденции), которые, на наш взгляд, наиболее наглядно отражают специфику взаимоотношений, сложившихся между двумя государственными деятелями, и, соответственно, позволяют их реконструировать. Прекрасно понимая специфику данного корпуса источников (переписка, как правило, несет в себе много субъективных оценок и не всегда соответствует реальным действиям[2]), мы акцентируем внимание на необходимости сравнения сведений из одного источникового комплекса, имеющего конкретного автора, с другими, принадлежащих другому авторству. Нельзя обойтись без сопоставления информации, полученной из писем, с делопроизводственными, законодательными и нарративными источниками. Тем не менее, несмотря на это ограничение, сформированная источниковая база позволяет уверенно решать поставленные задачи. Высокий уровень информативности эпистолярного наследия государственных деятелей начала XVIII в., соединение в нем деловой и личной сторон взаимоотношений – все это

[1] Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. 184 с.; Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. 864 с.; Сборник Русского исторического общества. Т. 15. СПб., 1875. 666 с.: Юность державы. М., 2000. 514 с. и т.д.

[2] Эту субъективность как раз и наиболее привлекательно подвергнуть изучению.

определяет значительные содержательные возможности данной источниковой базы для предполагающегося исследования.

3.2. Деятельность А.В. Макарова как кабинет-секретаря Петра I

Алексей Васильевич Макаров в 1704 г. стал первым и единственным на петровское правление кабинет-секретарем. Эта должность, как отмечают исследователи, создавалась специально под Макарова и вместе с ростом влияния и политического веса самого Алексея Васильевича видоизменялась как содержательно, так и по названию. Известно, что в 1704 г. Макаров, служивший на тот момент подьячим в Ингерманландской канцелярии князя Меншикова, был определен ко двору государя. По каким причинам и в каких обстоятельствах Петр заметил молодого талантливого делопроизводителя, нам остается пока только гадать. Царь в Макарове не ошибся, и карьера последнего стремительно направилась вверх. Как прослеживает Павленко, в 1708 г. Макаров именовался государева двора подьячим, в 1710–1713 гг. – придворным секретарем; с конца 1713 г. – кабинет-секретарем; в 1722 – тайным кабинет-секретарем[1]. Именование должности не только маркировало статус Макарова – от одного из подьячих при государевом дворе к главе государственного органа – но и соответствовало расширению функций и повышению его влияния в государственной иерархии.

В 1704 г. ведению Макарова поручались дела, которые в дальнейшем будут называться «кабинетными»[2]. Стоит подчеркнуть, что о создании специального органа власти – Кабинета – на тот момент речи не шло[3]. Какие границы имела сфера компетенции Макарова и какие задачи на него

---

[1] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 236.

[2] Эта формулировка встречается в патенте, данном Макарову. Однако патент имеет более позднее происхождение, когда круг «кабинетных дел» был уже определен. Что подразумевалось под кабинетными делами в 1704 г. возможно установить лишь косвенно.

[3] Во вступлении к основному тексту истории существования Кабинета за 200 лет, редактор пишет: «таким образом, как ни увлекательно желание впервые установить дату, от которой Кабинет мог бы вести свое летосчисление, тем не менее 1704 год, или даже пятое октября 1704 года, правильнее было бы считать лишь временем появления на исторической арене Макарова, первого кабинет-секретаря». См.: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. XIII.

возлагались с первых лет существования должности, нам не известно – законодательно это было не обозначено. Однако уже для этого времени справедливо говорить о том, что функции личной канцелярии (пусть и пока в одном лице)[1] были первостепенными в арсенале Макарова. В его ведении находилась вся документация, поступавшая на имя царя. Алексей Васильевич должен был получать письма и бумаги, отправленные к государю, вести их учет и затем передавать Петру. Постепенно помимо технической передачи документации, кабинет-секретарю начали поручаться миссии, требующие вовлечения в содержательную сторону дела. Например, Макаров участвовал в написании проектов царских писем и указов, делал выписки из поступавших доношений и ордеров. Кабинет-секретарь, кроме того, от своего имени передавал царские указы. Параллельно, это повлияло и на то, что государственные деятели, изначально видевшие в Макарове простого подьячего, обратили на него внимание и стали пытаться заручиться его поддержкой[2].

В течение 1700-х гг. рост влияния Макарова продолжался. Как отмечают исследователи, в первые годы Северной войны реформаторские начинания Петра были подчинены военным запросам: обеспечению армии человеческими и материальными ресурсами, установлению контроля на территориях, перевооружению и поддержанию боеспособности. Вопросы гражданского управления оставались в стороне. В походной жизни личная канцелярия государя перемещалась вместе с ним. К Петру, активно участвовавшему в руководстве военными действиями Северной войны, где бы он ни был, направлялось огромное количество документации, связанной с деятельностью войск, обеспечением фронта продовольствием и обмундированием, организацией постоя и тыла, финансовым обеспечением военных действий и т.д. Макаров всю эту документацию получал и передавал.

[1] Для петровской эпохи вполне характерным является следующая очередность создания государственного органа: в начале учреждается должность руководителя органа, затем вокруг него образуется специальный штат. В этом плане Макаров и должность кабинет-секретаря не была исключением.
[2] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 10–11, 45.

Не удивительно, что доверие государя к кабинет-секретарю только укреплялось.

После победной Полтавской баталии в 1709 г. военные вопросы начали уступать место необходимости реформировать государственную систему России в целом. Петр в свойственной ему манере старался все вопросы контролировать лично тем более, что война отнимала у него все меньше времени. На протяжении 1710-х – 1720-х гг., документация, поступавшая в личную царскую канцелярию, увеличивалась в геометрической прогрессии[1]. Кабинет-секретарь аккумулировал огромным количеством бумаг, обращенных как к царю, так и к нему самому, и касающихся различных государственных вопросов[2]. Более того, руководители тех или иных государственных органов, например губернаторы, предпочитали отправлять доношения, табели и прочую отчетную документацию не в Сенат, которому они непосредственно подчинялись, а к кабинет-секретарю для передачи государю[3]. В свою очередь Сенат, призванный осуществлять руководство государством в отсутствие Петра, также отправлял свои указы к Макарову для утверждения монархом. По мнению Е.В. Анисимова, усиление роли Кабинета укладывалось в рамки другой тенденции, происходившей в петровском государстве – бюрократизации, отхода от традиционных, патриархальных форм функционирования самодержца[4].

В течение этого периода вокруг кабинет-секретаря сложился штат канцеляристов, которые помогали ему в процессе обработки документов и передачи их к государю. Штат Кабинета составляли личный помощник

---

[1] Берхгольц, передавая детали повседневной жизни царского окружения, относительно занятости Макарова отмечал, что «Его Высочество очень обрадовался ему, потому что он обыкновенно до того бывает занят, что его почти никогда нельзя пригласить». См.: Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. С. 376.

[2] Среди вопросов, которые поступали к Макарову, например, можно отметить мероприятия по закупке мундира для матросов, сбору ракушечников для строительства, отправке на Канатный двор в Санкт-Петербурге прядильщиков, поставке деревьев в столицу, выдаче денег для оплаты переводов книг, контролю за передвижением войск и т.д. См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 43, 44, 45.

[3] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 54.

[4] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. С. 283.

Макарова секретарь И.А. Черкасов[1] и несколько подьячих, которые должны были формировать входящие и исходящие материалы в книги, прописывать черновики указов. Дополнительно к основному штату при Кабинете состояли курьеры, денщики и генерал-адъютанты Петра, корреспонденты-агенты в других странах. В 1721 г. из-под пера Макарова вышла инструкция для кабинетных подьячих «Определение как содержать в кабинетной конторе порядок в делах», в котором он давал начинающим канцеляристам указания о том, как стоит вести учетные книги, записывать всю входящую и исходящую корреспонденцию, делать экстракты и выписки, сохранять всю полученную документацию, а также как вести хозяйство, контролировать вещи, полученные на счет Кабинета и т.д. Соответственно, к началу 1720-х гг.[2] Кабинет окончательно сформировался как самостоятельное государственное учреждение, под контролем которого находились определенные отрасли управления. К этому же времени историки относят появление двух понятий: «кабинетные указы», противопоставленные Сенатским, и «кабинетный счет», на который записывали те или иные государственные расходы[3].

Параллельно с трансформацией Кабинета и увеличением его делопроизводства продолжало расти доверие Петра к Макарову. Согласно исследованию Строева, особенному сближению Петра с его секретарем содействовали даже не ежедневные государственные заботы, а заграничные поездки царя в 1715–1717 гг., в которых Макаров неизменно сопровождал своего патрона. Петр лично маркировал роль кабинет-секретаря в документообороте, при этом освобождая себя от части обязанностей. Государь заставлял своих соратников пользоваться посредничеством Макарова и писать к нему прежде, чем обращаться к себе напрямую[4]. В итоге с ростом значения Кабинета в системе управления «что-то докладывать, предлагать, просить

[1] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 20–22.
[2] В,Н. Строев в своем исследовании называет конкретный 1722 г.
[3] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. С. 284.
[4] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 14–15.

лично царя мог весьма ограниченный круг людей». Для большинства обратиться к царю значило обратиться к Макарову[1].

Сформировавшиеся за годы верной службы и поддерживающееся на протяжении десятилетий[2], доверие государя открывало для Макарова широкие возможности для личного влияния. Изначально должность кабинет-секретаря предполагала, что ее не мог занимать человек, не пользующийся благосклонностью Петра, поскольку он получал доступ к самому сокровенному и секретному в государственном строительстве: через руки кабинет-секретаря проходила царская корреспонденция, он участвовал в составлении указов и реляций, доводил до сведения царя информацию государственной важности и в общем-то являлся тем человеком, к совету которого Петр прислушивался. Большую милость по отношению к Макарову замечали даже иностранцы[3]. Камер-юнкер Ф.В. Берхгольц так характеризовал признаки влиятельности кабинет-секретаря: «В его ведении значительные суммы денег и все дела секретные и такие, о которых ничего не дается знать Сенату»[4]. Подобное доверие необходимо было оправдывать не только упорной работой днями и ночами. От кабинет-секретаря требовалось повышенное внимание к настроениям государя, умение просчитать его позиции относительно того или иного дела, а также в принципе способность грамотно использовать ресурс близости и доверия. Прежде всего, политическая чуткость кабинет-секретаря проявлялась в том, как он передавал сведения к Петру и от него и как взаимодействовал с другими государственными деятелями[5], имевшими свои собственные интересы.

---

[1] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. С. 283.

[2] Их отношения омрачились лишь в 1724 г. перед самой кончиной государя благодаря известному обвинению во взяточничестве, злоупотреблении положением и попытках повлиять на решение Вышнего суда.

[3] Берхгольц называет Макарова «большим фаворитом императора». См.: Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. С. 376

[4] Там же, С. 121.

[5] Под государственными деятелями в данном случае понимаются должностные лица разного уровня и с разной географической привязкой: иностранные министры, резиденты, губернаторы и руководители органов власти, личности, выполнявшие специальные поручения и т.д.

Письмо или доношение, предназначенное для государя, как правило, проходило следующий путь[1]. В первую очередь оно попадало в руки к Макарову, причем нередко кабинет-секретарь вместе с ним получал личное письмо, в котором адресат передавал в общих чертах содержание и просил доложить «в благополучный час». Под этой незамысловатой формулировкой подразумевалась очень важная функция, во многом гарантировавшая успех дела. Кабинет-секретарь, благодаря своей близости к Петру и его доверию, чувствовал тот момент, когда монарх был в настроении принять правильное, то есть наиболее лояльное для обратившегося к нему, решение. Это ставило отправителя письма в определенную зависимость от Макарова. Иногда соратники Петра уходили дальше и просили кабинет-секретаря конверт, предназначавшийся государю вскрыть, прочитать и только потом донести в том виде, в котором он сочтет нужным. Таким образом, например, поступал Меншиков. Некоторые и вовсе сообщали кабинет-секретарю те сведения, которые Петру рассказать не дерзнули бы[2].

Затем Макаров или служащие Кабинета полученные материалы фиксировали, записывали в учетные книги и классифицировали. Для экономии времени из большинства писем и доношений делались краткие «пункты» или «статьи», которые в последствии Макаров представлял перед государем. После занесения письма и прилагающихся к нему материалов в Кабинетный архив кабинет-секретарь направлялся к Петру. Стоит отметить, что Макаров к аудиенциям тщательно готовился. В фондах РГАДА сохранился комплекс недатированных записей кабинет-секретаря, представляющих перечисление дел, которые следовало обсудить с царем и получить на них указ. Так, на одном листе находим: «К Бестужеву надобно указ о лицентном зборе; о деле вейдовом; о дворе питербурском Трубецкого,

[1] В данном случае нами обрисован усредненный вариант. Каждый конкретный случай имел свою специфику, зависящую от статуса доносителя, его личных отношений с государем и самим Макаровым, сложности и конфиденциальности информации. Также мы рассматриваем схему возможную в конце 1710-х – начале 1720-х гг., когда Макаров находился на вершине своего могущества как кабинет-секретарь.

[2] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. С. 285; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 251–257.

что с ним делать; о медалях к папе и кардиналам; о щетах Куракина, кому их отдать; о ластовых судах; о червонных князь Борису Ивановичу, чтоб заплатить в дом ево; к Куракину писать, на что не ответствовано, также и о векселе чрез Тамеса или других, и для того ис писем выписать; о 30 червонных, что за полотно на Александре Ивановиче; о фондербурховых писмах и о денгах за учеников и за пленных, что в Швеции были; проведать в Сибири или здесь о свинце; о должности ексекуратору; о зотовых пожитках; сказать, чтоб трактаты печатали и для того, чтоб все скоряя збирали их; Алмазову сказать, что в Ближних Дубках огород насыпать и вкопать; о канале стрелинском князю, чтоб зачал»[1]. Некоторые из записей перечеркнуты сверху, надо полагать, подобным образом отмечены те, которые удалось в скором времени разрешить.

Ожидание предметного разговора с Петром могло затянуться на достаточно продолжительное время. Причины были разнообразны – от занятости монарха другими государственными делами до его болезни. В таких случаях нетерпеливые корреспонденты писали к Макарову повторно, требуя скорейшего решения дела. Кабинет-секретарь в ответ уведомлял: «не изволте ваша светлости возиметь на меня своего гнева, что сутки промешкался и того писма Его царскому величеству не обявил, что учинено выше реченного ради случая, а х тому же хотя бы я и в тот час донес, как то писмо получил, то толко б прибавил болезни, а ускорить было ответ тем невозможно для того, что надобно было дожидатца почтового дня».[2]

Во время доклада Макаров передавал Петру посланные ему документы, которые государь хотел прочитать полностью. Остальные он зачитывал вслух по выписанным в доклад пунктам. Иногда Петр читал их самолично, ставя на полях резолюции, «разметки». Подчеркнем, что кабинет-секретарь не только технически передавал правителю письма и сведения, но и влиял на содержательную часть. Как справедливо оценивает Е.В. Анисимов, многое в

[1] РГАДА Ф. 9. Оп. 6. Д. 101. Л. 48–49.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 26об.

судьбе доносителя зависело от действий кабинет-секретаря: «он сам выбирал, как, когда, при каких обстоятельствах подать Петру доклад, учесть ли при этом настроение самодержца, как прокомментировать доклад, до и просто – в каком виде его изложить в докладной записке к «разметке»»[1]. Важную роль Макарова в донесении информации до государя доказывает и знаменитая челобитная 1724 г., автор которой обвинял кабинет-секретаря в скрытии от царя дел Вышнего суда[2]. Докладывая Петру о содержании писем, Макаров видел реакцию правителя и в своих действиях ориентировался на нее. Более того, надо полагать, Петр сам прислушивался к мнению рассудительного кабинет-секретаря. Поэтому государственные деятели, обращавшиеся к Макарову за посредничеством, помимо прочего просили его устно передать Петру какую-то информацию, исходатайствовать решение, заступиться при необходимости. Кабинет-секретарь подобные услуги щедро оказывал – в некоторых случаях он открыто обещал повлиять на вердикт монарха[3].

В ситуациях, когда Петру было что ответить корреспондентам, Макаров после царской аудиенции возвращался с ответными письмами, которые он, записав в кабинетные учетные книги, должен был отправить адресату. При необходимости он присовокуплял к ним свои собственные послания, поясняющие царские. Параллельно, в Кабинете на основании резолюций на «пунктах» или «статьях» составлялись проекты именных «указов-ответов»[4] от Петра. Когда текст указа был готов, Макаров снова показывал его государю, который указ или подписывал, или отправлял на доработку. Подобные «кабинетные указы» Алексей Васильевич мог лично объявлять в Сенате, на заседания которого он являлся регулярно, передавать в государственный орган власти. Такой прерогативой пользовались немногие государственные деятели. Например, помимо Макарова правом объявления царских указов в разное

[1] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. С. 285–286.
[2] Там же, С. 286–287.
[3] Как полагают исследователи, Макаров взяток за подобные услуги не брал.
[4] Термин Е.В. Анисимова

время обладали генерал-губернатор Меншиков и генерал-полицмейстер Девиер (для Санкт-Петербурга).

В случаях, когда Петр лично корреспонденту писать не хотел, а именной указ не требовался, Макаров передавал царские слова и указания самостоятельно в письме. Анисимов называет такую группу писем Макарова служебными[1]. Как правило, они посылались на имя конкретного должностного лица или учреждения. Если личные связи с адресатом позволяли, то кабинет-секретарь к официальному указу мог по собственной инициативе добавить уточняющие сведения. Например, он уведомлял получателя о предпринятых мерах, реакции государя, раздавал советы, как лучше действовать в сложившихся обстоятельствах, посылал копии связанных с делом документов. Когда царь откладывал решение, Макаров мог поделиться прогнозом о том, что собирается сделать монарх, успокаивал и давал надежду на скорое решение дела.

Помимо документации, предназначавшейся для государя, через Кабинет проходила корреспонденция, направленная к Екатерине и царским детям. Как показывают источники, во время отсутствия царской четы в Санкт-Петербурге государственные деятели, на чьем попечении оставались царевичи и царевны – в разное время Меншиков и Девиер – передавали с помощью Макарова сведения о здоровье, образовании и времяпрепровождении царских детей. Примечательно, что даже в этом случае информация из писем к Петру и Екатерине, дублировалась в личных письмах к кабинет-секретарю. Вместе с донесениями от своего лица Девиер и Меншиков прилагали письма наследников, обращенных к родителям (когда те научились писать – собственноручные). Вдобавок в Кабинет поступала корреспонденция, обращенная лично к Макарову и не всегда связанная с его служебными полномочиями.

[1] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. С. 284.

Таким образом, к рубежу 1710-х – 1720-х гг. Макаров, занимая должность кабинет-секретаря, играл важную связующую (брокерскую) роль между Петром и его соратниками. Благодаря посредничеству Макаров оставался в курсе практически всего происходящего в государстве, имел доступ к уникальной информации. Соответственно, сфера вовлеченности Макарова в государственное строительства трудно поддается локализации, поскольку в силу специфики занимаемой им должности он был в курсе различных государственных проблем и привлекался Петром к решению множества управленческих задач. Кроме того, Макаров, пользовавшийся исключительным доверием царя, имел влияние на процесс передачи сведений к государю и вынесение окончательного вердикта по делу. Эта способность также подпитывала могущество Макарова, делала его весьма привлекательным союзником для других государственных деятелей, желавших наиболее успешного выполнения своих требований.

Охарактеризованные выше функции и преимущества Макарова, вытекали из специфики его должности как главы личной канцелярии монарха. Однако Кабинет в петровское время не был исключительно личной царской канцелярией, а Макаров –личным секретарем. Под ведомство Макарова было отдано несколько ключевых «проектов», связанных с финансовым обеспечением строительных работ, наймом квалифицированных кадров, обучением и хозяйственным руководством.

Несмотря на известную привязанность Петра I ко всякого рода регламентациям, за все время существования Кабинета не обнаружено ни одного законодательного акта, который бы определял его сферу компетенции. Ученым известен лишь один документ, в котором Макаров уже после смерти Петра в 1725 г. перечислил предметы ведения возглавляемого им учреждения. Среди дел, относящихся к кабинетным, он назвал: 1) ведение корреспонденции со всеми российскими министрами и агентами, обретающимися при чужестранных дворах; 2) а также корреспонденции со всеми российскими губернаторами, вице-губернаторами и прочими

управителями, в особенности из Гиляни и из крепости Святого Креста; 3) прием челобитных, направленных в Кабинет; 4) переписку с Сенатом, с Синодом и с прочими коллегиями, канцеляриями и конторами, рассмотрение по разным делам предложений, сношений и справок; 5) организацию строительных работ от Кабинета в Риге, Ревеле, Рогервике, Дубках, контроль за финансированием петергофского и стрелинского строительства; 6) покрытие расходов на придворную службу (жалование служителям, расходы токарни, подарки именинникам, курьерам, плата за учеников заграницей и т.д.); 7) выплату жалования мастеровым из Англии, Голландии и Франции, плата за необходимые им материалы; 8) руководство Канцелярией от строений со всем штатом и расходом[1]; 9) руководство Садовой конторой Б. Неронова с огородными делами, садами и зверинцами; 10) контроль за полковыми делами; 11) написание Гистории Свейской войны и т.д. Как отмечает Строев, а за ним Павленко, на этом компетенции Кабинета не заканчивались: на попечении Макарова находилось все хозяйство царя и царской семьи, организация Кунсткамеры, а также множество других дел, порученных лично государем без какой-либо системы[2]. Учитывая, что первые 4 пункта связаны с ведением царской корреспонденции и относятся к функциям секретариата, которые были охарактеризованы нами ранее, далее конкретизируем оставшиеся обязанности.

Одной из первостепенных функций кабинет-секретаря было ведение хозяйственных дел Петра и его семьи. Согласно Е.В. Анисимову, Кабинет «ведал личным имуществом самодержца, был его Штатс-конторой, куда поступали огромные суммы денег от соляных сборов, доходы с которых находились полностью вне контроля государственных учреждений»[3]. Кроме

[1] Как известно, Канцелярия от строений (до 1723 г. – канцелярия городовых дел) была создана в 1703 г. и являлась самостоятельным учреждением. С Кабинетом она взаимодействовала достаточно активно, особенно в вопросах финансовых, обеспечения материальными и людскими ресурсами. Надо полагать, именно поэтому к 1725 г. она вошла под ведение Кабинета.

[2] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 36–38; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 237–238.

[3] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. С. 282–283.

того, доходы Петра и Кабинета пополнялись из подносных денег, т.е. подарков различных должностных лиц и купеческих корпораций; денег, поступавших из губернских канцелярий и других государственных институтов; сумм, взятых в долг или, наоборот, возвращенных; жалования царя, которое он получал в начале как капитан, затем как полковник[1]. Тратились денежные средства либо на государственные нужды, подведомственные и неподведомственные Кабинету (финансирование строительных работ, затраты на флот и армию, плату ученикам, отправляющимся в европейские страны и т.д.), либо на личные потребности Петра и его семьи. Приводя ведомости из фонда Кабинета, П.И. Варыпаев и В.Н. Строев отмечают, что личные расходы государя включали в себя затраты на одежду, обувь и прочие вещи для Петра, Екатерины, членов царской семьи и их окружения, покупку предметов домашнего быта и обихода, провизии и лекарств, выплату жалования конюхам, врачам и прочим дворцовым служителям, обеспечение их провиантом и фуражом, выдачу сумм за оказанные услуги при посещении иностранных дворов и многое другое[2]. Макаров оплачивал из кабинетных средств покупки царя, в том числе и весьма экзотические как экспонаты Кунсткамеры[3].

На плечах Макарова лежала еще одна важная задача. Во время передвижений государя он занимался организацией подводов и станов. Кабинет-секретарь, который, как правило, присутствовал рядом с Петром был доподлинно осведомлен о планах монарха. В январе-феврале 1718 г. Макаров организовывал систему подводов для переезда Петра и Екатерины государыни из Москвы в Олонец. Поскольку Кабинет не имел своих материальных и людских ресурсов, то обеспечением подводов вместе с кабинет-секретарем занимался генерал-губернатор Меншиков, под чьим ведением находилась территория Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии, по которой

[1] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 175–177, 200–208; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 247–248.
[2] Подробнее о статьях расходов Кабинета см.: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 185–198, 221–226.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 18об, 25, 120; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 239.

пролегал путь[1]. Редко случались ситуации, когда Макарова рядом с Петром не было, а подводы организовать было нужно. Тогда находившиеся в окружении государя люди обращались к кабинет-секретарю за указом. Весной 1720 г. царь отправился к марциальным водам, чтобы поправить свое здоровье. Сопровождавший его генерал-полицмейстер Девиер просил Макарова, который в это время пребывал в Санкт-Петербурге, «приказать, кому, надлежит, чтоб к 25 числу подставные подводы по прежним роспися были готовы, а здешнеи и ладожской провинцеи лантратом в том уже приказано»[2].

Макаров принимал участие в строительстве и благоустройстве царских резиденций, крепостей, гаваней, различных сооружений на территории Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии. Под его контролем находились Летний и Зимний дворцы в Петербурге, загородные резиденции в Петергофе, Стрельне, Дубках, строительные работы на Котлине острове, Кроншлоте, Ревеле и Риге[3]. Наиболее грандиозным «проектом» петровского правления было возведение Петергофского дворцово-паркового комплекса, который должен был, по задумкам государя, превзойти резиденцию французских королей в Версале. В рамках петергофского строительства Макаров плотно контактировал с генерал-губернатором Меншиковым, а затем с обер-комиссаром Канцелярии городовых дел У.А. Синявиным. Например, под взаимным контролем Канцелярии городовых дел и Кабинета находилось обеспечение стройки в Петергофе материалами и рабочей силой[4]. В данном случае роли распределялись следующим образом: Синявин передавал Макарову сведения от архитектора и его требования, а кабинет-секретарь решал финансовую сторону дела[5]. Денег, как всегда, катастрофически не хватало. 17 апреля 1722 г. Синявин отправлял в Кабинет очередное жалобное

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 714об, 717–718об, 729.
[2] Там же, Д. 46. Л. 4об.
[3] Там же, Д. 33. Л. 13, 26; Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 227–227об, 252–252об.
[4] Синявину пришлось наиболее активно вмешиваться в петергофское строительство после смерти в 1719 г. архитектора Ж.Б. Леблона, имевшего личный конфликт с Меншиковым. С 1719 г. руководителем строительных работ в царской резиденции стал итальянец Н. Микетти. Ко времени Микетти относится строительство в царской резиденции фонтанных каскадов, Монплезира – любимого места отдыха Петра – а также подсобных сооружений Большого дворца.
[5] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 269–269об; Оп. 6. Д. 48. Л. 1.

послание о нехватке денег: «а в Питергофе опасаюсь, чтоб салдатом заработных денег дачи не ставить, хотя бы на счет Городовой канцелярии повелено было давать им ис кабинетных денег, а материалы и волным работником и мастеровым людем буду давать ис Канцелярии, понеже зело оплошно в Канцелярию как за работников, так и другия положенные денги из губерней присылают, о чем прошу, чтобы подтверждено было указом»[1].

Синявин, кроме того, обращался в Кабинет при необходимости урегулировать обеспечение петергофского строительства инфраструктурой. Для заготовки цемента в марте 1722 г. он присмотрел мельницу, которая находилась в ведении М.Д. Олсуфьева (руководитель дворцовой канцелярии). Отправляя личное письмо Макарову, обер-комиссар Городовой канцелярии просил поговорить от своего лица с Олсуфьевым и послать указ, чтобы «того на нем не взыскалось». Вопрос на протяжении еще какого-то срока регулировался, потом Олсуфьев мельницу передал[2].

Помимо организации строительных проектов на прилежащих к Санкт-Петербургу территориях, Кабинет и кабинет-секретарь вмешивались в создание столичного «парадиза». Через руки Макарова проходила документация, касающаяся строительства домов в разных частях Санкт-Петербурга, зданий общественного пользования, Прядильного и Мытного дворов, Морского рынка, ломки сооружений, построенных не по плану, межевания земель и передачи той или иной территории для заведения хозяйства, выбора строительных материалов, способов постройки домов, обустройства садов и парков, сооружения дорог[3], каналов, прудов и т.д.[4]. В целом участие Кабинета как государственного учреждения и лично Макарова сводилось к посреднической функции. Через Кабинет передавались материалы, адресованные государю, затем после рассмотрения Петром дела –

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 233–233об.
[2] Там же, Л. 229–229об.
[3] Например, на средства Кабинета строилась першпективная дорога. См.: Там же, Д. 78. Л. 1226–1226об, 1227–1227об, 1229–1229об.
[4] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 41. Л. 854–857; Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 237–237об, 577–580об, 584–585об; Д. 78. Л. 1227.

отправлялись необходимые указы. В некоторых случаях кабинет-секретарь распределял средства на проведение строительных работ[1].

В сферу компетенции Кабинета входил контроль за деятельностью Садовой конторой (руководитель – Б. Неронов), которая занималась устройством садов, парков и зверинцев на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей[2]. Известно, что Петр сам увлекался ботаникой и внимательно подходил к выбору растений и животных, которые заводили для дворцово-парковых комплексов. Через Кабинет регулярно посылались образцы деревьев и цветов, взятые из парковых зон царских резиденций, выращенные в садах фрукты[3]. «Писмо от Ивана Черкасова, писанное ко мне повелением вашим, чтоб когда деревья станут роскидыватца, тогда б одни листочки ис Питергофа, другие ис Дубков, третьи ис Питербурха, наклеивая на бумаге с подписанием чисел, отдавать для посылки к Его императорскому величеству понедельно в Ямском приказе брату ево Семену Черкасову, я получил» – писал в 1722 г. Макарову обер-комиссар Синявин[4]. 22 мая 1722 г. с почтой он отсылал кабинет-секретарю листочки, снятые в Петергофе, в дальних и ближних Дубках и извинялся, что листочки с прочих деревьев послать не удалось, потому что деревья еще не раскрылись из-за того, что лежал снег (sic! в мае!) 4 дня[5]. Павленко указывал на участие Макарова в комплектовании и содержании первого зверинца в Летнем саду[6].

Под контролем кабинет-секретаря находился процесс разведывания и опробования марциальных вод. Петр I ставил в приоритет организацию курортов в стране, а также агитировал всех приближенных к использованию

---

[1] Например, подобным образом он действовал при строительстве Мытного двора.

[2] Среди материалов Кабинета нами было обнаружено интересное письмо, отосланное Макаровым Неронову. В нем сообщалось решение относительно тела умершего в петербургском зверинце льва. Кабинет-секретарь указывал выслать останки льва целиком на Петровские заводы к государю, раз разделить их на части не получилось. См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 48. Л. 7об.

[3] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 62, 75, 77об.

[4] Там же, Д. 60. Л. 234–234об.

[5] Там же, Л. 239–239об.

[6] Он приводит весьма курьезный случай. В состав этого первого регулярного зоопарка в стране должны были входить экзотические животные и птицы из разных климатических зон. Комплектованием и содержание зоопарка занимался кабинет-секретарь. Однако, как отмечает историк, экзотические животные, привыкшие у другим климатическим условиям – среди первых «жителей» зверинца был слон, подаренный иранским шахом – не выдержали суровых условий. См.: Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 239.

вод для поддержания здоровья. 24 июня 1717 г. царь адресовал Сенату именной указ, в котором объявлял: «По получении сего, велите Доктору Шуберту искать в Нашем Государстве (а особливо в таких местах, где есть железные руды) ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней, на приклад, какими в здешних краях пользуются, как Пирмонтская, Шпавассер и проч. и для того дайте помянутому Доктору полной указ, чтоб ему не были никто противны и давали от города до города и от села до села подводы, дабы он нынешним летом и осенью до заморозов осмотрел, о чем пространно писал к тому Доктору от себя Доктор Наш Арескин, и то письмо при сем посылаем, которое от себя с указом к Москве пошлите»[1]. Первый курорт вокруг марциальных вод был создан близ Петровских заводов в Карелии. Затем новые целебные места начали находить на Олонце и в окрестностях Санкт-Петербурга. Общее наблюдение за благоустройством курортных зон, анализом целебности воды, проверкой эффективности производил Кабинет[2]. Фактически, в это было вовлечены все государственные институты, к чьей компетенции относилось управление территорией, где располагались марциальные воды. Например, в Санкт-Петербурге процессом разведывания занимался генерал-полицмейстер Девиер, который подавал Макарову доношения, содержащие сведения о местонахождении вод, их качестве и эффективности, посылал ведомости о тех людях, которые начали проходить курс лечения водами, свидетельства и показания докторов[3].

Грандиозные строительные работы, благоустройство парков и общественных пространств, создание курортов – все это требовало, во-первых, поиска строительных материалов, во-вторых, найма рабочей силы. Кабинет-секретарь Макаров осуществлял руководство и этими процессами.

Кабинет контролировал, финансировал и в иных случаях производил закупку материалов для строительства, прежде всего, объектов Санкт-

[1] ПСЗ. Т. V. С. 498–499.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 239–240.
[3] Там же, Д. 54. Л. 1304–1304об; Д. 59. Л. 1125–1128об, 1130аоб–1130б; Д. 62. Л. 1314–1316.

Петербургской губернии – царских резиденций, самого Санкт-Петербурга, окружающих его портов и крепостей. Система управления работала таким образом, что имевшиеся в арсенале одного государственного учреждения материалы при необходимости по указу царя могли передаваться или продаваться в ведение другому учреждению. Кабинет регулировал поток материалов, перераспределяя их по разным государственным институтам, которые отвечали за процесс строительства. Так, в марте 1721 г. Синявин просил решения из Кабинета о добыче необходимого для строительства алебастра. Алебастр он предлагал наломать в Риге, отмечая, что это должно быть даже дешевле, чем поставить из Нижнего Новгорода[1]. Указ, как показывают документы, был дан. В апреле Синявин узнавал у Макарова, сколько алебастра будет нарублено и сколько шхун для его доставки стоит прислать[2]. Параллельно Синявин просил Макарова известить, есть ли в Риге свинец так же крайне необходимый для строительства. В случае, если его не имелось, он предлагал, доложив Петру, отписать в Амстердам к Х.И. Бранту и заказать там на счет Городовой канцелярии[3].

Не без участия Кабинета происходила поставка в Стрельну и Петергоф фонтанных труб с сибирских и тульских заводов Н.А. Демидова. Этот сюжет являет собой пример успешного посредничества Кабинета между двумя акторами – главой государственного института и исполнителем заказа. В марте 1722 г. Синявин начинал доношение в Кабинет: «В прошлом 721м году декабря дня в Канцелярию городовых дел камисара Никиты Демидова прикащика ево Ивана Переславцова написано, чтоб о приеме у него привезеных [у него] с сибирских и тулских заводов о фонтанных трубах и к ним о щурупах и связях для выдачи ему за них денег в Кабинет Его императорского величества из Городовой канцелярии взнесть доношение…»[4]. Далее шло описание чугунных труб и расписывалось количество денег,

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 233.
[2] Там же, Л. 234–234об.
[3] Там же, Л. 237–237об.
[4] Там же, Д. 60. Л. 219–219об.

которые были выделены Демидову за их производство[1]. Кроме Синявина, к посредничеству Кабинета в поиске материалов обращался генерал-полицмейстер Девиер, руководивший строительными подрядами в Санкт-Петербурге, но не имевший в своем ведомстве материальных ресурсов[2].

Задавшись целью построить новую регулярную, европески ориентированную столицу на берегах Невы, необходимо было не только найти материалы, создать планы и продумать методы строительства, но и нанять квалифицированных специалистов. Несмотря на то, что в России были и свои мастера, огромное значение предавалось найму на службу европейцев. Найм специалистов и контроль за их времяпрепровождением в Санкт-Петербурге относился к сфере компетенции Кабинета[3]. Как отмечал Павленко, «к кабинет-секретарю стекались донесения о найме ученых, мастеровых, деятелей культуры, копии заключенных с ними контрактов, а также отчеты о выдаче им прогонных денег из фондов Кабинета»[4]. Так, генерал-губернатор Меншиков 15 апреля 1717 г. уведомлял Макарова о том, что вместе с письмом получил контракты французов, отправленных для строительных и корабельных работ, и в дальнейшем будет содержать их по прописанным в контрактах условиям[5].

Однако в основном вопросы найма мастеров, их обустройства в Санкт-Петербурге, выдачи им жалования и провианта находились в сфере взаимодействия между Кабинетом и все той же Канцелярии городовых дел. Во-первых, Кабинет и Канцелярия координировали найм архитекторов, которые осуществляли важные строительные планы. В начале 1720-х гг. Синявин оказывал помощь упоминаемому ранее архитектору Микетти, призванному руководить строительными работами в Петергофе. В мае 1721 г.

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 220–221, 240–240об, 249–249об. Известно, что Демидов два раза заключал контракты на поставку труб в Петергоф. См.: Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М., Л., 1949. 525 с.

[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 46. Л. 13.

[3] Там же, Оп. 6. Д. 43. Л. 12, 16, 26, 28, 72 и т.д.

[4] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 243.

[5] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 59, 73. О заключении контрактов с мастерами см.: Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания // Историческая русистика в XXI веке: материалы X Междунар. науч. конф. Будапештского центра русистики, 18–19 мая 2015 г. Будапешт, 2017. С. 177–186.

Ульян Акимович докладывал в Кабинет, что представил Микетти Феофану Прокоповичу. Феофан просил его осмотреть место, где следовало построить его дом[1]. Во-вторых, между государственными учреждениями существовали связи относительно найма различных мастеров, садовников и работных людей[2]. Мастера, к слову, могли состоять в ведомстве не только Кабинета или Канцелярии городовых дел. 10 мая 1720 г. Синявин писал Макарову о том, что от генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса в Кабинет было отослано несколько человек мастеровых, которые до этого были ведомы в Оружейной канцелярии. Он просил дать им роспись, указав кто и сколько получал жалования, поскольку в Городовой канцелярии наблюдалась большая нужда в мастеровых[3]. Обер-комиссар связывался с Кабинетом, когда возникала потребность заключить с мастерами контракты – без указа Петра и без отписки из Кабинета подобный договор был не осуществим[4]. В-третьих, Синявин обращался к Макарову в случаях, когда квалифицированных мастеров надо было обеспечить учениками или дополнительно привлечь к строительству гарнизоны Санкт-Петербургской губернии[5]. Средства на выдачу жалование архитекторам, мастеровым, работным людям, ученикам, солдатам брались из средств Кабинета.

Вторым этапом работы с мастерами, работными людьми и гарнизонными полками было распределение их по имперским стройкам. Здесь наиболее актуализировалась проблема нехватки рабочих рук. Мастера, садовники, работные люди и прочие специалисты, как правило, пересылались из одного места в другое в зависимости от кадровых потребностей конкретной «имперской стройки». Синявин, взявший под контроль занятых на строительных работах, отсылал в Кабинет доношения с перечислением людей, находящихся в Стрельне, Петергофе и Котлине острове, уведомлял кабинет-секретаря и государя об их перетасовках. Параллельно со статистическими

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 241–242об.
[2] Там же, Л. 234–234об.
[3] Там же, Д. 56. Л. 462.
[4] Там же, Д. 57. Л. 224–225.
[5] Там же, Л. 230–230об.

сведениями существовали повторяющиеся просьбы прислать для работ (или нанять) еще работников[1].

Наряду с наймом на русскую службу иностранных специалистов, Кабинет занимался организацией обучения русских молодых людей (гардемаринов) в европейских странах. В каждой стране, в которую отправлялись гардемарины, к ним были приставлены специальные агенты, следившие за их поведением и образовательными успехами. Те, кому вверялась подобная нелегкая миссия – в их числе исследователи называют князя И.Б Львова, К.Н. Зотова, Ф.С. Салтыкова, С.Л. Рагузинского и др. – должны были посылать в Кабинет к Макарову подробные отчеты[2]. Показательно, что эти доносы были полны отчаяния, поскольку, как отмечает Анисимов, «эти нередко неотесанные и дикие молодые люди по лени, неопытности, разгильдяйству, склонности к кутежам постоянно попадали в пренеприятнейшие (в том числе криминальные) истории»[3]. Не углубляясь в увлекательные, но не имеющие в данном случае особого значения, сюжеты из жизни гардемаринов, отметим, что агенты тратили на разрешение их проблем много сил и, главное, казенных и личных средств[4]. К слову, Кабинет имел в Европе не только агентов, которым поручалось наблюдать за жизнью гардемаринов, но и тех, кто собирал ценные сведения, находил и покупал приглянувшиеся Петру товары, вел переговоры и выполнял весьма щепетильные миссии[5].

Все жалобы, отчеты и просьбы кабинетных агентов о деньгах непрестанно отправлялись к Макарову. Анализируя записи дел кабинет-секретаря, мы не раз находим сведения о расходах на нужды гардемаринов или об обеспечении их пути. Например, Макаров записывал, что необходимо

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 281–281об.
[2] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 241
[3] Анисимов Е.В. «Дерзость от чистого усердия»: Конон Зотов и Петр Великий // Петр великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. СПб., 2019. С 133.
[4] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 58–62; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 241–243.
[5] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 29–34.

поднять вопрос «о фандербурховых[1] письмах и о деньгах за учеников и пленных, что в Швеции были»[2]. На этом же листе он продолжал: «о гардемаринах, чтоб приставить к ним обор афицера, чтоб они не толко на море, и на сухом пути были под командою у него»[3]. В другие дни Макаров оставлял себе напоминание, что необходимо сообщить Б.И. Куракину о гардемаринах и о кораблях[4]; перевести деньги на гардемаринов в Англию к А.П. Веселовскому[5]; написать в Англию и Голландию, что учеников необходимо отпускать на кораблях[6] и т.д. Кабинет-секретарю обращались и сами гардемарины по личным нуждам, прежде всего, жалуясь на нехватку денег и трудность пути[7]. В некоторых случаях Макаров решал личные проблемы кабинетских агентов, как связанные с их деятельностью в Европе, так и вне ее[8].

Под ведомством Кабинета находились мануфактурное, заводское и горное дело, в особенности столичное. В окрестностях Санкт-Петербурга 1710-х – 1720-х гг. располагалось несколько промышленных предприятий – различные мануфактуры и заводы, Прядильный и Суконный дворы. Согласно исследованию Строева, до образования Берг- и Мануфактур- коллегий вопросы организации предприятий курировались напрямую Кабинетом[9]. Кабинет-секретарь выдавал привилегии на открытие заводов и мануфактур, находил места для строительства, заботился об их устройстве и обеспечении, набирал штат предприятий[10]. После образования специального органа власти,

---

[1] Имеется в виду Йоханес (Яган) ван ден Бюрг (Фандербурх, Фондербург) (1663–1731) – российский агент (с 1706 или 1707 г.), коммерц-советник в Амстердаме (после 1716 г.). См.: Базарова Т. Путешествие вице-канцлера П. П. Шафирова в Западную Европу (1716–1717)// Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 1. С. 46–62.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 101. Л. 27.
[3] Там же, Л. 27об.
[4] Там же, Л. 39.
[5] Там же, Л. 73.
[6] Там же, Л. 114.
[7] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 59–60.
[8] Там же, С. 30; Анисимов Е.В. «Дерзость от чистого усердия»: Конон Зотов и Петр Великий // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. СПб., 2019. С. 120–144; Серов Д.О. Круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 174–216;
[9] Строев также отмечал, что в Санкт-Петербургской губернии заводы и мануфактуры входили в сферу компетенции канцелярии генерал-губернатора Меншикова.
[10] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 91–96.

к компетенции которого относилось управление заводами и промышленными предприятиями на все территории Российской империи, влияние Кабинета уменьшилось, но не исчерпало себя. Так, участие Кабинета в устройстве санкт-петербургских предприятий упоминается в связи с обеспечением их рабочей силой. В сферу компетенции Макарова как кабинет-секретаря входил найм или перевод на работы на заводы и мануфактуры работников. В ноябре 1719 г. генерал-губернатор Меншиков, ссылаясь на повеление государя, просил Макарова предложить царским указом прислать «ради дела на бывших санкт питербурзской губернии кирпичных заводах кирпичю» и «к строению каменных домов, которые его царское величество изволил повелеть на Котлине острове строить мне (Меншикову. – *М.Н.*)» к генерал-майору и ревельскому обер-коменданту В. фон Дельдену «ис присланных туда (в Ревель. – *М.Н.*) из Нова города кирпичников десять человек, которым на тех заводых делать кирпич»[1].

Параллельно, как показывают архивные материалы, в Санкт-Петербурге существовала иная практика. На предприятиях активно использовался труд осужденных за мелкие проступки и преступления воров, нелегальных торговцев, гулящих и блудных женщин и т.д. Следить за подобными общественными элементами, их отлавливать, судить и налагать наказание предписывалось Полицмейстерской канцелярии во главе с генерал-полицмейстером Девиером. Царские указы, которые повелевали разнообразных нарушителей общественного порядка («нищих, которые бродят по миру имая», «гулящих людей», «девку за помянутый побег и снос», «корчемниц», «в блудном воровстве бабы», «раскольников[2]») в качестве наказания отправлять на Суконный и Прядильный дворы или к другим мануфактурным делам. Для их распределения к работам требовалось вмешательство кабинет-секретаря. Большинство из мелких правонарушителей

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 41. Л. 433.
[2] Раскольники, что примечательно, должны были быть отправлены на Каторжный двор в вечную работу. См.: Там же, Д. 46. Л. 5–5об.

после ареста и получения приговора отправлялись Девиером в Кабинет к Макарову, который определял их на петербургские мануфактуры и заводы до покрытия назначенного полицией штрафа. Сумма штрафа в последствие возвращалась в Полицмейстерскую канцелярию[1]. В случаях, «ежели у вашей милости оным людем определено работы не будет», Макаров мог отослать провинившихся обратно к Девиеру[2]. Кроме того, при необходимости генерал-полицмейстер обращался в Кабинет с просьбой прислать нарушителей покоя обратно после того, как они отработают положенное[3].

В росписи Макарова 1725 г. указывалось, что к компетенции Кабинета относилось ведение полковых дел. В Санкт-Петербурге, который являлся не только административным, но и военным центром Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии, актуальным был вопрос размещения военных частей на постой. Среди корреспонденции Макарова мы находим несколько документов, свидетельствующих о вмешательстве кабинет-секретаря в распределение постоя, надо полагать, по приказу царя[4]. Кабинет-секретарь также обращался к санкт-петербургским должностным лицам для организации приема важных государственных персон или близких к Петру людей. Например, Макаров запрашивал у Девиера, к чьей сфере компетенции относилось распределение постойной повинности по жителям города, относительно возможностей размещения царского великана и силача Н. Буржуа[5]. В апреле 1721 г. генерал-губернатор Меншиков отчитывался перед кабинет-секретарем о подготовке дома покойного генерала-лейтенанта Р.В. Брюса для приема царского родственника герцога Голштинского[6]. А в мае того же года через пособничество Макарова князь выполнял указ государыни Екатерины относительно благоустройства палаты П. Мошкова, которая также находилась в доме покойного Брюса. В палату требовалось поставить

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 23–23об, 1332–1333; Д. 40. Л. 821–822об., 825–825об., 834–840, 845-848об; Д. 46. Л. 5–6, 23.
[2] Там же, Д. 36. Л. 28об.
[3] Там же, Л. 29–29об.
[4] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 66. Л. 861–862; Д. 63. Л. 1327–1327об.
[5] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 46. Л. 14.
[6] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 50об.

малиновую кровать[1]. В целом количество упоминаний о постое среди корреспонденции Макарова позволяет говорить о том, что в этот процесс кабинет-секретарь вмешивался лишь в избранных случаях по приказу Петра или при необходимости у местных властей получить какой-либо царский указ.

Кабинет финансировал армейские формирования за счет собственного бюджета. Например, Меншиков отчитывался Макарову о том, что полки для похода с территории Ингерманландской губернии сформированы, но расходы на них долен покрыть Кабинет[2]. Иногда Макаров интересовался некоторыми судебными делами среди военных, а также условиями содержания тех или иных, порой, весьма важных для государства, заключенных и государственных преступников, заключенных в Санкт-Петербургской крепости[3].В 1721 г. Меншиков интересовался у Макарова, откуда требовать пищу и вино для «известного арестанта», содержащегося в Санкт-Петербургской крепости. Ранее князь учел необходимость содержать арестанта в более легких условиях, давать ему нарочитую пищу и рюмки по три или четыре вина, и об этом предложил коменданту крепости Бахмеотову[4].

Отдельной строкой стоит сказать об участии Макарова в составлении «Гистории Свейской войны». Написание этого фундаментального труда, описывающего победы русского оружия в ходе Северной войны, Петр решил взять в свои руки[5] не только как вдохновитель, но и как редактор. Макаров, согласно А.А. Преображенскому, был избран государем в качестве непосредственного исполнителя[6]. Назначая Макарова соавтором «Гистории», Петр, надо полагать, исходил из нескольких причин: Макаров обладал ясным и лаконичным стилем написания бумаг; имел в прямом доступе массу

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 79.
[2] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 54–57.
[3] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 50–50об, 57–57об.
[4] Там же, Л. 129.
[5] До этого было создано несколько других самостоятельных исторических произведений о событиях Северной войны. См.: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 130–137; Преображенский А.А. Выдающийся исторический памятник эпохи Петра Великого // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Выпуск 1. М., 2004. С. 10–11.
[6] Преображенский А.А. Выдающийся исторический памятник эпохи Петра Великого // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Выпуск 1. М., 2004. С. 11.

источников о войне, а при необходимости мог затребовать их у других учреждений; и главное, он постоянно находился рядом с царем, зависел от него[1]. Историки единодушно отмечают значительный вклад Макарова. Они подчеркивают присущие ему скрупулезность, внимательность к деталям, стремление объективно передать факты и не забыть ни об одном решающем событии Северной войны. В результате благодаря помощи Макарова, проводившего всю работу по выявлению, сбору и отбору исторических документом, Петру удалось осветить изменения во внешнеполитическом статусе России, организации армии и флота, экономики[2].

Параллельно Петр привлекал Макарова к составлению и изданию важных законодательных актов. Н.А. Воскресенский подчеркивал вклад кабинет-секретаря в подготовительную деятельность – через него осуществлялась инициатива в переводной работе (намечались нужные законы, давались указания переводчикам, определялись сроки выполнения) и шла переписка по этому поводу[3]. Макаров также передавал указания Петра, активно участвовавшего в законодательном процессе, различным государственным деятелям[4]. Среди известных публикаций законодательных актов Петра находится не один документ, представляющий собой официальное письмо кабинет-секретаря с тем или иным указанием или содержащий мемории и резолюции, обращенные государем к Макарову[5]. Нередко мы встречаем и примечание внизу царского указа: «сей великого государя указ объявил кабинет-секретарь Алексей Макаров»[6]. Не имея целью детально рассмотреть участие Макарова в выработке законодательства,

---

[1] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 258–259; РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 48. Л. 3об.

[2] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 152–167; Майкова Т.С. История создания «Гистории Свейской войны» // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). С. 15–45; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 244–247; Преображенский А.А. Выдающийся исторический памятник эпохи Петра Великого // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). С. 9–14.

[3] Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель: исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017. С. 124–126, 137; РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 48. Л. 6.

[4] Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. С. 80, 129, 144 и т.д.

[5] Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов в 3 тт. / Сост. Н.А. Воскресенский. Том II: Акты об общественных классах; Том III: Акты о промышленности и торговли. М., 2020. 848 с.

[6] Там же, С. 18; ПСЗ. Т. V. С. 556, 580, 607 и пр.

подчеркнем, что его роль на примере разработки Табели о рангах осветил С.М. Троицким, а комплекс документов с упоминаниями имени кабинет-секретаря был составлен Н.А. Воскресенским и издан в 2020 г., благодаря трудам Д.О. Серова[1].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что Кабинет и возглавлявший его кабинет-секретарь обладали широкими полномочиями, в некоторых случаях дублируя деятельность центральных и местных органов власти. В качестве главы личной канцелярии Петра Макаров перенимал часть надзирательных функций Сената, выполняя работу более эффективно, благодаря своей близости к монарху. В отношении других государственных институтов Макаров действовал несколькими способами: он поддерживал связи между государем и различными должностными лицами, выступал пособником в получении царских указов, осуществлял контроль за исполнением воли Петра и качеством выполнения положенных работ, финансировал строительные и управленческие проекты, организовывал деятельность по ним.

В целом по мере умножения управленческих задач, влияние и роль Кабинета в системе органов власти увеличивалась. Кабинет постепенно стал не только личной канцелярией государя, но и самостоятельным управленческим организмом. Вместе с этим увеличивалось и личное влияние Макарова. Несмотря на институциональные изменения, наиболее значимой для карьерных устремлений Макарова оставалась функция личного секретаря царя. Доступ к бумагам Петра открывал перед ним широкие возможности – фактически, именно Макаров определял, когда, каким образом и в каком виде Петр мог узнать о тех или иных событиях. Благодаря заработанному в глазах правителя авторитету и значительному ресурсу царского доверия, Алексей Васильевич получал возможность не только технически передавать сведения Петру, но и влиять на ход принятия политических решений. Как доверенное лицо государя Макаров становился влиятельным политическим актором, с

[1] Законодательные акты Петра I. Т. II–III. С. 24–119; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 52, 66, 78, 95, 98, 101.

которым приходилось считаться даже самым могущественным деятелям петровской эпохи.

3.3. Деловые связи А.В. Макарова и А.Д. Меншикова

Деловые отношения Макарова и Меншикова были обусловлены сферой их должностной компетенции, которая в обоих случаях простиралась достаточно широко. Как отмечалось в предшествующем параграфе под наблюдением кабинет-секретаря оказывались вопросы, связанные с проведением строительных мероприятий в Санкт-Петербурге и окружающих его резиденциях, финансированием различных государственных инициатив, ведением полковых дел, наймом квалифицированных мастеров и работных людей, отправкой гардемаринов на обучение в Европу и т.д. Ядро функционала Макарова составляли обязанности личного секретаря государя. Меншиков как генерал-губернатор Ингерманландской (затем – Санкт-Петербургской) губернии сконцентрировал в своих руках все нити местного управления. Генерал-губернатор и находящаяся при нем Губернская канцелярия руководили повседневной жизнью подчиненной территориальной единицы: осуществляли строительные и ремонтные работы в городах и царских резиденциях, обеспечивали доставку материалов, установку подводов, сбор податей и налогов (рыбного, мельничного, банного и др.), финансировали различные государственные проекты, вершили суд, искали беглых и привлекали к работам гулящих или слоняющихся без дела и пр.[1] Кроме того, князь входил в число членов Сената и занимал пост президента Военной коллегии (до 1723 г.). Соответственно, к вопросам управления Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернией в его ведении добавлялись проблемы общегосударственного и военного характера, в особенности последние были актуальны в период Северной войны.

[1] О делах, относившихся к сфере компетенции Губернской канцелярии см.: РГАДА. Ф. 26.

В равной степени на характер деловых отношений, сложившихся между Макаровым и Меншиковым, влияла их служебная субординация. С одной стороны, формально кабинет-секретарь и генерал-губернатор не подчинялись друг другу – в системе управления они представляли собой двух независимых политических акторов. Макаров, согласно своей должности, находился под тотальным покровительством государя. Как мы видели, даже Сенат, скорее, зависел от кабинет-секретаря и Кабинета, чем наоборот. Меншиков и как генерал-губернатор, и как президент Военной коллегии подчинялся двум инстанциям – Петру и Сенату. Хотя с точки зрения регламентации делопроизводства генерал-губернатору следовало писать отчитываться в Сенате, он, равно как и другие руководители губерний, предпочитал обращаться напрямую к царю через Кабинет. Князь входил в число тех людей, которые имели право личного доклада Петру с глазу на глаз и от своего имени оглашали царские указы. Соответственно, Меншиков мог контактировать с государем напрямую без каких-либо посредников. В доказательство тому в фондах Кабинета отложились объемные комплексы писем Меншикова к Петру и ответов последнего на них.

Учитывая независимое положение государственных деятелей в политической иерархии, их отношения удачнее всего можно описать понятием «сотрудничество». Сотрудничество Макарова и Меншикова было обусловлено, во-первых, тем, что сферы их компетенции как глав учреждений заметно пересекались, во-вторых, практиками документооборота – отправляя доношения и письма к Петру через Кабинет, Меншиков всегда имел в лице Макарова посредника, который по воле службы вникал в суть поступавших к государю документов и которого неплохо было бы использовать в своих целях. Частоту и плотность контактов между кабинет-секретарем и князем подтверждают материалы «Повседневных записок делам князя А.Д. Меншикова». Согласно ежедневным записям, во время своего пребывания в Санкт-Петербурге Макаров посещал меншиковский дворец в составе свиты

Петра, участвовал в празднествах и обедах, наносил личные визиты[1]. Князь также ездил к Макарову в гости[2]. Навещая друг друга, в непраздничные дни они вели долгие разговоры о государственных делах[3].

Условно можно выделить несколько направлений, по которым происходило взаимодействие между Макаровым и Меншиковым в рамках выполнения служебных обязанностей. К первому из них относились вопросы военного управления. На протяжении военных кампаний Северной войны все силы и ресурсы государства направлялись на реализацию внешнеполитических планов царя. Оба, и Меншиков, руководивший действиями на фронтах, материальным и людским обеспечением армии, и Макаров, сопровождавший Петра на поле сражений, как никто другой были вовлечены в осуществление военных операций. Соответственно, война была одной из главных тем их разговоров. В течение 1700–1720 гг. они сообщали друг другу сведения, касающиеся военных операций, расположения армии, обеспечения войска и флота продовольствием и обмундированием[4]. Макаров посылал князю распоряжения царя, а Меншиков просил кабинет-секретаря, следовавшего вместе с государем, передавать важные сведения Петру, Екатерине, адмиралу Апраксину и другим военачальникам, располагавшимся для секретаря в близком доступе[5]. Постепенно, ко второй половине 1710-х гг. военные вопросы начали оттесняться другими важными управленческими задачами, волновавшими и Меншикова, и Макарова, и, соответственно, стали занимать все меньше места в их переписке. Однако ведение полковых дел оставалось в сфере влияния Кабинета, а Меншиков в 1717 г. был назначен на пост президента Военной коллегии.

Кабинет-секретарь, находившийся рядом с Петром в центре военных и политических событий, извещал Меншикова о происходящих военных

[1] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 235, 269, 271, 303, 167, 168, 175 и т.д.
[2] Там же, С. 211, 219 и т.д.
[3] Там же, С. 211, 213, 221 и т.д.
[4] НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп.1. Д. 4201. Л. 1–1об; Д. 4347; Д. 4878. Л. 19–19об, 28–28об; Оп. 2. Д. 9. Л. 24–26; Д. 10. Л. 17об–20 и др.
[5] Там же, Оп. 1. Д. 4878. Л. 28–28об. 42–42об, 51–51об и др.

действиях. Он делился сведениями о планах сторон, успехах российских войск, ходом мероприятий по снабжению армейских формирований всем необходимым. После окончания Северной войны, наиболее плотно подобного рода информация сохранилась в письмах Макарова, которые он передавал оставшемуся в тылу Меншикову во время Персидского похода Петра 1722–1723 гг.[1]. Князь со своей стороны также держал кабинет-секретаря в курсе некоторых военных приготовлений. Например, во время Персидского похода он информировал кабинет-секретаря относительно отправки военных корпусов из Москвы в Нижний Новгород, Казань и Астрахань[2]. Ранее Меншиков инициировал решение вопросов, связанных со строительством флота и необходимой для него инфраструктуры[3].

Меншиков с Макаровым совместно решали вопросы материального обеспечения военных формирований. Как известно, в Кабинет стекались различные сборы с губерний и государственных учреждений. 14 января 1717 г. Меншиков возражал требованию кабинет-секретаря о выдаче денег из доходов подчиненной ему канцелярии в Адмиралтейство и просил доложить царю о том, что платить адмиралтейскому полку от губернии неудобно, поэтому было бы лучше посылать деньги прямо туда[4]. Не секрет, что груз государственных затрат на содержание армии и флота ложился тяжкой ношей на губернии как административно-территориальные единицы. Меншиков хотел снять подобную миссию с подчиненной ему Губернской канцелярии. Макаров о деньгах, «которые из вашей губернии отсылаютца на полки, кои в Адмиралтействе», со временем Петру доносил и после этого извещал Александра Даниловича, что государь собрался сам ему ответить на следующей почте[5]. Петр, надо полагать, хотя и обещал, князю не ответил,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 286–303об.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 572, 575–575об, 576, 581–581об.
[3] Там же, Д. 56. Л. 74–74об, 111, 119, 121, 123; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 37, 108об.
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 7–8.
[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 63об

поэтому Макаров 3 марта 1717 г. писал из Амстердама, что «о том определение учинено будет тогда, когда Его величество в Санкт-Питербурх возвратитца»[1].

Помимо выдачи денег на содержание военных формирований, Меншиков участвовал в обеспечении действующей армии провиантом. Так, в 1716 г. он отправлял провиант для действующих частей, расположенных в Копенгагене. О судьбе посланных материалов, продуктов и прочих припасов Макаров ему с горечью сообщал: «зело сожалею о трудах вашей светлости, також и о понесенных убытку в отпуску сюды правианту, материалов и протчего, и хотя х капитану Беземакеру указ послан, дабы он с ревелскою эшквадрою поворотился [о котором прежде доносил я вашей светлости, что тот был указ отставлен, но после паки действително отправлен], но не чаю, что по оному могли уже назад поворотитца»[2]. Следующий раз опыт доставки необходимых припасов в Копенгаген был более успешным – комиссар Бутурлин, который должен был принять материалы и провиант, отписался кабинет-секретарю, что несколько судов у Копенгагена явились[3].

Князь как глава Военной коллегии передавал государю через Макарова мемории, касающиеся вопросов формирования и назначения к определенным службам военных частей. Например, 29 июня 1719 г. он просил принять решение по следующим вопросам: приказать генералу А.А. Вейде отправиться на Украину для осмотра драгунского корпуса, дать указ генералу-адъютанту И.М. Полянскому о назначении в драгунский полк полковником[4], решить, кого послать к бечевым работам, поскольку Урусов полк, который должен был эти работы проводить по указу царя, Сенатом послан в Адмиралтейство[5]. Особо стоит обратить внимание на первый пункт мемории. Меншиков, которому было поручено отправиться в 1720 г. на Украину для осмотра драгунских полков, пытался уговорить государя послать туда. Вейде. Петр,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 77.
[2] Там же, Л. 3.
[3] Там же, Л. 14
[4] 18 февраля 1720 г. Меншиков просил уже кабинет-секретаря напомнить государю о необходимости дать указ Полянскому. См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 142–142об.
[5] Там же, Д. 41. Л. 432–432об.

согласно письму Макарова, не дал никаких комментариев по этому поводу[1]. 29 июня 1719 г. Меншиков писал к Макарову, пытаясь с его помощью добиться собственных целей: «и о том да изволите донести, зело б изрядно было, чтоб он, генерал, нынешним времянем туда съездил и, помянутой корпус осмотря, обстоятелной о всем репорт обявил, и что нужда требует, будет обявлять в Сенат. И в будущую зиму, аще бог изволит, я поеду и тако как оной корпус наилутчим будет снабжен присмотром, тако ж и Его величество подлиной будет о нем всегда иметь репорт, и что его величество о том укажет, прошу меня известна учинить»[2]. В итоге в 1720 г. Меншиков все-таки прибыл в Малую Россию и доносил оттуда о состоянии дел к Петру через Кабинет[3]. Макарову он оттуда писал, сообщая о своих передвижениях, встречах с гетманом и другими должностными лицами, проводимых работах и проверках, расположении полков на винтер-квартиры[4]. Особенно князя занимал вопрос назначения на должности полковых командиров, как отмечают исследователи, лояльных самому себе[5]. В этом деле он просил содействия кабинет-секретаря[6].

24 августа Меншиков сообщал Макарову о том, что после окончания всех работ на Украине собирается по указу государя отправиться в Ригу пересматривать там корпус кавалерии[7]. Подобное решение Петра князю совершенно не нравилось. Он хотел быстрее возвратиться в Санкт-Петербург и заняться урегулированием Почепского дела – в это время в столицу прибыла казацкая делегация с челобитной и письмами от Скоропадского, в которых содержались обвинения и жалобы на Меншикова. Как отвечал Макаров, он и

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 191.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 41. Л. 434об–435.
[3] Там же, Д. 47. Л. 87–97об.
[4] Там же, Д. 47. Л. 100–101об, 106–106об, 151, 157; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 204.
[5] Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). С. 408–432; Bushkovich P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 31. No. 1/4. P. 135–158.
[6] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 110, 138, 147, 178; Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 9–9об, 14, 20–20об, 23–24; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 217–218, 223, 224–225об.
[7] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 158.

государыня пытались повлиять на решение Петра, аргументируя тем, что Меншикову необходимо вернуться в Санкт-Петербург ради котлинского строительства и других нужных дел, а не ехать в Ригу. Однако царь оставался непреклонен[1].

Под контролем Макарова и Меншикова шли строительные работы на территории Санкт-Петербурга и его окраин. Забота о строительстве и благоустройстве новой имперской столицы объединила совершенно различные государственные институты и по праву может считаться делом общегосударственного значения. Как отмечал секретарь прусского посольства И.-Г. Фоккеродт, Санкт-Петербург обязан своим видом «только пристрастию Петра I и его горячему желанию сделать этот город великим и цветущим во всех отношениях»[2]. Столичный регион являлся своеобразным плацдармом для проведения масштабных реформ, а Меншиков, назначенный на должность генерал-губернатора в 1703 г. – своего рода проводником преобразований. Кабинет, в сущности, органом местной санкт-петербургской власти не являлся, к процессам, происходящим в столице, имел косвенное отношения. Однако, как показывает анализ документального наследия Макарова, Кабинет вмешивался в проекты по строительству и благоустройству города, финансировал отдельные мероприятия. К 1725 г. он поставил под тотальный контроль один из важнейших органов местной власти Канцелярию от строений (до 1723 г. – Канцелярию городовых дел). Соответственно, сотрудничество Меншикова и Макарова по различным проблемам управления Санкт-Петербургом и Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии выглядело неизбежным.

Как уже отмечалось в параграфе, посвященном государственной деятельности Макарова, он курировал строительство царских резиденций в санкт-петербургской округе, в особенности Петергофа. Взяться за создание в Петергофе дворца и парка, способных сравниться по размерам, красоте и

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 235–235об.
[2] Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. М., 2013. С. 499.

монументальности с Версальским комплексом, первоначально было поручено архитектору Ж.-Б. Леблону[1]. Петр и вместе с ним Макаров старались петергофское строительство контролировать, даже находясь в путешествии по Европе. Меншиков до 1719 г. выступал их руками и глазами на месте действий. Кабинет-секретарь по приказу государя запрашивал у князя чертежи строящихся домов. Так, 31 октября 1716 г. Макаров делился с ним новостью, что посланные к правителю чертежи рамам и дверям петергофских домов были оставлены в Гданьске, а Петр, находясь в Амстердаме, их хотел бы увидеть[2]. В январе 1717 г. Меншиков заново отсылал к кабинет-секретарю для утверждения царем чертежи петергофских домов. Чертежи отличались достаточной подробностью – создателями учитывались мельчайшие детали окон, дверей и т.д.[3]. После того, как планы были утверждены генерал-губернатор отчитывался перед Макаровым о ходе строительных работ.

Меншиков держал петергофское строительство под контролем и часто туда наведывался[4]. В 1717 г., находясь в царской резиденции, князь писал к кабинет-секретарю, выражая свои сомнения относительно проектов Леблона. Он передавал через А. Волкова свою неуверенность в целесообразности ломки гавани в Петергофе, которую предпринял архитектор[5]. Меншиков просил донести государю, что «Бог весть, какой от него будет плод, ибо более всех завтраками кормит, правда, что человек искусной и умной, и я истинно ни мало с воли его сымаю»[6]. После генерал-губернатор не раз ездил в Петергоф проверять работы не приглянувшегося ему Леблона и передавал подробности Макарову[7]. Кабинет-секретарь в ответных письмах обещал все беспокойства и недовольства Меншикова доводить до сведения правителя[8]. Несмотря на явную заинтересованность князя в детальном уведомлении Петра о ходе

[1] После смерти в 1719 г. Леблона на его место был поставлен итальянский архитектор Н. Микетти.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 10об–11, 31–31об.
[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 7, 11.
[4] Там же, Л. 15, 116–116об.
[5] Там же, Л. 41.
[6] Там же, Л. 95об.
[7] Там же, Л. 97.
[8] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 89.

петергофского строительства, в июле 1717 г. Макаров «не в указ» сообщал Меншикову, что Петр хотел бы с большей точностью знать обо всех работах, проводимых в Петергофе и в Стрельне, и поэтому советовал писать подлиннее к нему самому или к Волкову[1]. Кроме того, он давал личные поручения князю, например, принять изготовленные для Петергофа окошечные и дверные гаммы и дубовые бочки, отправленные из Гданьска с П. Готовцовым[2]. Активное вмешательство Меншикова в петергофское строительство закончилось в 1719 г. после развернувшегося окончательно конфликта с Леблоном[3] и последующей смерти архитектора – с новым главным архитектором Н. Микетти контактировал по преимуществу обер-комиссар Сенявин.

Помимо Петергофа, строительные работы велись в Ревеле, Стрельне, Кроншлоте. В начале 1720-х гг. Меншиков усиленно организовывал строительство на о. Котлин[4]. Финансовая сторона дела находилась под контролем Макарова, причем, как показывают источники, Кабинет в данном случае не покрывал расходы полностью со своего счета, а находил средства в других государственных учреждениях (Коммерц-коллегии, Канцелярии соляных дел, Тайной канцелярии)[5]. Как и положено, в первую очередь на о. Котлин строились дома. В 1720 г. чертежи котлинских домов Меншиков передал Макарову, а тот, находившийся вдалеке от государя – Петр в это время принимал курс марциальных вод – переправил их через генерал-полицмейстера Девиера, следовавшего в свите царя. Строительство продолжалось на протяжении 1720 г. В августе 1721 г. возникла значительная, но очевидная проблема – для продолжения возведения каменных домов не

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 106об.
[2] Там же, Л. 110.
[3] С этим конфликтом между Меншиковым и Леблоном связана весьма занимательная история. Фактически Леблон скончался от оспы 10 марта 1719 г. в Санкт-Петербурге. Однако, Анисимов в статье «Поучительные истории. Жан Батист Александр Леблон», а затем в монографии «Юный град» выдвинул версию, что знаменитый архитектор погиб, поскольку не выдержал оскорбления, нанесённого ему царём Петром I, который по наущению Меншикова за медлительность на работах в Петергофе при всех ударил Леблона палкой. См.: Анисимов Е.В. Поучительные истории: Жан Батист Александр Леблон // Неприкосновенный запас. 1999. № 3.
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 41. Л. 441, 443; Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 10–11об.
[5] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 555–555об.

хватало средств. Меншиков не преминул обратиться к Кабинет и настойчиво стал отправлять одно письмо к Макарову за другим с требованиями выдать необходимые суммы. Так, 16 августа князь взывал: «В бытность нашу на Котлине острову дьяк Федор Захаров, которой определен к строению каменных домов, что денежная казна у строения котлинских домов вся в росходе, нежели вскоре денег к нему прислано не будет, что каменшиком и протчим мастеровым людем, такожде за материалы платить ему нечего, чего для за неприсылкою к нему денежной казны во оной работе чинитца остановка. Того ради вашу милость прошу, да изволите ныне хотя десять тысяч рублей на оное строение приказать отпустить, чтоб за неприсылкою к нему денег работные люди не розбежались и вся работа не остановилася, а щот, которой ныне зачинаетца, как скоро поспеет все денгам, которые были у оного дьяка Захарова в приеме, для известия пришлю к вашей милости впредь»[1]. Запрос Меншикова был удовлетворен, на Котлин остров были высланы 10000 рублей. Этой суммы хватило до февраля 1722 г., когда князь снова обратился к Макарову за присылкой денег[2]. В 1723 г. строительные работы продолжались – на Котлине возводили башню и новые каменные дома в достройку по проекту. Поиск средств на материалы и оплату работы каменщиков, как и раньше, лег на плечи кабинет-секретаря[3].

В сферу компетенции Кабинета входило руководство устройством садов, парков и зверинцев на территории Санкт-Петербурга и в царских резиденциях. Хотя в вопросах озеленения городских пространств Макаров, как правило, взаимодействовал с Канцелярией городовых дел, он не раз обращался к Меншикову с царским указом о приеме тех или иных материалов, животных, предметов убранства, необходимых для благоустройства. В январе 1717 г. он просил: «також доношу вашей светлости, что посланы указы от Его царского величества к воронежскому и архангелогороцкому губернаторям о

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 126–126об.
[2] Там же, Д. 60. Л. 543об, 544, 555–555об; Ф. 198. Д. 737. Л. 282об.
[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 63. Л. 563–564.

присылке в Питербурх всяких зверей и птиц, и когда те звери и птицы пришлютца, тогда прикажите ваша светлость их принять»[1]. Кроме того, генерал-губернатору наравне со многими другими должностными лицами Санкт-Петербурга указывалось отправлять к государю через Кабинет листки с высаженных деревьев и цветов. В 1721 г. князь должен был послать к Петру, находящемуся в Ревеле, листки и сучки с деревьев из Петергофа. Он постоянно задерживался, отговариваясь, что петергофские служащие ему их не прислали[2]. В мае сучки, листки и цветки частично были оправлены вместе с росписью[3]. В июне 1721 г. Макаров уведомлял Меншикова, что листки с деревьев из Петергофа и из Дубков больше посылать в Ревель не надо, а надо приказать их собирать и хранить, подписывая[4].

Совместные заботы об озеленении Санкт-Петербурга и его предместий, надо полагать, не прошли даром. Участник польского посольства 1720 г. с восторгом описывал увиденное: «Сады прекрасны. Я слышал от самого царя, сказавшего нам: “если проживу три года, буду иметь сад лучший, чем французский король в Версале”. И действительно, сюда морем из Венеции, Италии, Англии и Голландии привезено много мраморных изваяний, статуй, даже беседка, сделанная целиком из алебастра и мрамора и доставленная из Венеции в сад, расположенный над самой рекой и между каналами»[5].

Много сил и вложений требовало от различных государственных институтов строительство внутри Санкт-Петербурга. Например, практически все органы местной власти были заняты в осуществлении грандиозного проекта Петра по созданию регулярного города на Васильевском острове. То, каким образом проходила застройка, находилось под контролем несколько инстанций, в том числе генерал-губернатора и кабинет-секретаря. Как правило, Меншиков сообщал Макарову, а через него Петру, статистические данные о ходе строительства: кто начал строиться на Васильевском острове,

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 33.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 62.
[3] Там же, Л. 75, 77об, 90об, 105об, 111, 121.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 274.
[5] Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 140.

сколько подсобных строений появилось. Эти сведения с 1718 г. дополнялись и дублировались генерал-полицмейстером Девиером, которому было поручено наблюдение за выполнением строительных регламентаций[1]. Также Кабинет спонсировал отдельные строительные мероприятия[2]. 27 марта 1721 г. Меншиков подал кабинет-секретарю письмо, в котором просил двадцать тысяч рублей на год на строительство амбаров и погребов на Васильевском острове[3]. 25 апреля Макаров сообщил князю о том, что деньги будут выданы и приложил к письму указ государя к Чичерину[4].

В принципе взаимодействие между Макаровым и Меншиковым проходило по широкому кругу вопросов, касающихся управления Санкт-Петербургом, некоторые из которых при анализе выглядят весьма частными. В корреспонденции с князем Алексей Васильевич помимо прочего обсуждал: строительство шлюзов от Тосны до Волхва[5]; отправку материалов для столичного строительства[6], продажу юфти[7]; дьяков и подьячих, определенных к строительным работам[8] и т.д.

Как справедливо замечал Троицкий, ни Меншикову, ни Макарову не чужда была предпринимательская жилка и инициатива. При этом они оба имели реальные рычаги власти в вопросах организации и попечения промышленных предприятий – мануфактур и заводов. До образования Берг- и Мануфактур- коллегий, да и после их учреждения, Кабинет активно участвовал в развитии промышленного дела. Меншиков также, согласно наблюдениям Строева, держал в ведении заводы и мануфактуры Санкт-Петербурга и ближайших окраин[9].

Находящийся в поездке по Европе кабинет-секретарь, в октябре 1716 г. спрашивал у Меншикова о создании в Санкт-Петербурге Прядильного двора

---

[1] Меншиков и Девиер, как отмечалось в предыдущей главе, работали сообща.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 81.
[3] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 9.
[4] Там же, Л. 50; Д. 737. Л. 241–241об, 245, 246об, 247об.
[5] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 47–48.
[6] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 15, 28.
[7] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 47–49об, 55–55об.
[8] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 121об–122.
[9] 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 121–167.

«для баб, которые явятца в погрешениях»[1]. Он напоминал генерал-губернатору, что о строении Прядильного двора уже был дан указ вице-губернатору С.Т. Клокачеву. Государь с нетерпением ждал уведомления от Меншикова. Кроме того, среди корреспонденции Макарова-Меншикова мы находим личные инициативы князя по развитию производства шпалер из шерсти и шелка. Причем Меншиков, предлагая кабинет-секретарю свои идеи, жаловался на нерасторопность Сената: он обращался к ним не раз[2]. Продолжая разговор о развитии ткачества, Меншиков в мае 1717 г. просил Макарова об очередной услуге. Он доносил, что инструменты, необходимые для устройства ткацкого дела в Москве в Посольском приказе получены, однако возникла новая проблема – нехватка иностранных мастеров, поскольку те, кто были, отпущены в свои страны. Эту миссию поиска квалифицированных работников Меншиков возлагал на Макарова[3].

Стоит отметить, что Макаров до этого уже снабжал подконтрольные князю строительные и промышленные предприятия квалифицированными мастерами, нанятыми в Европе (в частности, во Франции)[4], надеясь, что Меншиков заставит их работать, «дабы они даром денег не брали и праздные не были»[5] . В этот раз Макаров через агента Лефорта нашел желающих. Он писал Меншикову 19 июля: «их будет человек со сто, и понеже оныя пожелали в Питербурхе жить своею волею без жалованья, того для когда оныя в Питербурх приедут, тогда изволте, ваша светлость, милостиво их принять и определить им квартеры и заставить их работать, чтоб они без дела не были, и в чем потребно, изволте их снабдить. А хто они имяны и каких художеств и сколько кому дал он, Лафорт, денег, о том обстоятелнее будет он, Лафорт, до вашей светлости писать сам чрез посланного от себя шавалея, которму те мастеровыя люди приказаны»[6].

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д.737. Л. 4.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 76–77.
[3] Там же, Л. 90.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 33, 45–45, 74–74об.
[5] Там же, Л. 74.
[6] Там же, Л. 103об–104.

Третьим важным направлением сотрудничества Макарова и Меншикова являлась деятельность по решению проблем, так назовем, общегосударственной важности. К ним мы условно отнесли хозяйственные дела государя и его семьи, мероприятия по отправке гардемаринов в Европу и т.д. В целом при внимательном анализе корреспонденции обоих государственных деятелей можно заметить, что обсуждение вопросов общегосударственной важности в большинстве случаев напоминало простой обмен сведениями. Макаров и Меншиков информировали друг друга о происходящем: если кабинет-секретарь находился в гуще событий, то он считал нужным уведомить князя; если князь узнавал какую-то новость, то сообщал о ней кабинет-секретарю. Благодаря сведениям, полученным из корреспонденции, оба государственных деятеля были в курсе наиболее актуальных происшествий, находясь в любом другом месте. При необходимости они могли показать монарху свою осведомленность, что явно шло на пользу их имиджу, или выказать ему радость/сожаление/удивление.

Например, в 1720 г. во время того, как Меншиков отсутствовал в столице, поскольку был отправлен государем проверять драгунские полки на Украине, в Санкт-Петербурге принимали чрезвычайного польского посла С. Хоментовского, отправленного Августом II для урегулирования противоречий после Аландского конгресса[1]. Макаров, сопровождавший Петра, в нескольких письмах к князю описывал времяпрепровождение польского посла и его дипломатические планы. Меншиков в свою очередь пересылал Макарову ценные сведения из писем резидентов, хотя они и так должны были самостоятельно отписывать в Кабинет[2]. В ответ он просил о некоторых услугах. 1 мая 1721 г. Александр Данилович обращался к кабинет-секретарю по необходимости переслать документы: «також де писал к нам из Берлина граф Головкин, что гарнитуры для нас и регламент о рангах тамошних военных статских и дворовых чинов отправил он к нам с князь Борисом

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 197об, 199, 228.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 734; Д. 47. Л. 163–164об.

Мещерским, и ежели оной Мещерской в Ригу прибрел, то изволте у него, оное все взяв, прислать к нас»[1]. Макаров аналогично, описывая детали тех или иных событий, делился с князем выписками из сообщений других государственных деятелей[2].

Меншиков в отсутствие царя в столице передавал через Макарова сведения о передвижениях и деятельности других государственных органов. 1 апреля 1717 г. он отписывал Макарову, что К.Л. Чичерин с поместным приказом в Санкт-Петербург прибыл[3]. Годом позже Меншиков сообщал в Кабинет о неприятном известии: в Сенате загорелась печь от того, что ее изрядно топили. В результате пожара выгорели Сенат и Военная канцелярия, многие делопроизводственные документы вынести не успели[4]. Кроме того, кабинет-секретарь и генерал-губернатор обсуждали процесс межевания и раздачи земель на территории губернии, ход и итоги политических судебно-следственных процессов[5].

Некоторые мероприятия требовали от Макарова и Меншикова более продуктивного взаимодействия. Мы уже вели речь об определяющей роли Кабинета в процессе посылки гардемаринов для обучения в Европу. Многие государственные деятели участвовали в вербовке «волонтеров», набирая их из дворянских или купеческих детей и, в том числе, отправляя своих собственных родственников. Меншиков, как показывают документы, по указу Петра находил и отправлял молодых людей, оказывая тем самым кабинет-секретарю незаменимую помощь. В 1716 г. от Меншикова были отправлены 4 человека (дети купцов), которые вместе с другими гардемаринами должны были быть переправлены в Амстердам. Еще одна группа неженатых «купецких детей», сформированная в Москве Ушаковым, отправлялась чуть позже, пока переправленным ранее не были подысканы места службы и учения[6]. В апреле

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 62
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 195, 210–214об.
[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 71. Л. 54–56.
[4] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 723–723об.
[5] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 90–102об, 105; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 92, 158, 272об, 319.
[6] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 14–14об, 17, 30об–31.

1717 г. князь уведомлял Макарова, что послал 50 человек дворян к Ростоку и дальше по пути, который указан государем, и перечислял расходы, положенные на них со счета Кабинета[1].

Во время путешествий государя и государыни в Европу, к марциальным водам и в любых других направлениях под контролем Меншикова оставались царские дети – царевич Петр Петрович (до его смерти в 1719 г.) и царевны Анна и Елизавета[2]. Через Кабинет и кабинет-секретаря Меншиков передавал письма к Петру и Екатерине с описанием здоровья, времяпрепровождения и успехов их высочеств. Также он дублировал информацию в личных посланиях Макарову. Например, в январе 1717 г. он сообщал Макарову о том, что вынужден уехать в Ревель для проверки работ и раздачи инструкций и поэтому будет в отдалении от их высочеств[3]. Вернувшись из Ревеля, Меншиков отписался кабинет-секретарю о состоянии здоровья наследников. Он просил донести Петру – царице уже сам все сообщил – что кормилица царевича заболела[4], но он без нее прекрасно справляется, и никакого вреда его здоровью нет. Поэтому же князь приказал держать его без кормилицы[5]. Макаров в ответ уведомлял князя о реакции правящей четы: «их величествы, слава богу, не толко что за благо приняли, но и порадовались гораздо»[6].

После того, как в 1718 г. была учреждена должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга и функции контроля над двором царевича и царевен перешли в функционал Девиера, Меншиков все-равно оставался в курсе жизни бывших подопечных. Поддерживая диалог с Девиером и получая от него сведения, он передавал их кабинет-секретарю даже тогда, когда не находился лично в Санкт-Петербурге. Иногда он вовсе пересылал письма генерал-полицмейстера Макарову для уведомления, хотя Девиер и без помощи

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 54.
[2] Там же, Л. 7, 11; Д. 36. Л. 711; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 98
[3] Там же, Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 13.
[4] Блюментрост, посмотрев кормилицу сказал, что она больна горлом. См.: Там же, Л. 26.
[5] Там же, Л. 24–25.
[6] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 71.

князя информировал царскую чету (через Макарова, естественно) о том, как проводили время их дети[1].

Меншиков, имея в Санкт-Петербурге административные ресурсы и рычаги влияния, в отсутствие Макарова помогал ему вести некоторые хозяйственные дела государя. В сентябре 1717 г. Макаров указывал князю на необходимость принять посланные из Гамбурга и Голландии покупки Петра. Предметы домашнего быта следовало передать П. Мошкову, а пьедесталы и горшки – в Садовую кантору к Неронову. Кабинет-секретарь напоминал, что, разобрав посылку, полагается составить роспись привезенным предметам. Вдобавок Макаров просил принять и отдать Мошкову те вещи, которые были посланы в Ревель на галерах с генерал-майором князем Голицыным[2].

Меншиков участвовал в приобретении товаров на имя членов семьи государя. Как правило, в таких случаях от Макарова он ждал возмещения потраченных средств. 20 ноября 1723 г. князь обращался к кабинет-секретарю относительно покупки в Англии серебренного сервиза для принцессы Анны. Меншиков сообщал, что за сервиз стоимостью 6729 руб. 83 коп. привезшему его купцу было заплачено 5000 руб. из Санкт-Петербургской губернской канцелярии. Оставшаяся сумма до сих пор ему не выдана. В связи с этим князь просил дать указ о выплате денег из доходов Кабинета, потому что в подчиненной ему канцелярии средств на такие траты не находилось[3]. В 1724 г. сам Макаров обращался к Меншикову, желая уточнить цену за портреты царевича Петра Петровича и царевен Анны и Елизаветы, написанные в 1717 и 1718 гг. и отданные в дом к светлейшему князю. Художник Л. Каравак, который создал портреты царских детей, требовал выплаты денег из Кабинета[4].

Еще одной важной функцией, объединившей Макарова и Меншикова, была обязанность организовывать систему подводов для Петра и Екатерины

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 591, 606; Ф. 198. Д. 737. Л. 299.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 120.
[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 63. Л. 585.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 313–313об.

во время их передвижений по территории Санкт-Петербургской губернии и за ее пределы. В данном случае Макаров, как правило, сопровождавший государя, выступал в качестве информанта для Меншикова. Он делился с князем планами царя, составлял росписи, где и сколько подводов и станов нужно расставить. Меншиков брал на себя все заботы по практической организации подводов.[1] Например, январе-феврале 1718 г. совместно князь и кабинет-секретарь планировали систему подводов для переезда Петра из Москвы в Олонец[2]. Меншиков сообщал Макарову о том, что станы для приема государя и государыни учреждены, подводы сделаны и все необходимые указы вице-губернатору отправлены[3]. Одновременно он интересовался, поедет ли Екатерина вместе Петром или отправится позже; планируют ли другие персоны последовать за Петром в Олонец или же прямо в Санкт-Петербург[4]. Макаров в ответ подробно намечал князю путь государя, а за ним государыни[5], и даже пытался непосредственно участвовать в процессе расстановки подводов, отправляя по новгородской дороге курьера Буховецкого[6]. После того, как все было организовано и спланированно, Меншиков с определенной долей назойливости расспрашивал Макарова о дате выезда Петра и за ним Екатерины из Москвы[7]. Кстати говоря, Макаров мог обращаться к Меншикову с поручением организовать подводы не только для царской четы, но и для других лиц, отправлявшихся с важными миссиями, к примеру, для В.Н. Татищева[8].

Заключая анализ деловых связей, сложившихся между кабинет-секретарем Макаровым и князем Меншиковым, отметим, что их деловые

---

[1] Кроме приведенного примера, Макаров и Меншиков вместе организовывали подводы по случаю шествия их величеств из Европы к Риге, а затем в Санкт-Петербург. Они определяли, какие коменданты за что будут отвечать. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 121, 122–122об, 124–124об.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 714об.
[3] Там же, Л. 717–717об.
[4] Там же, Л. 714об, 717–718об, 719, 721, 729.
[5] 4 февраля 1718 г. Макаров информировал Меншикова о пути государыни: Дмитров – Кашин – на Устюжну – на Тихвину – в Александров – монастырь Свирского – в Ладогу – в Санкт-Петербург. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 147.
[6] Там же, Л. 145, 147–149об, 160–161, 165–165об.
[7] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 721,727, 728, 729об, 731–731об; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 179, 180.
[8] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 185–185об.

контакты развивались преимущественно в трех направлениях, связанных со сферой их служебной компетенции: потребности военного руководства и снабжения армии; вопросы управления Санкт-Петербургом и Санкт-Петербургской губернией; общегосударственные проблемы. Если опираться на количественный анализ корреспонденции, то можно заметить, что наиболее оживленная переписка между ними происходила в 1716–1718 гг. В центре внимания обоих государственных деятелей располагались строительные работы в Петергофе, Ревеле, Кроншлоте, Санкт-Петербурге, внешнеполитические события и ход посольства Петра в Европу 1716–1717 гг., военные действия и победы российского оружия. К 1719 г. интенсивность переписки по данным вопросам постепенно угасала, а на первый план начали выходить личные дела и частные вопросы, которые Меншиков (прежде всего) и Макаров пытались решить с помощью друг друга.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что деловые связи Макарова и Меншикова функционировали на основе принципа сотрудничества. Кабинет-секретарь и генерал-губернатор формально друг другу подчинены не были, поэтому их взаимодействие могло происходить только по необходимости. Причем эта необходимость во многом определялась государственными интересами – сотрудничество между кабинет-секретарем и князем служило тому, чтобы наиболее эффективно решить насущные управленческие задачи. Макаров, находясь ближе к царю, выполнял, скорее, контролирующие и посреднические (между государем и князем) функции. Меншиков в силу занимаемой должности отвечал за практическую реализацию принятых решений. При этом князь активно пользовался расположением к себе Макарова и близостью кабинет-секретаря к государю, пытаясь ускорить процесс, повлиять на мнение Петра, донести до правителя свои убеждения. Макаров посильную помощь Меншикову, как правило, оказывал.

3.4. Личные связи А.В. Макарова и А.Д. Меншикова

Личные отношения, не связанные со служебными обязанностями, надо полагать, складывались между Макаровым и Меншиковым параллельно с углублением их деловых связей и увеличением влияния кабинет-секретаря. Согласно наблюдениям Н.И. Павленко, принятие Макарова в круг близких соратников Петра происходило постепенно. Первыми увидели собственную выгоду в создании деловых и личных связей с кабинет-секретарем «люди его круга» (А.В. Кикин, А.М. Девиер) и «близкие ему по социальному статусу корреспонденты» (А.А. Курбатов, В.С. Ершов). Затем к услугам кабинет-секретаря стали прибегать более влиятельные вельможи – Ф.М. Апраксин, М.М. и П.М. Голицыны, В.В. Долгоруков, М.П. Гагарин[1]. Меншиков, по мнению исследователя, был самым прозорливым и дальновидным, поскольку обратил внимание на перспективного подьячего еще во время его службы в Ижорской канцелярии. Князь, как утверждал Павленко, выдвинул Макарова на службу к государю, за что последний был ему благодарен всю жизнь. Соответственно, между Меншиковым и Макаровым в начале 1700-х гг. сложились личные связи, прочность которых определяло чувство долга у кабинет-секретаря по отношению к князю. Рассматривая конкретные примеры из жизни обоих государственных деятелей, Павленко высказал еще более радикальную позицию: он полагал, что Макаров бескорыстно помогал Меншикову во всем, наивно верил в непогрешимость Александра Даниловича даже в таких ситуациях, когда, казалось бы, вина его не могла быть подвергнута сомнению.

Можем ли мы в след за Павленко быть настолько категоричными в оценках их взаимоотношений? Во-первых, мы не имеем никаких документальных свидетельств, указывающих прямо на то, что именно Меншиков протежировал Макарова и убедил Петра взять его к себе на службу.

---

[1] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 249

Вывод о патрон-клиентских отношениях[1], сложившихся между ними с 1703 г., делается исследователями, прежде всего, исходя из анализа их дальнейших тесных контактов. Хотя изучение деловых связей отчасти подтвердило готовность кабинет-секретаря оказывать услуги Меншикову, было бы наивно полагать, что все уверения в непременном оказании помощи и протекции исполнялись Макаровым со сто процентной вероятностью.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что Макаров в 1703–1704 гг. и Макаров в 1720-х гг. – это практически два разных человека, с разной степенью политического влияния. Как отмечалось ранее, в течение второй половины 1710-х – начала 1720-х гг. роль Кабинета и его руководителя в системе государственного управления постепенно увеличивалась. Кабинет переставал быть исключительно личной царской канцелярией и становился значительным государственным органом со своими функциями и сферой компетенции. Параллельно рост доверия Петра и наличие у кабинет-секретаря доступа к царской корреспонденции влияли на включенность Макарова в процесс принятия политических решений. Кабинет-секретарь обладал исключительной брокерской функцией – от него зависело то, каким образом и в какое время информация дойдет до государя. По мере роста влияния расширялись личные связи Макарова, поскольку не один только Меншиков видел интерес в контактах с ним. Более того, к концу петровского правления кабинет-секретарь являлся крупным земельным собственником, имел промышленные предприятия и внушительный доход, что само по себе еще больше укрепляло его позиции. Вряд ли Меншиков, обладавший богатым опытом ведения придворных интриг, не ощущал изменений в политическом статусе Макарова. Кабинет-секретарь был ему нужен и полезен в большей степени, чем подьячий государева двора. Теперь с ним проходилось считаться, поддерживать постоянные связи, выбирать определенный тон письма, быть ласковым, уступчивым, благосклонным и щедрым.

[1] Макаров называется клиентом Меншикова. См.: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. С. 30.

Со своей стороны Макаров должен был видеть выгоды в приятельских отношениях с влиятельным царским фаворитом, пусть и на протяжении 1710-х – 1720-х гг. постоянно находящимся на волоске от полного краха из-за различных судебно-следственных процессов. Меншиков – один из самых богатых людей в стране, могущественный генерал-губернатор Санкт-Петербургской губернии – обладал широкими связями, имел развитую патрон-клиентскую систему. С ним предпочитали открыто не конфликтовать, хотя многие из «птенцов гнезда Петрова» желали его падения. Его поддерживала Екатерина. Даже Петр, хоть и осуждал казнокрадство, взяточничество и алчность своего соратника, воздавал должное его заслугам перед государством[1]. Поэтому, не отрицая возможности существования товарищеских отношений между Меншиковым и Макаровым, так и не исключая наличия у кабинет-секретаря чувства обязанности князю за былое пособничество, можно предположить, что их связи строились не только на основе чувства долга и дружбе, но и на взаимной выгоде. Между ними достигался баланс интересов, который достаточно эффективно работал в ситуациях, когда петровские соратники были вынуждены просить друг друга об услугах.

Меншиков и Макаров, пребывая в Санкт-Петербурге в одно время, встречались лично, вели разговоры, наносили визиты в дома друг друга, были знакомы с домочадцами. Имена кабинет-секретаря и генерал-губернатора можно найти среди участников общих обедов, праздников, масштабных мероприятий и семейных праздников[2]. Довольно известен в историографии

---

[1] Например, объясняя причины фавора Меншикова, американская исследовательница Л. Хьюс рассуждает: «Петр возложил на плечи Меншикова столько обязанностей, что у него не было времени на систематическое образование. Немыслимо было то, что Петра могла устраивать перспектива иметь безграмотного фаворита, точно так же, как и радовал факт коронации неграмотной иностранной крестьянки в качестве императрицы и наличие окружения, состоящего из шутов и дураков. Продвижение внутри ближайшего круга зависело, скорее, от личной химии, чем от формальной квалификации, и лояльность ценилась выше технической специализации. Меншиков, например, явно не смог много узнать о судостроении в 1697–1698 гг., но это не навредило его дружбе с царем. Петр не был слеп к недостаткам Меншикова…». Тем не менее Меншиков обладал качествами, которые значили для Петра намного больше, чем подобные недостатки: смелость, преданность, энергичность, добросовестность, безоговорочная поддержка всех начинаний. См.: Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven, Conn, 1998. P. 434.

[2] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 505, 507, 524, 525, 529, 540.

эпизод, связанный с посещениями Макаровым дома Меншикова в начале 1727 г. Алексея Васильевича называют в числе тех лиц (с ним же Остермана и Волкова), кого князь звал на встречи во время подготовки и ведения следствия по делу Девиера-Толстого в последние дни жизни Екатерины[1]. Причем, как сообщает автор «Повседневных записок», Меншиков и Макаров разговаривали друг с другом «тайно» от всех[2].

В отсутствии одного или второго в столице они активно обменивались корреспонденцией. Стилистика писем Макарова отличается от проанализированных ранее эпистолярных комплексов Бахмеотова и Девиера – в ней не наблюдается ни такой сухости (как в случае с комендантом), ни такого гиперболизированного раболепия (как в случае с генерал-полицмейстером). Кабинет-секретарь, как правило, начинал свое обращение к Меншикову со слов «Светлейший князь, государь мой милостивейший»[3] и заканчивал формулировкой «в протчем и остаюся ваш, моего милостиваго государя покорнейший слуга и раб». На этом выражения «услужливости» и «униженности» заканчивались. Макаров, как позволяет предположить сравнительный анализ, сильно заискивать перед князем не спешил и клиентом Александра Даниловича себя не нарекал, хотя всегда был с ним предельно вежлив. В целом его письма вполне могут служить наглядным примером хорошо выверенного, практически безэмоционального языка, полностью соответствующего эпистолярному этикету начала XVIII в.[4]. Примечательно, что и стилистика писем Меншикова в данном случае наиболее близка к стилистике писем Макарова. Конечно, князь себя «слугой и рабом» Макарова не называл, подчеркивая тем самым свой более значительный статус. На протяжении многих лет он именовал Алексея Васильевича «благородным

[1] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 505, 507.
[2] Там же, С. 525, 536, 542. После окончания следствия кабинет-секретарь навещал дом Меншикова, но уже тайных разговоров не имел.
[3] Макаров не называет Меншикова «патроном», т.е. именованием, характерным для клиентов князя и задававшим определенный вектор распределения социальных ролей. Очень редко можно встретить слово «отец» (19 раз на всю переписку, в основном в случаях какой-либо просьбы).
[4] Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011.Вып. 2 (9). С. 75–93.

господином кабинет-секретарем», а себя характеризовал как «вашей милости доброжелательный».

Письма и князя, и кабинет-секретаря были полны различными формулами декларирования дружбы и участия, использовавшимися в целях поддержания диалога или поддержания лояльности. Среди подобных формул в корреспонденции Макарова-Меншикова первое место занимали выражения благодарности. Благодарили государственные деятели друг друга за полученное письмо, поздравление, предоставленную информацию или оказанную услугу. В продолжение мысли они просили дальше оказывать подобную милость и не забывать вести переписку. Например, 9 апреля 1721 г. Меншиков обращался к Макарову: «за писание вашей милости, от 2 дня апреля писанное, а особливо как за уведомление о здравии их величеств, так и за поздравление нас праздником Ваия, зело благодарим и просим, дабы впредь оными оставлять нас не изволили, в чем на вашу милости благонадежен»[1]. Иногда расположение к собеседнику выражалось более открыто. «В протчем же рекомендую себя и моих бедных домашних в милостивое вашей светлости призрение и остоюся ваш, моего милостиваго государя и отца всепокорнейший раб и слуга», – заканчивал письмо Макаров[2].

Традиционными были сообщения о состоянии здоровья или пожелания здравия адресату и его семье, а также формула «здесь при помощи божии все благополучно». Стоит отметить, что в некоторых случаях рядом с шаблонной фразой Макаровым или Меншиковым сообщались важные факты. Меншиков подробно извещал Макарова о состоянии своего здоровья, прежде всего о болезнях. По наблюдениям Н.И. Павленко, делал он это подозрительно синхронно с усугублением судебно-следственных дел, видимо, надеясь на то, что кабинет-секретарь передаст информацию Петру и тот расчувствуется[3]. Макаров частично надежды Меншикова оправдывал – информацию передавал

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 33.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 86.
[3] Однако вряд ли новости о болезнях князя могли кардинально изменить мнение Петра.

и в ответ уведомлял, что о болезни Меншикова государь сожалел[1]. Кроме того, Александр Данилович делился с кабинет-секретарем трагичными новостями из жизни своей семьи. Описывая свое возвращение домой в 1719 г., он отмечал, что «приезд мой по воле божией случился мне скорбен, ибо меншую свою дочь изобрел мертву, которую на другой день земному предав погребению»[2]. Наиболее актуальной информация о домашних делах была тогда, когда кто-то из государственных деятелей находился вдалеке от близких тем более, что и князь, и кабинет-секретарь очень трепетно относились к своим родственникам.

Как показывают письма Меншикова, он не раз навещал дом кабинет-секретаря, пока тот сопровождал Петра в поездках по Европе. 10 октября 1716 г. Макаров благодарил князя из Копенгагена: «и паки благодарствую за показанную вашей светлости милость, что пожаловали посетили моих домашних в присудствии их высочеств государень царевен»[3]. Несколькими днями позже кабинет-секретарь просил князя способствовать желанию его жены, «ежели о чем-либо будет прошение до вашей светлости жены моей а имянно, чтоб ей видетца, хотя на короткое время с матерю моею, и о том прошу дабы ваша светлость показали над нею свое милосердие»[4]. Навещал Меншиков семью Макарова и тогда, когда он находился с Петром на лечении у марциальных вод. В 1719 г. он информировал его о том, что «в доме вашем сожителница и дети в добром здравье»[5]. А в 1721 г. рассказывал, как был в гостях у детей Макарова, и они подчивали его вином и табаком[6].

Макаров в свою очередь навещал дом Меншикова, где жила его дочь, во время миссии князя на Украине в 1720 г.[7]. Кабинет-секретарь утешал беспокоящегося князя: «доношу вашей светлости, что по отбытии вашей светлости здесь в начале их величествы со всею их фамилиею, также и ваша

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 146.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 418.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 5об, 7.
[4] Там же, Л. 18–18об.
[5] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 41. Л. 418об.
[6] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 42.
[7] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 177.

любезнейшая дочка и протчая при ней здесь оставшия, где особливо третьяго дня в доме вашей светлости сподобился всех видеть, а наипаче любезнейшую вашу дочку, слава богу в добром здравии»[1]. Затем он на протяжении полугода не раз отсылал Меншикову уведомления[2], в том числе и о своем времяпрепровождении в княжеском доме: «в дому вашей светлости любезнейшая ваша дочь, княжна Екатерина Александровна, слава богу, в добром обретается здравии, где третяго дня случилось нам быть и у дорогой маленкой хозяюшки про здравие вашей светлости по рюмке вина выпить»[3].

Еще одним способом выразить лояльность являлись всевозможные поздравления с праздниками, знаменательными датами, днями рождениями и тезоименитством. Оба, и Макаров, и Меншиков поздравляли друг друга с днем рождения и тезоименитством государя, государыни, царевича Петра Петровича, царевен Анны и Елизаветы, с Новым годом, Рождеством Христова, рождением детей и т.д.[4]. Меншиков в свое отсутствие в Санкт-Петербурге благодарил Макарова, что тот «в день жены нашей имянин у дочери нашей изволили позабавится»[5]. Заметно реже среди писем Макарова и Меншикова встречаются характерные для частной корреспонденции XVIII в. упоминания о погоде. Подобные сведения обычно поступали от князя. 12 мая 1721 г. Меншиков в письме к Макарову писал: «Здесь говорят, якобы от Кроншлота до Аранибома люди ходят пеши, и хотя правда, что через всю нынешнюю неделю превиликой и жесткой ветр ост, от которого гараздо вода збыла, однако ж о выше реченном я, не веря, и сам на Котлин остров поеду послезавтра, то есть 14 дня сего месяца»[6].

Завершая разговор о декларативных формулах, подчеркнем, что язык корреспонденции Макарова-Меншикова позволяет нам говорить о взаимном желании государственных деятелей выразить свою лояльность. В этом плане

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 197.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 107, 155–155об.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 231об.
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 159; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 10, 19, 34, 138–138об.
[5] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 174.
[6] Там же, Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 81.

показательным является факт наличия некоторого числа писем, которые полностью состояли из подобных формул дружественности[1]. Другое дело, что за констатацией лояльности на словах не всегда стояли реальные действия, обещания не всегда влекли за собой исполнение, а выражение чувств не всегда было искренним. Поэтому необходимо обратиться к характеристике тех услуг, которые Макаров и Меншиков оказывали друг другу.

Меншиков и Макаров снабжали друг друга необходимой информацией относительно интересующих их событий и государственных деятелей. Кабинет-секретарь, сопровождая Петра во время заграничных путешествий 1716–1717 гг., делился с Меншиковым сведениями о военных и дипломатических событиях, передвижениях и времяпрепровождении царского окружения[2]. 9 октября 1716 г. Алексей Васильевич писал: «воиска наши, вот, уже з две недели как на транспортных судах сидят, но не допустит их переехать в Росток противной ветер. И когда воиска отсель до Ростока переедут, тогда Ево величество изволит отсель путь свой восприять в Амстердам, и что впред будет чиница, о том вашей светлости буду доносить наперед будущих почтах»[3]. 24 октября Макаров раскрывал князю передвижения государя и государыни – вышли из Копенгагена 16 октября и дошли 23 числа до Фридрихштада, затем, как казалось кабинет-секретарю, собирались пойти в Либек[4]. Прибыв в Либек, он отписывал князю, что дальше они планировали ехать в Шверин и в Бранденбургскую землю для встречи с прусским королем[5]. После этого путь посольства лежал через Гамбург в Голландию[6]. Вместе с информацией о передвижениях царской четы он уведомлял князя о состоянии их здоровья[7].

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 720; Д. 41. Л. 429, 430, 440; Д. 47. Л. 105; Оп.4. Отд. II. Д. 56. Л. 27, 33, 55–55а, 90.

[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 46–46об, 59–60, 85–85об, 87–88, 91–91об, 105–106об, 186–188, 190–190об, 286–308.

[3] Там же, Л. 2–2об.

[4] Там же, Л. 8.

[5] Там же, Л. 10.

[6] Там же, Л. 16.

[7] Макаров информировал князя о личный делах государя. Например, 15 января 1717 г. он извещал Меншикова о кончине новорожденного царевича Павла Петровича, который прожил только 10 часов. См.: Там же, Л. 41.

В ответ находящийся в Санкт-Петербурге Меншиков передавал кабинет-секретарю ценные сведения о здоровье царевен и царевича, причем такая информация обычно дублировалась в письмах к государю и государыне. Князь посылал к Макарову гостинцы для Петра – местные санкт-петербургские и ораниенбаумовские фрукты и овощи[1]. Однажды он просил Макарова передать «17 пар рябцов, 4 папы тетеревей, 3 пары зайцов, дюжину пол пива, и притом вашу милость просим изволте Его величеству во благополучной час донесть, дабы оное изволил повелел принять и во здравие кушать»[2]. Кроме того, Меншиков информировал кабинет-секретаря, а через него царя, относительно деятельности некоторых петровских соратников. Князь извещал о смерти в 1717 г. бывшего коменданта Санкт-Петербургской крепости К.-Э. Ренне, болезни генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюса (он навещал его дома и, увидев состояние здоровья Якова Вилимовича советовал ему никуда не ездить)[3].

Поскольку передвижения Макарова были практически идентичны с передвижениями государя, в письмах он, как правило, специально о них не оговаривал, лишь иногда позволял сообщить некоторые детали своего пути. Зато Меншиков с завидной регулярностью извещал кабинет-секретаря о собственных планах и миссиях. Например, в июле 1719 г. он отправился к марциальным водам для приема курса. 9 числа он сообщал Макарову, что к водам прибыл и планирует их принимать, но на данный момент по надобности возвратился к государственным делам[4]. Особо интересны в этом плане отмечаемые нами ранее случаи, когда Меншиков просил Макарова ходатайствовать перед Петром о необходимости не ехать на миссию или вернуться с нее в Санкт-Петербург раньше положенного (ситуация с отъездом на Украину и в Ригу).

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 55а.
[2] Там же, Д. 60. Л. 606.
[3] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 24; Оп. 4. Отд. II. Д. 63. Л. 578.
[4] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 41. Л. 442–442об.

Как известно, через Макарова происходила передача писем и информации от какого-либо лица к государю. В случае с Меншиковым кабинет-секретарь считал необходимым отчитываться о факте совершенной или не совершенной передачи. 4 февраля 1717 г., начиная текст письма, он сообщал: «на сей почте, как Его царскому величеству, так и всемилостивейшей государыне царице об ыном ни о чем я не доносил…»[1]. В следующем письме он снова уведомлял, что «государю на сей почте ничего нового не доносил, только о здравии царевича и царевен», и затем уверял, что обстоятельно будет доносить Петру через нарочного, которого в воскресенье отправит[2]. Макаров, желая поддерживать с Меншиковым хорошие отношения, при необходимости обещал князю повлиять на монарха, чтобы тот вспомнил о Меншикове: «писма вашей светлости до Его царского величества все исправно доходят, которым Его царское величество зело доволен, и буду старатца, дабы з будущею почтою изволил о вашей светлости отписать»[3]. Иногда он добавлял к извещениям информацию о реакции царя на письма, отвечая, что «по прибытии сюды получены от вашей светлости к Его царскому величеству двои писма от 2го да от 5го ноября, которым Его царское величество зело доволен и о том изволил на сей почте до вашей светлости писать сам»[4]. Делился Макаров и тем, что Петр после прочтения письма изволил дать указания другим, заинтересованным в деле, государственным деятелям[5]. Наиболее ценные сведения, которые на бумаге не напишешь, Макаров и Меншиков передавали на словах через доверенных лиц (Волкова, Нестерова, Дурново).

Оба, и Меншиков, и Макаров, обращались друг к другу с просьбами о протекции за интересующих их людей[6]. Меншиков, например, несколько раз

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 30.
[2] Там же, Л. 35–35об.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 55об.
[4] Там же, Л. 22.
[5] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 18.
[6] Приведем еще одни случай. В 1717 г. Меншиков отправил к Макарову А. Волкова для помощи в делах. Волков прибыл к Макарову и их величествам, находившимся в Роттердаме, в марте 1717 г. Они его «зело милостиво приняли» и приказали ехать с собой. Кабинет-секретарь в письмах описывал деятельность Волкова, отношение к нему государя, уведомлял князя о письмах, отправленных Волковым. Он давал весьма

усердствовал за К.А. Нарышкина[1]. В первый раз князь просил доложить государыне и «кому следует» о том, что Нарышкину чинились несправедливые обиды от Сенаторов[2]. Макаров, надо полагать, Нарышкину помог, поскольку отвечал князю, что «о господине московском губернаторе Нарышкине в Правительствующий Сенат писано с куриером Тонеевым»[3]. Второй раз Меншиков писал о Нарышкине 17 мая 1721 г. Он объяснял, что по ошибочному рассмотрению в Сенате деревни Нарышкина, которыми он владел по указу государя лет двадцать, раздали. Соответственно, Нарышкин в том терпел большой экономический убыток. Меншиков хотел, чтобы Макаров обратился к государыне, а она написала указ в Сенат и к А.А. Матвееву, который ошибочно рассматривал это дело, и до возвращения Петра велела владеть деревнями Нарышкину[4]. Среди корреспонденции Макарова-Меншикова мы находим несколько случаев, когда кабинет-секретарь просил князя посодействовать тому или иному лицу[5]. Так, он вступался за дьяка И. Свешникова, который «нежели, государь, здесь надобен, дабы ему было пропитание, понеже он блиско дву годов здесь живет без дела, а буде он здесь не надобен прикажи, государь, ево уволнить в московскую губернскую к делам»[6], и драгуна Шишкина, которого следовало отпустить домой на 3–4 месяца для хозяйственных дел[7].

Открыто выражая лояльность, щедро информируя, выполняя мелкие просьбы, оба государственных деятеля рассчитывали на помощь друг друга в решении более значимых личных проблем.

лестную оценку способностям посланника: «господин Волков, которого присутствием я зело доволен, ибо он в сих делах не мало мне придает вспоможения, особливо же сегодня дня и мне. Он благополучной час доносит Его величеству о некоторых делах, которые ваша светлость ему приказали». См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 79об, 100об.

[1] О делах Нарышкина см.: Редин Д. А. Сон фараона, или крах Кирилла Нарышкина, четвертого московского губернатора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 57–78.

[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 55–56.

[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 92.

[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 87–87об.

[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 219, 229об.

[6] Там же, Л. 123.

[7] Там же, Л. 170об–171, 173.

Под контролем Меншикова, в особенности до учреждения Полицмейстерской канцелярии в 1718 г., находилось строительство регулярного города на Васильевском острове. Генерал-губернатор не только вел учет новопостроенным домам, но и следил за исполнением царских регламентаций. Макарову, как и другим государственным деятелям, положено было в срок построить дом на Васильевском острове в соответствии с разработанными архитекторами строительными нормами. В марте 1717 г. кабинет-секретарь пересылал Меншикову царский указ об изменениях в планах образцовых домов, спроектированных Ж.-Б. Леблоном, поскольку государя не устраивал размер окон и дверей[1]. Вместе с этим он просил Меншикова «по своей ко мне милости» проконтролировать, чтобы окна и двери в его доме на берегу реки и в доме П. Мурзина были сделаны не по планам Леблона, как в доме М. Олсуфьева (Петр подобный размер одобрил)[2]. Меншиков необходимое «призрение» строительству макаровского дома оказал. 2 августа 1717 г. кабинет-секретарь уточнял, что в присланных ранее к архитектору чертежах его дома были допущены ошибки. В их исправлении он полностью полагался на умение архитектора и «соизволение» Меншикова тем более, что на расстоянии он не имел возможности дать точные указания[3].

На этом перипетии Макарова со строительством дома не закончились. В конце июня 1717 г. кабинет-секретарь опять был вынужден обратиться к Меншикову за услугой. Он получил сообщение от домашних, что на приморском месте, которое ему отдано по указу Петра прежде всех, строительство еще не было начато из-за межевого спора с Т.Н. Стрешневым. «Для того прошу вашу светлость, моего милостиваго государя и отца, – обращался Макаров, – дабы приказ меня с ним Тиханом Никитичем размежевать по примеру тому, как указом розмежевали господина генерала-адютанта Девиера с князем Щербатым и протчими ево соседями»[4]. Через

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 95.
[2] Там же, Л. 94.
[3] Там же, Л. 108об–109.
[4] Там же, Л. 98об–99.

несколько дней кабинет-секретарь снова писал к Меншикову с той же просьбой, добавляя, что «за тем спором нынешнее лето у меня праздно прошло и ничего там не строил»[1]. В результате Меншиков межеванию Макарова способствовал и обещал сделать так, как просил Макаров[2].

Кабинет-секретарь привлекал князя для решения своих семейных дел. Находясь вместе с государем во время Персидского похода, в 1723 г. Макаров обращался к Меншикову за помощью для своих детей. Он писал, что рассудил вместе с Волковым не брать с собой в поход детей, но при этом хотел, чтобы князь, находясь в Москве, оставил для них «про запас» на Вышнем Волочке судно[3]. Меншиков просьбу кабинет-секретаря выполнил.

Фактически, если судить по сведениям, взятым из корреспонденции, на этом участие Меншикова в делах Макарова заканчивалось. Сам кабинет-секретарь оказывал для князя достаточно ощутимые услуги. В 1717 г. Меншиков просил Макарова донести царю и способствовать решению спора с генерал-фельдмаршалом Б.П. Шереметьевым. Князь хотел вернуть свой рижский двор[4], который ошибочно был отдан Шереметьеву. Макаров обещал помочь, но уведомлял, что «за неудобны время не доносил»[5]. Позже кабинет-секретарь передавал сведения о болезни государя и этим оправдывал то, что снова о нуждах Меншикова не донес: «доношу вашей светлости, что дни три Его царское величество зело был болен лихораткою, но ныне при помощи Божией начал паки приходить в первое состояние своего здравия, однакож из двора еще неделю времяни и болши выходить Его величеству невозможно, и для того за помянутою болезнию Его царскому величеству некоторое время ни о каких делах еще поминать не буду, а когда совершенно выздоровеет тогда буду искать времени о указе на писма вашей светлости, яко о Сергееве и о

[1] Т РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 102об.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 95–95об; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 118об.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 308, 310об.
[4] На этом дворе какое-то время жил Полянский.
[5] Там же, Л. 42.

протчем»[1]. 3 марта 1717 г. Макаров еще раз вернулся в письме к этой теме, отметив, что Петр решил отложить решение до возвращения из Европы[2].

Макаров был жизненно необходим Меншикову при решении параллельно идущих и связанных между собой судебно-следственных процессов, касающихся подрядных афер и растраты государственных средств. Не имея возможности подробно восстанавливать хронологию событий, тянувшихся с 1713 г. до конца жизни Петра I[3], отметим, что с переменным успехом судебные расследования по поводу злоупотреблений различных государственных деятелей (братьев О., Д. и Ф. Соловьевых, А.А. Курбатова, Я.Н. Римского-Корсакова, А.В. Кикина, Н.А. Синявина, М.И. Волконского и т.д.) и стоявшего за ними Меншикова длилось ни одни год. Сменялись следственные комиссии, судьи и обвиняемые, а разбирательства все не могли прийти к какому-либо разрешению. Очевидно, что Меншиков в организации подставных подрядов и хищении государственных средств был виноват: по указу Петра князь должен был огромный штраф, сумма которого из года в года менялась из-за продолжавшегося следствия, выявлявшего все новые и новые счета князя, и послаблений, выпрошенных Меншиковым у государя. Поэтому наиболее актуальным для князя по ходу всего дела был вопрос – какую же сумму он должен вернуть и за какие годы.

Меншиков, естественно, пытался максимально сумму доимочных денег (штрафа) уменьшить, а сроки сократить[4]. Большие ожидания Меншиков

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 45-45об. Также он заботливо отправлял к Меншикову копии с писем, посланных от государя на прошлых почтах на случай, если оригинал куда-то делся.

[2] Там же, Л. 77об

[3] Подробно о подрядной афере и прочих расследованиях см.: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). С. 318–344, 380–384; Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 217–225; Серов Д.О. Круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 174–216.

[4] Прежде всего, князь стремился по возможности скрыть счета, обличающие его документы и обезвредить слишком говорливых свидетелей. Тем более, что обстоятельства работали на него – некоторые статьи доходов и расходов Меншикова нигде документально оформлены не были, денежные средства, поднесенные ему в почесть, не фиксировались, суммы счетов по подрядам нередко составлялись со слов самих подозреваемых Князь параллельно пытался выстроить отношения с руководителями следственных комиссий – майорских канцелярий – которые специально были созданы Петром для расследования злоупотреблений своих соратников. За время разбирательств Меншиков с разной степенью успешности контактировал с М.И. Волконским, В.В. Долгоруковым, Г.И. Кошелевым, Ф.Д. Воровоным, М.П. Голицыным. Стоит отметить, что практически все следователи (за исключением М.И. Волконского, который в итоге жестоко поплатиться за свою халатность) обвинений с князя не снимали, а только продолжали находить новые доказательства. См.: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 232–239;

возлагал на дружеские чувства Петра и помощь окружавших его лиц, в особенности Екатерины и Макарова. Лично к царю Меншиков писал регулярно и просил об уменьшении или вообще об аннулировании назначенной к штрафу суммы, поскольку якобы «того долгу заплатить мне нечем», пересмотре даты начала проверки счетов (князь настаивал на 1710 г., а не на 1703 г. или 1701 г., как полагали следователи) и вынесении справедливой резолюции. Частично Петр требования князя удовлетворил. В 1715 г. в связи с рождением царевича Петра Петровича царь разрешил заплатить ему лишь половину назначенной на тот момент суммы, а в 1719 г. канцелярия Голицына согласилась зафиксировать год начала начисления доимочных денег на 1710 г. По мнению Н.И. Павленко, подобные послабления, полученные князем от государя, были связаны не только с его воспоминаниями о былой дружбе и былых заслугах, но и с умелой закулисной игрой, главным защитником Меншикова в которой была Екатерина[1]. Принимая во внимания ценные выводы историка относительно взаимоотношений Меншикова и Екатерины, скажем несколько слов о кабинет-секретаре Макарове, который параллельно с государыней проявлял участие в делах князя[2].

Собирая сведения о своих счетах, Меншиков не раз обращался к Макарову для разрешения дела беглого комиссара А. Сергеева. 31 октября 1716 г., находясь в Любеке, кабинет-секретарь отвечал: «чтож изволите упоминать о Сергееве и о том Его величеству уже доволно внушено, какова он состояния человек, а о высылке ево к щоту к Гарасиму Кошелеву посланы два указы, и ежели он по тем указом не будет выслан, то уже истинно мочно дивитца»[3]. В связи с занятостью Петра переездами и переговорами вынесение

Бабич М.В. Комиссии как государственные учреждения петровской эпохи // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. М.–Новосибирск, 2000. С. 182–201; Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). С. 329–334, 381; Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 221–222; Серов Д.О. Круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Администрация Петра I. С. 191–192; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. С. 197–208.

[1] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 222.

[2] Сразу отметим, что в связи с хронологической привязкой наших исследовательских интересов, мы располагаем документами, относящимися к периоду 1716–1719 гг.

[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 10об.

решения затянулось до начала 1717 г. Макаров одним за одним отправлял к Меншикову письма с обещанием «о том я буду старатца, улуча благополучное время»[1]. В феврале кабинет-секретарь пересылал Меншикову копию указа государя к порутчику от гвардии Юрьеву с повелением Сергеева и его товарищей освидетельствовать счетом, а кто еще будет причастен, тех разыскать, и виновных, взяв под караул, привезти в Санкт-Петербург[2]. Сведения об окончании разборок с Сергеевым, представляли в своих работах Д.О. Серов и Н.И. Павленко. Серов указывал на допрос Меншиковым Курбатова о беглом комиссаре, которого якобы видели в доме прибыльщика[3]. Павленко же приводил благодарность Меншикова, посланную Ушакову, «за показанную вашу к людям моим милость, которые были у щоту Сергеева»[4].

В 1718 г. Меншиков преимущественно добивался переноса года начала отсчета его счетам на 1710 г.[5]. Согласно Н.И. Павленко, логика князя была проста – именно до 1710 г. он чаще всего присваивал казенные средства[6]. Меншиков писал в феврале 1718 г. к Макарову с ярко выраженным непониманием мотивов ведшего следствие генерал-майора Голицына, который считал злоупотребления Меншикова не с 1710 г., а с 1701 г.: «написаны на меня с 701 по 715 год многие денги, напрасно умножая сумму, с которои выписки его сиятелство генерал маеор князь Голицын послал к вашей милости копию, для чего предлагал я ему дабы к тому щоту для ясного следования взять подлинные дела, которые уже принимать и по некоторым уже следовать начали, а против помянутой посланной к вам выписки, по которым статьям не доведетца на нас в надлежащую сумму причитать, выписав особливо. Присем прилагаю, которые самые явные и напрасно на нас положенные. Всех по указу повелено в делах следовать с 710 году, а по щотам моим следовать с 701 году, и о том не могу знать, чего ради мне против других

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 39, 59об–60.
[2] Там же, Л. 64.
[3] Серов Д.О. Круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Администрация Петра I. С. 193.
[4] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 224.
[5] Об этом также см.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. С. 205–208.
[6] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 222.

отменя»[1]. При письме он посылал копию с ведомости, посланной ранее Долгоруковым, считавшим необходимым назначить дату на 1703 г. [2]. Макаров в ответ на жалобы князя передавал следующее: он доносил о деле государю и тот сказал, что считать растраты Меншикова с 1701 г. никому не приказывал. Затем кабинет-секретарь от своего лица отправил письмо к Голицыну с требованием прояснить ситуацию[3].

По прошествии месяца князь снова писал к Макарову, поскольку Голицын на попятную не шел и продолжал вести счет финансовым аферам Меншикова с 1701 г. Он просил, подыскав благоприятный момент, донести царю о существующем несогласии – примечательно, что Меншиков, говоря об этом ссылается на неких своих «советников» – и определить в канцелярии Голицына, с какого года, 1710 или 1701, считать. Кроме того, Меншиков, рассчитывая на благоприятный для себя ход событий, наставлял Макарова сразу же после того, как Петр напишет к Голицыну, прислать указ за печатью в конверте к князю[4]. Макаров, активно вовлеченный в это время в следствие по делу Алексея Петровича, отвечал ему, что государю обо всем доносил, но решения пока не получил, так как Петр занят трудными розыскными делами[5].

В следующем 1719 г. и далее на протяжении начала 1720-х гг. Меншиков продолжал писать к царю в личных письмах о своих счетах (см. приложение № 6)[6]. Он напоминал Петру о былых заслугах, указывал, что не все деньги потратил на собственные нужды, но и уделял внимание государственной пользе, винился и при этом упорно требовал перестать с него взыскивать все новые и новые всплывавшие суммы. Макаров, через которого проходили все письма к государю и к государыне, успокаивал Меншикова, заверяя, что вопрос доимочных деньгах будет рассмотрен после того, как Петр закончит употребление вод и возвратиться на Петровские заводы. Тогда же и Екатерина

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 712–712об.
[2] Там же, Л. 713.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 145об.
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 730.
[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 153–153об.
[6] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 41. Л. 406, 416–417об; Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 133–133об.

будет чинить «предстательство»[1]. В защиту Макарова скажем, что он все-таки добился для Меншикова некоторых послаблений: кабинет-секретарь убедил монарха подписать указ, согласно которому Голицын не должен был спрашивать доимочных денег на Меншикове до прибытия царя в Санкт-Петербург[2], где Меншиков рассчитывал с ним лично увидеться.

В 1720 г. Меншиков несмотря на то, что находился на Украине для проверки драгунских полков, продолжал решать свои спорные вопросы. В марте 1720 г. к нему из Санкт-Петербурга был прислан царский указ, чтобы он предоставил приходные и расходные ведомости, книги и прислал подьячего Борисова в столицу для следствия по счету с братьями Соловьевыми.[3] Макаров, комментируя указ, отмечал, что Петр советовал князю поторопиться в предоставлении сведений, поскольку дело тянется слишком долго, а если Меншиков все выполнит, то есть большая вероятность «те дела привесть ко окончанию в ползу вашу»[4]. Меншиков в ответ просил государя велеть Соловьевым по представленному счету держать ответ, поскольку «щот Соловьевых в канцелярию подан от меня близ года, и определен к тому канцелярист наш Новиков, но понеже они Соловьевы по тому поданному от меня щоту, в котором все как мои, так и их денги, которые были у нас в канцелярии обявлены имянно, ничего не ответствуют»[5]. То же самое он повторял в личном письме к Макарову, надеясь, «дабы во благовременной час изволили вы донести напред Ее величеству всемилостивейшей государыне царице, а потом и Его царскому величеству»[6]. Таким образом, Макаров, не имея никакого прямого отношения к следственным делам князя, находился среди тех, кто оказывал Меншикову посильную помощь (подобным образом он будет действовать и в Почепском деле). Он передавал царю сведения, полученные от князя, напоминал Екатерине о необходимости заступничества

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 168–168об.
[2] Там же, Л. 176об, 179.
[3] Там же, Л. 197об.
[4] Там же, Л. 200об–201.
[5] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 98–98об.
[6] Там же, Л. 179–179об.

и пытался повлиять на решения Петра, насколько это было в принципе возможно.

Подводя итог анализу личных взаимоотношений, сложившихся между Меншиковым и Макаровым за время петровского правления, отметим, что главной чертой, характеризующей их связи, являлась взаимовыгодность. И для того, и для другого было выгодно поддерживать лояльные отношения или, по меньшей мере, создавать их видимость. Лояльность выражалась при помощи языка писем, информирования и оказания услуг. Возможно, что кабинет-секретаря и князя объединяли искренние товарищеские чувства, возникшие благодаря оказанной Александром Даниловичем протекции в начале карьерного пути Макарова. В любом случае, сознавая высокую степень влияния и могущества друг друга, они пользовались услугами один другого столь же щедро, как оказывали помощь. Макаров оказывал Меншикову неоценимую помощь в его судебно-следственных делах, выполняя брокерскую роль по отношению к князю, с одной стороны, и Петру или Екатерине, с другой. Подобная исключительная роль кабинет-секретаря объяснялась двумя параллельными процессами: влияние князя на государя и его близость к нему уменьшалась, поскольку Меншиков дискредитировал себя участием в финансовых аферах, а влияние и степень доверия Петра Макарову все больше увеличивалось.

После смерти Петра в 1725 г. и восшествия на престол Екатерины I, начался новый период во взаимоотношениях между Макаровым и Меншиковым. Хотя значение Кабинета – особенно после учреждения Верховного тайного совета – постепенно слабло, Макаров на протяжении екатерининского правления оставался весьма влиятельным человеком. Меншиков же и вовсе стал «полудержавным властелином». В подобной ситуации какое-то время, должно быть, по инерции правления Петра и по старой памяти Макаров и Меншиков оставались соратниками на политической

арене[1]. Им продолжало это быть выгодным. В целом открытого конфликта между ними не случилось (если не считать приводимого Павленко эпизода в карете, случившегося между Макаровым и Девиером, когда кабинет-секретарь сказал: ««...светлейший-де князь паче усилитца. И так-де он на нас сердит, а потом паче сердит будет»[2]) вплоть до момента падения Меншикова в 1728 г.

3.5. Почепское дело князя А.Д. Меншикова

Известно, что период второй половины 1710-х – начала 1720-х гг. для светлейшего князя Меншикова представлял собой череду различных судебно-следственных процессов, которые сопровождались обвинениями во взятках, организации неправомерных подрядов, хищении казенных средств и земельных захватах. Как справедливо отмечают исследователи, положение Меншикова становилось все более шатким, поскольку он терял доверие государя – главный ресурс его власти и влияния. Тем более, что обвинения имели все основания, и князю, пытавшемуся сохранить не только свои политические позиции, но и в принципе собственную жизнь – перед его глазами был весьма запоминающийся пример расправы над М.И. Волконским, М.П. Гагариным, А.А. Курбатовым и т.д. – приходилось выкручиваться, придумывать себе оправдания, полагаться в большей степени не на оправдывающие его доказательства, а на личные связи с другими представителями петровской политической элиты.

Последним по хронологии за царствование Петра I в череде обвинительных процессов Меншикова является судебно-следственный процесс, известный в историографии под названием «Почепское дело князя А.Д. Меншикова». Почепское дело, связанное с земельными захватами князя на Украине в 1710-х гг., актуализировалось именно в то время, когда

---

[1] Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 2. С. 121–131; Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011. С. 26; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. С. 120–122, 126–128 и др.

[2] Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 273.

Меншиков уже находился под следствием из-за подрядных афер. Соответственно, его положение еще больше усугубилось, поскольку терпение Петра в любой момент могло закончиться, как и могли уйти в прошлое воспоминания о былых заслугах и пользе государству. Поэтому поиск поддержки среди близких к царю и доверенных лиц стал важной потребностью Меншикова в попытках сохранить свое положение.

В чем заключалась суть Почепского конфликта[1]? Как известно, в благодарность за изгнание шведов из малороссийских территорий в ходе Северной войны в середине июля 1709 г. Меншиков получил от государя принадлежавший ранее гетману И.С. Мазепе г. Почеп, а именно, земли, относящиеся «до ратуши почепской» и «до двору гетманского». Межу, согласно сведениям следственного дела, в том же 1709 г. разводил майор Шидловский, а межевал царедворец Кривцов[2]. Без власти князя оставались земли почепских казаков, которые владели ими как собственники и подати Меншикову не платили. Постепенно князь, желая быть полновластным «хозяином» Почепа, начал увеличивать свои владения, захватывая казачьи

[1] Первое, известное нам, более-менее подробное описание почепских событий сохранилось в жизнеописании князя Меншикова, изданного в 1809 г. и известного под названием «Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великого». В составе исследования обнаруживается дословное воспроизведение документов из фонда Кабинета, раскрывающих обстоятельства Почепского дела. Фактически, это первая публикация нескольких писем по данной тематике. Наиболее полный очерк начального этапа почепского конфликта был написан А.М. Лазаревским во второй половине XIX в., хотя напряженные события 1722–1725 гг. обрисованы историком довольно скомкано. Подробны сведения о Почепском деле также представлены в монографии Павленко «Меншиков: Полудержавный властелин», в которой историк, актуализировал вопросы, касающиеся взаимоотношений Меншикова с другими государственными деятелями. Другие исследования оставляют лишь отдельные упоминания об интересующих нас почепских обстоятельствах. Важные детали вносит направление, рассматривающее данный конфликт в общей системе связей князя с представителями малороссийской элиты. См.: Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. 555 с.; Голомбиевский А.А. Сотрудники Петра Великого. М., 1903. 117 с.; Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. 330 с.; Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 408–432; Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том первый. Полк Стародубский. Киев, 1888. 522 с.; Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. 3-е изд. М., 2016. 399 с.; Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники: монография / М. А. Киселев, К. А. Кочегаров, Я. А. Лазарев. Екатеринбург, 2022. 1244 с.; Bushkovich P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 31. No. 1/4. P. 135–158.

[2] РГАДА. Ф. 198. Оп.1. Д. 199. Л. 2.

земли. Уже в 1710 г. гетман И.И. Скоропадский универсалом[1] отдал Меншикову под протекцию казаков почепской сотни «в такое же “послушание”, каким были и крестьяне»[2]. Казалось бы, Меншиков получил все, что он хотел. Однако одним Почепом захваты не закончились: князь добавил к своим владениям Храповскую волость и продолжил округлять территории, хитроумно ссылаясь на межевание Г. Пушкина, проведенное для определения государственной границы между Россией и Польшей в 1638 г. и обозначившую границу Почепа только с восточной стороны. Более того, уверенный в своих силах, Меншиков в 1718 г. подал в Коллегию иностранных дел челобитную, прося выдать ему царскую грамоту на все захваченные земли, опять же аргументируя межеванием Пушкина и якобы традиционными принципами владения землей[3]. Грамоту князю не дали[4], но назначили межевальщика – дьяка поместного приказа И.Р. Лосева, который в 1718 – 1719 гг. должен был осуществить межевание почепских владений Меншикова.

Стоит отметить, что проблема межевания на малороссийских территориях являлась одной из наиболее актуальных во второй половине XVII – начале XVIII вв. После измены гетмана И.С. Мазепы принадлежавшие ему земли и земли его соратников были отданы не одному лишь Меншикову, а целому ряду независимых собственников, которые не всегда могли четко определить границу своих владений. В силу этого земельные споры не выглядели чем-то необычным – среди дел Малороссийской экспедиции Сената сохранился целый комплекс материалов различных конфликтов, больших и незначительных, происходивших между рядовыми казаками, казачьей старшиной, царскими соратниками и др.[5]. Их ход был практически идентичен: обиженный собственник подавал челобитную, как правило, пользуясь помощью гетмана Скоропадского; гетман при этом присовокуплял

[1] Копия универсала, данного гетманом Скоропадским Меншикову, сохранилась в фонде Меншиковых в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. См.: ОР РГБ. Ф. 166. Оп. 11. Д. 11. Л. 1–4.
[2] Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том первый. Полк Стародубский. Киев, 1888. С. 278.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 2–2об.
[4] Там же, Л. 3.
[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1754. Л. 534–543, 598–670об.

собственное прошение с описанием проблемы; затем происходило разбирательство, допрос сторон, рассмотрение доказательств и при надобности межевание; в конце выносился вердикт. В случае с Меншиковым дело направилось по тому же пути. В отличие от все остальных малороссийских межевых конфликтов несправедливое межевание владений князя было проведено с такой смелостью и в таких размерах как почепское, что вызвало значительный политический резонанс.

Первые жалобы казаков на Меншикова, как отмечает Н.И. Павленко, стали поступать государю в 1717 г., но активный ход разбирательствам был дан только в 1720 г. после межевания, осуществленного дьяком Лосевым в 1718–1719 гг.[1]. Согласно сведениям обвинителей Меншикова, это межевание нарушало все возможные формальные процессуальные требования[2]. Во-первых, Лосев был назначен сообразно воле князя и проводил межевание в одиночку, хотя по правилам того времени такого «никогда нигде не водится, чтоб межевщиков поимянно просить, а надлежало Вам требовать, не предлагая имян, кого указом определить». Во-вторых, Меншиков, как сообщалось, затребовал у дьяка инструкцию и внес в нее коррективы, указывая каким образом следует территории отмежевать[3]. В результате Лосев провел межевание и значительно расширил границы владений князя в Малой России, присоединив к ним земли Бакланской, Мглинской, большей части Стародубской сотни. Это по факту означало не только территориальные приобретения Меншикова, но и финансовые, так как примежеванные Лосевым к меншиковским владениям фактически ставились на положение крестьян и должны были платить подати князю. В августе 1719 г. Меншикова и его жену Дарью Михайловну убеждал в преимуществах подобного межевания и выгодности захвата в подданство казаков на правах крестьян их служитель Б.

[1] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2016. 399 с.
[2] Данные претензии были высказаны в ходе следствия на Генеральном дворе в 1723 г.
[3]Естественно, что по ходу судебно-следственного процесса Меншиков отрицал все обвинения. Он приводил случаи, когда межевальщики назначались по требованию владельцев. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 3–4.

Родионов, находящийся в то время в Почепе[1]. Среди казаков земельные претензии Меншикова ожидаемо вызвали ярое возмущение, активный ход которому был дан сразу же после межевания Лосева. Положение Меншикова усугубляла позиция по этому вопросу гетмана Скоропадского, которого возмущенные казаки прежде всего и атаковали.

Стоит отметить, что Скоропадский на протяжении долгого времени был связан с князем тесными деловыми контактами относительно вопросов управления Малой Россией, хозяйственных и военных нужд[2]. Это, как утверждает Н.И. Павленко, породило у Меншикова стабильные надежды на дружественный настрой гетмана, который сам не «мог подписатца» под обвинительными челобитными без чьего-то тлетворного влияния[3]. Меншиков упорно пытался уговорить Скоропадского признать законность махинаций с почепским межеванием. Например, в июне 1720 г. князь, находящийся в Почепе, вел переговоры со Скоропадским через резидента Ф.И. Протасьева, который помимо того, что информировал Меншикова о настроениях вокруг Почепского дела, бытовавших при гетманском дворе, должен был оказать

[1] Родионов писал о своих соображениях в доношении к князю (с его слов), а затем повторил его Дарье Михайловне. Он обозначал следующее: «о вашей маетности почепской, дабы отмежевать [между] гетманского регименту от городов, как бывало положение почепской границе, так бы за вашу светлость отграничить, со всеми угоди, хтоб не имел на тех землях владение, и тем бы межеваньем для предку укрепить козаков, кои отданы в 710м году от господина гетмана, и уневерсал его светлости на них дан, и тот уневерсал обявлял я его светлости в бытность мою, которой и оставлен указом у Ивана Борисова, и вприем Федором Шидловским Почепа и подписались козаки. что быть им во владении вашей светлости и оклад платить, как и протчие тяглые люди. А ныне по даношению фискалскому в грамоте государевой, какова послана з дьяков Иваном Лосевым, с которой я нынешних числех получил копию от столника Федора Протасева, резидуючего при господине гетмане, еще несведам и он не обявлял, и в той грамоте написано не против прошлогодского, и не в такой силе. А хотя и велено отмежевать Почеп по граниченью 146 года, однако ж кроме слежилых почепских козаков, а козацкое владение описать особливо и особые книги учинить, и ис того изволте разсудить, кокое будет розорение маетности вашей, ежели почепские козаки будут иметь свое владение особливое, а не так как ныне, то лутче межевое дело все оставить и да токого розорения недопускать, будет же того учинить не изволите, дабы весь Почепской уезд, как ныне есть, в вашем владении мужичье и козачье владенье незадно отмежевать, а отмежевать особливо ваше владение от казаков, и потому от вашей светлости отойдет болшая половина оной маетности з дохадами как от города, так и от уезда, и в великое придет развращение. А по моему рабскому усердствию даношу вашей светлости, когда уже з жалованной грамоты вписывать в сею межевую грамоту, как отдан Почеп с принадлежностми, кроме козаков и их владения, а понеже так учинилась, что в гармоте жалованной владенья козацкого не написано, то по что не обявили ныне, не прописали в межевой грамоте уневерсала, данного от господина гетмана в 710м году на владение козаков». Соответствующее послание Родионова к Меншикову в архивном фонде отсутствует. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 896; Д. 1177. Л. 57–58.

[2] Там же, Д. 1079.

[3] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 230; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 171об.

влияние на Скоропадского и его супругу, «всеми мерами склоняя, чтоб господин гетман на желание вашей светлости исполнил»[1].

Скоропадский, испытывая давление со стороны казаков и поддерживаемый некоторыми петровскими вельможами, имевшими личные интересы на Украине, открыто выступал против земельных захватов Меншикова. На протяжении 1720–1722 гг. он подавал Петру челобитные, доношения, партикулярные письма с жалобами на самоуправства межевальщиков, просил ложному межеванию дьяка Лосева не верить и провести его справедливо[2]. Кроме того, гетман пытался заручиться поддержкой влиятельных противников Меншикова: своего родственника, влиятельного сенатора П.А. Толстого (младшая дочь гетмана была замужем за сыном Петра Андреевича) и вице-канцлера П.П. Шафирова[3]. Параллельно в столицу с челобитными к Петру отправлялись казацкие делегации с требованиями провести справедливое межевание и умерить аппетиты князя. Гетман им противодействия не оказывал.

В августе – сентябре 1720 г. в отсутствии князя в столицу пребыла казацкая делегация во главе с гетманским секретарем П.В. Валькевичем. который намеревался передать Петру письмо Скоропадского и челобитную от казаков Стародубского полка. Интересы Меншикова в это время представлял адъютант С.В. Нестеров. Приехав в столицу, Валькевич подал в Коллегию иностранных дел гетманскую грамоту[4], в которой, как утверждал Нестеров, видевший текст своими глазами, ничего касающегося почепского межевого дела не было, а также обратился к Толстому, чтобы тот помог ему передать

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 869. Л. 10.

[2] Там же, Д. 199. Л. 6–11; Д. 737. Л. 237. Д. 869. Л. 10, 19–25об; ОР РГБ. Ф. 166. Оп. 11. Д. 10; Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великого. Ч. 1–3. С. 172–173; Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 1. С. 279, 283–284; Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 228–232.

[3] Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). С. 419–421; Bushkovich P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 31. No. 1/4. P. 143.

[4] С его слов.

письмо и челобитную государю. Толстой гетманскому секретарю в протекции отказал[1]. Поэтому Валькевич, улучив момент, подал Петру пакет с документами по время его пути на обедню в Троицкую церковь. Петр без прочтения отдал и письмо гетмана, и челобитную Г.И. Головкину в Коллегию иностранных дел, куда несколькими днями ранее Нестеров по приказу князя передал копии с писем резидента Протасьева, доношение и челобитье за рукой Меншикова[2]. В дальнейшем документы затерялись среди делопроизводства Коллегии. Нестеров в письме к Меншикову сообщал: «а сего числа в Каллегии иностранной спрашивал я Василья Степанова[3], и он сказал, что распечатал писма он, а не чтены, и отданы для переводу. А как переведены будут, обещали дать копию. И как скоро получу копию, того часу к вашей светлости пришлю с нарочным куриэром»[4]. Не известно, выполнил ли Нестеров свое обещание – в его переписке с князем какой-либо копии гетманского письма нам найти не удалось.

В декабре 1720 г. в столицу отправилась еще одна казацкая делегация во главе с генеральным есаулом В.Я. Журковским и прилуцким полковым обозным М.Г. Огроновичем (Грищенко)[5]. Вдобавок, в Санкт-Петербурге была получена челобитная «еще одного казака Симантовского[6] с товарищи», в которой утверждалось, что в 1720 г. дьяк Лосев проводил межевание в одиночку. Эти обвинения Меншиков парировал в письме к государю от 17 апреля: «И по вашей царского величества грамоте ис Посолской канцелярии гетманских камисаров 4 человека, в том числе генералной асаул обозной, канцелярист и знатной первой товарыщ, да росийских камисаров 8 человек, притом же было для свидетелства тамошних обывателеи с 300 человек, и где межу вели, тако ж где споры были, и оные споры заруча все, тое межу и

[1] Павленко ошибочно приписывает подобные действия Ф.М. Апраксину. См.: Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 229.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 804. Л. 40–43; 46–46об.
[3] В.С. Степанов, секретарь Иностранной коллегии.
[4] Там же, Л. 44–44об.
[5] Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники: монография. С. 199.
[6] Есимантовского.

чинили, о чем книги за их всех камисаров и свидетелевыми руками о всем, как то межевое дело было чинено, привезено сюды в Посолскую канцелярию, а ныне оные книги в Сенате»[1]. Он просил казацких челобитчиков (делегатов) допросить, неправое челобитье отставить и указать той меже быть так, «как помянутые зарученые межевые книги учинены»[2].

Примерно в то же время по сенатскому указу 31 марта 1721 г. для проверки межевания почепских земель из Глухова был послан полковник и глуховский комендант Б.Г. Скорняков-Писарев[3]. Меншиков, не способный отменить решение, старался не отпустить из столицы всех недовольных им делегатов-казаков и просил челобитчиков «отсюды не отпускать, дабы, приехав туда, не научили тех людей, кто подписались, заперетца, как они обыкновенно чинят»[4]. В итоге Скорняков-Писарев не нашел каких-либо нарушений и подтвердил итоги межевания Лосева. Говоря о деятельности полковника в отношении межевания земель Меншикова, нельзя забывать, что их связывали личные отношения до и после межевания. Отправленный князем в 1722 г. на Украины полковник Ларионов следующим образом описывал позицию Богдана Григорьевича: «Скорняков-Писарев вашей высококняжеской светлости как прежде служили, так и ныне служить обещались»[5]. Кроме того, Скорняков-Писарев в личных письмах информировал Меншикова о происходящем в Малой России[6]. Стоит отметить, что на судьбу межевальщика после Почепа повлиял конфликт, случившийся в Сенате между его братом, обер-прокурором сената Г.Г. Скорняковым-Писаревым и вице-канцлером Шафировым. Шафиров обвинил обер-

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 47–48.
[2] Там же, Л. 48.
[3] О действиях Скорнякова-Писарева и его отношениях с Меншиковым см.: Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. С. 193–194, 203–205.
[4] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 61–61об, 67–67об.
[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1081. Л. 5–5об.
[6] Там же, Л. 4.

прокурора в потворстве махинациям князя, поэтому 11 января 1723 г. против Б.Г. Скорнякова-Писарева и дьяка Лосева были возбуждены уголовные дела[1].

Проверка межевания, проведенная Скорняковым-Писаревым, вызвала новую волну возмущений казаков и гетмана Скоропадского. Как отмечают Д.О. Серов и А.В. Федоров, после повторных жалоб Скоропадского в январе 1722 г. была назначена повторная проверка, для проведения которой в июле в Почеп был командирован подполковник С.И. Давыдов[2]. Подобное развитие событий еще более примечательно, поскольку 8 марта 1722 г. при посредничестве Толстого Скоропадский с Меншиковым осуществили попытку прийти к компромиссному соглашению, по которому решено было для прекращения споров просить «высокоповеренных лиц» о медиации и рассуждении по материалам дела и чертежу спорных земель, «которые земли, куда были во владении»[3] (см. приложение № 7). Через некоторое время гетман снова передумал договариваться с Меншиковым, подал государю очередную челобитную и разбирательства продолжились[4]. Лишь уход из жизни Скоропадского 3 июля 1722 г. позволил Александру Даниловичу вздохнуть чуть свободней, поскольку влиятельный оппонент, главный «двигатель» дела вышел из игры. 5 июля 1722 г. князь писал своему служителю И. Борисову: «при сем предлагаем вам о почепском и о протчих делах требуние решения и стараитесь дабы решения учинены были по его императорского величества указом»[5].

В ноябре 1722 г. полковник Давыдов, согласно письму Скорнякова-Писарева, отправился из Глухова в Почеп[6]. Там он, согласно обвинениям Меншикова, вступал в переговоры с малороссийскими должностными лицами и возмущенными казаками, в особенности, с казаком И. Губчичем,

---

[1] В итоге, Вышний суд, рассматривавший дело Б.Г. Скорнякова-Писарева, решил, что он допустил лишь халатность и всю вину возложил на дьяка Лосева. См.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. С. 201–202.

[2] Там же, С. 201. Также см. об этом в письмах Ягужинского и копии указа Петра от 28 апреля: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1 Д. 1073. Л. 43-43об; ОР РГБ. Ф. 166. Оп. 11. Д. 10.

[3] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 651–653об.

[4] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 232.

[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 182. Л. 305.

[6] Там же, Д. 1081. Л. 4.

называвшегося в обход мнения князя почепским сотником и выступившего против него[1]. Меншиков со своей стороны пытался оказать на Давыдова давление. Он посылал письма к коменданту Почепа А.П. Гудовичу и служителю Г. Лукину, указывая им следить за действиями полковника и убеждать его, что межевание земель было произведено по любовному договору с гетманом Скоропадским[2]. Меншиков обращался и прямо к Давыдову, пытаясь его запугать. 3 января 1723 г. он писал: «уведомились мы, что ваша милость имеете с казаками з Губчичем с товарыщи многие советы и согласие и чинишь ему во всем ползу, а нам посягателство, и посылаете ко управителем нашим об оддаче казакам почепской ортилерии и хоругова, и ратушных сел и деревен, и запечатанных их пожитков указы, чего вам и в ынструкции не написано, и оные ратушные села и деревни и артилерия надлежат быть во владении нашем, понеже отданы нам вместе з городом»[3]. Угрозы Меншикова не подействовали – Давыдов признал многие нарушения в межевании Почепа.

В результате в начале 1723 г. рассмотрение Почепского дела по указу Петра I было перенесено в Вышний суд, располагавшийся на Генеральном дворе в с. Преображенское. В состав суда по делу Меншикова первоначально вошли 9 человек: Я.В. Брюс, И.А. Мусин-Пушкин, А.А. Матвеев, И. М. Головин, И.И. Дмитриев-Мамонов, И.Л. Воейков, С.А. Блеклый и секретарь П.А. Ижорин[4]. В последствии к ним добавились И.И. Бутурлин, А.П. Баскаков, А.Ф. Бредихин[5]. Стоит отметить, что царь был частым гостем на Генеральном дворе в январе-феврале 1723 г. в начале во время следствия над Г.Г. Скорняковым-Писаревым и Шафировым, затем, надо полагать, во время суда над Меншиковым. Согласно Походному журналу 1723 г. он посещал Преображенское 11, 14, 15, 16, 29, 30 января[6], а в корреспонденции

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 182. Л. 8–12.
[2] Там же, Д. 180. Л. 605об–606об; Д. 191. Л. 2об–4.
[3] Там же, Д. 191. Л. 5–7; Д. 192. Л. 4-5об.
[4] Там же, Д. 199. Л. 1.
[5] Там же, Л. 15, 22об.
[6] Походный журнал 1723. СПб., 1855. Л. 4–7.

Меншикова имеются указание на присутствии государя в Вышнем суде в начале февраля[1]. 25 февраля Петр отправился в Санкт-Петербург. Меншиков так же находился рядом с Преображенским: в 1722–1723 гг. он прибывал в Москве, из которой вернулся в столицу лишь 18 мая[2].

Как показывают материалы судебного дела, частично отложившиеся в фонде личной канцелярии Меншикова, первое, что предприняли собравшиеся на Генеральном дворе – это отправили князю пункты для наискорейшего ответа (см. приложение № 8). Суть вопросов, вокруг которых в дальнейшем вращалась вся переписка, сводилась к нескольким спорным аспектам Почепского дела. Во-первых, уточнялись сведения относительно межи Кривцова, проведенной по разводу Ф.В. Шидловского в 1709 г. Во-вторых, выяснялись причины просьбы Меншикова отмежевать Почепские территории по меже Г. Пушкина, предпринятой для определения государственной границы между Польшей и Россией в 1638 г. и обозначившей территорию города только с восточной стороны. В-третьих, князя спрашивали, зачем он брал к себе из Иностранной коллегии грамоту к гетману и инструкцию, данную Лосеву (предполагая, что он самовольно вносил в нее изменения согласно своим желаниям). Также Меншикову вменялось в вину, что он без удовлетворения государем просьбы отдать под его протекцию казаков почепской сотни имел их в своем подданстве и брал с них подати. И, наконец, вызвало вопросы у комиссии желание князя поименно определить к межеванию Л.М. Щербачева[3] и Лосева[4].

Стоит отметить, что все вопросы не были новы. Детали спорных моментов ранее обсуждались в корреспонденции между Петром, Меншиковым, Екатериной, Макаровым, Скоропадским и другими личностями, вовлеченными в Почепское дело, начиная с 1720 г. С этого времени накопилось огромное количество противоречивых сведений и

[1] Об этом в письме к Макарову. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 122–124.
[2] Походный журнал 1723. С. 18.
[3] Был вскоре отставлен от этой миссии.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 2–3об.

показаний, которые никто из действующих лиц не мог привести к единому знаменателю. К слову, как показывают материалы, и судьи на Генеральном дворе это сделать оказались не способны. По мере продвижения судебно-следственного процесса некоторые пункты уточнялись, некоторые пересматривались, благодаря привлечению, помимо сведений, исходящих от Меншикова, дополнительных источников информации (материалов предварительного следствия генерал-рекетмейстера В.К. Павлова[1], допросов казаков и комиссаров и т.д.)[2]. Однако кроме сбора информации, которая и так была несколько раз написана и переписана, разбирательство ходило по кругу. В целом члены Вышнего суда не особенно торопились принимать какие-либо кардинальные меры и уж, тем более, выносить окончательное решение без четких указаний Петра. Никаких конкретных решений и резолюций в материалах следствия не имеется.

13 февраля 1723 г. Меншиков предпринял последний рывок – он отправил государю повинную челобитную с признанием всех вин и просьбами великодушно простить, не забывая о былых заслугах[3] (см. приложение № 9). После челобитной о ходе следствия нам известны лишь отрывочные сведения, так как окончательного приговора Вышнего суда не сохранилось (может быть, его и вовсе не было). Голштинский камер-юнкер Ф.В. Берхгольц, находившийся в то время среди русского двора, так характеризовал положение князя: «Говорили, что в этот день (19 февраля[4]. – *М.Н.*) у князя Меншикова были отобраны все крестьяне (которых он имел в Украине огромное количество) и дом его в здешней Немецкой слободе; что, кроме того, о обязан будет заплатить еще 40000 рублей и, хотя останется при своих чинах, однако ж впредь не будет присутствовать ни в Сенате, ни в Военной коллегии и лишится командования армией. Но так как император, уважая многолетние его заслуги, все еще очень дорожит им, да уже и прежде присуждал его к

[1] Его участие в деле прослеживается с 1722 г. См.: ОР РГБ. Ф. 166. Оп. 11. Д. 10.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 85–98; Д. 199. Л. 6–11, 17–18об; Д. 469. Л. 132–134об; Д. 1073. Л. 43–43об.
[3] Сохранилось несколько вариантов данной челобитной к государю и к государыне. См.: Там же, Д. 199.
[4] То есть еще до отъезда государя в Санкт-Петербург.

подобному наказанию, а потом все-таки прощал, то думают, что князь и на сей раз отделается страхом и уплатой денежного штрафа»[1]. Упоминания о некотором мнении Петра – о лишении Меншикова должности президента Военной коллегии, возвращении земель и взятых с казаков податей[2] – высказанном в Вышнем суде, встречаются в письмах самого князя[3]. Однако мнение государя не трактуется им как окончательный вердикт. Несмотря на то, что после 19 февраля Меншиков действительно переставал исполнять обязанности президента Военной коллегии, должен был вернуть земли и подати, четкое количество оброчных денег и присвоенных князем территорий не было определено, а судьи продолжали заседать на Генеральном дворе, пытаясь решить данные проблемы. Меншиков продолжал писать к царю и его окружению письма с просьбами вынести окончательное решение, четко обозначить спорные территории, утвердить суммы, необходимые к возврату и максимально их уменьшить[4].

Закрыть Почепское дело Меншикову удалось в декабре 1725 г. уже после смерти Петра, когда он уговорил Екатерину I подписать указ о полной реабилитации по всем уголовным делам[5]. Судьба лояльных Меншикову межевальщиков, в отношении которых были открыты судебные дела, сложилась по-разному[6]. Б.Г. Скорняков-Писарев обвинялся в допущении халатности и был освобожден от какой-либо ответственности. По сведениям Д.О. Серова и А.В. Федорова, в приговоре, вынесенном Вышним судом 13

---

[1] Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. С. 505–506. Существовали и другие мнения о полнейшем крахе Меншикова. См.: СРИО. Т. 15. С. 232–233.

[2] Об этом он сообщал в письме к Макарову. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 122–124.

[3] Хотя, нельзя не отметить, что в целом приговор государя был более чем милостивым. Как отмечал С.М. Соловьев, несмотря на то, что следствие по Почепскому делу продолжалось, Петр простил своего «старого приятеля», он говорил Екатерине, заступавшейся за Меншикова: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила мать его, и в плутовстве скончает живот свой, и если он не исправится, то быть ему без головы». См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. С. 770.

[4] Меншиков не оставил своих попыток даже в 1724 г. Он обращался к Петру с просьбами облегчить штрафы по всем текущим судебно-следственным делам. Однако государь продолжал апеллировать к результатам следствия. См.: Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. С. 265.

[5] Меншиков подал Екатерине пункты с прошение об оправдании по всем своим делам. См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 165–166.

[6] Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. С. 234.

февраля 1723 г., его связь с почепским межеванием никак не упоминалась[1]. Наибольшие потери в ходе Почепского дела понес дьяк Лосев, которому в 1724 г. по приговору Вышнего суда, было назначено наказание – вырезание ноздрей, удары кнутом, конфискация имущества и пожизненная ссылка на каторгу[2].

Так вкратце выглядел общий ход Почепского дела.

Видя незавидное положение Меншикова по мере развития Почепского дела и оценивая полученный князем приговор как крайне лояльный в данной ситуации, можно предположить, что Александр Данилович использовал какие-то влиятельные рычаги давления на государя и в принципе на участников судебно-следственного разбирательства. Меншиков, согласно наблюдениям исследователей, пытался заручиться поддержкой различных групп политической элиты, непосредственно вовлеченных в ход дела или не имевших к нему никакого прямого отношения. Не стремясь в настоящем исследовании подробно рассмотреть всю систему социальных связей князя, устанавливаемых или поддерживаемых им по ходу Почепского дела, отметим, что в схематичном виде они имели три вектора движения[3].

Во-первых, предавая важность тем событиям, которые происходили непосредственно на Украине, и стремясь подавить возмущение недовольных казаков, Меншиков старался выстроить взаимоотношения с представителями малороссийской политической элиты. Эти связи даже после смерти Скоропадского, надо полагать, были для князя наиболее неэффективными, поскольку, несмотря на многословные обещания помощи, украинские контрагенты Меншикова, никакой значительной пользы ему не принесли – возмущения казаков продолжались, результаты межевания Лосева и Скорнякова-Писарева не признавались. Во-вторых, князь устанавливал

---

[1] Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. С. 234. Об этом же см.: Иванов П.И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. С. 51–53; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 308–309об.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 374. Л. 836, 839об.

[3] Подробнее об этом см.: Накишова М.Т. К истории Почепского дела князя А.Д. Меншикова // Славяноведение. 2021. № 4. С. 40–59.

контакты с должностными лицами Сената, Коллегии иностранных дел и Вышнего суда, причем даже с теми из них – например, Толстым и Шафировым – которых нельзя охарактеризовать дружественными ему. Сложившиеся деловые и личные связи позволяли ему контролировать деятельность этих органов, быть в курсе хода судебно-следственного процесса и его деталей. В-третьих, на наш взгляд, наиболее продуктивными, являлись отношения Меншикова с Петром и его ближним окружением, члены которого имели все возможности повлиять на мнение Петра. Позиция монарха являлась определяющей для данного судебно-следственного дела. В целом связи Меншикова были многочисленными, устойчивыми во времени, основанными как на личных симпатиях, так и на взаимной выгоде. Как показывают источники, какие-то из этих связей были более эффективны, какие-то менее. Однако они вкупе с материальными ресурсами, доверием государя и заработанным авторитетом позволяли князю вести сложные политические интриги. Не последнюю роль среди заступников Меншикова играл кабинет-секретарь А.В. Макаров.

С формальной точки зрения Макаров прямого отношения к Почепскому делу Меншикова не имел. Тем не менее для князя он был действительно необходимым соратником, поскольку пользовался доверием Петра и вел царскую корреспонденцию. Как уже отмечалось ранее, Макаров в силу занимаемой должности имел реальную возможность «в благополучный час донесть» государю о любом деле без лишних свидетелей, к тому же он поддерживал контакты с другими важными персонами (Екатериной, Толстым, Шафировым и т.д.), которые оказались вовлеченными в почепские разбирательства и, по мнению князя, были способны со своей стороны оказать влияние на мнение правителя. Более того, давние деловые и личные отношения, сложившиеся между Макаровым и Меншиковым, регулярные услуги, помощь кабинет-секретаря в других судебно-следственных процессах и обоюдное желание сотрудничать, вполне позволяли Александру Даниловичу надеяться на пособничество кабинет-секретаря.

Макарову, надо полагать, также было выгодно поддерживать с князем товарищеские отношения. Прекрасно разбираясь в логике политических игр, он не мог не понимать реальной степени могущества князя, широты сферы его влияния. Не мог кабинет-секретарь не оценить силу привязанности Петра к своему фавориту, даже несмотря на наступившее к 1720-м гг. охлаждение в отношениях между Меншиковым и монархом. Макаров, играя не последнюю роль в судебно-следственных делах князя, наглядно видел удивительное умение последнего находить выход из совершено катастрофического положения. Таким образом, сотрудничество между Меншиковым и Макаровым по ходу Почепского дела кажется нам вполне логичным и взаимовыгодным альянсом для обеих сторон.

Первое упоминание Макарова в известных нам документах, касающихся Почепского дела, относится к августу 1720 г. В это время, как было показано в обзоре почепских событий, Меншиков находился на Украине для комплектования драгунских полков, а в столицу 30 августа приехала делегация во главе с Валькевичем, который стремился попасть к государю на аудиенцию. Согласно Н.И. Павленко, в это время князь с помощью Нестерова и самостоятельно через письма стремился заручиться поддержкой Апраксина, Шафирова и Толстова и вместе с ними противодействовать Валькевичу[1]. Так, от имени Меншикова Нестеров обращался к вице-канцлеру Шафирову. Петр Павлович на словах обещал «служить яко благодетель»[2], однако реальных действий не предпринял[3]. Когда же Валькевич передал царю пакет с документами, положение князя стало стремительно усугубляться. Меншиков писал к адмиралу Апраксину, прося «напрасным клеветам» не верить[4].

[1] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 229–230.
[2] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 804. Л. 44об.
[3] Негативное отношение вице-канцлера к земельным захватам Меншикова проявилось в ходе произошедшего в 1723 г. в Сенате конфликта с обер-прокурором Г.Г. Скорняковым-Писаревым См.: Иванов П.И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. С. 3; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 22–23.
[4] Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 229–230.

Не удивительно, что в подобных обстоятельствах Меншиков решил обратиться к более надежному и проверенному Макарову. 18 августа 1720 г., то есть еще до приезда Валькевича с казаками в столицу, он писал к кабинет-секретарю: «уведомился я, что от гетмана посланы нарочные с жалобою на меня, того ради прошу, дабы им не верить, о чем от меня писано пространно к адъютанту моему Нестерову, которому просим всепомощенствовать»[1]. Нестеров, представлявший интересы Меншикова в столице, помимо прочего, должен был передать Макарову копии с писем резидента при гетманском дворе Ф.И. Протасьева, которые он отправил к Толстому и Шафирову, а также рассказать ему о известных и важных для князя подробностях Почепского дела. В письмах Протасьева, к слову, пространно описывались обстоятельства межевания Почепа, назывались причины недовольства гетмана и казаков (совершенно несправедливые, по мнению Меншикова), перечислялись их действия и попытки очернить имя князя[2]. В следующих нескольких посланиях (1 письмо и 1 цедула), отправленных за период с 19 по 24 августа, и устно через Нестерова Меншиков не только извещал кабинет-секретаря о почепских обстоятельствах, но и, что более важно, просил доподлинно донести государю и государыне и ложным обвинениям, выдвинутым гетманом Скоропадским, не верить[3]. Другими словами, князь старался сработать на опережение, с помощью Макарова предупредив Петра и изложив ему свою версию событий раньше, чем к нему попадут жалобы, привезенные Валькевичем.

Как показывают материалы корреспонденции, параллельно Макаров передавал князю ценную информацию, полученную от Толстого (по просьбе Меншикова или самостоятельно не известно)[4]. Кабинет-секретарь, в цедуле извещал о происходившем в столице «пред несколким временем показывал

---

[1] Данная цедула располагается после письма, отправленного в 18 января 1720 г. См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 108.
[2] Там же, Л. 156–158
[3] Там же, Л. 156.
[4] Меншиков сам обращался к Толстову по ходу дела, об этом сохранились упоминания в письмах участников разбирательств. Среди материалов переписки Толстого-Меншикова находится лишь одно письмо от 1721 г., в котором Петр Андреевич уверял (вряд ли искренне) князя: «о делах мне от вашей светлости приказанных по моей возможности стараюся, о чем з господином кабинет секретарем Макаровым неоднократно говорил». См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 963. Л. 174.

мне перевод с писма гетманского Петр Андреевич, в котором упоминаетца с немалою жалобою о межевании почепских земель, для чего он мне и вашей светлости писмо к нему казал же, которое писмо прочет. Сказал я ему, что те земли принадлежат прямо к Почепу, как и сами тамошния обыватели сказали, на что он мне в ответ сказал, что де обываетели принуждены сказать неволею»[1]. Затем, пересказывал Макаров, он советовал Толстому отложить дальнейшие разбирательства по делу до возвращения Меншикова и убеждал его, что недовольство межеванием у гетмана и старшины вызвали не земельные проблемы, а то, что «ваша светлость доброй порядок учинили о квартирах и облегчили бедных»[2]. Предположительно, цедула была отправлена к Меншикову 15 августа 1720 г., т.е. чуть ранее обозначенного выше письма князя от 18 августа[3]. Александру Даниловичу 18 августа сведения о разговоре Макарова с Толстым были еще неизвестны. Соответственно, первые зафиксированные источниками действия по отношению друг к другу, Меншиков и Макаров развернули практически одновременно.

В целом цедула Макарова открывает для нас несколько важных фактов относительно его участия в деле. Она показывает, что кабинет-секретарю ко времени разговора с Толстым было известно о почепских проблемах князя. Слова Макарова о том, что было бы не плохо отложить рассмотрение дела до приезда Меншикова, соотносятся с просьбами Александра Даниловича, посылаемыми им другим участникам дела в течение 1720 г. При этом, если верить словам кабинет-секретаря, он старался оправдать князя перед Толстым, перенося причины с земельных захватов, которые якобы были оправданными, на распределение постоя. Однако мысли, высказанные Макаровым Толстому, не дают оснований говорить о наивной вере кабинет-секретаря в невиновность Меншикова. На наш взгляд, Алексей Васильевич писал князю то, что тот хотел

[1] Дата разговора с Толстым неизвестна. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 237.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Д. 33. Л. 422–422об; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 237.
[3] В комплексе чистовых писем цедула не датирована. Она приложена к письму, которое было отдано 13 августа. Однако благодаря сличению с копиями данной цедулы, сохранившихся среди исходящих писем Петра, удалось установить дату отправления – 15 августа. См.: Там же, Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Д. 33. Л. 422-422об; Д. 64. Л. 247–247об.

от него услышать. Насколько он старался быть для Петра Андреевича убедительным и старался ли вообще, остается лишь догадываться. Не имея достаточных оснований полностью отрицать факт заступничества Макарова перед Толстым, отметим, что его переговоры никаких реальных последствий не имели: возвращения Меншикова с малороссийских территорий вряд ли кто-то собирался ждать, а Толстой совершенно не спешил оказывать какую-либо помощь Меншикову. Стоит оговориться, что в черновике цедули Макарова сохранилось упоминание еще об одном действии кабинет-секретаря в поддержку князя – извещении Екатерины. Он писал к Меншикову: «хотя о всех сих делах ее величеству государыне царице я доносил, однако ж изволите как о том, так и о других нуждах обстоятелнее отписать вскоре к государыне царице»[1].

После приезда казацкой делегации под предводительством Валькевича находится лишь одно письмо, посланное Меншиковым к Макарову. В декабре 1720 г. князь настраивал кабинет-секретаря объявить в Сенате о необходимости очной ставки обвинителей и дьяка Лосева[2]. Ответа Макарова на эти требования не сохранилось, но есть все основания полагать, что желания Меншикова исполнены не были. О других контактах между Макаровым и Меншиковым в течение осени-зимы 1720 г. мы практически не имеем сведений. Среди документального фонда Кабинета найден только один документ, относящийся к осени 1720 г. – черновик письма или цедули Макарова к Меншикову. Мы не знаем, был ли чистовик документа все-таки отправлен, как и не знаем точно его дату. Можно лишь предположить, что черновик создавался в ближайшее время после прибытия Валькевича в сентябре. Обнаруженный среди исходящей корреспонденции Петра и написанное рукой Макарова, черновое письмо освещает примечательные детали взаимоотношений Макарова – Толстого – Меншикова. Кабинет-секретарь писал: «на сих днях явились здесь некоторые из старшины от

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Д. 33. Л. 422–422об.
[2] Там же, Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 140–140об.

гетмана с публичною грамотою к Его царскому величеству от гетмана, в которой упоминаеютца некоторые жалобы на вашу светлость, и хотя я не однократно его превосходителства Петра Андреевича прежде просил, чтоб тех посланных удержал, дабы они грамоты не подавали до возвращения вашей светлости сюды, однакож его превосходителство сказал мне, что я де и удержать не мог для того, что де сия публичная грамота; однако Его величество читать не изволил и отдал Гаврилу Ивановичу, також слышал я, что имеют те посланники некоторое гетманское особливое писма до Его царского величества и о том також я просил Петра Андреевича, чтоб оное удержать до возвращения вашей светлости сюды, и что учинитца, о том буду вашеи светлости доносить впред»[1]. Сведения из черновика Макарова соотносятся с информацией, которую Меншиков получал от других своих информантов, прежде всего, от адъютанта Нестерова. Также подтверждается позиция Толстого, который не поддавался ни на какие уговоры и сторону Меншикова ни под каким давлением не принимал.

В следующем 1721 г. корреспонденция, отправляемая Меншиковым к Макарову, стала еще более тревожной. Беспокойство князя было вызвано приездом в Санкт-Петербург очередной казацкой делегации (Жураковского, Огроновича), получением челобитной казака Симонтовского (Есимонтовского) и непрекращающимися письмами Скоропадского. Не меньше волновал и, надо полагать, раздражал князя тот факт, что ни Коллегия иностранных дел, ни Сенат, ни сам государь никаких решительных действий не предпринимали и никакой резолюции не выносили, кроме назначений на Украину новых межевальщиков. В этом плане даже тревога по поводу отправки для проверки межевания Скорнякова-Писарева отходила на второй план.

[1] Текст приведен без вычеркнутых слов и перечеркнутых вставок. См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Д. 64 Л. 100.

Ход Почепского дела, благодаря разносторонним[1] попыткам увести его в делопроизводственные дебри, очевидно затягивался. Если еще 17 декабря 1720 г. Меншиков более-менее спокойно обращался к Макарову, чтобы тот объявил «в Сенат таким образом, что царское величество указал по прошению моему почепское межевое дело разсмотреть все господам сенаторам здесь», то в апреле 1721 г. Меншиков уже весьма настойчиво – и не один раз – просил его сделать доклад царю по Почепскому делу, которое уже четыре года к завершению прийти не может[2]. Он жаловался на челобитчиков-казаков, просил их в Санкт-Петербурге задержать и приговор Сената, по которому их и гетманских комиссаров Жураковского, Гришенко и Валькевича велено было отпустить на межевое дело в Почеп, аннулировать. Князь напоминал Макарову, что уже посылал письмо с подобными просьбами, а также указывал на необходимость доложить обо всем Екатерине для «предстательства»[3]. Одновременно с отправкой писем Макарову Меншиков писал письма лично к Петру и Екатерине[4]. В них от также жаловался на нерасторопность разбирательств: «да изволите повелеть присланных сюды неправых челобитчиков допросить, и указать той меже быть так, как помянутые зарученые межевые книги учинены, ибо уже, как мое прошение вашему величеству было подано в Ревеле, тому четвертой год, и по се время то дело во окончание не может прийти, и о том да изволите повелеть милостивой указ в Сенат прислать, чтоб по моему прошению по тем книгам учиня разсмотрение, учинили решение»[5].

Волнение Меншикова заметно и по количеству писем, посланных им Петру, Екатерине и Макарову с 1 апреля по 12 мая 1721 г. Среди обнаруженных нами в фонде Кабинета за этот период находятся 3 письма к

[1] Как отмечает Павленко, Меншиков избрал тактику придирок к делопроизводственным аспектам. Да и Петр тем, что не решался лично определить судьбу своего фаворита, а отдавал дело на рассмотрение другим государственным институтам, заметно затягивал процесс. См.: Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 230–231.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 61–61об.
[3] Там же, Л. 61-61об.
[4] Там же, Л. 47–48, 60–60об.
[5] Там же, Л. 47об–48.

Петру, 5 писем к Екатерине и 8 писем к Макарову[1]. Их общее содержание и просьбы идентичны приведенным выше посланиям. Частично поменялась тональность отправляемой к Макарову корреспонденции: к просьбам уведомить Петра об обстоятельствах дела, доминировавшим годом ранее, постепенно добавлялись просьбы на монарха повлиять и милостивую резолюцию учинить[2]. Кроме того, обращаясь к кабинет-секретарю за помощью, князь не скупился на обвинения по отношению к малороссийским должностным лицам, утверждая, что они действуют противно правам и держат другую, т.е. не его, сторону только потому, что «я мало ефимков и вина куф имею, и дарить мне их нечим»[3]. За обозначенный период (1721 г.) Макаров писал к Меншикову о Почепском деле 3 раза[4]. В ответах он успокаивал князя, отмечая, что письма государем и государыней получены и они обо всем доподлинно известны. Макаров убеждал, что и он, и Екатерина, которая при случае напоминала Петру о Почепском деле, всеми силами стараются получить царский указ. Также однажды кабинет-секретарь передавал устные рассуждения Петра, не совсем радостные для князя, относительно ложных сведений челобитчиков о межевании: «лутче назначенная персона из Сенату подлинно там освидетелствует»[5].

Как часто Макаров докладывал государю о делах Меншикова, мы вряд ли сумеем восстановить. Сомнительно, что кабинет-секретарь бежал к Петру с новостями каждый раз, когда князь к нему писал тем более, что в некоторых случаях случалось раз в пару дней. Помимо собственных слов кабинет-секретаря, в имеющихся в нашем арсенале отрывочных записях дел Макарова упоминание о Почепском разбирательстве встречается лишь единожды[6]. Можно предположить, что нежелание кабинет-секретаря докучать государю ежедневно о волнующем Меншикова деле (подобное нежелание объясняется

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. 2. Д. 56. Л. 9–82об.
[2] Там же, Л. 57об, 62об.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 162. Л. 160а.
[4] Там же, Д. 737. Л. 251–255, 259–259об.
[5] Там же, Л. 253об.
[6] В деле написано: «о почепском деле выписку и приговор». См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 101. Л. *386.*

вполне банальными причинами – у Петра были дела и поважнее) косвенно подтверждают и сами многочисленные обращения князя. В этом плане, высказанная Н.И. Павленко в биографии Меншикова, позиция, что якобы благодарный за былую протекцию кабинет-секретарь был одним из самых ярых княжеских заступников перед государем и, более того, «слепо верил в безгрешность» Александра Даниловича, выглядит слишком смелой[1]. Аналогично, мало оснований имеется, чтобы говорить исключительно о технической роли Макарова и доминировании в его действиях «этикетного лицемерия, которое создавало лишь видимость реальной поддержки»[2]. Надо

[1] Умозаключение Павленко, должно быть, возникло благодаря количеству писем, посылаемых от Меншикова к Макарову с просьбами о помощи, и ответов кабинет-секретаря с многочисленными обещаниями помочь. Кроме того, историк, надо полагать, учитывал участие Макарова в предыдущих судебно-следственных делах Меншикова. Однако количество контактов не всегда определяет их качество, а в источниках нет прямых доказательств как слепой веры кабинет-секретаря, так и его постоянной увлеченности делами князя. См.: Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 312, 314.

[2] Стоит остановиться на причинах, побуждающих нас не согласиться с подобной оценкой, высказанной Я.А. Лазаревым. Прежде всего, историк называет Макарова «техническим персонажем», что не может не вызвать некоторые вопросы. Лазарев пишет: «Технически Макаров выполнял роль координатора в информировании Петра I и его супруги, а также передачи распоряжений монарха различным лицам и учреждениям. Однако в действительности он мог оказывать важные посреднические услуги». Какие посреднические услуги оказывал Алексей Васильевич и в чем они отличались от «технических», историк не указывает, хотя, как видится, передача распоряжений и информации от одного государственного института к другому – это и есть посредничество. Если учесть, что, как правило, под определением «технический» понимается простая передача информации без какого-либо личного вмешательства, то подобная трактовка вовсе противоречит существующим историографическим наработкам, опирающимся на анализ сферы деятельности Кабинета, особенностей его делопроизводства и функций его главы. Как убедительно показали П.М. Строев, Н.И. Павленко и Е.В. Анисимов, Макаров вмешивался в выработку политических решений, вполне был способен оказывать влияние на содержание передаваемой информации, в некоторых случаях знал больше, чем доносил до государя и в целом являлся ценным советчиком для монарха (см. параграф, посвященный историографии). В письмах Меншикова, относящихся к Почепскому делу, не раз встречаются просьбы не просто информацию передать, но и определенным образом ее преподнести. Таким образом, «техническим персонажем» Макарова назвать трудно.

Кроме того, характеризуя взаимоотношения Меншикова и Макарова, Лазарев противопоставляет действия кабинет-секретаря поведению лиц, «которые были лично обязаны Меншикову или зависимы от него», хотя в какой-то степени данная характеристика вполне подходит для Макарова. В историографии не раз говорилось о протекции, оказываемой князем Алексею Васильевичу на раннем этапе его службы и возникнувшем у него чувстве благодарности, да и сам исследователь страницей ранее высказывал мысль, что Макаров «находился в определенной зависимости от Меншикова». Вдобавок подробный анализ корреспонденции Макарова-Меншикова показывает наличие тесных деловых и личных связей двух государственных деятелей на протяжении многих лет их службы. Соответственно, принципы функционирования их отношений были намного труднее, комплекснее и доверительнее, чем обозначает Лазарев. Историк определяет Макарова как активного подвижника «этикетного лицемерия» в отношении Меншикова и, как следствие, отмечает неактуальность для князя связей с кабинет-секретарем в 1723 г. При этом автор не высказывает сомнений в поддержке Екатерины, действовавшей практически тем же образом, что и секретарь. В письмах Меншикова обращения к кабинет-секретарю, как правило, соседствовали с обращениями к Екатерине и были с ними практически идентичны по содержанию (оценить степень эффективности вмешательства Екатерины в каких-либо конкретных показателях мы не можем, как и в случае с Макаровым). Государыня равно, как и Макаров, заверяла в своей помощи, но прямых сведений о каких-либо ее действиях не сохранилось, мы о них можем только догадываться. Поэтому в такой ситуации говорить о том, что Екатерина влияла на Петра, а Макаров – нет, было бы слишком смело. Надо полагать, что они оба заступались за Меншикова перед царем, но каждый из них прекрасно представлял границы дозволенного. Отсюда нельзя согласиться с выводом Лазарева о якобы

полагать, правда находится где-то посередине категоричных оценок: кабинет-секретарь оказывал некоторую поддержку Меншикову, но, зная вспыльчивый характер Петра, не спешил ради князя вызвать его недовольство. Он, угадывая настроения правителя, просил за Меншикова ровно столько, сколько ему позволял случай[1].

В 1721 г. к более активным действиям Меншиков перешел по отношению к Сенату, пытаясь воздействовать на его членов через кабинет-секретаря. 17 апреля он обращался к Макарову с поручением: «ежели же паче чаяния оное продолжитца, то чтоб вы от себя в Сенат тот его величества указ какой вам от его царского величества по моему прошению был приказан, объявив в Сенате писмянно, прописав и за отворчатою печатью, ко мне прислать, а имянно такоий, ежели возможно сие написать, чтоб Почепское межевое дело разсмотреть и, о свидетелствовав всех камисаров подпискою тем неправым челобитчиком, учиня допросы и дав очные ставки, надлежащее учинить решение, ибо в Сенате тот ваш словесной приказ вменяют во ничто»[2]. Макаров, понимая беспокойства князя, от вверенной ему миссии отказался, ссылаясь на необходимость царского указа для любых подобных действий: «сие я за волю вашей светлости готов исполнить, толко разсуждаю, сие быти неважно, ибо лутче, как точной указ от самого Его величества будет прислан, о чем и Ее величество государыня царица милостиво изволила Его величеству упоминать»[3]. Кабинет-секретарь снова не спешил без воли монарха вмешиваться в дела Сената.

1722 г. представляет собой некое затишье в обмене корреспонденцией между Меншиковым и Макаровым относительно Почепского дела. В фондах

полной неспособности князя «понять этикетное лицемерие» других петровских сподвижников, в том числе и Алексея Васильевича. Трудно представить, что Меншиков, находившийся в состоянии обвиняемого не один год и не в одном преступлении, активно использовавший различные этикетные формулы и лицемеривший не меньше других, не понимал тактику ведения эпистолярных разговоров и не был способен хотя бы предположить, кто реально может ему помочь, а кто, скорее всего, будет раздавать одни обещания. См.: Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. С. 148, 184–186, 192–193.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 251–253.

[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 43

[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 251.

Кабинета и личной канцелярии Меншикова не обнаружено ни одного письма, направленного ими друг к другу с вопросами о Почепском деле. Хотя их деловые и личные контакты не прекращались. Кабинет-секретарь, например, навещал дом князя в тезоименитство его жены[1]. Возможно, на относительное спокойствие князя повлияли итоги проверки межевания Скорняковым-Писаревым, попытки договориться со Скоропадским (при посредничестве Толстого) и последовавшая кончина гетмана, главного заступника казаков, в июле 1722 г.[2]. Однако дело продолжалось. Не обращаясь за помощью к Макарову, Меншиков не оставил намерения держать ситуацию под контролем. В 1722 г. он вел переписку с генерал-прокурором Сената П.И. Ягужинским[3], выясняя, каково мнение сенаторов и руководителей Коллегий относительно дела, решили ли освободить казаков-челобитчиков и кого назначили для свидетельства почепской межи[4].

Новый виток активных разбирательств и, соответственно, волнений князя последовал в 1723 г., когда принятие окончательного решения по Почепскому делу было поручено Вышнему суду. Как было показано ранее, мнение государя, высказанное в феврале, относительно участи Меншикова было более, чем лояльным – старания князя и его заступников дали плоды. Александру Даниловичу, не во многом утратившему свои политические позиции и сохранившему жизнь, оставалось требовать вынесения четкого вердикта и трудиться над уменьшением выплат с захваченных земель. Весна 1723 г. прошла в подобных заботах. Макаров во время следствия на Генеральном дворе щедро снабжал Меншикова сведениями. При этом есть все основания полагать, что кабинет-секретарь непосредственно участвовал в заседаниях суда, видимо, сопровождая Петра – его подпись стоит под пунктами, посланными Меншикову для ответа (см. приложение № 8). Он

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 259.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 562–563об.
[3] Один из взглядов на отношения Меншикова и Ягужинского см.: Полонский Д.Г. «Меня здесь приемлют якобы сына Вашего»: письма П.И. Ягужинского А.Д. Меншикову как источник истории отношений политиков Петровской эпохи: (Исследование и публикация) // Вестник РГГУ. 2012. № 21 (101). С. 221–232.
[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 291–292; Д. 1073. Л.42-43об.

информировал князя о происходящем в Преображенском, упоминал о настроениях царя и следователей относительно Почепского дела, выступал посредником. 10 апреля 1723 г. Макаров подтверждал беспокойство Меншикова о том, что члены суда не очень-то торопились с принятием решения. «Приехав сюда, – сообщал кабинет-секретарь в одном из писем, – старался, чтоб на оное (Почепское дело. – *М.Н.*) до праздника святыя Пасхи резолюция учинена была, но понеже судьи Генералного двора еще сюды, кроме одного господина Дмитриева-Мамонова, не бывали, а резолюции без них учинить невозможно для того, что взяты сюда одни их мне-ния, а приговор, хотя и готов, однако ж им наперед надобно опробовать и подписать, и для того те дела оставлены до Фоминой недели»[1]. В ответ Меншиков, который параллельно вел переписку с Вышним судом и отвечал на представленные ему пункты, из раза в раз повторял Макарову единую просьбу «во благополучное время о учинении резолюции доложить Его императорскому величеству»[2].

Весной 1723 г. желание как можно быстрее добиться окончательного решения по Почепскому делу определяло содержание писем Меншикова к Макарову. Меншиков использовал кабинет-секретаря для того, чтобы прояснить детали частных вопросов, касающихся деления почепских территорий (см. приложение № 10). Подобные уточнения были ему необходимы в том числе и для ведения переписки с заседавшими на Генеральном дворе. Например, в марте 1723 г. Меншиков посылал к Макарову табель (такая же была отправлена им несколькими днями ранее на Генеральный двор[3]) с фамилиями казаков, среди которых, как он утверждал, были те, которые записались в казаки до гетмана Б.М. Хмельницкого, и те, которые попали в их в число после него. Князь, ссылаясь на договорные пункты Хмельницкого и универсал, данный ему Скоропадским[4], просил

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 304–304об.
[2] РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 63. Л. 557.
[3] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 88.
[4] ОР РГБ. Ф. 166. Оп. 11. Д. 11.

Макарова сделать выписку, доложить государю и получить от него указ, кем из казаков Меншикову владеть, а кем – нет[1]. Макаров, как и прежде, в ответ на все обращения князя обещал помочь[2].

Терпение Меншикова подходило к концу. Помощь Макарова, а вместе с ним и Екатерины, была для князя незаменимой, однако на данный момент князю ее было недостаточно. В течение весны 1723 г. Меншиков, недовольный промедлением с принятием резолюции, предпринимал попытки воздействовать на Макарова и Екатерину с помощью других близких к государю, государыне и кабинет-секретарю личностей, с которыми при этом уже имел разной степени устойчивости деловые и личные связи: камергера императрицы В.И. Монса (Павленко также называет его сестру М.И. Балк), генерал-полицмейстера А.М. Девиера, капитана З.Д. Мишукова, обер-секретаря А.Я. Волкова и прокурора Военной коллегии Е.И. Пашкова[3]. Например, 29 марта 1723 г. он послал в Санкт-Петербург своего пажа В. Дурнова (Дурново) с конкретными указаниями: «1. прибыв в Санкт Питербурх посланные с тобою писма всемилостивеишей Государыни императрицы и протчим персонам роздать по подписем. 2. По вся дни ходить к господину кабинет секретарю Макарову и оного просить, чтоб по почепскому делу выписку сочинил и по оной доложил бы Его императорскому величеству до праздника Светлого Христова Воскресения. 3. Монса непрестанно просить, чтоб просил[4] посланного нашего писма доложил всемилостивейшей Государыни императрице. 4. Господ генерала полицеймейстера Девиэра и обер-секретаря Волкова, и прокурора Пашкова, и капитана Мишукова по вся дни просить, чтоб они ему господину кабинет секретарю Макарову о сочинении выписки памятовали и о решении оного дела, чтоб по оному доложил Его императорскому величеству до Светлой недели, просили. 5.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 122–124.
[2] Там же, Д. 737. Л. 305–310об.
[3] До этого он также использовал для влияния на Макарова И.М. Головина. См.: Там же, Д. 163. Л. 283–283об; Д. 191. Л. 129об-130; Д. 469. Л. 148–150; Д. 557. Л. 257–258об, 264–266; Д. 774. Л. 5–6об; Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. С. 50–51; Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. С. 232, 234.
[4] Так в рукописи. Возможно, должно быть «против».

Когда Его императорское величество оное дело решить изволит, тогда, взяв от него господина кабинет секретаря Макарова писмо, ехать к нам на встречу немедленно в Москве»[1]. Вдобавок он писал к своим «агентам» личные письма, пересказывая обстоятельства дела и повторяя просьбы напомнить Макарову (и Екатерине) о резолюции.

Подводя итог изучению Почепского дела и отношений Макарова и Меншикова в ходе него, отметим, что участие кабинет-секретаря в данном судебно-следственном процессе было вполне логичным вектором развития их взаимоотношений. В отличие от многих других княжеских контрагентов и заступников Макаров на протяжении 1720–1723 гг. предпринимал реальные шаги для поддержки и «предстательства» перед государем. Он информировал князя о происходящем, передавал Петру и Екатерине сведения, полученные от Меншикова, связывал князя с другими действующими лицами дела. Тем не менее помощь, оказываемая Макаровым Меншикову в ходе Почепского дела, имела свои ограничения. Граница влиятельности кабинет-секретаря проходила там, где начиналось мнение Петра. Макаров мог щедро информировать князя и оказывать ему заступничество, но только в тех рамках, которые не грозили ему падением в глазах правителя. Он никогда бы не пошел против Петра, каким влиятельным Меншиков не казался, поскольку был не готов ради Меншикова поставить под удар свою политическую карьеру и растерять ценный ресурс доверия государя, который в один момент мог лишить всего нажитого не только князя, но и его самого.

[1] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 129об–130.

Заключение

Говоря о причинах могущества князя А.Д. Меншикова в петровское и екатерининское царствования, историки традиционно называют следующие материальные и нематериальны ресурсы – доверие и нежные дружеские чувства монархов, финансовые богатства, высокий должностной статус, обеспечивший участие Меншикова в различных государственных преобразованиях, личные характеристики (административный талант, гибкий ум, хитрость, расчетливость и пр.). Все это вкупе позволяло Александру Даниловичу вести сложные политические интриги и отражать самые веские обвинения. Среди политических преимуществ Меншикова его многочисленные социальные связи упоминаются крайне редко. Несмотря на то, что к тематике взаимоотношений князя с другими соратниками Петра I исследователи за всю историю изучения его личности обращались не раз, системного понимания сферы распространения контактов Меншикова до сих пор не имеется. Настоящая работа была призвана на примере подробного рассмотрения трех социальных связей Меншикова показать перспективность подхода, предполагающего их комплексное изучение.

Содержательный анализ корреспонденции, а также иных видов исторических источников наглядно показал, что связи между государственными деятелями поддерживались в рамках двух направлений – деловых вопросов и личных дел. В случаях, когда контрагентов связывали родственные узы, актуализировался их взаимный семейный статус. Граница между деловыми, личными и семейными вопросами не поддается точной локализации, во-первых, в силу специфики эпистолярных источников, во-вторых, поскольку сами государственные деятели не преследовали подобной, чисто инструментальной цели.

Деловые связи, как правило, вращались вокруг сферы компетенции того или иного лица. Сфера деятельности Меншикова как генерал-губернатора, сенатора, президента Военной коллегии была достаточно широка. Служебные

полномочия двух его контрагентов – А.М. Девиера и Я.Х. Бахмеотова – по преимуществу ограничивались функционалом ведомства, которое они возглавляли (т.е. системой управления Санкт-Петербургом). Ситуация с определением границ сферы компетенции А.В. Макарова выглядит несколько сложнее, так как, занимая должность кабинет-секретаря, он получал доступ ко всем бумагам и делам Петра и, соответственно, должен был быть в курсе совершенно различных государственных проблем. Кроме того, вполне обычным делом считались ситуативные поручения монарха, которые могли объединить должностных лиц, обычно не пересекавшихся в рамках служебной иерархии. Личные связи между государственными деятелями зависели от степени их родства, доверия друг к другу, наличия или отсутствия дружеских/товарищеских чувств и т.д. Они развивались параллельно деловым, отчасти от них зависели и при этом характеризовались меньшей стабильностью (личные отношения индивид мог прекратить при желании, тогда как деловые поддерживались им на протяжении срока выполнения должностных обязательств).

В общих чертах и деловые, и личные связи использовались государственными деятелями в нескольких целях. Во-первых, любые социальные связи служили для поддержания контактов и обеспечения собственного политического статуса. Поскольку ни Меншиков, ни его контрагенты не были изолированы от общества и являлись частью более крупной социальной группы – политической элиты – то им приходилось так или иначе выстраивать отношения друг с другом. Например, наиболее явно желание поддерживать контакты находило выражение в употреблении устоявшихся комплиментарных формул и формул поддержания разговора, которые могли полностью покрывать содержание письма. Во-вторых, посредством социальных связей происходил обмен информацией как касающейся служебных вопросов, так и относящейся к личным интересам. Как правило, сведения шли по направлению от Бахмеотова, Девиера, Макарова к Меншикову, причем факты дублировались, дополнялись,

добавлялись собственные оценки и предположения. Таким образом, информация, поступавшая к князю от различных информантов, отличалась комплексностью и детальностью, позволяла ему быть в курсе различных мероприятий, даже находясь вдалеке от эпицентра событий – в данном исследовании от Санкт-Петербурга. В-третьих, наиболее ощутимую пользу социальные связи приносили тогда, когда посредством их происходил обмен услугами. Взаимные услуги фиксируются как при деловых, так и личных или семейных отношениях. Их наличие связанно с желанием получить выгоду – для просителя она заключалась в получении желаемого, для исполнителя работа велась на перспективу на случай, если ему тоже придется обратиться за помощью. В некоторых случаях взаимодействие базировалось на принципах официальной политической иерархии, определявшей статусные характеристики государственных органов власти, чьими руководителями являлись изучаемые личности. В других ситуациях решение проблем проходило, так скажем, неформальным (неофициальным) способом. Обращение за помощью происходило по личной инициативе и на основе сложившихся за годы знакомства личных отношений, товарищеских или дружеских чувств, нарушая нормы официальных регламентаций.

Меншиков находился в центре собственной социальной сети и концентрировал в своих руках все связи внутри нее. Как показывает проанализированный материал, князь прилагал много усилий для расширения своих связей и влияния. Он основательно продумывал направление контактов, находил возможности для их поддержания и развития. На стратегии поведения Меншикова оказывали влияния статусные характеристики его контрагентов (социальный статус, связи внутри элиты, материальный достаток, значимость должности и т.д.). Немаловажную роль играло чувство доверия, связывавшее Александра Даниловича с контрагентами (и наоборот), которое определяло устойчивость контактов, степень вовлеченности того или иного лица в личные и деловые вопросы князя. На наш взгляд, неоспоримым достоинством Меншикова являлось его умение просчитать ситуацию и увидеть возможности

повернуть обстоятельства в наиболее выгодном для себя свете. Это утверждение доказывает не только широта связей князей, их географический и качественный охват, но и вариативность его поведения в зависимости от статуса контрагента. В разных обстоятельствах Александр Данилович был способен подольститься, подчеркнуть и выразить лояльность как в виде услуг, так и на уровне эпистолярного языка, пойти на компромисс, надавить или даже припугнуть. Проведенная характеристика деловых и личных связей князя с петербургским комендантом Бахмеотовым, генерал-полицмейстером Девиером и кабинет-секретарем Макаровым наглядно показала, что Меншиков к ним относился по-разному и избирал разную тактику поддержания лояльных отношений.

Отношения с комендантом Санкт-Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотовым строились на принципе прямой подчиненности. Бахмеотов, получивший в руководство в 1717 г. главную губернскую фортификацию, являлся глазами и руками князя на ее территории. Как справедливо утверждают исследователи, характеризуя деятельности предшественников Якова Хрисанфовича, петербургский комендант и петербургский гарнизон в системе управления городом (и отчасти губернией) выполняли множество управленческих функций. Власть Бахмеотова распространялась как на подчиненную ему Санкт-Петербургскую крепость, представлявшую собой некий самостоятельный социум внутри города, так и на территорию столицы как таковой. При этом коменданту поручались не только, а иногда не столько, военные задачи, но и проекты чисто гражданского характера (презентационные, строительные, мероприятия по благоустройству территорий и т.д.). Подведомственный Бахмеотову гарнизон являлся основной силой, обеспечивавшей безопасность столицы – в ситуации, когда полицейская служба в России только зарождалась и кадров для нее катастрофически не хватало, силы гарнизонных полков оказывались просто незаменимыми.

Фактически, генерал-губернатор Меншиков держал под контролем все направления деятельности петербургского коменданта. Более того, несмотря на наличие иных должностных лиц, которые, казалось бы, должны были в иерархии городской власти занять место между Меншиковым и Бахмеотовым – обер-комендант Р.В. Брюс, военный руководитель Санкт-Петербурга М.М. Голицын – деловые связи князя с комендантом функционировали напрямую, без посредников[1]. Меншиков направлял Бахмеотову указания, а тот регулярно посылал генерал-губернатору доношения или деловые письма. В такой ситуации деловые контакты практически полностью определяли характер их взаимоотношений. Это подтверждается не только наличием достаточно объемного комплекса источников, содержащих по преимуществу деловую информацию, связанную с различными вопросами управления Санкт-Петербургской крепости и Санкт-Петербургом, но и языком корреспонденции. Язык писем Бахмеотова – Меншикова заставляет говорить о доминировании отношений руководителя и подчиненного.

Об эффективности деловых связей Меншикова и Бахмеотова позволяет судить частный сюжет, касающийся строительства нескольких комплексов постоялых дворов на Московской и Санкт-Петербургской сторонах в 1722–1723 гг. Комендант, которому в отсутствие генерал-губернатора и государя в столице было поручено создание казенных постоялых дворов, проявил себя как внимательный и усердный исполнитель. Ему удавалось достаточно успешно координировать строительные мероприятия, осуществлять поиск и закупку материалов, регулировать обеспечение строительства рабочей силой. Меншиков в данном случае выступал, так скажем, высшим координатором процесса. Получая подробные отчеты от Бахмеотова, а также от Голицына, он решал финансовые вопросы, утверждал планы и, что самое важное, обеспечивал связь коменданта с другими государственными институтами – Полицмейстерской канцелярией (через А.М. Девиера), Канцелярией

[1] Даже когда Меншиков самолично поручал Бахмеотову в свое отсутствие отчитываться перед Голицыным, комендант дублировал информацию и военному руководителю Санкт-Петербурга, и генерал-губернатору.

городовых дел (через У.А. Синявина), Адмиралтейством, Сенатом, Кабинетом и т.д. В результате, как представляется, Бахмеотову удалось зарекомендовать себя перед князем как надежного подчиненного, которому можно доверить многофункциональные управленческие проекты[1].

Личные связи Бахмеотова и Меншикова на известных нам комплексах источников практически не прослеживаются. Во-первых, это связано со спецификой сохранившихся материалов, состоящих по преимуществу из доношений и деловых писем. Во-вторых, комендант, чье влияние не выходило далеко за стены Санкт-Петербургской крепости, не имел достаточных материальных и, в особенности, нематериальных ресурсов для того, чтобы стать интересным Меншикову. Другими словами связи Бахмеотова с представителями элиты были крайне ограничены, влияние незначительно, а близость с Петром, обозначенная в некоторых научных работах, не находит подтверждения в исторических источниках. Яков Хрисанфович в своей деятельности был практически полностью зависим от самого Меншикова. Поэтому их взаимодействие по личным вопросам сводилось к одностороннему информированию (по каналу от Бахмеотова к Меншикову) и отдельным мелким услугам, связанным с хозяйственными и судебными вопросами.

Деловые и личные связи Меншикова с генерал-полицмейстером А.М. Девиером строились на совершенно иных основаниях. Как глава столичной полицейской службы Девиер получил в свои руки достаточно широкие полномочия. Подчиненная ему Полицмейстерская канцелярия занималась различными вопросами строительства, благоустройства общественных пространств, поддержанием безопасности в городе, обеспечением честной торговли и питейного дела и т.д. Наиболее важной функцией Девиера и его ведомства являлась задача следить за соблюдением царских регламентаций, касавшихся обозначенных выше вопросов. В этом плане получалось, что все

[1] После строительства постоялых дворов Бахмеотов занимался созданием комплекса мельниц и ремонтом канала.

столичные органы власти так или иначе находились в определенной степени зависимости от решений генерал-полицмейстера. Более того, власть Полицмейстерской канцелярии распространялась на всю территорию города и Девиеру были переданы полномочия объявлять в Санкт-Петербурге указы государя – обязанность, ранее находившаяся в сфере компетенции Меншикова.

В силу особого положения полиции в системе управления городом деловые отношения Меншикова и Девиера строились на принципе сотрудничества. Полицмейстерская канцелярия мыслилась Петром I как общегосударственный орган власти, подчинявшийся только Сенату (эта идея пришла к государю чуть позже) и монарху. Соответственно, генерал-полицмейстер в отношении генерал-губернатора – органа местной власти – являлся самостоятельным актором на политической арене. Поэтому Меншикову, державшему под контролем ситуацию в городе, приходилось выстраивать с Девиером такие деловые отношения, которые наиболее эффективно позволили бы ему решить волновавшие его управленческие проблемы. Князь нередко обращался к Антону Мануиловичу с просьбами о помощи, пособничестве и решении конфликтов. Девиер, отлично понимая степень влияния Меншикова на столичные дела, был открыт к сотрудничеству, но при этом не боялся отказывать, если считал, что решение князя противоречит интересам его ведомства.

Личные связи Девиера и Меншикова характеризовались ярко выраженной патрон-клиентской спецификой. Прежде всего, на желание Девиера зарекомендовать себя в качестве лояльного клиента князя указывают употреблявшиеся им синтаксические формулы вежливости и комплиментарные обороты. Меншиков преподносил себя как благодарного патрона, готового с благосклонностью принять предлагаемые услуги и взамен оказать необходимую помощь. Оба государственных деятеля щедро информировали друг друга, хотя Антон Мануилович, практически безотлучно находившийся в столице, делал это с большим энтузиазмом. И Девиер, и

Меншиков оказывали взаимные услуги. В данном случае генерал-полицмейстер, скорее, выполнял функции брокера, имея собственные властные ресурсы, устойчивые связи с другими представителями петровского окружения, доступ к государю и его семье (1718 г. в отсутствие царской четы в Санкт-Петербурге именно Девиер руководил двором наследников). Положение Девиера среди политической элиты и нарочито высказываемая лояльность, повлияли на то, что в отличие от Бахмеотова Меншиков посвящал генерал-полицмейстера в личные, иногда весьма щепетильные дела, например, в Почепское дело. Должно быть, больше всего князя в Антоне Мануиловиче привлекали близкие отношения с царской семьей.

Говоря об отношениях Девиера и Меншикова, нельзя не учитывать их родственные (семейные) связи. Как показало настоящее исследование, в данном случае принадлежность к одной семье сыграла с государственными деятелями злую шутку. С одной стороны, на протяжении 1718–1725 гг. и Меншиков, и Девиер поддерживали видимость семейного благополучия: они регулярно поздравляли друг друга с семейными праздниками, желали здоровья домочадцам, информировали о состоянии дел и даже оказывали (прежде всего, Девиер) некоторые хозяйственные услуги. С другой стороны, семейные связи не давали им значительных преференций. Кроме того, очевидно, что ни тот, ни другой не забыли обстоятельства, благодаря которым они стали родственниками – не желанную для Меншикова женитьбу Антона Мануиловича на его сестре Анне Даниловне. Соответственно, пока им было выгодно поддерживать лояльность по отношению друг к другу, семейный конфликт отходил на второй план. Но как только Меншиков и Девиер оказались в контексте борьбы за власть в последние месяцы правления Екатерины I, старые обиды дали о себе знать.

Связи Меншикова и А.В. Макарова представляют собой третью схему поведения князя в попытке выстроить лояльные отношения. Политический статус Макарова значительно отличался от рассмотренных нами ранее государственных деятелей. Кабинет-секретаря занимал, надо полагать, один

из ключевых постов в системе государственного управления. По мере увеличения государственных задач и расширения преобразовательной деятельности вклад Кабинета в государственное строительство претерпел изменения. Из личной канцелярии царя, изначально состоявшей из одного человека – Макарова, Кабинет превратился в самостоятельное ведомство со своей сферой компетенции. Под контроль Алексея Васильевича попадали строительные проекты в царских резиденциях в Петергофе, Стрельне, Дубках, на о. Котлин, в Риге, Ревеле и пр., ведение полковых дел, организация отправки гардемаринов в Европу, найм и обеспечение иностранных специалистов, финансирование различных мероприятий, подготовка материалов для «Гистории Свейской войны» и многое другое. Однако больше всего значимости Макарову как государственному деятелю придавал доступ к документации и корреспонденции, поступавшим на имя государя.

При рассмотрении деловых и, в особенности, личных связей Макарова с Меншиковым можно говорить о них как о практически равных политических субъектах, одинаково выражавших друг другу заинтересованность и лояльность, оказывавших взаимные услуги. Хотя, бесспорно, Макаров был менее богат и влиятелен, чем Меншиков, во второй половине 1710-х – первой половине 1720-х гг. он выглядел полностью самостоятельным игроком и получал преференции исключительно от Петра. Кабинет-секретарь выполнял брокерскую роль по отношению к государю, то есть он связывал Меншикова-клиента с Петром-патроном (в отличие от Девиера, который связывал князя с другими государственными деятелями). Соответственно, поддерживая деловые и личные связи, Макаров и Меншиков опирались на взаимную расположенность и взаимную выгоду от контактов друг с другом.

Деловые связи Меншикова и Макарова находились на стыке их сфер компетенций в системе управления Санкт-Петербургом и Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернией. Кабинет-секретарь и генерал-губернатор активно сотрудничали на благо государства. Макаров, находясь рядом с Петром, брал на себя контролирующие и посреднические функции. Он

посылал князю царские указы, проводил его инициативы, передавал сведения и посылки. Также кабинет-секретарь финансировал некоторые строительные мероприятия из средств Кабинета или со счетов других государственных учреждений. Меншиков в силу занимаемой должности отвечал за практическую реализацию принятых решений. Макарова он использовал не только, передавая информацию государю, но и пытаясь оказать влияние на мнение Петра, ускорить процесс принятия решения или облегчить государственное бремя на возглавляемой губернии.

Специфика личных связей, сложившихся между Меншиковым и Макаровым, нашла яркое отражение в Почепском деле. В целом участие кабинет-секретаря в столь волнующем Александра Даниловича судебно-следственном процессе представляется нам логичным вектором развития их отношений, поскольку на протяжении многих лет государственные деятели обменивались корреспонденцией, навещали друг друга, участвовали в семейных праздниках, оказывали поддержку и весьма значительные услуги. В Почепском деле Макаров продолжил играть посредническую роль между Меншиковым и Петром. Он был практически единственным из государственных деятелей, кто не просто посылал князю многочисленные обещания о помощи, но и предпринимал для этого реальные шаги. В данном случае важно подчеркнуть, что заметная ограниченность посреднических возможностей Макарова определялась волей государя. Петр как патрон патронов передавал своему окружению часть властных полномочий на основании доверия. Угроза потерять ресурс царского доверия ограничивала силу социальных сетей представителей ближайшего круга царя. Соответственно, для тех государственных деятелей, которые как Макаров были полностью зависимы от благ, даруемых царем, справедливо наблюдение, что ни одно значимое решение не принималось ими без ориентации на мнение государя, ни одна услуга не оказывалась против этого мнения. Близость к

государю выступала мерилом власти и влиятельности[1]. Поэтому никакие лояльные связи с Меншиковым не могли заменить Алексею Васильевичу ценность царского доверия.

Таким образом, анализ деловых и личных связей Меншикова показал, что в основе могущества князя лежали не только властные и материальные ресурсы, но и продуманные социальные связи с другими представителями петровского окружения. Князь имел возможности эти связи устанавливать, во многом благодаря давним близким отношениям с государем, более того, он умел их поддерживать, выбирать такие стратегии поведения, которые позволили бы ему извлечь наибольшую выгоду. Бесспорно, рассмотренные в настоящей работе социальные связи Меншикова с петербургским комендантом Бахмеотовым, генерал-полицмейстером Девиером и кабинет-секретарем Макаровым являются лишь малой частью большой социальной системы, сформировавшейся вокруг князя. Тем не менее проведенное исследование актуализирует необходимость дальнейшего изучения социальных связей внутри политической элиты с целью понимания способов взаимодействия между государственными деятелями в процессе выработки политических решений.

При этом в совокупности результаты настоящей работы позволяют аргументированно доказать, что модель государственного управления в петровское царствование основывалась не только и даже не столько на формально институционализированных, нормативно регламентированных структурах и процедурах, сколько на системе взаимосвязей внутри политической элиты. Функционирование властных институтов могло быть успешным или не успешным в зависимости от эффективности и устойчивости

[1] Как справедливо отмечают Е.В. Анисимов, Т.А. Базарова и М.Е. Проскурякова по отношению к Меншикову в 1703–1705 гг., «именно близость к правителю является тем символическим капиталом, которым фаворит не мог не воспользоваться, чтобы легализовать свое положение как публичного (формального и неформального) деятеля, не говоря уже об обогащении, т.е. о приобретении “ресурсов первого порядка” (должности, награды, пожалования, льготы)». На наш взгляд, данное умозаключением характерно для многих представителей ближнего круга Петра на протяжении всего его царствования, в том числе и для Макарова. См.: Анисимов Е.В., Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 53.

сетей доверия в правящей среде, изменять вектор развития в зависимости от частных мотивов и инициатив, демонстрировать черты «ручного управления», отчасти компенсировавшего лакуны законодательной базы и кадровый дефицит учреждений.

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. 643. Управление Нижнетагильского и Луньевского горных округов наследников П.П. Демидова князя Сан-Доната.

1. Оп. 1. Д. 17.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского отделения истории РАН (НИА СПбИИ РАН)

Ф. 83. Походная канцелярия князя А.Д. Меншикова.

1. Оп. 1. Д. 2693
2. Оп. 1. Д. 2695.
3. Оп. 1. Д. 2697.
4. Оп. 1. Д. 2699.
5. Оп. 1. Д. 3160.
6. Оп. 1. Д. 3363.
7. Оп. 1. Д. 3391
8. Оп. 1. Д. 3454.
9. Оп. 1. Д. 3530.
10. Оп.1. Д. 4201.
11. Оп.1. Д. 4347.
12. Оп. 1. Д. 4878.
13. Оп. 2. Д. 9.
14. Оп. 2. Д. 10.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 874. Шубинский С.Н.

1. Оп. 2. Д. 207.

2. Оп. 2. Д. 208.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 166. Архив Меншиковых.

1. Оп. 11. Д. 10.
2. Оп. 11. Д. 11.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 5. Переписка высочайших особ с частными лицами.

1. Оп. 1. Д. 15.
2. Оп. 1. Д. 27.

Ф. 6. Уголовные дела по государственным преступлениям.

1. Оп. 1. Д. 159.

Ф. 9. Кабинет Петра I и его продолжение.

1. Оп. 2. Отд. I. Д. 33.
2. Оп. 2. Отд. I. Д. 64.
3. Оп. 3. Отд. II. Д. 33
4. Оп. 3. Отд. II. Д. 36.
5. Оп. 3. Отд. II. Д. 40.
6. Оп. 3. Отд. II. Д. 41.
7. Оп. 3. Отд. II. Д. 46.
8. Оп. 4. Отд. II. Д. 54.
9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56.
10. Оп. 4. Отд. II. Д. 57.
11. Оп. 4. Отд. II. Д. 59.
12. Оп. 4. Отд. II. Д. 60.
13. Оп 4. Отд. II. Д. 62.
14. Оп. 4. Отд. II. Д. 63.
15. Оп. 4. Отд. II. Д. 66.

16. Оп. 4. Отд. II. Д. 71.
17. Оп. 4. Отд. II. Д. 78.
18. Оп. 6. Д. 43.
19. Оп. 6. Д. 44.
20. Оп. 6. Д. 45.
21. Оп. 6. Д. 46.
22. Оп. 6. Д. 101.

Ф. 198. Меншиков Александр Данилович (1670–1729), князь, петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии, генералиссимус.

1. Оп. 1. Д. 109.
2. Оп. 1. Д. 110.
3. Оп. 1. Д. 129.
4. Оп. 1. Д. 130.
5. Оп. 1. Д. 131.
6. Оп. 1. Д. 148.
7. Оп. 1. Д. 162.
8. Оп. 1. Д. 163.
9. Оп. 1. Д. 180.
10. Оп. 1. Д. 181.
11. Оп. 1. Д. 182
12. Оп. 1. Д. 191.
13. Оп. 1. Д. 192.
14. Оп. 1. Д. 199.
15. Оп. 1. Д. 214.
16. Оп. 1. Д. 242.
17. Оп. 1. Д. 352.
18. Оп. 1. Д. 378.
19. Оп. 1. Д. 379.
20. Оп. 1. Д. 380.

21. Оп. 1. Д. 424.
22. Оп. 1. Д. 469.
23. Оп. 1. Д. 518.
24. Оп. 1. Д. 557.
25. Оп. 1. Д. 642.
26. Оп. 1. Д. 737.
27. Оп. 1. Д. 804.
28. Оп. 1. Д. 869.
29. Оп. 1. Д. 896.
30. Оп. 1. Д. 963.
31. Оп. 1. Д. 1020.
32. Оп. 1. Д. 1073.
33. Оп. 1. Д. 1079.
34. Оп. 1. Д. 1081.
35. Оп. 1. Д. 1168.
36. Оп. 1. Д. 1177.

Ф. 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов).

1. Оп. 5. Д. 300.
2. Оп. 7. Д. 374.
3. Оп. 18. Д. 1206.
4. Оп. 29. Д. 1754.

Ф. 1451. Именные приказы Петра I Сенату и др. учреждениям.

1. Оп. 1. Д. 20.
2. Оп. 1. Д. 23.
3. Оп. 1. Д. 24.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 467. Кантора от строений Его Императорского Величества домов и садов.

1. Оп. 4. Д. 52.

2. Оп. 4. Д. 53.

Ф. 1359. Именные указы и «высочайшие» повеления Сенату.

1. Оп. 1. Д. 22.
2. Оп. 1. Д. 23.

Опубликованные

1. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. – Том II. Часть II. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1967.
2. Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях / Ю.Н. Беспятых. – Л. : Наука, 1991. – 284 с.
3. Бумаги императора Петра I / Изд. академиком А. Бычковым. – СПб. : В тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1873. – 565 с.
4. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И.В. Курукина; коммент. К.А. Залесского, В.Е. Климанова, И.В. Курукина. – М. : Кучково поле; Ретроспектива, 2018. – 864 с.
5. Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Том шестой. – СПБ. : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1859. – С. 595–617.
6. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. – М. : Юрид. лит., 1997. – 880 с.
7. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов в 3 тт. / Сост. Н.А. Воскресенский. Том II: Акты об общественных классах; Том III: Акты о промышленности и торговли / Отв. ред. Е.В. Анисимов; предисл. и подгот. текста Д.О. Серов; археограф. предисл. А.А. Богданов. – М.: Древлехранилище, 2020. – 848 с.
8. Иванов П.И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-

Писаревым / П.И. Иванов // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – Т. 1. – Кн. 3. – Ч. 2. – С. 3–62.

9. Курбатов А.А. Пункты о Кабинет-коллегиуме / А.А. Курбатов // Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения рус. проектов и неизд. их тексты. – СПб. : тип. В. Киршбаума, 1897. – Приложения. – С. 47–57.
10. Новый памятник законов Империи Российской. Ч. 9. Отд. I. Р.–С. – СПб. : В типографии Правительствующаго Сената, 1828. – 709 с.
11. Материалы для истории русского флота: Часть II. – СПб. : Тип. Морского Министерства, 1865. – 735 с.
12. Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца // Русская старина. – 1879. – Т. 25. Июнь. – С. 263–290.
13. Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. – М. : Эксмо, 2013. – 544 с.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 2. (14 июня – декабрь 1713 г.). – СПб.: Наука, 2003. – 677 с.
15. Письма и выписки из писем с.-петербургского генерал-полицеймейстера Девиера к князю А.Д. Меншикову. 1719–1727 // Русский архив. – 1865. – № 7–12. – Стб. 1233–1276.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том IV. 1700–1712 гг. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 890 с.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V. 1713–1719 гг. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 784 с.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VI. 1720–1722 гг. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 817 с.
19. Походный журнал 1712 года. – СПб. : б.и., 1854. – 79 с.
20. Походный журнал 1720 года. – СПб. : б.и., 1855. – 51 с.

21. Походный журнал 1723 года. – СПб. : б.и., 1855. – 41 с.
22. Проекты барона фон Любераса (1710–1720-е гг.) / сост. и науч. ред. А. Мустафин. – М. : Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2020. – 286 с.
23. Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. – М. : АСТ: Астрель, 2012. – 703 с.
24. Сборник Русского исторического общества. Т. 3. – СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1868. – 566 с.
25. Сборник Русского исторического общества. Т. 15. – СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1875. – 666 с.
26. Сборник Русского исторического общества. Т. 61. – СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1888. – 632 с.
27. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым, с приложением рассуждения М.П. Погодина. – М. : Унив. тип., 1861. – 369 с.
28. Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой – М. : Российский Фонд Культуры, 2004. – 646 с.
29. Юность державы. – М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. – 514 с.
30. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1. / Я. Штелин. – М. : В типографии Решетникова, 1830. – 260 с.
31. Petersburg w roku 1720 według opisu Polaka // Przewodnik naukowy i literacki. Dodatek do Gazety Lwowskiej. – Lwów, 1877. – T. 5. – S. 520–532, 603–616.

Литература

1. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. Историческое исследование. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – 794 с.

2. Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра. Петербург в рус. обществ. сознании нач. XVIII в. / О.Г. Агеева. – СПб. : БЛИЦ, 1999. – 341 с.
3. Агеева О.Г. История домов У. Сенявина и А. Волкова на Васильевском острове (до их передачи Сухопутному Шляхетному корпусу) / О.Г. Агеева // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 47. Петровское время в лицах – 2009. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. – С. 5–17.
4. Агеева О.Г. Чиновники-полицейские Петербурга 1711- 1718 гг. (до создания полиции) / О.Г. Агеева // Петровское время в лицах – 2004. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. – С. 3–7.
5. Акиньшин А.Н., Литвинова Т.Н. Воронежская ветвь Девиеров / А.Н. Акиньшин, Т.Н. Литвинова // Генеалогический вестник. – 2001. – № 2. – С. 54–63.
6. Алексеев А.И. Архив А.В. Макарова – кабинет-секретаря Петра I в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки / А.И. Алексеев // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1712 гг.: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посв. 280-летию со дня заключения Ништадского мира. – СПб., 2001. – С. 5–7.
7. Андреева Е.А. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство / Е.А. Андреева // Петровское время в лицах – 2005. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – С. 15–31.
8. Андреева Е.А. А.Д. Меншиков «полудержавный властелин» или балансирующий на краю пропасти? / Е.А. Андреева // Меншиковские чтения: научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. – СПб. : XVIII век, 2011. – Вып. 2 (9). – С. 106–114.
9. Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта / Е.А. Андреева // Петровское время в лицах – 2003. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 10–14.

10. Анисимов Е.В. «Дерзость от чистого усердия»: Конон Зотов и Петр Великий / Е.В. Анисимов // Петр великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2019. – С. 120–144.
11. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Е.В. Анисимов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 331 с.
12. Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы / Е.В. Анисимов. – М. [и др.] : Питер, 2009. – 466 с.
13. Анисимов Е.В. Поучительные истории: Жан Батист Александр Леблон / Е.В. Анисимов // Неприкосновенный запас. – 1999. – № 3.
14. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740 / Е.В. Анисимов. – СПб. : Лениздат, 1994. – 496 с.
15. Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времён Петра Великого / Е.В. Анисимов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 366 с.
16. Анисимов Е.В., Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 1: История. – С. 49–62
17. Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 516 с.
18. Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I / К.И. Арсеньев. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1856. – 94 с.
19. Афанасьев С.И. Карл-Эвальд фон Ренне – первый Санкт-Петербургский комендант / С.И. Афанасьев // Петропавловская крепость: Страницы истории. – СПб., 2001.
20. Бабкова Г.О. «Ближайший конфидент»: неформальные связи в бюрократической среде в России XVIII в. / Г.О. Бабкова // Cahiers du Monde Russe. – 2019. – Vol. 60. – № 1. – P. 37–72.

21. Бабич М.В. Военно-организационная деятельность А.Д. Меншикова в материалах Российского государственного архива древних актов / М.В. Бабич // Меншиковские чтения – 2011. – СПб., 2011. – Вып. 8. – С. 21–33.
22. Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени / М.В. Бабич. – М. : РОССПЭН, 2003. – 477 с.
23. Бабич М.В. Комиссии как государственные учреждения петровской эпохи / М.В. Бабич // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. – М.–Новосибирск, 2000. – С. 182–201.
24. Базарова Т.А. «За кивиковою станицею лесами и болотами…»: Первый русский комендант Выборга Г.П. Чернышев и борьба с «кивиками» / Т.А. Базарова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. – СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. – С. 12–19.
25. Базарова Т.А. Бумаги вице-канцлера П.П. Шафирова в походной канцелярии А.Д. Меншикова: Археографическое введение / Т.А. Базарова // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3-х частях. – СПб., 2011. – С. 35–56.
26. Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование / Т.А. Базарова. – СПб. : Наука, 2003. – 309 с.
27. Базарова Т.А. Путешествие вице-канцлера П. П. Шафирова в Западную Европу (1716–1717) / Т.А. Базарова // Quaestio Rossica. – Т. 6. – 2018. – № 1. – С. 46–62.
28. Базарова Т.А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки / Т.А. Базарова. – СПб. : Гйоль, 2014. – 212 с.
29. Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (по материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова): новые подходы к изучению / Т.А. Базарова, М.Е. Проскурякова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. – 2020. –

Вып. 22 (1–2): По материалам 22 Международной научной конференции, 6–7 октября 2020 г. – СПб., 2020. – С. 168–177.

30. Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами / Д.Н. Бантыш-Каменский. – СПб. : Тип. третьего департамента министерства государственных имуществ, 1840. – 303 с.
31. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли / Д.Н. Бантыш-Каменский. – М. : Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1836. – Ч. 2. – 459 с.
32. Бахметевъ, Яков Хрисанфович // Военный энциклопедический лексикон. – СПб. : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1830. – Т. 2. – С. 197.
33. Бахметевъ, Яков Хрисанфович // Энциклопедический лексикон. – СПб. : В тип. А. Плюшара, 1836. – Т. 5: Бар – Бин. – С. 117.
34. Бахмиотов, Яков Хрисанфович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. – Том II. Алексинский – Бестужев-Рюмин. – СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1900. – С. 604–605.
35. Бердников Л.И. Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи / Л.И. Бердников. – М. : Издательство АСТ, 2018. – 384 с.
36. Беспятых Ю.Н. «…По писмам собственных наших рук…» / Ю.Н. Беспятых // Югра: Региональный журнал. – 2004. – №8. – С. 81–86; – №9. – С. 71–75.
37. Беспятых Ю.Н. А.Д. Меншиков был грамотен! / Ю.Н. Беспятых // Жизнь Югры. – 18 марта. №19 (9550). – С. 5.
38. Беспятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность / Ю.Н. Беспятых. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2005. – 232 с.
39. Беспятых Ю.Н. Как ваше слово отзовется?: О рецензии Н.И. Павленко (Наука и жизнь. 2005. №3. С. 69–75) на мою книгу «Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005» / Ю.Н.

Беспятых // Меншиковские чтения — 2006: Материалы чтений. – СПб., 2006. – С. 105–124.

40. Беспятых Ю.Н. Наводнения в Петербурге Петра I / Ю.Н. Беспятых. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2013. – 408 с.
41. Беспятых Ю.Н. О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I: (К полемике по поводу грамотности и происхождения А.Д. Меншикова) / Ю.Н. Беспятых // Петербургский исторический журнал. – 2015. – №2 (06). – С. 263–284.
42. Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом / М.М. Богословский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903. – Ч. CCCXXXXIX. – С. 45–144.
43. Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое Описание Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год / А.И. Богданов. – СПб. : Тип. Воен. коллегии, 1779. – 528 с.
44. Божерянов И.Н. С-Петербург в Петрово время / И.Н. Божерянов. – СПб. : Знаменская типография, Х. Краузе и М. Финикова, 1903. – 238 с.
45. Болотина Н.Ю. Граф К.Г. Разумовский и семейство Воронцовых / Н.Ю. Болотина // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. – М., 2004. – С. 114–124.
46. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / П. Бушкович. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 342 с.
47. Васильевич С. Титулованные роды Российской Империи / С. Васильевич. – Том I. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1910. – 305 с.
48. Веретенников В. История тайной канцелярии Петровского времени / В. Веретенников. – М. : Ломоносовъ, 2014. – 224 с.
49. Виноградов А.Г. Первый полицеймейстер. Антон Де Виер и создание полиции России / А.Г. Виноградов. – Екатеринбург : «Издательские решения», 2021. – 970 с.

50. Волков Ю.Г. Социология: учебник для студентов вузов / Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д : Феникс, 2014. – 667 с.
51. Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель: исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / под редакцией Д.О. Серова. – М. : Новое лит. обозрение, 2017. – 637 с.
52. Георгиевский Г.П. Мазепа и Меншиков / Г.П. Георгиевский // Исторический журнал. – 1940. – № 12. – С. 72–83.
53. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенныя по годам / И.И. Голиков. – М. : В типографии Николая Степанова, 1840. – Т. 13. – 778 с.
54. Голицыны // Военная энциклопедия. – Т. 8: Гимры – Двигатели судовые. – СПб. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С. 362–366.
55. Голомбиевский А.А. Сотрудники Петра Великого: граф П.И. Ягужинский, князь А.Д. Меншиков / А.А. Голомбиевский. – М. : Университетская тип. 1903. – 117 с.
56. Глаголева А.П. Повседневные записки князя Меншикова (к изучению материалов Меншиковского архива) / А.П. Глаголева // Проблемы источниковедения. Вып. 5. / ред. колл. А.Н. Насонов, А.А. Новосельский. – М., 1956. – С. 159–183.
57. Девиер Антон Мануилович // Руководители Санкт-Петербурга. – СПб., М. : Нева, Олма-Пресс, 2003. – С.164–166.
58. Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета / А.В. Демкин. – М. : Институт российской истории РАН, 2011. – 258 с.
59. Демкин А.В. Петровский Сенат и управление территориями Российского государства в 1711–1717 гг. / А.В. Демкин. – М. : [б. и.], 2017. – 311 с.
60. Демкин А.В. Русские деловые люди XVIII столетия / А.В. Демкин. – М. : Ломоносовъ, 2019. – 192 с.

61. Дивиеры // Русский биографический словарь. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – Т. 6. – С. 370–376.
62. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / М. Дин. – М. : Издательский дом «Дело» РГАНХиГС, 2016. – 592 с.
63. Долгова С.Р. Мой соавтор – Татьяна Лаптева / С.Р. Долгова // Окно в Европу: Сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяна Анатольевны Лаптевой (1955–2018). – М. : Древлехранилище, 2021. – С. 461–463.
64. Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: В 4-х ч. / П.В. Долгоруков. – СПб. : тип. К. Вингебера, 1855. – Ч. 2. – 327 с.
65. Длуголенский Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга – Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальники / Я.Н. Длуголенский. – СПб. : Журнал «Нева», 2001. – 416 с.
66. Ермакова О.К. Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания / О.К. Ермакова // Историческая русистика в XXI веке: материалы X Междунар. науч. конф. Будапештского центра русистики, 18–19 мая 2015 г. – Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. – С. 177–186.
67. Ермакова О.К. Теоретико-методологические подходы к изучению неформальных связей во Франции Старого порядка во французской историографии (середина XX — начало XXI вв.) / О.К. Ермакова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 4 (102). – [Электронный ресурс]. – URL: https://history.jes.su/s207987840014298-6-1/ (дата обращения: 25.06.2021).

68. Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова, по новооткрытым бумагам. Главы I–III / Г.В. Есипов // Русский архив. – 1875. – Кн. 7. – С. 247–261.
69. Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова. Сочинение Г.В. Есипова, по новооткрытым бумагам (Шведская война. 1706–1709 годы) / Г.В. Есипов // Русский архив. – 1875. – Кн. 9. – С. 49–76.
70. Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова. Сочинение Г.В. Есипова по новооткрытым бумагам (Шведская война 1709–1710 годы. Взятие Выборга. Суд над фельдмаршалом Гольцем) / Г.В. Есипов // Русский архив. – 1875. – Кн. 10. – С. 198–212.
71. Захаров А.В. Макаров Алексей Васильевич / А.В. Захаров // Большая российская энциклопедия. – Т. 18. – М. : Большая российская энциклопедия, 2011. – С. 505.
72. Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев / отв. ред. Б.В. Левшин, сост. Н.К. Ткачева. – М. : Наука, 1989. – 312 с.
73. Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы / Д.Д. Зелов. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.
74. Зицер Э. Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Э. Зицер. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 238 с.
75. Ибраева Ю.И. «Зело от сердца радуюсь, что при помощи Божьей дети наши учатца»: воспитание наследников в доме светлейшего князя А.Д. Меншикова (по материалам семейной переписки) / Ю.И. Ибраева // Сборник научно-исследовательских работ студентов – победителей Конкурса НИРС 2016 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (68 Мб). – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 80–89. – [Электронный ресурс]. – URL: http://nirs.hse.ru (дата обращения: 20.11.2021).

76. Ибраева Ю.И. Двора его высококняжеской светлости служители»: «домовое подданство» князя А.Д. Меншикова / Ю.И. Ибраева // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции, Москва, 21–22 ноября 2019 г. – М., 2019. – С. 194–198.
77. Ибраева Ю.И. Эпистолярный роман первой четверти XVIII века в многолетней переписке Александра Даниловича Меншикова с супругой / Ю.И. Ибраева // Международный журнал исследований культуры. 2018. – № 1. – С. 117–126.
78. Иванов И.М. Петр Великий: Его жизнь и государственная деятельность / И.М. Иванов. – СПб., 1898. – 95 с.
79. Иоанн Грозный. Петр Великий. Меншиков. Потемкин. Демидовы: Биогр. очерки / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Н.Ф. Болдырева; Авт. послесловий А.Ф. Арендарь, А. Северский. – Челябинск : Урал, 1994. – 461 с.
80. История полиции России в XVIII–XIX веках: хрестоматия. – Т. 1. – М. : Проспект, 2020. – 464 с.
81. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. – Том первый. – СПб. : Сенатская типография, 1911. – 736 с.
82. Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков — строитель России. Ч. 1: Александр Меншиков / Н.В. Клязина, Е.А. Клязин. – СПб. : Лики России, 2005. – 248 с.
83. Каратыгин П.П. Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. / П.П. Каратыгин. – СПб. : тип. А.С. Суворина, 1889. – 87 с.
84. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России / Е.П. Карнович. – СПб. : тип. К.Н. Плотникова, 1874. – 380 с.
85. Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великого. – Ч. 1–3. – М. : б.и., 1803. – 376 с.

86. Каштанов С.М. Частное письмо 1536/37 гг. / С.М. Каштанов // Лингвистическое источниковедение. – М., 1963. – С. 140–146.
87. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии / Б.Б. Кофенгауз. – Т. 1. – М., Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – 524 с.
88. Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761 / П. Кинан. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 320 с.
89. Киселев М.А. К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д.В. Волкова 1761–1763 гг.) / М.А. Киселев // История в эго-документах: Исследования и источники / глав. ред. Н.В. Суржикова. – Екатеринбург, 2014. – С. 162–183.
90. Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. / М.А. Киселев // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 3 (36). – С. 42–52.
91. Князьков С. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское общество при Петре Великом / С. Князьков. – СПб. : Типография Г. Шумахера и Б. Брукера, 1914. – 81 с.
92. Корнилович А.О. Нравы русских при Петре Великом / А.О. Корнилович. – М. : Тип. А.С. Суворина, 2016. – 89 с.
93. Кочегаров К.А. Мазепа и Меншиков: человеческие отношения и политическое сотрудничество / К.А. Кочегаров // Меншиковские чтения – 2015. – СПб., 2015. – Вып. 10. – С. 68–89.
94. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени / О.Е. Кошелева. – М. : ОГИ, 2004. – 486 с.
95. Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства / О.Е. Кошелева // Отечественные записки. – 2004. – № 2.
96. Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы

А.М. Девиера) / В.А. Кудрин, П.Д. Николаенко // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 13–22.

97. Кукушкина В.В. Топонимика Санкт-Петербурга XVIII в. по планам города: (из фондов отдела картографии Рос. нац. б-ки) / В.В. Кукушкина. – СПб. : Изд-во РНБ, 2002. – 291 с.

98. Курукин И.В. Артемий Волынский / И.В. Курукин. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 411 с.

99. Курукин И.В. Екатерина I / И.В. Курукин. – М. : Молодая гвардия, 2016. – 397 с.

100. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). 2-е изд., испр. / И.В. Курукин. – М. : Квадрига, 2019. – 380 с.

101. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.) / И.В. Курукин. – СПб. : Наука, 2019. – 757 с.

102. Кром М.М. Введение в историческую компаративистику / М.М. Кром. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 248 с.

103. Лавринович М.Б. Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. / М.Б. Лавринович // Российская история. – 2016. – №. 3. – С. 91–110.

104. Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. / Я.А. Лазарев // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – С. 408–432.

105. Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том первый. Полк

Стародубский / А. Лазаревский. – Киев : Тип. К.Н. Милевского, 1888. – 522 с.

106. Лелина Е.И. Первый комендант Санкт-Петербурга: к вопросу об иконографии / Е.И. Лелина // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. – 2005. – С. 48–52.

107. Лиштенан Ф.-Д. Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи / пер. с фр. В.А. Бабинцева. – М. : РОССПЭН, 2021. – 567 с.

108. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Том первый / А.Б. Лобанов-Ростовский. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1895. – 476 с.

109. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века / С.П. Луппов. – М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1957. – 190 с.

110. Луппов С.П. Планы Петербурга первых лет существования города: По фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР / С.П. Луппов // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук. – М.; Л. : Издательство Академии наук, 1959. – Т. IV. – С. 324–332.

111. Лысцова А.С. Правящая элита и система патронажа в России XVIII в. англоязычной историографии / А.С. Лысцова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Выпуск 4 (78). – [Электронный ресурс]. – URL: https://history.jes.su/s207987840005886-3-1/ (дата обращения: 22.07.2019).

112. Мазур Л.Н. Методы исторического исследования / Л.Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.

113. Майкова Т.С. История создания «Гистории Свейской войны» / Т.С. Майкова // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / составитель Т.С. Майкова, под общей редакцией А.А. Преображенского. В 2-х выпусках. – Выпуск 1. – М. : Круг, 2004. – С. 15–45.

114. Макаров (Алексей Васильевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – 1896. – Т. 18. – С. 401.

115. Мельнов А.В. Русская армия в Карелии и Ингерманландии и проблема взаимоотношений с местным населением в 1700–1710 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / А.В. Мельнов; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2017. – 27 с.

116. Меншиков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XIX (1896): Мекенен – Мифу-Баня. – С. 102–104.

117. Меншиков, князь Александр Данилович // Военный энциклопедический лексикон. – Т. VIII. – СПб. : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1855. – С. 603–608.

118. Меншиковские чтения – 2005: сб. науч. ст. / отв. ред. П.А. Кротов. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2005. – 128 с.

119. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П.Н. Милюков. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 702 с.

120. Михайлова Н.В., Феднева Л.Н. А.М. Девиер и законотворчество в сфере полицейского права: общее управление и надзор за градостроительством / Н.В. Михайлова, Л.Н. Феднева // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 28–30.

121. Михайлова Н.В., Феднева Л.Н. А.М. Девиер у истоков (и законотворчество в сфере) полицейского права в России: обеспечение безопасности, охрана порядка и борьба с преступностью / Н.В. Михайлова, Л.Н. Феднева // Вестник экономической безопасности. – 2018. – №3. – С. 8–11.

122. Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний. (1708–1719 г.): историко-юридическое исследование / П.Н. Мрочек-Дроздовский. – М. : Тип. Московского ун-та, 1876. – 350 с.

123. Накишова М.Т. А.М. Девиер как первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга (историографический аспект) / М.Т. Накишова // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (8–9 октября 2019 г.). – М. : Институт российской истории РАН, 2019. – С. 34–40.

124. Накишова М.Т. К истории Почепского дела князя А.Д. Меншикова / М.Т. Накишова // Славяноведение. – 2021. – № 4. – С. 40–59.

125. Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников / В.П. Наумов. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 448 с.

126. Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений – застройка и застройщики / М.В. Николаева. – М. : Прогресс-Традиция, 2013. – 1000 с.

127. Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века / О.В. Новохатко. – М. : Памятники исторической мысли, 2018. – 664 с.

128. Очерки истории Ленинграда. Т. 1.: Период феодализма (1703–1861 гг.). – М.-Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 896 с.

129. Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? / Н.И. Павленко // Жизнь Югры. – 2005. – 8 февраля. – №9 (9540). – С. 5.

130. Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? / Н.И. Павленко // Наука и жизнь. – 2005. – №3. – С. 69–75.

131. Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. 3-е изд. / Н.И. Павленко. – М. : Молодая гвардия, 2016. – 399 с.

132. Павленко Н.И. Петр I / Н.И. Павленко. – М. : Молодая гвардия, 2000. – 428 с.

133. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова / Н.И. Павленко. – М. : Мысль, 1985. – 332 с.

134. Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения рус. проектов и неизд.

их тексты / Н.П. Павлов-Сильванский. – СПб. : тип. В. Киршбаума, 1897. – 86 с.

135. Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 568 с.

136. Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия / под ред. Е.А. Кочанова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016. – 415 с.

137. Пекарский П.Н. Петербургская старина / П.Н. Пекарский // Современник. – СПб. : б.и., 1860. – С. 311–338.

138. Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. Часть 1. – СПб. : Наука, 2003. – 790 с.

139. Петров П.Н. История родов русского дворянства / сост. почет. вольн. общник Акад. художеств и д. чл. Рус. археол. о-ва П.Н. Петров. – Т. 1. – СПб. : Книгоиздание Г. Гоппе, 1885. – 415 с.

140. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города / П.Н. Петров. – СПб. : Типография Глазунова, 1884. – 1110 с.

141. Петров П.Н. Петр Великий: Очерк жизни первого императора всероссийском / П.Н. Петров. – СПб. : Комис. для устройства празднования в С.-Петербурге 200-летия со дня рождения имп. Петра Великого, 1872. – 40 с.

142. Петровский С.О. Сенате в царствование Петра Великого / С.О. Петровский. – СПб. : Университетская типография, 1875. – 360 с.

143. Петровское время в лицах: краткое содержание докладов научной конференции чтений памяти А.Д. Меншикова / редкол.: Г.В. Вилинбахов [и др.]. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2003. – 111 с.

144. Писаренко К.А. Елизавета Петровна / К.А. Писаренко. – М. : Молодая гвардия, 2014. – 462 с.

145. Полонский Д.Г. «Меня здесь приемлют якобы сына Вашего»: письма П.И. Ягужинского А.Д. Меншикову как источник истории

отношений политиков Петровской эпохи: (Исследование и публикация) / Д.Г. Полонский // Вестник РГГУ. – 2012. – № 21 (101). – С. 221–232.

146. Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи / Д.Г. Полонский // Меншиковские чтения – 2011: научный альманах. – СПб. : XVIII век, 2011. – Вып. 2 (9). – С. 75–93.

147. Поляков И.А. К вопросу о происхождении кабинет-секретаря Петра Великого Алексея Васильевича Макарова (1674–1740) / И.А. Поляков // Исторический курьер. – 2021. – № 5 (19). – С. 9–19. – [Электронный ресурс]. – URL: http:// istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-01.pdf (дата обращения: 21.12.2021).

148. Преображенский А.А. Выдающийся исторический памятник эпохи Петра Великого / А.А. Преображенский // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / составитель Т.С. Майкова, под общей редакцией А.А. Преображенского. В 2-х выпусках. – Выпуск 1. – М. : Круг, 2004. – С. 9–14.

149. Прозоровская Б.Д. Меншиков / Б.Д. Прозоровская // Иоанн Грозный. Петр Великий. Меншиков. Потемкин. Демидовы: Биогр. очерки. – М. : Молодая гвардия, 2019. – С. 201–291.

150. Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века / М.Е. Проскурякова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. – 179 с.

151. Проскурякова М.Е. Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / М.Е. Проскурякова; [Место защиты: С.-Петерб. ин-т истории РАН]. – СПб., 2009. – 30 с.

152. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме / М. Раев //Американская русистика.

Императорский период. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2000. – С. 48–79.

153. Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого / Д.А. Редин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. – Т. 22. – № 4 (202). – С. 139–160.

154. Редин Д.А. Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления / Д.А. Редин // Новое прошлое. – 2019. – №3. – С. 116–127.

155. Редин Д.А. Сон фараона, или крах Кирилла Нарышкина, четвертого московского губернатора / Д.А. Редин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 8: История. – С. 57–78.

156. Редин Д.А. Частная и личная переписка в исследованиях административной истории Петровского царствования / Д.А. Редин // Актуальные проблемы источниковедения. Мат-лы VI междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 23–24 апреля 2021 г. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. – С. 201–204.

157. Редин Д.А., Серов Д.О. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П.П. Шафирова князю А.Д. Меншикову (1716–1717) / Д.А. Редин // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 471–502.

158. Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти / Л.П. Репина // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. – Казань : Изд-во КГУ, 2001. – С. 344–360.

159. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» / Л.П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня. – М., 2010. – С. 55–76.

160. Рогожин А.А. А.Д. Меншиков и его «креатуры»: патронаж в служебной карьере генералитета русской армии начала XVIII в. / А.А, Рогожин // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые

чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. – М., 2017. – С. 637–643.

161. Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 511 с.

162. Ругль У.П. Антониу Мануэл де Виэйра при российском дворе XVIII столетия / У.П. Ругль. – М. : Голос Пресс, 2003. – 105 с.

163. Русские избранники и случайные люди. Составил Георг фон-Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II, 1787–1796 // Русская старина. – 1886. – Т. 50. – С. 1–180.

164. С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703–1903. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 590 с.

165. Савельева Е.А. К вопросу о взаимоотношениях петровских военачальников А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса / Е.А. Савельева // Меншиковские чтения – 2008. – СПб., 2008. – Вып. 6. – С. 74–86.

166. Самойлова Н. Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII – начала XVIII вв.: (К вопросу о формировании устойчивых словосочетаний): автореферат дис. … канд. филолог. наук. (660) / Н.Г. Самойлова; [Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской]. – М.: [б. и.], 1969. – 17 с.

167. Семенова Л.Н. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. / Л.Н. Семенова // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). – Труды ЛОИИ. – Вып. 8. – Л., 1967. – С. 127–167.

168. Серов Д.О. Администрация Петра I / Д.О. Серов. – М. : ОГИ, 2007. – 286 с.

169. Серов Д.О. Круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова / Д.О. Серов // Администрация Петра I. 2-е изд. – М. : ОГИ, 2008. – С. 174–216.

170. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография / Д.О. Серов. – М. : Зерцало-М, 2009. – 488 с.

171. Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого / Д.О. Серов, А.В. Федоров. – М. : Молодая гвардия, 2018. – 348 с.

172. Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. / М.И. Сизиков // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. – Свердловск, 1975. – С. 5–39.

173. Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I / М.И. Сизиков // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 88–96.

174. Синодальский Н.А. И смех, и слезы, и любовь…Евреи и Петербург: триста лет общей истории / Н.А. Синодальский. – М., СПб. : Центрполиграф, Русская тройка, 2014. – 318 с.

175. Славнитский Н.Р. Борьба за крепости и складывание системы обороны на северо-западе России в царствование Петра I / Н.Р. Славнитский. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 278 с.

176. Славнитский Н.Р. Военное управление в городах Российской империи XVIII – первой половине XIX вв. и его особенности в Санкт-Петербурге / Н.Р. Славнитский // Защитники Отечества. – Архангельск, 2008. – Вып. 11. – С. 123–138.

177. Славнитский Н.Р. Роман Вилимович Брюс – первый обер-комендант Санкт-Петербурга / Н.Р. Славнитский // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции (12–14 мая 2004 г.). – СПб., 2004. – Ч. II. – С. 77–80.

178. Славнитский Н.Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны / Н.Р. Славнитский // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 2. – С. 50–59.

179. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI–XX / С.М. Соловьев. – СПб. : Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. – 840 с.

180. Социальная сеть // Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ. И.Г. Ясавеева, под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. – С. 516–517.

181. Социальная сеть // Социологическая энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – URL: https://rus-social-enc.slovaronline.com/991-%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B5%D1%82%D1%8C (дата обращения: 20.11.2021).

182. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии / С.М. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – 393 с.

183. Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII века (по архиву князя А.Д. Меншикова) / С.М. Троицкий // Россия в период реформ Петра I. – М. : Наука, 1973. – С. 215–248.

184. Успенский В.С. Государев двор во второй половине XVI в. как социальная сеть: предложение метода / В.С. Успенский // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: материалы Международного научного семинара. – СПб. : Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2013. – С. 27–34.

185. Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая / А.Ф. Филиппов // Отечественные записки. – 2012. – № 2(47). – С. 328–340.

186. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2011. – 544 с.

187. Хоскинг Дж. Доверие: история / Дж. Хоскинг. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 294 с.

188. Хоскинг Дж. Система патроната и Российское государство / Дж. Хоскинг // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. – М., 2000. – С. 413–435.

189. Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность / В.В. Черных // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел. – 2017. – № 2 (81). – С. 161–171.

190. Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников / С. Шаттенберг // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 4 (42). – С. 29–35.

191. Шереметевский В.В. Дела следственной о кабинете-секретаре Петра I А.В. Макарова комиссии (1732–1734) / В.В. Шереметевский // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве Министерства юстиции. – М., 1889. – Т. 6. – С. 37–42.

192. Штомпка П. Доверие – основа общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2016. – 440 с.

193. Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. Пятое издание исправленное и дополненное / С.Н. Шубинский. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1908. – 733 с.

194. Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер / С.Н. Шубинский // Исторический вестник. – 1892. – Т. 48. – № 5. – С. 427–448.

195. Ювеналий (Воейков И.Г.). Краткое историческое родословие благородных дворян Макаровых во удовольствие лейбгвардии конного полку корнета Алексея Петровича / И.Г. Воейков. – М. : Сенат. тип., 1795. – 5 с.

196. Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии / И.Н. Юркин. – М.; Тула : Рарус, 1998. – 325 с.

197. Юркин И.Н. Первые Девиеры: генеалогические заметки и дополнения / И.Н. Юркин // Известия Русского генеалогического общества. – Вып. 10. – СПб., 1999. – С. 13–17.

198. Abercrombie N., Hill St. Paternalism and Patronage / N. Abercrombie, St. Hill // The British Journal of Sociology. – Vol. 27. – No. 4 (Dec., 1976). – P. 413–429.

199. Bazylow L. Polacy w Petersburgu / L. Bazylow. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – 473 p.

200. Beik W.H. Governing Languedoc: The Practical Functioning of Absolutism in French Province, 1633–1685. Ph. D. Diss. / W.H. Beik. – Harvard University, 1995.

201. Beik W.H. Magistrates and popular uprisings in France before the Fronde: The Case of Toulouse / W.H. Beik // Journal of Modern History. – 46 (December 1974). – P. 585–608.

202. Beik W.H. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration / W.H. Beik // Past & Present. – Vol. 188. – Iss. 1, 1 August 2005. – P. 195–224

203. Bushkovitch P. Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great / P. Bushkovitch // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. – Bd. 50. – Berlin, 1995. – P. 80–120.

204. Bushkovitch P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I / P. Bushkovitch // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. 31. – No. 1/4. – P. 135–158.

205. Bushkovitch P. Power and the Historian: The Case of Tsarevich Aleksei 1716–1718 and N.G. Ustrialov 1845–1859 / P. Bushkovitch // Proceeding of the American Philosophical Society. – Vol. 141. – No. 2 (Jun., 1997). – P. 177–212.

206. Cracraft J. The revolution of Peter the Great / J. Cracraft. – Cambridge (Mass.); L. : Harvard univ. press, 2003. – 192 p.

207. Dixon S. The Modernisation of Russia 1676–1825 / S. Dixon. – Cambridge; N.Y. : Cambridge University Press, 1999. – 267 p.

208. Gould R.V. Uses of Network Tools in Comparative Historical Research / R.V. Gould // Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. – Cambridge, 2003. – P. 242–243.

209. Herman A.L. The Language of Fidelity in Early Modern France / A.L. Herman // The Journal of Modern History. – Vol. 67. – No. 1 (Mar. 1995). – P. 1–24.

210. Hosking G. Patronage and the Russian State / G. Hosking // The Slavonic and East European Review. – 2000. – Vol. 78. – № 2. – P. 301–320.

211. Holt M.P. Patterns of Clientèle and Economic Opportunity at Court during the Wars of Religion: The Household of François, Duke of Anjou / M.P. Holt // French Historical Studies. – Vol. 13. – No. 3 (Spring, 1984). – P. 305–322.

212. Hughes L. Russia in the age of Peter the Great / L. Hughes. – New Haven, L. : Yale University Press, 1998. – 602 p.

213. Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге: [офиц. сайт]. – URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/ (дата обращения: 09.09.2021).

214. Jay O.L. Russia in the Era of Peter the Great / O.L. Jay. – Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1969. – 184 p.

215. Kettering Sh. Clientage during the French Wars of Religion / Sh. Kettering // The Sixteenth Century Journal. – Vol. 20. – No. 2 (Summer, 1989). – P. 221–239.

216. Kettering Sh. Patronage and Kinship in Early Modern France / Sh. Kettering // French Historical Studies. – Vol. 16. – No. 2 (Autumn, 1989). – P. 408–435.

217. Kettering Sh. Patronage in Early Modern France / Sh. Kettering // French Historical Studies. – Vol. 17. – No. 4 (Autumn, 1992). – P. 839–862.

218. Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France / Sh. Kettering. – N.Y., Oxford : Oxford university press, 1986. – 332 p.

219. Kocka J. Asymmetrical Historical Comparison: the Case of the German Sonderweg / J. Kocka // History and Theory. – 1999. – Vol. 38. – № 1. – P. 40–51.

220. Kocka J. Comparison and Beyond / J. Kocka // History and Theory. – 2003. – Vol. 42. – № 1. – P. 39–44.

221. Kosińska U. Sondaż czy prowokacja? Sprawa Lehmanna z 1721 r., czyli o rzekomych planach rozbiorowych Augusta II / U. Kosińska. – Warzsawa : Wydawnictwo neriton, 2009. – 110 p.

222. Kosińska U. Rokowania Augusta II ze Szwecją w latach 1719–1720 / U. Kosińska // Kwartalnik Historyczny. – 2004. Rocz. CXI. – № 3. – S. 23–44.

223. Kosińska U. Rosja wobec sejmu jesiennego 1720 r. / U. Kosińska // Kwartalnik Historyczny. – 2004. – Rocz. CXI. – № 1. – S. 46–48.

224. Kosińska U. Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728) / U. Kosińska // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: права, вайна, дыпламатыя / пад рэдакцыяй С.Ф. Сокала, А.М. Янушкевіча. – Мінск : БІП – Інстытут правазнаўства, 2012. – S. 349–366.

225. Knoke D., Kuklinski J.H. Network Analysis: Basic Concepts / Дю Knoke, J.H. Kuklinski // Markets, Hierarchies and Networks. The Coordination of Social Life. – L., 1991. – P. 173–182.

226. Lavrinovich M. От любви к разочарованию: выражение чувств как средство коммуникации между графом Н.П. Шереметевым и А.Ф. Малиновским (1800-е годы): From Love to Disappointment: The

Expression of Feelings as a Means of Communication between Count Nikolai Sheremetev and Aleksei Malinovskii in the First Decade of the Nineteenth Century / M. Lavrinovich // Avtobiografija. – Vol. 10. – P. 175–198.

227. Le Donn J.P. Absolutism and Ruling Class / J.P. Le Donn. – N.Y.; Oxford : Oxford university press 1991. – 376 p.

228. Le Donne J.P. The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? / J.P. Le Donn // Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1993. – Vol. 34 (1–2). – P. 139–147.

229. Lemarchand R., Legg K. Political Clientelism and Development / R. Lemarchand, K. Legg // Comparative Politics. – Vol. 4. – № 2 (1972). – P. 151–152.

230. Lewitter L.R. Peter the Great and Polish Dissenters / L.R. Lewitter // Slavonic and East European Review. – L., 1954. – Vol. 33. – P. 75–101.

231. Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime / D. Lieven. – New Haven; L. : Yale univ. press, 1989. – 407 p.

232. Luhmann N. Trust and Power / N. Luhmann. – N.Y. : Wiley, 1979. – 208 p.

233. Mączak A. Klientela: nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XVI–XVIII w. / A. Mączak. – Warszawa : Semper, 1994. – 357 s.

234. Madariaga I. The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / I. Madariaga // The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. – L., 1995. – Vol. II. – P. 223–273.

235. Major J.R. The Crown and the Aristocracy in Renaissance France / J.R. Major // American Historical Review. – № 69 (1964). – P. 631–645.

236. Major J.R. Representative Government in Early Modern France / J.R. Major. – New Haven : Yale University Press, 1980. – 731 p.

237. Major J.R. Representative Institutions in Renaissance France, 1421–1559 / J.R. Major. – Madison : The University of Wisconsin press, 1960. – 182 p.

238. Martin R.E. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia / R.E. Martin. – DeKalb, III : Northern Illinois University Press, 2012. – 380 p.

239. Meehan-Waters B. Autocracy&Aristocracy. The Russian Service Elite of 1730 / B. Meehan-Waters. – New Brunswick; N.J. : Rutgers University Press, 1982. – 274 p.

240. Mettam R. Power and Faction in Louis XIV's France / R. Mettam. – Oxford, N.Y. : B. Blackwell, 1988. – 343 p.

241. Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand / J. Milhazes. – Aix-en-Provence : Le Poisson Volant, 2013. – 109 p.

242. Mitchison R. Lordship to patronage: Scotland, 1603–1745 / R. Mitchison. – L. etc.: Arnold, 1983. – 198 p.

243. Moulton J.R. Peter the Great and the Russian Military Campaigns during the Final Years of the Great Northern War, 1719–1721 / J.R. Moulton. – Lanham (Md.): University Press of America, 2005. – 262 p.

244. Mousnier R. La vénalité des Offices sous Henri IV et Louis XIII / R. Mousnier. – Genève : Mégariotis Reprints, 1979. – 724 p.

245. Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. T. 1. Société et état / R. Mousnier. – P. : Presses universitaires de France, 1974. – 243 p.

246. Parrott D. Richelieu's Army / D. Parrott // Interdisciplinary Hist. – XXXIII (2003). – P. 629–631.

247. Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie: [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990] / Ch. Giry-Deloison, R. Mettam, éd. – Villeneuve-d'Ascq : Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III; Londres : Institut français du Royaume Uni, 1995. – 270 p.

248. Patronage pedigree and power in later medieval England / ed. by Ch. Ross. – Gloucester, Totowa (N.J.) : Rowman & Littlefield, Sutton, 1979. – 225 p.

249. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society / S.N. Eisenstadt and L. Roniger. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 178 p.

250. Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition / ed. by H. Kitschelt and St.I. Wilkinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 387 p.

251. Political clientelism, patronage and development / ed. by S.N. Eisenstadt and R. Lemarchand. – Beverly Hills, L. : SAGE, 1981. – 332 p.

252. Potter M. Corps and Clienteles: Public Finance and Political Change in France, 1688–1715 / M. Potter. – L. : Routledge, 2003. – 228 p.

253. Prochaska A. Poselstwo polskie w Petersburgu (1720 r.) / A. Prochaska // "Charitas". Ksiega zbiorowa wydana na rzecz r[zymsko] k [atolickiego] Towarzystwa Dobroczynnosci przy kosciele Swietej Katarzyny w Petersburgu. – SPb., 1894. – S. 368–399.

254. Raev M. Political Institutions and Ideas in Imperial Russia / M. Raev. – Boulder, Colo. : Westview Press, 1994. – 389 p.

255. Ransel D. Bureaucracy and Patronage: The View from an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer / D. Ransel // The Rich, the Well Born, and the Powerful. Elites and Upper Classes in History. – Urbana; Chicago; L., 1973. – P. 154–178.

256. Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party / D. Ransel. – New Haven; L. : Yale University Press, 1975. – 327 p.

257. Rougle W. António Manuel de Vieira na Corte Russa no Século XVIII / W. Rougle. – Lisboa : Ministério da Educação, 1983. – 119 p.

258. Schalk E. Clientage, Elites, and Absolutism in Seventeenth-Century France / E. Schalk // French Historical Studies. – Vol. 14. – No. 3 (Spring, 1986). – P. 442–446.

259. Seligman A.B. The Problem of Trust / A.B. Seligman. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1997. – 240 p.

260. Social Structures: A Network Approach / ed. by B. Wellman and S.D. Berkowitz. – N.Y. : Cambridge University Press, 1988. – 513 p.

261. Swann J. Provincial Power and Absolute Monarchy: The Estates-General of Burgundy, 1661–1790 / J. Swann. – Cambridge : Cambridge university press, 2003. – 447 p.

262. Tocqueville and Beyond: Essays on the "Old Regime" in Honor of David D. Bien / R.M. Schwartz, R.A. Schneider. – Newark, N.J. : University of Delaware Press, 2003. – 300 p.

263. Turner J.H. Face To Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior / J.H. Turner. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 2002. – 271 p.

264. Wilk M. Polacy o Piotrze I / M. Wilk // Slavia Orientalis. – 1966. – Rocz. 15. – N. 3. – S. 365–375.

265. Walter W. Powell. Neither market nor hierarchy: network forms of organization / W. Walter // Markets, Hierarchies and Networks. The Coordination of Social Life. – L., 1991. – P. 265–276.

266. Wetherell C. Historical Social Network Analysis / C. Wetherell // International Review of Social History. – 1998. – N. 43 (Supplement 6). – P. 125–144.

267. Wasserman St., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications / St. Wasserman, K. Faust. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 825 p.

Приложения

№ 1

1722 г. июль[1]. Инструкция А.Д. Меншикова, выданная петербургскому коменданту Я.Х. Бахмеотову о строительстве постоялых дворов

(Л. 335) Инструкция полковнику и санкт-питербурхскому коменданту Бахмеотову чинить по нижеписанному:

1) Постоялые дворы по берегу Нева реки, где показано строить против чертежа, которой имеет капитан полковник, и у оных дворов зделать стены с передней и задней, також и с третей стороны, которая будет кот дворцу стесаные.

2) Для битя под то строение свай хопры требовать у брегадира и генерала-палицемейстера Дивиэра и у директора Синявина, о чем к нему писано.

3) На покупку ко оному строению лесу и всяких принадлежащих материалов принять вам у присланных из Ладоги от маэора Алябева денег 10000 рублей с роспискою, ис тех денег 5000 рублей отослать к строению невских слюзов к полковником черниговского к Гасениусу к невского Клянковскому и отдать им каждому по 2500 рублей и велеть из оных денег давать салдатам каждому человеку по 4 денги на день. Да за взятые от дьяка Федора Захарова денги толикое число, сколко вы издержали к вышеписанному строению, отослать к нему к дьяку Захарову немедленно, а осталные денги держать к вышеписанному постоялых дворов строению на необходимые нужды, записывая (л. 335об) в росход с расписками, а салдатом, которы будут у строения постоялых дворов на работе, такж де давать на день по 4 денги человеку ис тех 5000 рублей, которые вам велено на оную работу употребить.

[1] Не датировано. Датировка приводится на основании хронологических привязок близлежащих документов.

4) Оставшияся за роздачею на Василевском острову во француских линеях дворы, которые покажет архитектор Трезин, велено перевозить и годные употребить в вышепосланное постоялых дворов строение.

5) У того строения велено быть лефортовского полку баталиону да санкт питербурхского гварнизона баталиону ж, которой был на работе в команде деректора над строением Синявина в Стрелиной мызе.

6) Лес и всякие принадлежащие к тому строению припасы покупать самою настоящею ценою без передачи и подряжать на имя Его императорского величества указом повелевают.

7) (Л. 336) Коликое число на оное строение куплено или потрежено будет лесу и протчих принадлежащих материалов и почему ценою и сколко, когда того строения построено будет, о том репортовать мне чрез каждую почту обстоятелно.

8) В протчем во всем того строения исправлении поступать как доброму и верному афицеру надлежит.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 334об–336. Отпуск.

№ 2

1722 г. Декабря 24. Письмо М.М. Голицына к князю А.Д. Меншикову о деле майора Назимова

(Л. 196) Светлейший князь,

Милостивой государь

Сего декабря 21 дня господин полковник камендант Бахмеотов подал нам доношение, в котором обявляет о подписании новопостроенных постоялых домов купецких людей для наиму для караулу, чтоб дать им салдат чертырех человек, которых без указу вашей княжеской светлости отдать им не смел, и для известия к вашей княжеской светлости со оного ево доношения при сем прилагаю точную копию и прошу вашей светлости об указе.

Сего декабря 17 дня послал я в Государственную военную коллегию доношение и притом фергер криксрехт содержанной Зезевитова полку над маеором Назимовым, которой содержал яко презус господин полковник Орлов, в присланном для погребения церкви Сампсона Странноприимца хлопца ево, которое по осмотру тое церкви священников дохтура Чевастия с лекари и отсуда асесоров явилось битое и от побои ево маеорских умершее, в чем при фергере и он маеор Назимов признал себя винна и подписался. И по приговору презуса и асесаров приговорен написал в салдаты на три года, и тот криксрехт мы конфермовали, и в салдаты оной маеор написан в черниговской полк, и ему презуса и асесоров сентенция и наша конфермация обявлена. И при том обявлении он, Назимов, никакого нарекания никакого не имел и не обявил. А сего ж декабря 8 дня позван он был Назимов к оному презусу господину полковнику Орлову по делу городового (Л. 196об) баталиона каптенармуса Бегичева, по которому повелено исследовать по присланному указу из Государственной военной коллегии и вопрашиван, и подавал роспись санкт-питербурского гварнизону всех 4х полков на штап и обер афицеров, которые по тому делу касаютца и ему подозрителны, которая у него к тому суду не принята, ибо подавал не обо всех. И велено ему явитца и, о досталных написав, подать 10 числа. И он того числа не явился, чего ради посылан к нему капрал, дабы к тому суду шел. И он, Назимов, капралу ответствовал, что он их судом доволен и к суду не идет, ибо де судили ево неправо и за хлопца написали в салдаты. И послан был для взятья ево сержант с салдаты, чрез которых приведен и в увет не пошел и сказал, что он ими хотя де напред и подписался, что доволен, но ныне не доволен и суд их опровергает и ответствовать не будет и не токмо де за ними имеет подозрение, но и меня имеет же подозрителна, и говорил пред тем судом с криком, не респектуя по должности, чего ради отдан был под караул и караулному капралу обявил, что есть за ним его императорского величества дело, дабы обявил презусу и асесором. И по обявлении подано нам было от того суда доношение и послан он был от нас в Тайную канцелярию, и из оной паки прислан к нам с писмом

от генерала маеора и гвардии маеора Ушакова, в котором пишет, что оной в Тайной канцелярии роспрашиван и против первых двух важных пунктов к доказателству сказал, что ничего (Л. 197) не имеет. И послан от нас в Военную коллегию для содержания, и писали мы к секретарю Окункову, дабы ево, Назимова, егда будут требовать к суду, которой содержит по доношению ево Назимова на каменданта Бахмеотова презус господин генерал маеор Дупрей отсылать. И сего декабря 21 дня оной господин генерал маеор Дупрей подал нам писмо, что того числа он доноситель Назимов и полковник и камендант Бахмеотов призываны и камендант Бахмеотов подписался, яко презусом и асесоры доволен, а он Назимов подписался, что асесоры доволен, а презусом не доволен и ему подозрителен, понеже он и сам под судом, и подал де он в Военной коллегии не следовать, якобы за показанныя от меня к нему злобы. И оное поданное писмо от того суда и доношение ево на полковника и каменданта Бахмеотова с сим подателем послал в Москву в Государственную военную коллегию и прошу вашей княжеской светлости, чтоб повелено было от него Назимова оборонить, дабы другим впред того чинить было неповадно.

При сем прилагаю поданной от полковника и каменданта Бахмеотова чертеж, которой по указу вашей светлости повелено прислать, обыска удобное место близ Мытного двора для строения постоялых домов, а сколко на то строение надобно какого лесу, того ныне ведать невозможно, понеже каковы те хоромы (Л. 197об) здоровы, которые в те домы будут употреблятца, не известно.

Коликое число чрез прошедшую неделю после посланного репорту сего декабря от 16 при строении постоялых домов сработано, при сем прилагаю репорт.

В протчем остаюсь

Вашей княжеской светлости милостивого государя всегдашним слугою,

Князь Михала Голицын[1]

[1] Написано Голицыным собственноручно.

Декабря 24 дня 1722

SPBурх

На Л. 196 помета: №50

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 196–197 об. Подлинник.

№ 3

1723 г. Января 22. Письмо М.М. Голицына к князю А.Д. Меншикову

(Л. 242) Светлейший князь,

Милостивой государь

Два указа вашей светлости, а имянно отпущенные из Москвы первой от 11 сего генваря получил 16 дня, второй от 14 получил 19 дня, и доношу оных вашей светлости указов к каменданту Бахмеотову послал точныя копии и велел об отдаче постоялых дворов исполнять, как оныя указы ваши светлости повелевают. И оной полковник и камендант Бахмеотов подал мне доношение, яко состоялись у него на московской стороне два дома, на санкт-питербурском острову один дом [состоялись] с торгу за купцы Квасниковым и Седелниковым, с которого его доношения при сем прилагаю копию, и прошу вашей светлости о указе об оных, что повелите, понеже по указу вашему повелено отдать оные в наимы на один год, а оные откупают на два года.

Присем посылаю к вашей светлости, что при строении постоялых домов чрез прошедшую неделю зделано репорт. В прочем пребываю.

Вашей светлости милостиваго государя всегдашным слугаю,

Князь Михала Голицын[1]

Генваря в 22 день 1723

Санкт-Питербурх

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 242. Подлинник.

[1] Написано Голицыным собственноручно.

№ 4

1723 г. январь 28. Письмо А.М. Девиера к А.Д. Меншикову

(Л. 227) Светлейший князь,

Милостивой государь мой отец и патрон

Первее начинаю вашей светлости моему, премилостивому патрону благодарить за милостивое вашей светлости ко мне писание от 21го генваря ко мне писанное, которое я 26 числа исправно получил, притом вашу светлость, моего милостиваго патрона прошу и впредь оными милостиво нас посещать. Приложенное в комверте моем от вашей светлости их императорскому высочеству писмо я вручил, чрез которое уведомлять изволите, что их высочеству повелено быть в Москву и за сия уведомления вашу светлость приказали благодарить. (Л. 227об) Однако ж прежде сего вашей светлости писма их высочество о том имеют ведомость тому с неделю и безмерно о том радуютца и с такой великой радости с неделю, как никогда, не спят и курьера, за тем сюда посланного, непрестанно ожидают, и мое разсуждение вашей светлости лучшее, чтоб поскорее уже то учинить и их высочеству в Москву быть или отрешить, дабы от безсонницы такой трудности не имели. В протчем вашей светлости, моему милостивому патрону ко уведомлению достойного писать не обретаю, ибо за помощию создателя нашего (Л. 228) во всем здесь суть благополучно. И вседражайшее вашей светлости, моего милостиваго отца купно с светлейшею кнеинею и любезными вашей светлости детми и с Варварой Михайловной здравие предаю в сохранение и милость божию, отдаю з женою моею и з детми нижайший поклон.

Вашей светлости, моего милостиваго отца всегдашный слуга,

А. Девиеэр

Генваря 28 день 723 года[1]

[1] Другим почерком. Предположительно, написано Девиером собственноручно.

P.S. шурин вашей светлости Иван Михайлович обретается в добром здравии. И прилагаю реэпорт о прибывших сюда возах[1].

(Л. 229) Реэпорт

Коликое число по репортам з застав явилось в Санкт-Питербурхе в приезде из городов с хлебом и протчими припасы сего 723 году генваря з 20 по 26 число, сколко число явствует ниже сего:

К дому императорского величества и государыни императрицы 183;

К дому государыни царицы Прасковьи Федоровны 236;

Разных чинов людей к шляхетству с припасами 904;

Купецких людей с товары 2276;

Итого 3599.

А. Девиеэр[2]

РГАДА. Ф. 198. Оп.1. Д. 557. Л. 227–229. Подлинник.

№ 5

1722 г. июль 13. Письмо А.Д. Меншикова А.М. Девиеру об уничтожении староманерных судов

(Л. 123а) Благородный господин брегадир и генерал полицымейстер

В прошлом 719м году октября 15 дня по Его императорского величества указу велено для воски в Санкт-Питербурх извести уволить известным промышлеником несколко карбусов, заорля имянно з запискою, и сказать им указ, чтоб они, кроме извести, ничего иного не возили [а ежели кроме извести иное что в тех карбусах по везут и с тем кто поиман будет, и оное все взято будет в казну и сверх того на том, чье судно, допровить штраф 300 рублей, а ежели кто в другой ряд будет поиман, и у таких взято будет все их имение и домы безповоротно] и для того разарее, пока старые суды истратятца, велеть им, известным промышляником, для воски извести также делать суда нового

[1] Другим почерком.
[2] Написано Девиером собственноручно.

маниру, каким на Сясе, на Паше, на Свире и в Ладоге обрасцы зделаны. А ныне приходили ко мне известные промышленники и били челом, что карбусы с известью в Шлютелбурхе и в Санкт-Питербурхе и на Котлине острову в полатном и в каналном строения чинитца всеконечная остановка, того ради вашей милости предлагаем, изволте о пропуске карбусов с известью после вышереченного Его императорского величества указу ис полицемейстерской канцелярии публиковать, а в городы, в которые надлежит, х камендантом и воеводам и ко управителем послать Его императорского величества указы. В протчем пребываем.

Вашей милости доброжелателный,

Александр Меншиков[1]

Июля 13 дня 1722 году

На Л. 123аоб помета: Справитца и по справке ответствовать. Июля 14 день 722 году

РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24. Л. 123а–123аоб. Подлинник.

№ 6

1719 г. конец августа[2]. Письмо А.Д. Меншикова к Петру I о его следственном деле

(Л. 416) Всемилостивейший государь

По щету, которой изыскивал Василей Долгорукой в канцелярии Ижерской написано на меня несколко сот тысяч без всякого явного свидетелства, о чем было надлежало ответствовать президенту Анисиму Щукину, ибо он тою канцеляриею правил и в том я, хотя мне и ответствовать не подлежало, во всем ответствовал, а по исследованию ево князю Долгорукого тако ж и ныне в канцелярии Генерала-моэора князя Голицына и

[1] Написано Меншиковым собственноручно.

[2] Письмо не датировано. Датировка предположительна и определена на основе предшествующих писем.

по справкам с канцеляриями и с Кабинетом вашего величества с приходными и росходными книгами с меня снято 485537 рублев.

А затем с меня взято денгами пенкою и протчим материалы 615608 рублев, да я ж сверх сего на щот принял к заплате 67005 рублев.

И хотя я милостивою вашего величества резолюциею удоволствован, что ваше величество по своему отеческому ко мне всемилостивейшему призрению пожаловали с меня и подписали своею рукою, дабы в трехсот дватцати четырех тысяч трех сот пятидесят четырех рублев штрафных и прибытных с подрядного правианту половину на мне не брать, а имянно 162177 рублев. Однако ж всемилостивейшии мои государь и отец я есмь смертен, к тому ж и при жизни моей всегда меня, что я еще не от всех тех дел свободен, зело снедает, того ради всенижайше ваше величество прошу, что я от всех канцелярей, где следуютца по моим делам был свободен и дабы никто ничем до меня не касались, а особливо для нынешняго моего отсюды отлучения и для того всепокорно прошу нижеобявленное размотреть и милостивое решение учинить, чтоб я был всегда в мысли своей спокоен. А имянно, что по канцелярии под полковника (Л. 416об) от гвардии князя Голицына напрасно на меня сверх того, а не освидетелствовано 285017 рублев.

В том числе написано на меня таких, которые употреблены на росход вашего величества, 124301 рублев.

В то число подано от меня к зачоту, которые из собственных моих денег и всяких разных припасов с 702 году употреблены на росходы вашего величества 226290 рублев.

Да забранных в бытность у меня Соловьевых, о чем у меня и в канцелярию маэора князя Юсупова по поданным моим и оных, что чего в домовой моей канцелярии сыскалось ведомостям обявлено 156996 рублев.

И тако сверх всего вышеписанного, что в помянутых канцеляриях обявлено на меня, имеет быть по моим домовым щотам в переходе 155565 рублев.

А понеже у Соловьевых все имение движимое и недвижимое как в Амстердаме, так и в других местех, где они имели, взято все на ваше величество и по указу вашему по поданным от меня щотам помянутой суммы еще ничего не изследовано.

Паки о всем вышеписанном ваше величество, яко всегда ваш верный раб, сим моего всемилостивейшаго государя и отца всенижайше прошу, чтоб я вашим милостивейшим разрешением был от всего свободен, а те денги, что мне взять надлежит по щотам, удержать в казне вашего величества и о том в те канцелярии дать мне свой милостивый указ, что я и мои домашние были спокоины, ибо во всех канцеляриях по следовании никакого моего вашей казне похищения не явилось и во всем сем моем (Л. 417) прошении, кроме бога и вашего величества инаго помошника не имею и уповаю, что как возврщен и воспитан и произведен, так и ныне отеческою вашею превысокою милостию во всем обявленном буду пожалован.

Вашего величества всенижайший раб,

Александр Меншиков[1]

РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Д. 41. Л. 416–417. Подлинник.

№ 7

1722 г. мая 14. Письмо А.Д. Меншикова к Петру I и копия с мировой записи с гетманом И.И. Скоропадским

(Л. 561) В 14 маиа

Всемилостивейший государь

Видя Вашего величества неизреченные труды, о своих нуждах просить не смел, а понеже необходимую имею нужду. Того ради при сем прилагаю о решении з гетманом дела прошение, и притом всенижайше Вашего императорского величества прошу, дабы по вашей превысокой ко мне милости

[1] Написано Меншиковым собственноручно.

повелено было по оному разсмотру и решение учинить в Правителствующем Сенате и о том всемилостивейший прислать указ, ибо окроме бога и Вашего величества, иного надеиния никакова не имею и остаюсь.

Вашего величества всенижайший раб,

Александр Меншиков[1]

Маия дня 1722 году

(Л. 562) Копия

1722 году марта 8 дня увидевшися я светлейшим князем генералом фелтмаршалом и ковалером его милостию господином Александром Даниловичем Меншиковым в присудствии действителного тайных дел советника и ковалера его сиятелства господина Петра Андреевича Толстого, имели мы словесной разговор стороны спору о почепском межевании, чрез дьяка Лосева с великой росийскими и малоросийскими камисарами чинено, чтоб нам для прекращения того спору высокоповеренных каких лиц просить о медиации и отдати оных во их медиаторское разсмотрение и розделку. И так постановяли мы согласным приговором межу по выписям с книг 146 году от начала межи Пушкина с товарыщи да Розделова болота, где уже оная Пушкина межа окончалась безспорно, которой и впред быть безспорно ж. А от Розделова болота около Почепа он же Лосев обще с великоросийскими ж и малоросийскими камисарами по отводу старожилов чинил межу, и за оную стался несть спор, то все с обоих сторон медиаторскому предати разсуждению, чтобы господа медиаторы по оному делу и по чертежу о спорных землях, изображенному обстоятелно, выразумевши праведным своим разсуждением оное, которые земли куда были во владении, разняли по Его императорского величества указом и миротворением окончали, и в том сими писмами со обоих сторон подтвердаемся, на чем и рукою моею подписуюсь.

Иван Скоропадский гетман.

[1] Написано Меншиковым собственноручно.

(Л. 563) По переписи капитана Михаила Палицына 1709 году явилось во владении за нижеписанными персонами.

За гетманом в прилуцком полку:

Изменника Горленка деревня Яблоновица 29 дворов;

Деревня Сергеевка 48 дворов;

Село Бело Шапки 25 дворов;

Деревня Верчюки 32 двора;

Итого 134 двора.

За гетманшиною сесторю родною за вдовою Павлихою:

В лубенском полку глинскоий сотни бывшаго судьи генералного Василья Чюкеевича село Андреяшево 95 дворов.

За черниговским полковником Полуботком:

В черниговском полку в менской сотни бывшаго генералного писаря Филипа Орлика село Домашлино 105 дворов.

(Л. 563об) За генералным писарем Савичем:

В нежинском полку в новомлинской сотни ево ж изменника Орлика село Головенка 117 дворов;

В стародубовском полку ево ж изменника Орлика село Кривцы 46 дворов;

Итого 163 двора.

За лубенским полковником Андреем Марковым:

Лубенского полку лохвицкой сотни бывшаго полковника Лубенского ж село Луки 137 дворов;

Всего 634 двора.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 561–563об. Подлинник и копия.

№ 8

1723 г. февраля 5. Пункты, присланные для ответа к князю Меншикову из Вышнего суда на Генеральном дворе

(Л. 2) Пункты на вопросы генералу фелтмаршалу господину князю Меншикову

1

В 709м году как по уневерсалу гетманскому и по жалованной Его императорского величества грамоте отдан вам Почеп, тогда вы генерал-маэору Шидловскому по гетманскому владенью межу разводить приказали. И по оному Шидловского розводу царедворец Кривцов межевал ли, и по той меже Почепом вы владели ль;

2

В 718м году в Посолской канцелярии для чего вы били челом, чтоб отмежевать Почеп по меже Пушкина с товарыщи, а не по уневерсалу гетманскому и не по жалованной грамоте. Ибо оной Почеп с приналежностми пожалован вам так, чем прежние и тогдашней гетман Скоропацкий владели. А межевщик (Л. 2об) Пушкин во 146м году межевал границы между государства росийского с Полшею. И разве в некоторых местех дашла от полского рубежа к вашему владенью, а не кругом, того ради оная Пушкина межа вам яко помещику нимало прилична;

3

Из Ыностранной колегии о межеванье Почепа инструкцию так же и посланную к гетману грамоту от дьяка Лосева к себе брали. И для чего брал;

4

Хотя гетман Скоропацкой чрез данной вам в 710м году универсал почепских казаков под протецию вашу и отдал, и чтоб оной уневерсал (Л. 3) жалованною грамотою утвердить, о том, хотя вы в Посолской канцелярии и били челом, однако ж по тому вашему челобитью указу не учинено, ибо по договорным гетмана Хмелницкого пунктам волность и права их казачьи жалованными грамотами утверждены. По котором не токмо кому в

подданство привлекать, но и в суды их вступатца невелено. И за таки постановленнием без жалованной грамоты для чего вы оных казаков в подданстве своем имели, и оброки на них положа брали и сколко собрали;

5

К межеванью тех почепских земель просили вы, имянно Логина Щербачова и дьяка Лосева, чего никогда нигде не водится, чтоб межевщиков (Л. 3об) по имянно просить, а надлежало было вам требовать, не предлагая имян их, кого указом определить. *До* и ис тех двух отправлен по вашему желанию толко один Лосев, а Щербачов отставлен, и то вы для чего чинили.

Алексей Макаров[1]

Февраля 5 дня 1723 году

На листах помета: секретарь Петр Ижорин.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 2–3об. Подлинник (?).

№ 9

1723 г. февраля 13. Челобитная[2] князя А.Д. Меншикова

(Л. 15) Всемилостивейший император и государь

Понеже по делу о почепском межевании приношу пред Вашим императорским величеством мою вину:

(1) во взятии от Лосева инструкции;

(2) что бил челом Вашему величеству о межевании по меже межевщика Пушкина 7146 году, а не против жалованной грамоты и уневерсала гетманского, и не по владению прежних гетманов и гетмана Скоропацкого, и

[1] Написано его рукой.

[2] В материалах судебно-следственного дела отложилось несколько вариантов челобитной, посланной князем к государю. Несмотря на незначительные отличия в формулировках, суть их сводилась к полному признанию Меншиковым всех обвинений и просьбам о милостивом решении. В качестве примера приведем последний вариант от 13 февраля 1723 г.

[не по меже Крифцова][1], что мне было отдано, [и оным Крифцовым отмежовано][2];

(3) письме к Лосеву, чтоб межевал так, дабы мне убытку не было [ибо всякого человека от природы есть тленность, и так своей ползы и во всем по тому делу][3] [и во всем по тому делу][4]. И во всем по тому делу никакова оправдания принесть не могу, ибо то я делал, [желая получить себе прибыль][5], [моею продерзостию слабым моим мнением и недоумением][6]. И для того всенижайше у Вашего величества слезно прошу милостивого помилования, [и милосердия][7] понеже кроме Бога и Вашего величества превысокой ко мне отеческой милости, иного никакова надеяния не имею и отдаю во всем в волю и милосердие Вашего величества.

Вашего императорского величества всенижаиший раб,

Александр Меншиков[8]

В Преображенску февраля 13 дня 1723 году

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 15. Подлинник.

№ 10

1723 г. апреля 10. Письмо А.В. Макарова к А.Д. Меншикова о Почепском деле (собственноручное)

(Л. 304) Светлейший князь,

Милостивой мой государь

Вашей светлости писание от 29го минувшаго марта из Москвы писанное я исправно получил, на которое сим моим покорно ответствую, Его

[1] Приписано сверху.
[2] Приписано снизу.
[3] Зачеркнуто.
[4] Приписано сверху.
[5] Приписано сверху.
[6] Зачеркнуто.
[7] Зачеркнуто.
[8] Написано Меншиковым собственноручно.

императорское величество и государыня императрица и их императорския дети государыни цесаревны и великой князь с сестрицею обретаются в добром здравии. Что ж приналежит о деле известном вашей светлости, о том, приехав (Л. 304об) сюда, старался, чтоб на оное до праздника святыя Пасхи резолюция учинена была, но понеже судьи Генералного двора еще сюды, кроме одного господина Дмитриева-Мамонова не бывали, а резолюции без них учинить не возможно, для того что взяты сюда одни их мнения, а приговор, хотя и готов, однако ж им наперед надобно опробовать и подписать, и для того те дела оставлены до Фоминой недели. Между тем времянем и о казаках почепских по присланной табели от вашей светлости старатся непримину.

(Л. 305)[1] Присланной от вашей светлости паж Василей Дурной, хотя было желал ехать с сими писмами, однако я ево дня на 3 или на 4 здесь удержал, а имянно с понеделника или со вторника Святой недели отпуститца. (Л. 306) Поздравляю вашей светлости, моему милостивому государю, купно со всею вашею высокою фамилиею приходящим торжественным праздником спасителнаго Христова Воскресения и желаю во всякой благополучии и радости оной препроводить и впредидущия лета многих таких торжеств достигнуть.

В протчем и остаюся вашей светлости, моего милостиваго государя покорнеиший слуга и раб,

Алексей Макаров

Из Санкт-Питербурха

Апреля в 10 день 1723 году

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 304–306. Подлинник.

[1] На маленьком листочке.